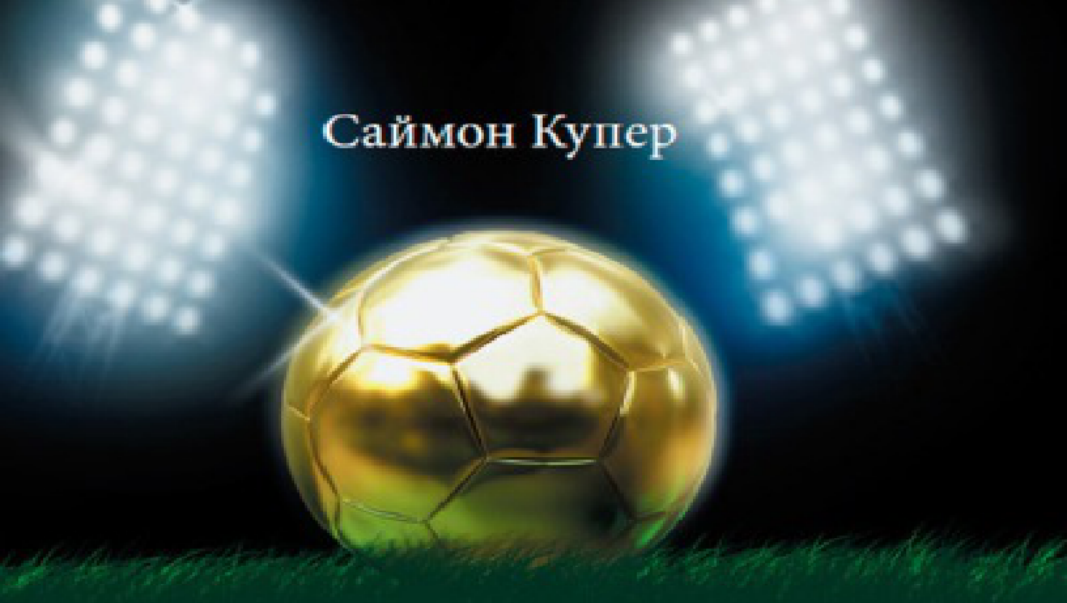
Саймон Купер

БОЛЬШАЯ ИГРА

звезды мирового футбола

АНФ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кто они - люди и мастера большой игры, те, кто владеет умами, сердцами и эмоциями миллионов болельщиков по всему миру?

В чем сила культовых спортсменов и тренеров? И каковы их слабости? Является ли врожденный талант гарантией успеха? Почему, беседуя с футболистом, нельзя познать суть игры? Насколько изменялся психотип спортсменов за последние десятилетия? Способен ли великий игрок стать великим наставником? Существуют ли технологические приемы, которые позволяют математически просчитать победу?

Автор, известный английский журналист и писатель, создает групповой портрет профессии, рассматривая историю великих триумфов и поражений мирового футбола сквозь призму личностной составляющей самого массового и популярного вида спорта…

- Саймон Купер
  - Обычные люди и мастера
  - Примечание к тексту
  - ЧАСТЬ I. ИГРОКИ
    - Берт Траутманн и Хельмут Клопфлейш
    - Йохан Кройф
    - Брюс Гроббелар
    - Эдгар Давидс
    - Ривалдо
    - Рууд Гуллит
    - Лотар Маттеус: читатель таблоидов
    - Яри Литманен
    - Хуан Себастьян Верон
    - Рууд ван Нистелрой
    - Михаэль Баллак
    - Рио Фердинанд
    - Роберто Карлос
    - Деннис Бергкамп
    - Кларенс Зеедорф
    - Фредди Аду
    - Зинедин Зидан
    - Джонни Реп и Бернд Хёльценбайн
    - Паоло Мальдини
    - Эдвин ван дер Сар
    - Майкл Эссьен

- Фабио Каннаваро
- Дирк Кёйт
- Ромарио
- Дженнаро Гаттузо
- Златан Ибрагимович
- Фернандо Торрес
- Флоран Малуда
- Майкл Оуэн
- Кака
- Сеск Фабрегас
- Николя Анелька
- Дидье Дрогба
- Франк Рибери
- Хави
- Йохан Кройф
- Андрес Иньеста
- Эрик Кантона
- Тьерри Анри
- Лионель Месси
- Дэвид Бекхэм
- Уэйн Руни
- Фрэнк Лэмпард
- Автобиографии Джейми Каррагера, Эшли Коула, Стивена Джеррарда, Фрэнка Лэмпарда и Уэйна Руни
  -
  - Стадия первая: детство
  - Стадия вторая: молодые профессионалы
  - Стадия третья: уход из родного клуба
  - Стадия четвертая: «звездность»
  - Стадия пятая: поражение сборной Англии

○ Часть II. ТРЕНЕРЫ
- Глен Ходдл и Тони Блэр
- Даниэль Пассарелла
- Арсен Венгер
- Гус Хиддинк
- Свен-Ёран Эрикссон
- Жозе Моуриньо
- Гленн Ходдл
- Диего Марадона
- Хосеп Гвардиола
- Жозе Моуриньо
- Арсен Венгер
- Фабио Капелло

        - Диего Марадона
        - Малкольм Эллисон
    - ЧАСТЬ III. ДРУГИЕ ЛЮДИ ФУТБОЛА
        - Энтони Мингелла
        - Жак Херцог
        - Франц Беккенбауэр
        - Майк Форд
        - Игнасио Паласиос-Хуэрта
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53

Саймон Купер
Большая игра. Звезды мирового футбола

Обычные люди и мастера

В книге «Человек футбола»[1], изданной в 1968 году, Артур Хопкрафт с восхищением отзывается о небывалой славе футболистов.

«Попробуйте, находясь рядом с футбольным стадионом, расположенном в Манчестере или любом другом городе Великобритании, произнести слово “Джорджи”, — пишет он. — Окружающие тут же поймут, что вы говорите о Бесте. Если скажете “Мэтт”, вспомнят Басби. “Денис” — значит Лоу, “Нобби” — это Стайлз. И так далее». Дело тут, по мнению автора, не в фанатизме футбольных болельщиков, но в том глубоком и длительном воздействии, которое оказывает личность выдающихся спортсменов на массовое сознание.

Хопкрафт начал писать о футболе в самом начале карьеры, когда работал в небольшой газете города Барнсли. «Это был единственный знакомый мне репортер, который носил галстук-бабочку, что для Барнсли 1950-х было определенно смелым поступком», — вспоминает шестнадцатилетнего Артура его коллега, журналист Майкл Паркинсон.

Позже Хопкрафт станет известным сценаристом. Его перу принадлежит сценарий знаменитого телесериала, снятого в 1979 году по роману Джона ле Карре «Шпион, выйди вон!» (Tinker, Tailor, Soldier, Spy). Но, прежде чем проститься со спортивной журналистикой, он издаст лучшие статьи в виде сборника «Человек футбола». Именно этот труд вдохновил меня на создание книги, которую вы держите в руках.

Сборник Хопкрафта — глубинное исследование английского футбола 1960-х. В очерках с говорящими названиями «Игрок», «Менеджер», «Директор», «Арбитр», «Болельщик» и других он повествует о встречах с Джорджем Бестом, Альфом Рэмзи, молодым Кеном Бэйтсом, который тогда занимал должность президента футбольного клуба «Олдхэм». К своим героям автор относится с необыкновенным пиететом. Но не как к полубогам. А как к людям и мастерам.

Возможно, современному читателю идеально отшлифованный стиль Хопкрафта покажется старомодным. Заверения, что футбол важен настолько, чтобы о нем писать, — ненужными. Тем не менее «Человек футбола» — прекрасная книга. Местами даже пророческая. Так, автор утверждает, что, вопреки распространенному мнению, европейская Суперлига никогда не будет существовать. И добавляет: «Более вероятно

следующее предположение: от Английской футбольной лиги отделится внутренняя Премьер-лига. Что позволит интегрировать футбол высшего класса, возможно, в дюжину крупнейших регионов страны». Разумная идея. И, как известно, она имеет приверженцев среди влиятельных деятелей футбола.

Я никогда не осмелюсь сравнить себя с Хопкрафтом, тем более что не ношу галстук-бабочку. Но влияние личности спортсменов на общественное сознание по-прежнему феноменально. Моя книга — это мой взгляд на современных деятелей футбола. Я также постарался понять, какие они. Не полубоги, но обычные люди и мастера своего дела.

Как и Хопкрафт, я начал писать о футболе — игроках, менеджерах, директорах, а иногда даже о болельщиках — в шестнадцать лет. В октябре 1986 года в журнале World Soccer был опубликован мой очерк о Рууде Гуллите. Гонорар составил около 30 фунтов, тогда для меня это были большие деньги. Кстати, многие главы моей книги посвящены голландским игрокам. И радуйтесь, что я вырос в Нидерландах, а не в Сан-Марино.

В 1994 году я стал штатным обозревателем газеты Financial Times. Также работал в Observer (как когда-то Хопкрафт!) и в The Times. Сотрудничал со множеством других журналов и газет разных стран: от Японии (где очень хорошие гонорары) до Аргентины (где гонорары похуже).

Мой коллега утверждает: только в общении с настоящим игроком можно понять суть футбола. Он переписывается с членами сборных, часто ссылается на их мнение: «Если поговорить с Францем Беккенбауэром, он скажет, что…»

У меня другая позиция. Я никогда не считал, что футболисты способны сказать нечто примечательное. Познать суть футбола можно в беседе с Арсеном Венгером. Конечно, если он захочет с вами разговаривать. Но я не думаю, что можно проникнуть в тонкости игры, общаясь с Уэйном Руни.

Сегодня, достигнув среднего возраста, стараюсь реже интервьюировать спортсменов — результат не стоит тех унижений. Иногда мне звонят из редакции какого-нибудь журнала: «Можно ли добиться встречи с Х?» Я отвечаю: «Можно!» При условии что вы готовы в течение нескольких недель отправлять факсы, которые загадочным образом никогда не доходят по назначению, звонить на мобильные телефоны раздраженным агентам, бродить рядом с тренировочными базами, оказывать мелкие услуги спонсорам. В итоге разговор состоится. Х, скорее всего, опоздает на несколько часов. Скажет: «Надеюсь, в субботу мы выиграем. Думаю, у нас получится». Сядет в машину и уедет.

Вспоминаю историю, рассказанную коллегой. Ему довелось работать переводчиком у футболиста-звезды, только что вступившего в ряды мадридского «Реала». По пути на пресс-конференцию, где новоявленный легионер выступал хедлайнером, мой знакомый поинтересовался, что тот планирует сказать журналистам. Спортсмен посмотрел с удивлением: «Наша задача — не сказать ничего».

Кстати, футболисты почти не употребляют словосочетание «без комментариев». Как однажды заметил Газза, такой ответ у СМИ вызовет подозрения. В публичных выступлениях игроки ограничиваются милыми пустяками. Недавно я смотрел интервью, данное одному из французских телеканалов Франком Рибери. И был впечатлен, насколько непринужденно игрок жонглирует ничего не значащими фразами: «Мы сыграли хорошо… Скоро следующая большая игра… Мы надеемся выиграть… Важно лишь то, как хорошо играет команда…» Идеальное шоу.

Но подобная бессмыслица устраивает многих журналистов. Большинство газет и телеканалов не заботятся о качестве содержания. Им гораздо важнее продемонстрировать близость к звезде. Или хотя бы создать ее иллюзию. Часто видимости доступа достаточно, чтобы продать материал. Кажется, мое интервью с Кака купили издания восьми стран.

Конечно, иногда удается застать спортсменов в минуты хорошего настроения, которое чаще всего наступает после завершения карьеры. Тогда интервью превращается в удовольствие. Я ощутил его, собирая материалы для статей, гуляя по Кейптауну с Брюсом Гроббеларом, по Роттердаму с Джонни Репом и Берндтом Хольценбайном. Или общаясь с Гленном Ходдлом в «Поло Баре» отеля, расположенного недалеко от Аскота.

Деятели футбола не любят отвечать на абстрактные вопросы об эмоциях вроде «Что вы чувствуете, когда…». Но если поинтересоваться конкретными моментами, местами или людьми, то остановить их бывает невозможно. Тогда даже действующие игроки, захваченные воспоминаниями, предстают в ином свете. Они трансформируются в людей, наполненных энергией, редко страдающих гипогликемией или похмельем, в высшей степени увлеченных своим делом. Николя Анелька и Ривалдо первоначально не испытывали радости при виде меня, но в итоге рассказали интересные вещи.

Для журналиста личные встречи ценны тем, что позволяют составить впечатление о спортсмене. Ощутить, если хотите, его ауру. Однажды на стадионе «Камп Ноу» состоялось мое

знакомство с Роналдиньо. После обмена любезностями оставалось около минуты, чтобы без предварительной подготовки задать несколько вопросов. Знаменитый нападающий не мог спокойно стоять на месте: подпрыгивал, почти танцевал, постоянно озираясь по сторонам. Может, отчаянно хотел отделаться от «британского проныры»? Но я рискну поставить психиатрический диагноз: синдром нарушения внимания.

Мы, сотрудники СМИ, часто обмениваемся впечатлениями об известных футболистах, с которыми довелось общаться. Но нас не интересует, как прошел разговор. Уверены: скорее всего, было скучно. Нынешние спортсмены все больше напоминают менеджеров корпораций — говорят то, что от них ожидают услышать. Наш первый вопрос друг другу: «Какой он?»

Так, не особо оригинального в суждениях Кака я добросовестно отрекомендовал как очень милого и обходительного. Мой немецкий друг с восхищением отозвался о Лионеле Месси, с которым беседовал в Барселоне: «Такой чудесный парень!» Кстати, знаменитый бомбардир не сказал ничего особенного, но изо всех сил старался угодить гостю.

Вопрос «Какой он?» мы задаем, желая узнать секрет успеха знаменитого человека. Мы хотим верить: великие футболисты стали таковыми не из-за того, что хорошо умеют бить по мячу. А потому что являются особенными людьми, носителями исключительных качеств, располагающих к исключительным достижениям. Мы пытаемся понять: какие уникальные черты характера роднят «торпеду» Марадону, «мыслителя» Зидана и «домашнего мальчика» Месси? Иначе говоря, мы хотим знать: являются ли суперзвезды футбола изначально выдающимися личностями?

Надеюсь, моя книга поможет составить групповой портрет профессии. Начнем с изучения жизненного пути игроков. В книге «Гении и аутсайдеры»[2] (Outliers: The Story of Success) американский писатель Малкольм Гладуэлл упоминает о «правиле тысячи часов». Оно гласит: чтобы достичь совершенства в избранном деле, требуется упражняться не меньше десяти тысяч часов.

Цитируя известного психолога, профессора Дэниэла Левитина, автор пишет: «В различных исследованиях, посвященных деятельности композиторов, баскетболистов, писателей, конькобежцев, концертирующих пианистов, шахматистов, искусных мошенников, указанная цифра возникает снова и снова. Не было случая, когда мастерство мирового уровня достигалось быстрее».

Вот почему в автобиографиях великих футболистов

обязательно присутствует одна и та же тема: играли в футбол с детства и даже спали с мячом. Это не штамп. Все они — от Марадоны до Месси — переступили порог высотой десять тысяч часов.

Столь длинный путь, несомненно, откладывает отпечаток на формирование личности. Не многие игроки обладают серьезными познаниями в других сферах жизни. С подросткового возраста, когда начинается восхождение к мировым аренам, их интересы концентрируются исключительно вокруг игры. Не случайно мой друг, сделавший сравнительно успешную карьеру спортсмена, повторяет: дело не в отсутствии ума у футболистов, а в их ограниченном кругозоре.

По мере того как спорт становится все более профессиональным, ситуация усугубляется. Например, за последние десятилетия изменился психотип суперзвезды. Так, совершенно исчезли с горизонта две ее разновидности: «лидер» и «рок-звезда».

Начиная с 1960-х годов, когда пресса стала уделять футболистам все больше внимания, и до 1990-х, когда ажиотаж вокруг игры подогрели деньги телеканалов, игра постепенно приобретала черты, более свойственные шоу-бизнесу. Как и рок-звезд, спортсменов преследовали поклонники и «группи». Как и рок-звезды, футболисты достигали пика карьеры еще до тридцати. Как и рок-звезды, говорили и делали что им вздумается. В том числе употребляли алкоголь и наркотики. Как ни странно, но до последнего десятилетия прошлого века клубы не имели инструментов воздействия на подопечных вне стадиона. Отсутствие сдерживающих факторов привело к появлению не только «рок-звезд-футболистов», но и тренеров. Таких как Бест, Марадона и Малкольм Эллисон.

Клубы смотрели на похождения игроков сквозь пальцы. А те, пользуясь возможностью оказаться на месте шоу-звезд, пускались во все тяжкие. Ведь по большому счету им нечего было терять, кроме себя. Немногим профессия приносила большие деньги. Лучшие были «молоды, популярны и богаты по меркам нижнего сегмента среднего класса, — писал Хопкрафт в одном из очерков. — Гонорары и условия ведущих футболистов совсем недавно были такими же, как у фабричных рабочих. Лишь по сравнению с ними Бест и его современники казались неумеренно и нескромно богатыми».

Другой тип суперзвезды, популярный в 1960–1980-х годах, — лидер. Таковым, несомненно, являлся Марадона, совмещавший качества вожака и, как говорилось выше, рок-звезды.

Но самыми яркими представителями данного клана были

Йохан Кройф и Франц Беккенбауэр. Оба родились после Второй мировой войны, в период западноевропейского беби-бума. И принадлежали к поколению, которое генерировало непривычные для мира растущего благосостояния ценности. Это его представители выходили на демонстрации против войны во Вьетнаме и возглавляли уличные революции в 1968 году. Неудивительно, что они стали захватывать власть и на футбольном поле.

Кройф и Беккенбауэр брали ответственность не только за свою игру, но и за командный результат. Они, «играющие тренеры», указывали и подсказывали товарищам, что делать. И, конечно, не оказывали почтения руководству, требуя большей доли прибыли. Первый, кстати, шокировал «Аякс», когда пришел на переговоры по поводу гонораров вместе со свекром.

Но в 1990-е футбол изменился. «Лидеры» и «рок-звезды были обречены. Клубы разбогатели, наладили организационную структуру и вернули власть над игроками. Зачастую тренеры (как пример — Алекс Фергюсон из «Манчестер Юнайтед») практиковали диктаторский стиль правления, требуя от подопечных избавиться от привычек рок-звезд. Даже Роналдиньо пришлось покинуть «Барселону», так как руководству надоели его бесконечные вечеринки. Особенно когда он стал приучать к ним совсем юного Месси.

На смену устаревшим типажам пришел «менеджер корпорации». Защитник «Ливерпуля» Джейми Каррагер в автобиографии «Карра»[3] прекрасно иллюстрирует «роботоподобный, безликий идеал для современных тренеров».

Почти все нынешние футболисты — ведомые. Хотя генеральный директор «Барселоны» Хоан Оливер и пытался убедить меня, что я не прав, приводя в качестве примера Месси. Но, как оказалось, в это понятие мы вкладываем разный смысл. Лео, по мнению управляющего клубом, «лидер XXI века». Мало говорит, но ведет за собой личным примером. Но вовсе не такие качества назвали бы «лидерскими» Кройф или Беккенбауэр.

Так что нынешние суперзвезды — Лэмпард, Кака, Месси — скорее мономаньяки, «менеджеры» и подхалимы. Конечно, они стремятся победить. Как члены спортивной корпорации, игроки относятся к работе серьезно. Среди них существуют настоящие фанатики, например Эдгар Давидс. Но не стоит думать, что все ведущие игроки одинаковы. Будевейн Зенден, коллега Давидса по знаменитой сборной Голландии 1998 года, сказал, что далеко не каждый из его товарищей был фанатиком. У членов команды была лишь одна общая черта — они прекрасно играли в футбол.

Так что все индивидуально. Например, любители футбола

знают, что Давидс — фанатик. Другие суперзвезды, наоборот, кажутся абсолютно индифферентными. Например, Уэйн Руни в автобиографии подчеркивает, что предпочитает «не напрягаться». Стивен Джеррард, еще один «лидер XXI века», ведущий за собой исключительно личным примером, признается: «В Руни мне нравится то, что, какой бы серьезной ни была игра, он не напрягается… Никакого разогрева, никакого волнения или беспокойства». Естественно! Если обладаете талантом Уэйна, то вам вряд ли понадобится характер Давидса.

Миф о «суперзвезде-фанатике», скорее, придуман для болельщиков. Он объясняет: каждый может повторить путь великих. И талант — не главное. Легенду замечательно иллюстрируют рекламные постеры с Тайгером Вудсом: «Мы знаем, что нужно, чтобы стать Тайгером». Подразумевается, что каждую секунду своей жизни известный спортсмен посвящает гольфу. И достиг высот исключительно благодаря преданности делу и фанатизму. Впоследствии оказалось, что почти все время Тайгер тратит, снимая девочек в барах. То есть он немного мономаньяк, «менеджер» и приобрел успех благодаря природному таланту, качественному обучению и правилу десяти тысяч часов. В данном случае, скорее, двадцати тысяч — знаменитый гольфист начал играть, едва научившись ходить. Да, Тайгер — блестящий спортсмен, но больше ничего особенного в нем нет.

Подозреваю, что история его становления актуальна для большинства суперзвезд футбола. «Богатые не похожи на нас», — как-то сказал Скотт Фитцджеральд Эрнесту Хемингуэю. «Да», — ответил тот. — У них больше денег». Великие футболисты также не похожи на нас — у них больше таланта. Пугающая правда заключается в том, что больше различий между нами нет.

Тем не менее о них стоит читать. Во-первых, это герои нашего времени, мы подражаем им, пытаемся их понять. Во-вторых, на формирование каждого отложило отпечаток его прошлое. Центральный полузащитник Хави играет не так, как центральный полузащитник Джеррард. Главным образом потому, что они родились и выросли в разных местах.

Как любой биограф, я попытался проследить происхождение футболистов. А вот в случае с Дэвидом Бекхэмом и Эриком Кантона меня больше интересовало восприятие их публикой.

Я встречаюсь со спортсменом или наблюдаю за его игрой, читаю отзывы о нем или собираю их в разговоре с другими людьми, но могу позволить себе делать любые выводы и писать то что хочу. Футболисты крайне редко меня читают. Хопкрафт упоминает о проблеме репортеров, вынужденных на протяжении года следить за одним клубом. Конечно, им легче получить

доступ к игрокам. Но они меньше других способны писать честно. «Уже лишь то, что журналисту требуется поддерживать социальные связи с игроками клуба и его руководством, означает, что он вряд ли позволит себе бескомпромиссную критику», — пишет Хопкрафт.

Я могу позволить себе «бескомпромиссную критику»! Я приезжаю, беру интервью, уезжаю навсегда, а потом публикую статью в Financial Times или каком-нибудь небольшом голландском журнале.

«По большей части меня интересуют люди, а не техника», — пишет Хопкрафт. Меня интересует техника. Что отличает Уэйна Руни или Рио Фердинанда от других британских спортсменов? Почему Фрэнк Лэмпард и Стивен Джеррард так хорошо играют за свои клубы и так плохо за сборную Англии?

Но почти во всех очерках я пытаюсь рассказывать о футболистах как об обычных людях. Как бы вы относились к Майклу Эссьену, Эдвину Ван дер Сару или Жозе Моуриньо, если бы они были вашими соседями или коллегами? В этой книге нет полубогов — только обычные люди. Успешные профессионалы, развивающие карьеру.

Хопкрафт умер в 2004 году в возрасте семидесяти одного года. Надеюсь, он остался бы доволен этой книгой.

Примечание к тексту

Почти все статьи были опубликованы в Financial Times, Observer, The Times, голландском журнале Hard Gras и других изданиях. Я благодарен за разрешение использовать материалы в данной книге. Я поправил некоторые неуклюжие фразы, исправил ошибки, но не пытался показаться более проницательным, чем в то время, когда работал над первоисточниками.

Несколько очерков, прежде всего посвященных английским игрокам, написаны специально для этой книги.

ЧАСТЬ I. ИГРОКИ

Берт Траутманн и Хельмут Клопфлейш

Сентябрь 1997 года

Пару дней назад Германия победила Великобританию в чемпионате Европы-96. Немецкая команда живет в 300 метрах от моего дома, в отеле «Лэндмарк». Я иду мимо паба «Олсоп Армз», бродяг в потрепанных бейсболках и шарфах с символикой английской сборной, сворачиваю на Марилебон-роуд и захожу в гостиницу. Здесь у меня назначена встреча.

Я познакомился с Хельмутом Клопфлейшем, когда жил в Германии. По профессии он электрик. Родился в Берлине в 1948 году. С раннего детства болел за местную «Герту». 13 августа 1961 года штаб-квартира любимой команды оказалась по другую сторону Берлинской стеной. Единственное, что оставалось подростку, — встречи по субботам с другими фанатами клуба. Стоя у заграждения, они старались уловить звуки, доносившиеся со стадиона, расположенного в нескольких сотнях метров, и пытались понять, что происходит на поле. Но скоро охранники положили конец и этому нехитрому развлечению.

Следующие двадцать восемь лет Клопфлейш следовал за западными футбольными командами по всей Восточной Европе. Так он попал в поле зрения «Штази» — Министерства государственной безопасности ГДР и неоднократно подвергался арестам. Например, в 1986 году его задержали за то, что он отправил телеграмму с пожеланиями успеха сборной Западной Германии перед чемпионатом мира в Мексике. А в 1989 году, за несколько месяцев до падения стены, выслали из ГДР. С тех пор он следует за немецкой сборной по всему миру. И даже стал ее неофициальным талисманом.

Нынешним вечером Клопфлейш сидит за столиком в холле отеля в компании трех человек: президента клуба «Вердер Бремен», бывшего президента мюнхенской «Баварии» Фрица Шерера, который, завидев меня, откланивается и уходит, и пожилого мужчины в клетчатых брюках — высокого и загорелого, с элегантно причесанными седыми волосами, в идеально выглаженной и застегнутой на все пуговицы рубашке. При первом взгляде на него понимаешь: он особенный.

Нас представляют друг другу, но мне не удается расслышать имени. Я думаю, что это — Фриц Вальтер, капитан сборной Германии, в 1954 году выигравшей чемпионат мира. Но через несколько минут понимаю: передо мной — Бернхард Траутманн,

голкипер «Манчестер Сити», который пятнадцать минут играл со сломанной шеей в финале кубка Англии в 1956 году. Легенда футбола.

Траутманн произносит слова, как подобает суперзвезде: медленно и тяжеловесно. Знает: его будут слушать, что бы ни сказал. Часто так себя ведут уверенные в собственной красоте женщины.

Разговор заходит о Нельсоне Манделе. Бывший голкипер покашливает. Все умолкают. «Я заказал книгу Манделы, — произносит Траутманн и церемонно берет несколько орешков из стоящей на столе вазы. — Моя личная библиотека состоит из почти двух тысяч томов, и я знаком с содержанием практически всех. Когда вернусь домой в Испанию, — он оглядывает нашу небольшую компанию, — прочту и эту книгу».

Отрывочная беседа продолжается пару часов. Тем не менее мне интересно. Прежде всего Траутманн — действительно легенда, его слова не могут быть скучны. Кроме того, за столом царит спокойная и умиротворяющая атмосфера, которая свойственна лагерям команд, у которых все хорошо. Президент «Вердера» и Траутманн периодически заказывают всем пива. Никто не оглядывается по сторонам в надежде найти что-то или кого-то более привлекательного (скажем, тренера Юргена Клинсмана). И каждый может высказаться.

Но Клопфлейш почти все время молчит. По общему мнению, которое, думаю, он тоже разделяет, простой электрик должен быть счастлив уже потому, что находится рядом с великими.

Когда Траутманн умолкает, президент «Вердера», пользуясь отсутствием Фрица Шерера, объясняет, почему в немецком лагере так спокойно. Игроки «Баварии» ведут себя хорошо, не то, что раньше. «Ули Хенесс, все высокомерие “Баварии” в одном лице», — говорит президент «Вердера».

«Пауль Брайтнер», — произносит Траутманн. И руководитель бременского клуба содрогается, как будто проглотил отраву.

«Игроки “Вердера” — серьезные ребята, — говорит он. — Даже посещают религиозные дебаты, теологические вечера. В “Баварии” такого быть не может. Обе команды представляют две стороны немецкого характера».

— Северную и южную? — спрашиваю я.

— Не совсем так. «Вердер» — это коллектив. Никаких звезд. Все трудятся ради общей цели, как в 1950-х.

— А «Бавария»?

— Это современная Германия. Слишком богатая, испорченная, вечно недовольная. Ее никто не любит. Но обычно она выигрывает.

У меня тут же возникает вопрос: «Почему немцы всегда побеждают»?

Траутманн вновь берет из вазы немного орешков. Клопфлейш и президент «Вердера» смотрят на меня вежливо, но не понимают, что я имею в виду. Разве всегда? Например, Германия не выиграла последний чемпионат мира. Нет, в стране далеко не все в порядке. Молодежь не хочет работать, и… Я сдаюсь.

Нравится ли им в Англии?

О да. Они все англофилы. Тут есть порядок, которого нет в Германии.

«Я вырос в Восточном Берлине, потом бежал на Запад, — говорит президент «Вердера». — Раскол Германии предопределил всю мою жизнь. То же касается герра Клопфлейша. И герр Траутманн стал легендой не только из-за футбола. Он дважды попадал в плен во время войны. Но в Англии за сто лет ничего не изменилось. Мне очень нравится этот старый мир. В Германии война его уничтожила».

За год жизни в Берлине я узнал: поздним вечером, когда на столе стоит пиво, а рядом находится иностранец, немцы беседуют о войне.

«Я простой человек, — говорит Траутманн и делает паузу. — И навсегда таким останусь. Но я читаю книги — французских, американских, английских писателей. Многие прекрасно знали о планах Гитлера. Почему никто его не остановил? Если бы Франция выгнала фюрера с Рейна в 1936 году…»

В одиннадцать вечера он отправляется спать. Президент «Вердера» уходит за ним, но сначала включает наше пиво в свой счет. Этот жест ничего не значит, платит немецкая футбольная федерация. Но тем не менее.

Мы с Клопфлейшем выпиваем по последней чашечке кофе. Он ворчит: «Всегда одно и то же с этими немецкими стариками. Если бы то… если бы это… то Гитлера никогда бы не было… И они могли бы спокойно спать по ночам».

Клопфлейшу горько. На судьбы всех троих повлияли планы фашистского диктатора, но разрушенной оказалась только его жизнь. В юности ему не разрешили поступить в университет. При экстрадиции из ГДР забрали все имущество. Он счастлив, что может поехать на чемпионат со сборной своей страны. Но теперь это значит не так много, как во времена стены.

Жалобы Клопфлейша начинают меня утомлять. Он не легенда. Траутманн ушел спать. Я тоже ухожу. «Удачи в воскресенье», — говорю я, как будто Германии она нужна.

Полуночные беседы с немцами уже не всегда обращаются к

войне, и победа сборной Германии в финале Евро-96 была ее последней большой победой.

В 2009 году я навещал Клопфлейша в берлинской больнице. Он с удовольствием говорил о футболе, но чаще обращался к своей боли. Герой холодной войны после падения стены надеялся, что справедливость восторжествует. Но ошибся. По одному из условий воссоединения Германии почти все восточнонемецкие коммунисты и шпионы избежали наказания.

Агент Штази, который когда-то следил за Клопфлейшем, получил в собственность его летний домик под Берлином. И Хельмут двадцать лет пытается вернуть свою «маленькую Калифорнию».

Кто-то в больничной палате спрашивает, не воспринимает ли он битву с ГДР как футбольный матч. «Тот длится девяносто минут, — вздыхает Клопфлейш. — А моя война продолжается вечно».

Я пишу эти строки осенью 2010 года. Берту Траутманну почти восемьдесят, и он все еще в хорошей форме.

Йохан Кройф

Январь 1999 года

Голландские журналисты любили дразнить молодого и наивного Йохана Кройфа, спрашивая о последней прочитанной книге.

В ответ он всегда называл забытый сегодня роман американского писателя Уилларда Мотли «Стучись в любую дверь» (Knock on Any Door). На язвительное «Но вы называли это произведение в прошлый раз!» парировал: «И снова перечитал. Это очень хорошая книга».

Так что представьте изумление общественности, когда именно Кройф стал в Голландии сенсацией. Причем не спортивной, хотя на прошлой неделе был назван Международной федерацией футбольной истории и статистики лучшим полевым игроком XX столетия. А литературной.

Книга «Нужно ударить, а то не забьешь, и другие изречения Йохана Кройфа» (You have to shoot, or you can't score, and other quotes from Johan Cruijff) увидела свет в октябре и была мгновенно распродана. В ноябре два дополнительных тиража также молниеносно исчезли с прилавков. Сейчас у касс половины книжных магазинов страны лежит четвертое издание.

Цитаты Кройфа объединил Хенк Дэвидс, на протяжении десятилетий коллекционирующий интервью футболиста.

Кройф всегда много говорил. Даже находясь на поле и ведя мяч в окружении трех противников, он, жестикулируя, выкрикивал указания товарищам по команде. Его жизнь напоминает непрерывный монолог обо всем на свете. Так, главы книги называются: «О гульденах, песетах и долларах», «О смоле и никотине», «Сборная Голландии: непростые отношения» и «О юности, отце Манусе, брате Хенни, жене Данни, детях и здоровье».

Причем, как пишет Нико Шипмейкер в книге «Кройф, Хендрик Йоханнес, 1947–1984, феномен»[4], «даже любая чепуха, сказанная им, была интересной».

Действительно, Кройф понимал футбол как никто другой. Но почему-то считал, что в совершенстве разбирается и во всем остальном. Он подсказывал чикагскому таксисту самую короткую дорогу. Советовал знаменитому игроку в гольф Иену Вуснаму отработать удар. Перед операцией по шунтированию сердца обсуждал с хирургом методику лечения. Когда стал отцом, лично

следил, правильно ли няни меняют детям пеленки.

Он не только говорил неожиданные вещи, он говорил их по-своему. Самоучка, оставивший школу в двенадцать лет, сам замечал нехватку слов, чтобы выразить свои мысли

Недавно в СМИ Нидерландов появилось несколько статей, посвященных голландскому Кройфа. Например, он часто использует слово «ты» в значении «я» («Хуже всего, что ты всегда видел все лучше всех»); устаревшие словечки из жаргона амстердамских рабочих; обожает случайные сравнения («справа их игра похожа на козий сыр»). Сам футболист не обращает внимания на речевые ошибки: «Если бы я мог делать все остальное так же хорошо, как говорю».

Его испанский еще хуже. Он то и дело произносит «claro» (в смысле «конечно») с амстердамским акцентом, пожимая при этом плечами. А когда требуется, как говорится, потянуть время, повторяет изобретенную им фразу «en el este momento» (что означает «сейчас»).

Лучше всего Кройф владеет английским, который выучил в детстве, общаясь с тренерами «Аякса» Кейтом Спурдженом и Виком Бекингемом. Тем не менее до сих пор делает странную ошибку. «Почему я должен ушел обратно, когда сейчас все, что они делают с футболом в Голландии, совершенно неправильно?» — однажды спросил он репортера Washington Post. Но, несмотря на лингвистические огрехи, его формулировки всегда великолепны.

Подобно многим великим философам, Кройф — мастер парадокса. Чего только стоят следующие высказывания:

«Случайность логична».

«Итальянцы не могут тебя побить, но ты можешь им проиграть».

«Перед тем как сделать ошибку, я не делал этой ошибки».

И в 1997 году, в канун юбилея: «На самом деле я прожил не пятьдесят, а лет сто».

Увы, Кройф чувствует себя стариком. Печаль, проскальзывающая во всех интервью, и побудила автора опубликовать книгу. Дэвидс чествует разум, которого больше нет. «Жернова времени сделали свое дело», — сказал Кройф в 1996 году, незадолго до увольнения с поста тренера «Барселоны».

Он больше не генерирует оригинальные мысли. Гуляет с внуками в зоопарке и комментирует матчи на голландском телевидении. А так как никогда не понимал принцип действия телевидения, то часто продолжает говорить после того, как выключат микрофон.

Книга Дэвидса — одна из попыток Голландии наконец-то

воздать Кройфу должное. Когда-то товарищи по «Аяксу» лишили его звания капитана команды, а болельщики, в свою очередь, награждали обидными прозвищами. Публика была в восторге, когда в 1979-м он потерял все деньги, ввязавшись в аферу с французско-российским мошенником по фамилии Базилевич. Но теперь десятки тысяч людей пришли в книжные магазины, чтобы, пусть и таким скромным образом, передать великому игроку свои «прости» и «до свидания».

Как сказал бы Кройф, «ты начинаешь видеть лишь тогда, когда уже поздно».

Брюс Гроббелар

Март 1999 года

«Чертов туман, да? — произносит Брюс Гроббелар, выскакивая из машины за мгновение до начала тренировки. — Не разглядишь и мячика на фарвее[5]». Действительно, обсерватория «Тэйбл Маунтин» окутана мглой. Почти не видно и острова Робен, расположенного через пролив от тренировочного поля.

Бывший вратарь «Ливерпуля» ныне живет в Кейптауне, где занимается командой «Сэвен Старз». Тренировка проходит примерно так. Гроббелар, задумчиво нахмурившись, крутит мяч на пальце, а игроки выполняют разминку. Затем отбивает подальше — и футболисты пасуют друг другу.

С центра поля Брюс одновременно бросает два мяча для двух команд, по пять игроков в каждой. Когда снаряд попадает в ворота, произносит «гол». Когда летит мимо — «Бум!». В завершении тренировки выбирает пятерых, которым в качестве наказания за какие-то неизвестные грехи придется бежать спринт и отжиматься.

«Вся команда должна бегать!» — возмущается кое-кто, но бывший капрал родезийской армии игнорирует протесты. «Ему еще нужно многому научиться, чтобы стать тренером», — говорит один из футболистов.

После тренировки мы с Гроббеларом едем в Кейптаун, который, по его мнению, наряду с Ванкувером, Пертом, Лондоном и Парижем является одним из шести лучших городов мира. «В шестом я еще не был», — добавляет он и демонстрирует фирменную усмешку, поднимая фирменные усы а-ля Зорро. Ему сорок один. «Пивной живот» едва намечается. И он — «тот самый Брюс Гроббелар», к которому то и дело подходят за автографом местные болельщики «Ливерпуля».

Наша поездка — настоящее приключение. Не снижая скорости на поворотах, Гроббелар уводит машину на десять сантиметров влево и мгновенно возвращает ее обратно, чтобы не повредить боковое зеркало. Он различает дорожные знаки почти со ста метров. Мы едем по набережной в темноте, он развлекается, считая проституток: «Если начнет подводить зрение, от меня останется не больше половины».

В португальском баре «Таверна Диас» мы заказываем рыбу и много вина. На большом телевизионном экране «Тоттенхэм» громит «Лидс». И когда Джордж Грэм, ошибаясь, радуется

неточному удару Дэвида Гинолы, Гроббелар разражается смехом: «Это будет классный блупер!»[6]

Бывший вратарь с удовольствием поселился бы с женой и дочерьми в Лимингтоне (Хэмпшир) и тренировал англичан. Однако ни один британский клуб не захотел взять его на работу из-за скандала, раздутого газетой Sun. Журналисты обвинили игрока в мздоимстве. Якобы тот брал взятки у соперников за «нужный» счет. В 1997 году последовал оправдательный приговор. На издание подали в суд. Но… «Мое имя запятнано», — вздыхает Гроббелар, с ударением на каждом слове, как истинный белый уроженец Южной Африки.

И без всякого перехода вспоминает начало той долгой истории. В ноябре 1994 года он собирался лететь в Зимбабве. В аэропорту Хитроу на него буквально накинулись журналисты Sun, заявив, что имеют в своем распоряжении видеозапись разговора Гроббелара и его бывшего делового партнера Криса Винсента. В ходе беседы первый признается, что брал взятки. «А я всего лишь, собираясь идти в полицию, рассказывал коллеге о замысле соперников», — вздыхает нынешний тренер.

Кстати, это был не первый удар, который ждал Гроббелара в тот злополучный день. Таблоид News of the World опубликовал историю о его сексуальных похождениях. Футболист потому и стремился в Зимбабве, к жене и детям, чтобы по возможности смягчить негативные последствия публикации. Но какой-то «доброхот» показал газету его супруге. И та отказалась общаться с мужем.

Так что представьте состояние игрока, которому в тот же вечер предстоял квалификационный матч чемпионата мира со сборной Заира.

Гроббелар еще не оправился после суда. Недавно ему приснилось, что он вновь находится в камере, ждет вердикта присяжных и на этот раз его признают виновным. Кстати, в реальности вместе с репутацией он потерял кучу денег, незадолго до скандала неудачно вложив средства в сафари-парк, созданный на пару с Винсентом.

Но его это не слишком беспокоит, главным образом потому, что не надеялся дожить до сорока. Во время гражданской войны в Родезии, объясняет он, «мы думали лишь о том, чтобы пережить день. Все остальное считали роскошью». Тогда Гроббелар воевал против черных повстанцев, создавших впоследствии государство Зимбабве. Неудивительно, что сейчас он самый популярный белый в этой стране.

«Представляешь, — говорит он, — даже сын моего слуги ушел в партизаны. Во время войны мы встретились у меня дома. Я

сказал: “Если увижу тебя в буше, убью”. Он ответил: “Да, но я тебя тоже”. — “Ладно, посмотрим, кто будет первым”. Больше я его не видел. Младший брат юноши рассказал, что он погиб».

На войне благодаря хорошему зрению Гроббелар был следопытом — определял, когда и где прошли повстанцы. Там же вдобавок к английскому и африкаанс он выучил некоторые диалекты Зимбабве: шона, ндебеле и ньянья.

Впоследствии, когда Гроббелара отвергли британские клубы, ему недолго пришлось поработать тренером национальной сборной этой маленькой африканской страны. И даже выйти на поле в матче против сборной Туниса. Однако карьера не задалась и тут — из-за падения курса национальной валюты ему не смогли предложить достойного вознаграждения. Кстати, чиновник Футбольной ассоциации Зимбабве как-то поинтересовался: «Он родился в Дурбане, вырос здесь, потом уехал в Канаду, провел четырнадцать лет в “Ливерпуле” — разве он местный?» На самом деле Гроббелар — местный во многих местах.

Мы вновь несемся по шоссе, обгоняя машины справа и слева. Гроббелар показывает на замок Доброй Надежды: «Здесь родился мой дед. Его отец был стрелком в британской армии. Во время Англо-бурской войны крепость принадлежала англичанам». Разрешение на работу в «Ливерпуле» Брюс получил исключительно благодаря месту рождения предка.

В июне «Сэвен Старз» прекратит существование, объединившись с другой командой — «Спурз». Из них сформируют «Аякс Кейптаун»; 51% акций отойдет амстердамскому «Аяксу». И Гроббелар хочет, чтобы его подопечные выиграли несколько матчей, что поможет клубу остаться в своем дивизионе. Затем команда перейдет на систему игры с тремя защитниками. Затем, планирует Гроббелар, он станет главным тренером кейптаунского «Аякса». А потом вернется в Европу. Его окончательная цель? Спортсмен не страдает лишней скромностью: «Хочу стать главным тренером “Ливерпуля”».

Он утверждает, что методы тренировки, которые я наблюдал утром, перенял у Боба Пайси, а тот, в свою очередь, у Билла Шенкли. Не то чтобы Гроббелара мучила ностальгия по «Ливерпулю». Он участвовал в трагических матчах на Эйзеле и Хиллсборо[7], и ему до сих пор снятся кошмары.

«Даже сегодня, когда в одиночестве думаешь о футбольной карьере, на ум приходят три вещи: Эйзель, Хиллсборо и война».

Вечер завершается в квартире друга Гроббелара. Мы сидим у бассейна, слушаем сверчков и пьем виски. Ночь — время философии. Двадцать лет назад, рассказывает Гроббелар, у него

была девушка, родезийка. Она забеременела. Он собирался сделать предложение, но случайно узнал, что отец ребенка — лучший друг. «Что если бы, — размышляет Гроббелар, — я тогда женился? Никогда бы не попал в “Ливерпуль”. Играл сейчас где-нибудь в Африке. Может быть, в Булавайо. Имел собственный бизнес. И пятерых детей». Ему бы это понравилось? «Да. Тогда бы я не встретил подонка Винсента, испортившего мне жизнь».

К сожалению, тренерская карьера Гроббелара в последние годы пошла на спад, и сегодня он, кажется, не работает ни с одним клубом.

Эдгар Давидс

Март 1999 года

Последний раз я общался с Эдгаром Давидсом на тему моды.

«Ты! — сказал он на своем афроамериканском английском. — Ты плохо одет! Я о тебе, чувак!» Конечно, полузащитник «Ювентуса», которому через месяц предстоит встреча с «Манчестер Юнайтед» в полуфинале Лиги чемпионов, так же важен для своей команды, как Рой Кин для «Юнайтед». Тем не менее он — агрессивный параноик, склонный к насилию.

Еще в ранней юности, обучаясь в знаменитой футбольной школе «Аякса», Эдгар снискал славу злостного нарушителя дисциплины. Тогда менеджеры специально возили его в лагеря «Милана» и «Ювентуса», чтобы показать, как живут игроки, которым удалось попасть сюда.

В тот период состоялась и встреча Давидса с теннисистом Ричардом Крайчеком. Подросток подошел к знаменитости в амстердамском баре: «Спорим, вы не знаете, кто я такой». Тот признался, что не имеет понятия. «Меня зовут Эдгар Давидс. Через несколько лет я буду играть в сборной Голландии и ездить на большой машине. Вы обо мне еще услышите». И гордо удалился.

Скорее всего, именно эта внутренняя ярость и воля к победе превратили его в признанную звезду футбола. Он не поехал со сборной Голландии на чемпионат мира в 1994 году и провел сезон на игровых полях Амстердама, пытаясь повторить увиденное по телевизору. Давидс презирает коллекционирующих футбольные сувениры игроков, таких, например, как Данни Блинд. Его давнее хобби — трюки. Во время учебы он тратил массу энергии на «обманные» маневры, которые тренер Луи ван Галь называл «мастурбацией». Теперь в ходе ответственного матча он способен неожиданно выполнить десятиметровый удар пяткой с разворота или повернуться на 360 градусов, обойдя двух противников.

Давидс был в составе «Аякса», когда клуб выиграл кубок Лиги чемпионов в 1995 году. А когда в 1996 году команда в финале потерпела поражение от «Ювентуса», именно Питбуль неудачно пробил решающий пенальти. У него сложный характер. Он живет в воображаемом мире, населенном преимущественно верными друзьями (черными игроками «Аякса»), «психами» (к ним относятся почти все остальные его знакомые) и героями (о них

Эдгар читает в книгах).

Давидс — самоучка. В юности был одержим рэперами и баскетболистами. Его кумир — Дэннис Родман[8] из «Чикаго буллз», автобиографию которого «Хочу быть хуже всех»[9] (Bad as I Wanna Be) футболист знает практически наизусть. Он даже жаждал сняться в рекламном ролике в одних спортивных носках, имитируя позу эпатажного баскетболиста.

Пиком эпохи скандалов стал Евро-96. Его выгнали из голландского тренировочного лагеря за оскорбительный совет, данный тренеру Гусу Хиддинку: «вытащить голову из задниц других игроков». Честно говоря, это была цитата из Родмана, хотя Давидс и не признает заимствования.

Потом «Питбуль» объявил вендетту нидерландским СМИ, общаясь на пресс-конференциях исключительно с иностранными журналистами: итальянцами, англичанами…

В 1996 году из «Аякса» он ушел в «Милан», где получил от Джорджа Веа прозвище Бигги Смол, в честь известного рэпера. Начало было хорошим. Но скоро Давидс сломал ногу и оказался на скамейке запасных. В декабре 1997 года руководство клуба продало его «Ювентусу» — сумма трансфера составила 3 млн фунтов — и вздохнуло с облегчением. В Турине начался путь к здравомыслию. В детстве черный мальчик, выросший на улицах криминального северного района Амстердама, считал «Ювентус» верхом мечтаний, как говорится, «круче не бывает». И вот оказался среди героев любимых книг. Больше он не пытался удержать мяч, если было ясно, что Зинедин Зидан и Алессандро дель Пьеро сделают лучше. Он стал играть для них, подводить, перехватывать, пасовать и время от времени показывать, что способен на большее.

В мае прошлого года, в третий раз играя в финале Лиги чемпионов, Давидс стал героем. «Ювентус» потерпел поражение. Но сам футболист играл настолько блестяще, что «придурки», которые раньше его изводили, пожалели о своих выходках.

Адриано Галлиани, вице-президент «Милана», пошутил: «Я должен издать приказ о возвращении Давидса». Хиддинк вновь позвал его в сборную Голландии. «Питбуль» начал чемпионат мира на скамейке запасных, а закончил лучшим игроком страны, хавбеком, который яростно сражается за каждый мяч. Теперь он к тому же вице-капитан команды.

На прошлой неделе ему исполнилось двадцать шесть. Если «Ювентус» в мае выиграет у «Манчестер Юнайтед», он четвертый раз за пять лет сыграет в финале Лиги чемпионов. Но на этом Давидс не успокоится, хотя и знает, что на данный момент добился своего.

Ривалдо

Декабрь 1999 года

В понедельник, 20 декабря 1999 года у Ривалдо выдался трудный день. Он проснулся в отеле «Принцесса София», расположенном в квартале от стадиона «Барселоны». Семья уехала на праздники в Бразилию, и он не хотел оставаться один в большом доме.

В клубе нужно быть к девяти утра. Луи ван Галь, тренер «Барселоны», хочет проанализировать матч с мадридским «Атлетико», состоявшийся накануне. «Барса» выиграла со счетом 2:1. Бразильского игрока заменили на семьдесят второй минуте.

Когда обсуждение подходит к завершению, застенчивый Ривалдо просит слова. «Слушайте, — говорит он на своем характерном испанском с португальским акцентом. — Я уважаю тренера и всех остальных, но больше не буду играть левым крайним нападающим».

Затем короткая тренировка. Потом пресс-брифинг. Двадцать журналистов еще не знают об утреннем заявлении игрока и с пристрастием допрашивают его об итогах голосования за титул лучшего европейского игрока года. Статусное звание присваивается журналом France Football начиная с 1956 года. Каждый, кто его удостаивается, автоматически становится легендой, как в свое время Стэнли Мэтьюз, Раймон Копа и Франц Беккенбауэр.

«Без комментариев, — говорит Ривалдо. — Результаты еще не известны». — «Все знают, что это вы», — не сдаются журналисты. Футболист молчит. Журналы World Football и Onze ранее объявляли его игроком года, но по-настоящему важен только «Золотой мяч» от France Football.

Затем он едет в аэропорт, чтобы встретить зятя короля Испании гандболиста Инаки. Днем им предстоит посетить благотворительное мероприятие. Футболист и его агент юрист Мануэль Аусет («Я не агент, а друг») не хотят, чтобы я писал о событии. Ривалдо занимается благотворительностью не ради паблисити.

Три часа спустя одетый в черное высокий бразилец наконец появляется на девятнадцатом этаже отеля. «Инаки опоздал, и мероприятие выбилось из графика», — объясняет Мануэль. Ривалдо тяжело вздыхает, увидев длинный список моих вопросов, но в итоге соглашается ответить.

— Вы устали. Вы часто чувствуете себя уставшим?

— Нет. Сегодня да, устал, у меня было очень много дел. Но обычно я хорошо отдыхаю.

— Давление в «Барселоне» больше, чем где бы то ни было в мире.

— Я так не думаю. Самое сильное давление я ощущал в Бразилии, в «Коринтианс» и «Палмейрас». Там люди угрожают вашей семье, разбивают вашу машину. Если бы в «Палмейрас» мы играли так же, как сейчас в «Барселоне», я бы не смог выйти на улицу.

— Поэтому вы не хотите закончить карьеру в каком-нибудь бразильском клубе?

— Хочу. Если бы я мог выбирать бразильский клуб, то выбрал бы «Палмейрас».

— Вы родились в Ресифе. Планируете когда-нибудь туда вернуться?

— Думаю купить там дом для отдыха на побережье. И жилье в Сан-Паулу для работы.

— А дом в Барселоне?

— Нет, не думаю, нет…

— Вы играете интуитивно, а в «Барселоне» думающий тренер. Вы друг друга понимаете? (Задавая этот вопрос, я еще не знаю об утреннем заявлении Ривалдо.)

— Ну, я очень уважаю тренера, для него важна тактика, ему нравится, когда игроки следуют его системе. В Бразилии играют иначе. Там не говорят о составляющих игры, и это означает свободу. Но при этом футболист берет на себя всю ответственность. Если способен сделать больше, чем другие, тренер дает самостоятельность. Так что можно побить трех, четырех, пятерых звезд, чтобы выполнить гол — эффектный, классный, красивый.

Здесь больше тактики. Как будто мистер [так в Испании называют тренера] говорит одно, а игрок делает другое. Я хочу чувствовать себя более комфортно. Тут не так много удовольствия, и я пытаюсь получить его, когда могу.

— Вы хотите играть в центре.

— Я играю на левом фланге, но хочу снова быть в центре. Не в футболке с десятым номером, а как десятый номер. Здесь я ни разу не играл на этой позиции. Много лет я помогал команде и ничего не сделал для себя. Я хочу получать больше удовольствия, играть на своем месте. Для себя, для команды, для всех.

— Вам нравится в Барселоне?

— Да. Мне, моей семье, детям — нам всем нравятся этот клуб и этот город.

— Футбол становится очень требовательным, слишком много игр.

— Да. Я думаю, для футболиста это плохо. Если вам тридцать четыре или тридцать пять лет, становится не так просто. Мы не машины.

— Несколько журналов назвали вас игроком года. (Я не упоминаю France Football, но сейчас мне ясно, что ответ Ривалдо относился именно к нему.)

— Это для меня очень важно, ведь мне пришлось преодолеть так много трудностей. Я горжусь наградой и очень счастлив. Хочу продолжать то, что делаю, поддерживать волю к победе. Я так думаю.

— Есть ли какие-то качества у других великих игроков, например у Роналду или у Зико, которыми вы тоже хотели бы обладать?

— Думаю, да. Обычно я немного стараюсь быть похожим на Зико. Пытаюсь быть таким же спокойным, как Зидан. Еще мне нравится Луиш Фиго: игрок с очень сильной атакой, отличной скоростью. Как и Роналду, который всегда у ворот и много забивает. Думаю, мне не хватает скорости на длинной дистанции.

Теперь нужно сфотографироваться в форме с логотипом спонсора, компании Mizuno. Nokia Ривалдо непрестанно звонит — все хотят его поздравить с присвоением «Золотого мяча», о чем сообщили СМИ, — и он отдает телефон Мануэлю. Тот называет номера, высвечивающиеся на экране. «Меня нет», — предупреждает футболист, позируя с мячом, который, к сожалению, оказывается сдутым. «Он официально признан игроком года?» — спрашиваю я агента. «Ну, я не знаю, — следует ответ. — Мы еще об этом не слышали».

«Позвони во France Footbal», — предлагает Ривалдо. Хорошая идея. После долгих гудков в Париже наконец кто-то берет трубку.

«Винсент!» — произносит Мануэль. Бразилец подходит и слушает. Собеседник подтверждает информацию. Мы поздравляем Ривалдо.

«Спасибо», — говорит он. Забирает трубку и выходит на террасу. В одиночестве смотрит на город и темные горы вдали. Прямо перед ним магазин испанской сети универмагов «Эль Корте Инглес». Часы на стене здания показывают 19:23, температура — 10,5 ˚С. В этот миг Ривалдо официально становится легендой. Сорок лет спустя о нем все еще будут судачить в такси Монтевидео и Дамаска.

«Ты знал, что это он?» — спрашивает Марк Кайвей из Mizuno. «Да, — усмехается Мануэль. — Ведь он позировал для фотографии с “Золотым мячом”».

«Уже отпраздновал?» — интересуюсь я.

«Он сегодня еще даже не обедал! Не было времени».

Ривалдо отдает телефон Мануэлю и делает победный жест. Агент демонстрирует экран — соединения ждут три абонента. Как только один звонок умолкает, раздается следующий.

Потом футболист около часа проводит в тесном, темном, душном помещении под прицелами телевизионных прожекторов. В комнате полно людей, все спешат сфотографироваться с новоявленной легендой, просят автографы, целуются с ним — сцена из какой-нибудь комедии абсурда братьев Маркс[10].

Около девяти Ривалдо наконец добирается до гостиничного холла, где пробирается сквозь группу представителей СМИ. Ему почти удается добраться до своего «Мерседеса», но тут его заключает в объятья консьерж отеля. Журналисты наступают. Ривалдо скрывается в машине, однако ему преграждают путь. Противостояние длится несколько минут, прежде чем удается сдвинуться с места и отправиться в свой пустой дом. В ванной у него есть шанс подумать об этом дне.

На следующий день ван Галь вывел Ривалдо из основного состава «Барселоны». Все не так просто.

Рууд Гуллит

Февраль 2000 года

Пожилой человек в замешательстве обращается к другому зрителю:

«Кажется, это брат Рууда Гуллита».

«Это и есть Рууд Гуллит», — отвечает тот.

«Вы что, смеетесь?»

«Нет. Он сейчас играет в пятом составе AFC».

«Он же был в сборной Голландии!» — восклицает пожилой человек, внимательнее присмотревшись к высокому защитнику с дредами и в красной футболке.

Мы находимся в парке под Амстердамом. В двух милях по шоссе — стадион «Аякс». Прекрасный зимний воскресный день. В кафетерии пенсионеры играют в карты и не обращают внимания на матч. Поединок между третьим составом OSDO и пятым составом AFC привлек всего двадцать зрителей, большинство из которых — маленькие дети игроков, участвующие в разогреве вместе с отцами.

Мы застали Гуллита в неудачный день. Перед игрой он совершает свою фирменную пробежку, широко развернув плечи, но в этот момент его команда распадается: миниатюрная женщина-арбитр отправляет нескольких игроков AFC за наколенниками.

Тренер команды, раздраженный человек с мобильным телефоном, признается, что из-за праздников пришлось просить подкрепления у нижнего дивизиона. Конечно, его либеро, неформальный лидер, — лучший игрок Европы 1987 года. Ему всего тридцать семь, он не склонен к излишествам в стиле Марадоны. Тем не менее Гуллит в команде — весьма сомнительная удача. «AFC 5 не та, что раньше, — жалуется один из футболистов. Мальчики нервничают в раздевалке. Никто не осмеливается сесть рядом с приглашенной звездой».

Бывший тренер «Челси» и, возможно, будущий тренер «Фулхэма» дебютировал в AFC в сентябре, вскоре после того, как его вышибли из «Ньюкасла». Тогда друзья предложили ему сыграть в товарищеском матче с ABN-Amro sixth XI, грозившейся выпустить на поле парня по имени Марко ван Бастен.

Гуллит согласился. Однако игра началась без его товарища по сборной Голландии и «Милану» — ван Бастен проспал. Разбуженный телефонным звонком, он поспешил на поле, где его

немедленно выпустили на замену. Через одиннадцать секунд забил гол, а затем еще один. Однако команда Гуллита выиграла со счетом 6:2.

Рууд тоже забил два мяча, получил удовольствие от игры и решил перейти в AFC. Он заплатил вступительный взнос (около 120 фунтов в год, что по голландским меркам немало), а «Челси», за которую он выступал, согласилась на трансфер.

Так легендарный игрок стал либеро AFC 5. Кстати, к большому удовольствию моего друга, футболиста четвертого состава этого клуба. Теперь он уверен, что играет лучше Гуллита.

Возможно, он прав. В первые пять минут матча защита AFC пропустила два гола. Молчавший на протяжении предыдущих игр, Гуллит кричит одному из защитников: «Инсайд, инсайд, инсайд!» И снова, вздыхая: «Я сказал, инсайд». Он уверен — товарищам по команде необходимо научиться опекать противников на своей половине поля.

Но все тщетно. Защита AFC не сравнится с той, что была у гранда «Милан». И когда форвард OSDO врывается в зону пенальти, раздраженный либеро просто стоит в стороне, позволив забить гол.

«Он уже не тот», — комментирует пожилой человек.

Нельзя сказать, что Гуллит играет, как выразился бы сам, «дерьмово». Он делает несколько 50-метровых пасов вперед большим пальцем левой ноги — сверхъестественное зрелище. «Хороший мяч!» — по привычке кричит тренер. Однако вингеру никак не удается контролировать ситуацию — несколько раз нидерландец бьет слишком далеко.

В тот момент, если бы у вас спросили, кто из действующих игроков сыграл шестьдесят пять матчей за сборную Голландии, скорее всего, вы назвали бы кого-то из форвардов OSDO.

Один из зрителей говорит сыну, что на поле Гуллит. «Он играет за OSDO?» — удивляется ребенок.

Отец в шоке: «Рууд Гуллит, который играл в Италии и за сборную Голландии! Разве ты не знаешь?»

«Да ладно, ты меня разыгрываешь», — сомневается мальчик.

Наконец игроки AFC дают пас в штрафную, и Гуллит стремительно отправляет мяч в верхний угол ворот, однако промахивается. Сияющий тренер оборачивается ко мне: «Он еще заставит нас вспомнить былые времена!»

OSDO ведет 4:0. К этому моменту между игроками соперников начинается перебранка, традиционная для проигрывающей голландской футбольной команды.

«Черт возьми! Что это было?» — кричит форвард.

«Эй, делай что-нибудь!» — требует защитник.

«Арбитр, этот парень все время чем-то недоволен», — говорит другой форвард.

Гуллит пытается сохранять спокойствие. Он не хочет разрушать уверенность в себе кого-либо. Когда мяч AFC пролетает в 20 метрах над воротами, игроки OSDO начинают шутить, что сегодня отправятся домой пораньше. Рууд парирует: «Они уже устали!»

Первый тайм заканчивается со счетом 5:0, и бомбардир OSDO подходит пожать руку легендарному защитнику. «Я благодарил за удовольствие играть с ним, — признается позже сорокалетний Тье Хейръянс. — Этот человек так много значит для голландского футбола».

Они уходят вместе, весело переговариваясь. Как и Кройф, ван Бастен и Ринус Михелс, Гуллит превратился в очень милого парня — просто потому, что пришло время уйти из большого футбола.

Возвращаясь на поле во втором тайме, он бросает взгляд на пенсионеров, играющих в карты в кафетерии. Они не обращают на него внимания. А стоило бы: после перерыва AFC преображается. Может быть, это креатин[11]? В любом случае правый нападающий Альфонс скоро завершает голом превосходную соло-пробежку.

«Алфи! — кричит Гуллит. — Он силен, он молодец!»

Команде предстоит пенальти, который забивает центрфорвард Гвидо. Он же посылает еще один мяч в ворота соперника — 5:3. Но постепенно пыл футболистов угасает. Игра близится к завершению, жены соперников скандируют: «Мы болеем за OSDO, мы победители всегда!»

Всего за минуту до конца игры Гвидо делает точный пас Гуллиту, стоящему перед пустыми воротами противника. Это его звездный час, но он захвачен врасплох: пытается подпрыгнуть, не может оторваться от земли, нагибается… И мяч пролетает над головой. Да, Гуллит превращается в футболиста пятого состава. Женщина-арбитр дает финальный свисток. AFC проигрывает 5:3. Рууд пожимает всем руки. Он поздравляет судью и, не обращаясь ни к кому конкретно, восклицает: «Второй тайм был лучше!»

После игры либеро появляется в кафетерии в сером шерстяном итальянском пальто (самый элегантный мужчина Великобритании 1996 года!). Пропускает стаканчик безалкогольного напитка с товарищами по клубу. И через пять минут уезжает вместе со всеми в автобусе, что для футболиста с континента, привыкшего к спортивным машинам, в новинку. При этом никто из посетителей даже не обернулся.

Не то чтобы амстердамцы забыли Гуллита. Просто они не

сходят с ума по кумирам. Здесь не принято обращать внимание на происходящее. Даже если за соседним столиком кафе Иисус Христос выпивает с Нельсоном Манделой. Тут объявили банкротом Рембрандта[12], изгнали из синагоги Спинозу[13], прозвали «алчным волком» Кройфа. А Джону Леннону и Йоко Оно, покидая столицу Нидерландов после «лежачей забастовки за мир» в отеле «Хилтон», пришлось вернуть велосипеды местным хиппи. Поэтому нет толпы и вокруг Гуллита. Но именно такое отношение и привлекает футболиста в Амстердаме, где он родился.

Здесь с легкостью можно затеряться среди бывших знаменитостей. Он даже не самый известный Рууд в Голландии. Его затмили блестящий молодой бомбардир Рууд ван Нистелрой. А также герой реалити-шоу «Большой брат», которого стошнило в прямом эфире на национальном телевидении.

Возможно, Гуллиту не следует уходить в «Фулхэм».

Кстати, именно в 2000 году голландское телевидение придумало реалити-шоу «Большой брат».

Лотар Маттеус: читатель таблоидов

Июнь 2000 года

«Знаете что? — предлагает Лотар Маттеус. — Давайте еще раз каждый задаст вопрос о моей родной стране». Присутствующие отрицательно качают головами. Мы и так знаем о футболисте все что необходимо.

Февраль 2000 года, понедельник, вечер. В пригороде Амстердама в комнате для переговоров отеля, построенного в сталинском стиле, Маттеус собрал семерых журналистов со всей Европы. Он готовится к товарищескому матчу между сборными Голландии и Германии, а через семнадцать дней лучший немецкий игрок своего времени в тридцать девять лет завершит карьеру в Европе и отправится в Нью-Йорк немного развеяться.

Пресс-брифинг должен начаться ровно в восемь вечера. Точно в назначенное время в помещение вошел крокодилоподобный футболист немецкой сборной, чтобы обсудить тактику будущей игры. Вслед за ним появляется большеголовый маленький человечек средних лет. Он машет собравшимся рукой и строит смешные рожи. Это Лотар Маттеус.

Важнейшее качество, которым должен обладать любой футбольный обозреватель, — это то, что немцы называют sitzfleisch: склонностью к сидячей работе. Журналисты полтора часа скучают в баре. «Крокодил» убирается из комнаты только в половине десятого.

Мы устремляемся в переговорку, откуда нас тут же выставляет Оливер Бирхофф: у капитана немецкой сборной что-то вроде афтепати с Маттеусом и наставником сборной Эрихом Риббеком, элегантным мужчиной, больше похожим на посла в Вашингтоне, чем на тренера. Мы возвращаемся в бар.

Около десяти вечера, хотя никто из журналистов давно не следит за временем, наконец появляется Бирхофф. Увидев нас, он поднимает брови, как Роджер Мур в роли Джеймса Бонда, и говорит: «Интервью с Лотаром. Всегда интересно». И затем начинает разговаривать по мобильному телефону по-итальянски. Образованный человек. Его отец был большой шишкой в какой-то энергетической компании. В детстве Оливер брал уроки тенниса и игры на гитаре, позже изучал корпоративную экономику. Став профессиональным футболистом, в свой первый сезон заработал меньше отца. Маттеус на него совсем не похож.

Мы, уже осторожнее, входим в комнату. Маттеус с

притворным вниманием слушает пресс-атташе, но разрешает поболтаться нам вокруг, пока агент не исчезает. В десять вечера у футболистов наступает отбой, но журналистам предлагают сесть и немного расслабиться.

«Интересный командный разговор?» — спрашивает корреспондент легендарного немецкого футбольного журнала Kicker.

«Как видите», — говорит Маттеус, указывая на гостиничные блокноты, все еще лежащие на столах. Их страницы исписаны каракулями и неумелыми рисунками.

Футболист предлагает что-нибудь выпить. Я достаю из стоящего в комнате холодильника бутылки с водой и пытаюсь их откупорить. Естественно, крышки оказываются «куперустойчивыми». Наконец кому-то удается открыть пару банок кока-колы. Маттеус убеждается, что у каждого есть напиток. Журналисты садятся вокруг него буквой U. Спортсмен проверяет, все ли диктофоны работают, и лишь тогда разрешает начать.

Но давайте вернемся в 21 марта 1961 года, в тот день, когда в городке Херцогенаурах родился будущий знаменитый футболист. За всю тысячелетнюю историю местечка под Нюрнбергом тут не случалось ничего интересного. Его даже не бомбили во время войны. А к 1960 году здесь проживали едва ли двадцать тысяч человек, а город был известен только тем, что являлся местом прописки главных офисов Adidas и Puma. Начиная с 1920-х годов, когда Херцогенаурах спасло от разорения только развитие спорта, практически все местные жители были сотрудниками этих компаний.

Хайнц Маттеус, отец будущего знаменитого игрока, был сторожем в офисе Puma, а его жена Катарина шила дома кожаные вставки для футбольных бутс. В доме Маттеусов трудились все. Лотар после школьных занятий разносил газеты — так началось его увлечение прессой, длящееся всю жизнь.

Хайнц, иногда перебиравший лишнего, придерживался строгих взглядов на воспитание. Его сын позже вспоминает: «Если что-то было не так, я получал подзатыльник». Самый маленький мальчишка в классе, Лотар вступил в футбольный клуб фабрики компании Puma «Херцогенаурах» и плакал, когда команда проигрывала.

Первый вопрос, который мы задали Маттеусу во время брифинга: почему он собирается уехать в Нью-Йорк?

Как бы там ни было, в среду, в матче с Голландией он выиграет свой 144-й матч в составе национальной сборной, что является мировым рекордом, если не считать достижения

некоторых африканцев, которых ФИФА не принимает во внимание. А «Нью-Йорк/Нью Джерси Метростарз» — это что-то вроде «Хартлпул Юнайтед», по мнению американской прессы, худшей футбольной командой в мире.

Лотар говорит быстро, легко, как по писаному. Возможно, он сыграл в национальной сборной не больше матчей, чем другие игроки, но, без сомнения, наговорил журналистам больше слов, чем все они вместе взятые. Он перечисляет десятки причин для переезда. Да, это большой, интересный город, где можно чему-то научиться. Между прочим, каждому не мешает там побывать. Америка — страна возможностей. Кроме того, в Нью-Йорке можно спокойно пойти поужинать, и посетители ресторана не будут оценивать умение спортсмена управляться ножом и вилкой.

Существуют и другие мотивы, о которых футболист не распространяется. За последние двадцать лет Маттеус начал понимать, почему над ним постоянно смеется вся Германия. Один из поводов для веселья — «комплекс Франца Беккенбауэра».

Сто лет назад психиатрические клиники Европы заполнили пациенты, которые считали себя немецким кайзером Вильгельмом. Они отращивали усы, держали руку так, будто она парализована, и отправляли воображаемые войска на войну.

Лотар тоже хочет быть кайзером. А именно — Беккенбауэром, над которым никто не смеется. Он — гражданин мира, говорит по-английски и пять лет играл в Нью-Йорке.

Один из журналистов поинтересовался, не вспоминал ли интервьюируемый своего кумира, решив переехать.

«Нет», — ответил футболист.

Отчасти это правда. Тут дело еще и в Марин, двадцатидвухлетней прекрасной дочери спортивного врача Ханса Вильгельма Мюллер-Вольфарта. Лотар впервые увидел ее, когда той исполнилось семь лет. Теперь она — его подруга и стремится в Америку, где будет учиться актерскому мастерству в студии Ли Страсберга. Еще девушка хочет услышать, как Вуди Аллен[14] играет на кларнете в «Карлайл-отеле» по понедельникам.

Футболиста, собственно, интересуют совсем другие вещи. С большей охотой он бы взглянул, как играет на кларнете Памела Андерсон. Но он влюблен. И в далеком прошлом поделился своим чувством с журналистами.

Впрочем, когда-то Маттеус разрешил немецкому телеканалу RTL снять документальный фильм о своем неудачном браке со швейцарской телеведущей Лолитой Морено. А затем пригласил телевизионщиков запечатлеть свадьбу, как сказал кто-то, «из-за полнейшего одиночества». Тогда над ним потешалась вся страна, и теперь спортсмен не хочет повторения пройденного.

Лотар говорит присутствующим на брифинге, что Дэвиду Бекхэму нужно избегать ошибок, которые совершил он сам. Англичанину стоит держать личную жизнь подальше от СМИ. Газеты могут писать о его спортивных успехах, но двери его спальни для них должны быть закрыты. Почему в прессе без конца упоминают о пяти «Феррари» Бекса? «Будь у него хоть десять спорткаров, я только порадуюсь за него. Но сообщать об этом всем не обязательно!» Как говорят соотечественники Дэвида? «Мой дом — моя крепость»?

Сейчас дом Маттеуса — его крепость. В свои секреты он посвящает исключительно Bild, крупнейший таблоид континентальной Европы. Поэтому нам всем известно, что немец собирается поселиться в «Трамп-Тауэр», расположенной на Пятой авеню, 721, в семи минутах езды от тренировочной базы в Нью-Джерси. А также что все улицы Нью-Йорка забиты пробками из желтых такси.

В Мюнхене улицы пустынны. Весенним вечером 2000 года мы с другом Филиппом гуляли по бульварам столицы Баварии. Время от времени мимо нас проносились БМВ на скорости 140 километров в час. Если бы не автомобили, можно было подумать, что мы не в Германии. Город полон элегантных женщин и дворцов XVIII века. Кажется, у парадных ворот и сегодня стоят экипажи, а восхитительные рестораны итальянской кухни заполнены местными футболистами.

В тот же вечер я ехал в такси. Водителем оказалась дородная блондинка, которая рассказала, что незадолго до отъезда Маттеуса в Америку ей довелось целый день возить его по обувным магазинам. Кстати, из-за множества травм правая нога игрока стала на размер больше левой. Та женщина не думала, что Нью-Йорк подойдет футболисту: «Он же баварец по натуре».

«О да! — смеется Филипп, уроженец Кёльна. — Баварец по натуре!» Он знаком с Лотаром. И ему трудно представить, что тот может встать в пять утра, натянуть туристические ботинки и отправиться покорять горную вершину.

Но Маттеус как раз такой, каким баварцы представляют себе «баварцев по натуре». Темные очки, свитер, наброшенный на плечи, — игрок садится в спортивную машину и везет красавицу-подружку в пивную на открытом воздухе выпить национальоного напитка и полюбоваться видом гор. А потом «баварец по натуре» восклицает, словно клерк из рассказа Генриха Гейне: «Как все-таки прекрасна природа!»

Мюнхен стал для Лотара родным городом. Спортсмен навсегда уехал из Херцогенаураха в восемнадцать лет, получив диплом маляра и декоратора. И, если бы не скромный контракт с

клубом «Боруссия» из Мёнхенгладбаха, ему пришлось бы укладывать ковролин.

Юноша быстро пошел в гору: в мае 1980 года он сидел в автобусе немецкой сборной. Но, услышав, что нынешним летом будет принимать участие в чемпионате Европы, расплакался. «Что случилось?» — удивился ветеран команды, защитник Бернард Дитц. Молодой человек объяснил, что совместно с подругой уже спланировал летний отпуск.

В 1984 году он пришел в мюнхенскую «Баварию» и, проведя здесь двенадцать лет, стал лучшим футболистом мира. Если бы футболист простился со спортом тогда, на пике славы, то сейчас его статуя стояла бы в каждом немецком городе.

«Все-таки в последние два-три года я не слышу насмешек и свиста, — размышляет игрок, находясь в комнате «Атлантика». — Думаю, я стал примером для подражания для людей других профессий». Недавно Лотар получил письмо от сорокалетнего мужчины, который, как и многие немцы, его ровесники, не мог найти работу. На очередном собеседовании, когда вновь возник вопрос о возрасте, он сказал: «Вспомните Лотара Маттеуса. Он доказал, что годы не влияют на качество деятельности». И получил место.

Маттеус продолжает: «Биксант Лизаразю сказал, что в тридцать восемь хочет играть так же, как я сейчас. Такие вещи приятно читать». Но комплименты из уст коллеги раздавались не всегда: пару лет назад на тренировочной базе «Баварии» Лизаразю дал защитнику подзатыльник.

Тревоги Лотара начались в самом начале карьеры. В очень юном возрасте у него появился талант изрекать глупости, раздражающие окружающих. На чемпионате Европы в 1980 году Риббек, который был чем-то вроде выскочки-менеджера по снаряжению, прокомментировал его действия так: «Даже если обсуждается меню, он должен что-то квакнуть». В тот период у игрока не было никакого статуса. Он впервые вышел на поле во время турнира в матче против Голландии и неудачно пробил пенальти. После игры капитан немецкой сборной Карл-Хайнц Румменигге сказал журналистам: «Как можно сделать такую глупость!»

Тогда Румменигге был «Большим Боссом» немецкой сборной: парнем, который диктует тренеру состав команды, наказывает диссидентов и принимает финансовые решения. В 1950-х годах наставник национальной команды Зепп Хербергер говаривал: «Фриц Вальтер — это мой Босс». Но германская одержимость «Большими Боссами» пошла не от него, а от Франца Беккенбауэра.

Если вы не немец, вам трудно постичь, насколько Беккенбауэр возвышается над немецким футболом. Да, он — кайзер. Но у него больше власти, чем подразумевает прозвище. Сын мюнхенского почтальона, зачатый в последние месяцы войны, он стал бы «Боссом», даже выполняя обязанности бухгалтера или работая на конвейере завода «БМВ».

Когда на чемпионате мира 1974 года Западная Германия проиграла Восточной, он решил, что состав команды требует изменений. Обсудив ситуацию с приятелем Гердом Мюллером, который не был яркой индивидуальностью, но прекрасно разбирался в сути футбола, спортсмен представил обновленный список игроков тренеру Хельмуту Шёну. В итоге Хайнца Флохе и Бернда Куллмана заменили на Бернда Хёльценбайна и Райнера Бонхофа. В финале Хёльценбайн принес немцам очко, пробив пенальти, а Бонхоф дал пас Мюллеру, забившему решающий гол.

Позже, когда Беккенбауэр стал тренером сборной Германии, его официальный титул звучал как Der Teamchef. С тех пор у немецкой сборной всегда есть «Босс» или «Боссы». Маттеус во власти своего «комплекса Кайзера» тоже всегда хотел быть таковым. Рассказывая о своей международной карьере, он говорит прежде всего о новом статусе.

«У [тренера] Юппа Дерваля я был пятым колесом в телеге, а у Франца Беккенбауэра стал постоянным членом команды», — повествует он в стиле таблоидов. Лотар обычно так и произносит: «Франц Беккенбауэр» — полностью. Скорее всего, он не уверен, достаточно ли близок с тренером, чтобы называть его просто по имени.

«Моим прорывом стал Кубок мира-86. Но я думаю, Франц Беккенбауэр совершил ошибку, когда в финале поставил меня опекать Марадону. Я сосредоточился, но при этом не думал о собственной игре. Когда счет стал 2:0, мы изменили тактику. Кажется, Карл-Хайнц Форстер взял Диего на себя, а я смог атаковать. Мы сравняли счет — 2:2, но потом сделали дурацкую ошибку и проиграли».

Тем не менее Лотару удалось стать «Боссом» сборной Германии. Передача власти официально произошла 17 июня 1986 года, в последние минуты игры с командой Марокко, когда немцам назначили свободный удар. Приготовился Румменигге, но наш герой оттолкнул его и забил гол.

После этого Беккенбауэр иногда обсуждал с Маттеусом состав команды. Но у любого «Босса» есть проблема: другие тоже хотят занять его место. Например, как Руди Фёллер. Или Юрген Клинсманн, который, как только начал прилично играть, тут же стал претендовать на лидерские позиции. В итоге у немцев

развелось столько «Боссов», что могло хватить на несколько команд.

Даже в «Баварии» Лотару приходилось бороться, чтобы иметь решающее слово. Иногда он отпускал пару нелестных словечек о конкурентах, которые тиражировала пресса. Однажды Bild написала, что Клинсманна, сыгравшего дельфина на телевидении, игроки называют Плавником, так как он совершенно не умеет контролировать мяч. Журналисты также добавили, что Маттеус делал ставки (и оказался прав) на количество голов, которые горе-нападающий забьет за сезон.

Борьба за власть становилась все более жестокой, и Маттеусу часто доставалось от других «Боссов». Вот всего лишь несколько отзывов о нем коллег:

«Расскажи это крышке от унитаза», Руди Фёллер.

«Тот, кто много говорит, говорит много ерунды», Франц Беккенбауэр.

«Наш новый пресс-атташе», Ули Хёнесс.

«Моя жизненная философия заключается в том, что нужно помогать больным и убогим», Томас Хельмер.

Когда я спрашиваю футболиста о ссорах, тот пытается вести себя как «Кайзер»: «О! — говорит он. — Трения присутствуют в любой группе, в каждой семье. Там, где существует иерархия. Вероятно, в вашем офисе тоже. Наверняка у вас есть босс и секретарша. У каждого из них своя работа. Но они оба вам нужны, не так ли?»

Участники встречи послушно кивают: и те, у кого есть референт, и те, у кого его нет. Спортсмен пытается уйти от вопроса, дипломатично отделываясь стандартными фразами, но затем говорит: «Но босс предпочитает говорить с вами, а не с секретаршей. И это логично!» И демонстрирует фирменную широкую нахальную улыбку.

На Маттеуса нападали не только другие «Боссы», но и жители Германии. Иностранцы ошибочно думают, что все немцы одинаковые. На самом деле они делятся на несколько разных типов. Например, старые и молодые. Осси и весси[15]. Респектабельные бюргеры и маргиналы. Образованные и неотесанные. Причем различий становится больше. «Вы, немцы, никак не поладите друг с другом!» — сказал я как-то группе студентов Технического университета Западного Берлина. Те смущенно засмеялись — они тоже не ладили друг с другом.

К какой категории принадлежит житель Германии, можно определить по его отношению к Лотару Маттеусу. Образованные свысока относятся к футболисту, потому что он — деревенщина. Произносит «к» как «г», «т» как «д» и не имеет никакого понятия о

конъюнктивном времени!

Маргиналы презирают его, потому что вообще презирают немцев. Те, кто ненавидит «Баварию» (а это, возможно, самая многочисленная группа немецкого общества), ненавидят игрока за его принадлежность к клубу. Болельщики мюнхенской команды тоже не в восторге из-за того, что двенадцать лет спортсмен выносил сор из избы.

Не любят его и голландцы. «Маттеус = Гитлер», — гласил баннер во время матча между Голландией и Германией в 1989 году. Сегодня, за два дня до последней в его карьере игры между этими сборными, журналист интересуется, почему у футболиста такой плохой имидж в Нидерландах. «Об этом лучше спросить у жителей этой страны, — отвечает Маттеус, как всегда, вежливо. — Для меня это тайна. Мои знакомые голландцы: болельщики, персонал отелей или журналисты — настроены очень позитивно».

«Возможно, потому, что для голландцев вы и есть страна, вы и есть команда», — подсказываю я, имея в виду белую футболку с Прусским орлом, «нырки»[16], упорство, победы, не слишком привлекательную внешность. Жители Нидерландов рассматривают его как воплощение всего негативного в Германии. «Маттеус = Гитлер», конечно, слишком. Скорее, слоган означал «Маттеус = немец».

Но я не говорю об этом, потому что вспоминаю историю рок-музыканта Пола Саймона, который, выступая в нью-йоркском ресторане, познакомился с бейсболистом Джо ДиМаджио. Певец исполнял песню «Мистер Робинсон», где есть такие строки:

Куда ушел ты, Джо ДиМаджио,
Когда в минуту отчаяния
Народ обращает взоры к тебе?

Заметив постаревшую легенду бейсбола, музыкант решил, что тот разозлится. Но ошибся. Песня понравилась, хотя ДиМаджио ее и не понял: «Здесь нет никакого смысла. Все знают, где я и что со мной. Люди ежедневно видят меня в телевизионной рекламе».

Бейсболист воспринимал слова песни буквально, а для певца они были только метафорой, с помощью которой хотел донести простую мысль: герои уровня ДиМаджио исчезли из американской действительности. В тот вечер Саймон уяснил, что спортсмены не считают себя символами. Они думают, что существуют на самом деле.

Поэтому я сказал Маттеусу: «Вы и есть страна, вы и есть команда». Он удивленно посмотрел: «Так что, свист фанатов —

это комплимент? Действительно, я должен этим гордиться».

Кстати, именно голландец повинен в самом неловком моменте публичной жизни Маттеуса. И это не Рууд Гуллит, а обыватель, в 1993 году случайно заснявший футболиста любительской видеокамерой на праздновании Октоберфеста в Мюнхене.

«Адольфа на вас нет!» — отреагировал спортсмен, забыв о видеокамере. Это был не первый инцидент в его ораторской карьере, когда он совершил крутой вираж от расизма к сексизму и обратно. Однажды в немецком аэропорту он крикнул проходившим мимо девушкам из баскетбольной команды, что «у нашего черного парня» (Адольфо Валенсия, его товарищ по «Баварии») «тоже есть такая длинная» подруга.

В сборной Германии подобные высказывания могут задеть только Клинсманна. Но рядовые немцы нетерпимы к публичным высказываниям расистского толка. Например, музыканта, зарегистрировавшегося в израильском отеле под именем Адольф Гитлер, уволили из Берлинской филармонии. Но Маттеус — один из лучших футболистов мира, «Босс» национальной сборной Германии. Его уволить нельзя.

Жители страны — даже читатели Bild — ненавидят шутки с нацистским душком. Их коробит, когда они слышат таковые от англичан или голландцев. Тем более их беспокоит, что лучший футболист Германии, бегая от микрофона к микрофону, в любой момент может ляпнуть какую-нибудь глупость.

Лотар не нацист. Никто из его друзей и знакомых не посмеет утверждать, что спортсмен имеет что-то против черных. Но он — «скверный мальчишка», которого тянет нарушать табу. Как и в случае с Клинсманном, которого не замедлил поддеть в интервью для Bild: «Он слишком много думает».

Мне казалось, что футболист испытывает определенную национальную гордость. Возможно, потому, что он — капитан сборной Германии. Возможно, потому, что читает Bild. И в комнате «Атлантика» я спрашиваю, ощущает ли он такой душевный трепет при исполнении гимна Германии, какой чувствуют итальянцы при звуках гимна своей страны?

Маттеус отшучивается: «Это потому, что ритм итальянского гимна ускоряет сердцебиение».

Но разве он не горд тем, что представляет Германию? «Это честь — представлять целую страну. Такую большую, где так много людей играет в футбол. Но я не чувствую ничего особенного».

Вероятно, немцы, родившиеся в 1961 году, не страдают национализмом.

Футболиста беспокоит один из диктофонов: «Закончилась пленка. У вас есть другая кассета?» И сам меняет ее.

Сотрудник итальянского издания спрашивает спортсмена о его «величайшем этом» и «лучшем том».

Лучший международный матч — против Югославии на Кубке мира в 1990 году. Лучший соперник — Марадона. Любимый клуб детства — «Боруссия». Самая большая ошибка — публичная ссора с Берти Фогтсом и Юргеном Клинсманном. «Мы были достаточно взрослыми людьми, нам требовалось всего лишь поговорить друг с другом».

Конфликт длился несколько лет. Во время чемпионата мира 1994 года Фогтса и Клинсманна возмутил тот факт, что любой разговор из раздевалки команды попадает на страницы Bild. Возможно, они вздохнули с облегчением, когда после турнира Маттеус получил серьезную травму. Ему исполнилось тридцать три года, карьера близилась к закату. И, по слухам, лишь для уверенности, часть игроков немецкой сборной, представляющие «Баварию» и «Дортмунд», под руководством Клинсманна и Матиаса Саммера добились исключения Лотара из сборной Германии.

Он пропустил Евро-96. А 21 июля 1996 года написал в своем позднее опубликованном в Bild дневнике: «Сегодня прибыли Хельмер, Циге, Баббель, Кан, Штрунц и Шолль. В мюнхенском аэропорту состоялась большая встреча. Шлю им искренние поздравления. Они стали чемпионами Европы. Для всех этих парней это высшая точка карьеры». Что означало: никто из них не станет чемпионом мира.

Вышеупомянутый дневник посвящен сезону, последовавшему за Евро-96, и является основным источником для каждого, кто захочет написать полную историю жизни Лотара Маттеуса. «Я думаю, — пишет футболист в предисловии, — дневник действительно отражает мои идеи». Так оно и есть. В школе меня учили: у каждого литературного произведения существует основная тема. В «Моем дневнике» (Mein Tagebuch) их две: мобильные телефоны и немецкие таблоиды.

И сам дневник тоже написан в стиле таблоида.

Пятница, 12 июля, мюнхенский аэропорт Франца-Йозефа Штрауса. Десять утра. Громкоговорители объявляют: «Заканчивается посадка на рейс LH 410 из Дюссельдорфа в Нью-Йорк».

Может, дело в том, что на самом деле книгу написал журналист Bild Ульрих Кюн-Хелмессен. Но думаю, Маттеус примерно такой ее и задумал. Кажется, основное влияние на его мышление оказала немецкая пресса.

Так, в среду, 14 августа, он пишет: «Bild, TZ, AZ [три мюнхенских таблоида], Suddeutsche, Merkur, Kicker и Sport-Bild — так или иначе, я обязательно читаю эти издания».

Семь таблоидов! Позже он признается, что при любой возможности покупает еще и итальянскую ежедневную спортивную газету La Gazzetta dello Sport. Футболист напоминает ученого, который стремится быть в курсе новейших достижений в своей области, но, заходя в номер отеля, первым делом включает Teletext.

В его защиту можно сказать одно. Разговор друг с другом нормальных людей называется «беседой». Но в «Баварии» существует только «коммуникация», и происходит она через прессу. Только из газет Маттеус узнает, что Мехмета Шолля бросила жена, Калле Румменигге подумывает продать Шолля, а Клинсманн хочет, чтобы его выставили на трансфер.

Примечательно, насколько неприятны персонажи мюнхенской команды. Самый забавный герой дневника, за исключением самого Маттеуса, — Беккенбауэр. Президент клуба, кажется, появляется лишь затем, чтобы сказать какую-нибудь гадость.

Среда, 21 августа: «После финального свистка Франц Беккенбауэр как обычно входит в раздевалку и говорит: “Вы должны быть просто счастливы, что не проиграли”».

Вторник, 10 сентября (после поражения в матче с «Валенсией», в день рождения Беккенбауэра): «Франц встает и говорит всего одну фразу: “Я не получил того, на что рассчитывал”. Потом он садится, и начинается ужин».

Пятница, 14 марта: «В какой-то момент Франц срывается: “Вы — дерьмовая команда!”».

Почти столько же внимания уделяется мобильным телефонам. Обычно в книгах чаще всего встречаются слова «и» или «это». В «Моем дневнике» вместо них — «мобила».

Вот начало записи от 28 июля, воскресенье: «У всей “Баварии” новые мобилы. У всех моих друзей есть мой номер. Но сейчас я в Цюрихе, мой хенди еще не авторизован, и я недоступен. Кройцер и Хельмер оказались умнее: взяли с собой старые мобилы. И теперь дразнят меня».

Позже, в тот же день, в аэропорту Цюриха, Маттеус замечает свежий выпуск швейцарского таблоида Blick. На обложке — фото его жены Лолиты. Сверху заголовок: «Из-за Лотара мне пришлось отказаться от карьеры на телевидении».

На протяжении года темы записей остаются неизменными.

Четверг, 3 октября: «Приехал в “Лиммерхоф”, отель нашей команды. Я всегда мыслю позитивно. Так что и из этой ситуации

нужно извлечь лучшее. Лучшее: мой хенди здесь работает, так что друзья смогут до меня дозвониться».

Понедельник, 21 октября: «В самолете Swiss Air выдают журнал Blick. В этом номере три фото Лолиты в кабине частного самолета и ее интервью: "Лотар знает, что я летаю. Но его это не касается. Сейчас каждый из нас идет своей дорогой"».

Суббота, 4 октября (в ресторане в Китцбюэле он столкнулся с Матиасом Саммером): «Я подхожу к нему, поздравляю с титулом лучшего европейского футболиста года. Называю ему номер его мобилы, ведь я часто ему звонил, и теперь понимаю, почему не мог дозвониться: в "Боинге" мобила не берет».

Пятница, 14 марта (после кризисной встречи в «Баварии», когда коллеги обвинили Маттеуса в том, что он все передает прессе): «Конечно, я знаю, что мои контакты с журналистами делают из меня легкую мишень. Тем не менее я здесь уже давно и понимаю, что можно говорить, а что — нет. Часто за завтраком у меня кусок застревает в горле, когда я читаю, какие секреты выплыли наружу. Лежу в постели и не могу уснуть. Обвинения причиняют настоящую боль. Это одно из величайших разочарований моей жизни. Я смотрю в потолок и думаю. Потом становится ясно: завтра, в игре с клубом "Шальке" я больше не хочу быть капитаном».

Читая «Мой дневник», заглядываешь в душу Лотара Маттеуса. И находишь там лишь одно: он — читатель Bild.

Тем не менее тренер немецкой сборной Фогтс взял футболиста на чемпионат мира 1998 года при условии, что он хотя бы иногда будет закрывать рот.

На том турнире я провел прекрасную неделю. Вместе с шестью немецкими журналистами мы жили на вилле на Ривьере в городке Сен-Поль-де-Ванс. Там были барбекю, большой сад и бассейн, в котором мы играли в водное поло по вечерам.

Отель, где квартировала немецкая команда, располагался в трех минутах ходьбы от нашего дома. Однажды вечером к нам заглянул Юрген Клинсманн. Он сидел у нас в саду, пил наше пиво и заявил, что теперь будет приходить каждый вечер, потому что вилла гораздо лучше отеля его команды. Больше мы его не видели.

Через пару дней к нам зашел защитник Кристиан Ворнс. Он также сидел у нас в саду, пил наше пиво и заметил, что в команде не такая уж плохая атмосфера, потому что Маттеус наконец перестал «мутить воду».

«Почему?» — спросили мы.

«Возможно, потому, — задумчиво сказал Ворнс, — что, если тебя все время осаживают, в итоге учишься закрывать рот».

В 1998 году Лотар не был «Боссом» немецкой команды. На его место пришли Клинсманн и Бирхофф. Но после чемпионата мира остался только Бирхофф.

Маттеусу вновь разрешили играть. И в феврале 1999 года, в тот вечер, когда Германия потерпела поражение от США со счетом 3:0, в его номере в отеле во Флориде зазвонил телефон. Это был Эрих Риббек. Он попросил футболиста зайти к нему и рассказать, как должна действовать сборная Германии. Так футболист вновь стал «Боссом».

На часах половина двенадцатого. Спортсмен все еще пышет энергией, но мы падаем от усталости. Немец действительно был хорошим футболистом, и наш последний вопрос: «Каким игроком вы были?»

Маттеусу нравится вопрос. Он считает, что это — его вечер: «Сегодня я говорю все как есть. Я кладу все карты на стол».

«Конечно, я не Марадона, — говорит человек, который в 1990 году стал лучшим футболистом мира, Европы и Германии, а также лучшим спортсменом мира и Европы. — Я был очень быстрым игроком. Если видел место, то использовал его. Если кого-то обгонял, он не мог меня догнать. Я мог бить с разбега. То, что Марадона видел рядом с собой, я замечал издалека».

«Я невысокий, но, к примеру, хорошо играю головой. Я могу делать все — вот что делает меня сильным игроком. У меня всегда была слабая левая нога, но, когда мне исполнилось двадцать восемь лет, Трапаттони научил меня играть левой». Футболист перематывает кассету, проверяя, все ли записалось. Приходит время прощаться. Когда наступает моя очередь, он кладет руки мне на плечи, почти обнимая. Я говорю, что через пару месяцев собираюсь в Нью-Йорк. «Приходи ко мне!» — приглашает Лотар. Я обещаю быть.

В Америке у меня нет времени для встречи, но я хочу увидеть, как немец смотрится на поле. «Метростарз» играет с «Канзас-Сити Визардс» на стадионе «Джайентс». Я сажусь в такси на Таймс-сквер, потом делаю пересадку. Оказывается, Маттеус — не единственный житель города, едва говорящий по-английски. «Джайентс-стадиум»… Индусы-водители повторяют незнакомые слова. Они никогда не слышали о таком месте.

Наконец я нахожу таксиста, который позволяет показать дорогу. На стадионе восемь тысяч зрителей. На поле я замечаю невысокого полузащитника с большой головой, который носится, как говорят в Нью-Йорке, «словно ненормальный». Каждый раз, когда кто-то из его товарищей по команде прикасается к мячу, он вскидывает руки вверх и яростно вопит.

«Метростарз» забивает гол. Футболисты радуются и

поздравляют друг друга. На большом экране два комика 1930-х годов танцуют вокруг стола. Но гол только еще больше злит Маттеуса.

Потом забивает два мяча «Канзас-Сити». Немец, как говорят в Штатах, «выходит из себя». Он швыряет нарукавную повязку капитана в Чипа Рида, судью на линии. Рид, похожий на морского пехотинца, кидает ее обратно. Оставшуюся часть матча Маттеус бродит по полю, бормоча что-то себе под нос, словно бродяга с тележкой из супермаркета в метро.

Наша прощальная встреча происходит в отеле под Амстердамом. Мой друг Барт сидит здесь весь вечер в надежде хоть краешком глаза увидеть Лотара Маттеуса.

Уже около полуночи, и футболист пьет пиво в баре с двумя журналистами из журнала Kicker. Я осторожно трогаю его за плечо. «Лотар, — говорю я, — если вам не трудно, для Барта…»

Спортсмен встает и подходит к моему другу. Он больше всего на свете хочет дать тому автограф. «Как пишется имя?» — спрашивает по-английски.

Я пишу на обложке какого-то журнала: «Б-А-Р-Т».

«Я ведь должен написать праффильно», — говорит с немецким акцентом футболист.

«Барту», — ставит он подпись в моем блокноте, хлопает его по плечу, обнимает меня и наконец отпускает нас.

Бедного старину Маттеуса до сих пор не воспринимают всерьез на родине, и от этого страдает его наставническая карьера. Когда я пишу эти строки, он работает тренером в Болгарии.

Яри Литманен

Октябрь 2000 года

Эдгар Давидс откровенно потешается над футболистами, изучающими историю игры. Представьте его ухмылку, если бы он увидел Яри Литманена, который прекрасным весенним вечером заходил в здание, расположенное на берегу канала в Амстердаме.

Через некоторое время он примет участие в футбольной викторине. Но сначала финн обходит дом, восторгаясь архитектурой: «Может, когда-нибудь куплю такой же». За семь лет в «Аяксе», посвященных исключительно футболу, Литманен ни разу не задумался о переезде из безликого Диемена в Амстердам.

Нынешним вечером встречаются самые известные в Голландии эксперты по истории культовой игры. Среди них и те, кто много лет назад посрамил писателя Ника Хорнби в соревновании на знание хроник «Арсенала». Но и в такой интеллектуальной компании величайший футболист Финляндии выглядит достойно. Кстати, мог бы и лучше. Если бы не природное свойство характера — делиться с окружающими всем что имеешь. Например, ему адресуют вопрос: «Какой финский футболист сыграл больше всего матчей за национальную сборную?» — «Ари Хьельм, который провел сто игр», — внезапно опережает Данни Блинд. Яри удивленно оборачивается к капитану «Аякса»: «Но ведь тебе об этом я рассказал несколько месяцев назад!»

Возможно, чтобы стать великим финским футболистом, необходимо обладать одержимостью Литманена. В международном футболе нет команд «одного игрока», но существует вероятность, что сборная Финляндии создаст прецедент. Так, немецкий тренер Кристоф Даум, наблюдавший, как финны обыграли албанцев со счетом 2:1 в первом квалификационном матче чемпионата мира в прошлом месяце, заметил: «Яри Литманен — сердце и душа команды».

Стать футболистом Литманену было определено еще в младенчестве. Его мать Лииса была неплохой либеро. Отец Олави играл за «Рейпас Лахти» — клуб, который создали финны, изгнанные во время Второй мировой войны из Карелии. Кстати, осознание исторической несправедливости превратило Литманена в патриота Финляндии. Как говорит он сам, во время исполнения национального гимна «у меня по спине бегут мурашки».

В детстве Яри гонял мяч в большом саду, представляя вместо привычного снега траву горячо любимого заранее «Энфилда». В школьном сочинении написал, что хочет быть командным игроком, а не индивидуалистом. Так что прозвище Диего досталось ему, кажется, только из-за темных волос.

Литманен планировал карьеру с тщательностью молодого политика. Когда ему не исполнилось и двадцати, отправился в европейский тур в поисках клуба, где можно получить наилучшие спортивные навыки. В «Лидс Юнайтед» под руководством Говарда Уилкинсона его не взяли. Как, впрочем, и в эйндховенский «ПСВ» Робсона. Конечно, молодой человек не смел и надеяться получить контракт с «Барселоной». Тем не менее тренер клуба Йохан Кройф рекомендовал новичка «Аяксу». Таким образом Литманен оказался в Амстердаме.

Здесь уже был достойный десятый номер — Деннис Бергкамп. В качестве его замены и дебютировал юный финн 23 августа 1992 года, на восемьдесят седьмой минуте матча, в котором «Аякс» со счетом 3:1 выигрывал у «Гоу Эхед Иглз». Затем почти весь сезон финн просидел на скамейке запасных, изучая голландца, словно следопыт.

Через год Литманен занял место Бергкампа. И к 1995 году превратился, возможно, в лучшего в мире атакующего полузащитника. Он редко прибегает к дриблингу. Перехватывает мяч или бьет с 25 метров. Как правило, он делает точную передачу на фланг. А затем хладнокровно пробивается в штрафную, чтобы нанести окончательный удар. Передача — гол, передача — гол.

«Зидан фантастически владеет мячом, он хороший защитник, но слишком мало забивает. Верон дает прекрасные пасы, он выдающийся плеймейкер, но слишком мало забивает», — говорит Яри. На счету Литманена двадцать четыре гола в сорока четырех европейских матчах — рекорд «Аякса». Из всех игроков, которых клуб потерял в 1990-е годы — Давидс, Бергкамп, Клюйверт, Кану, братья де Бур, — болельщики больше всего скучают по финну. До сих пор на амстердамском стадионе «Арена» можно услышать речевку: «Оо, Литманен, оооо».

В прошлом году Яри получил предложения практически от каждого уважающего себя европейского клуба. Но выбрал «Барселону». Отчасти потому, что в ее составе много запасных игроков. Литманен — финский Брайан Робсон. И не особенно жалует такие клубы, как «Ливерпуль», где приходится выходить на поле каждую неделю.

Но, как показала практика, он слишком перестраховался и теперь вообще фактически не играет. Естественно, «Барса» хочет

его продать. Однако Литманен считает, что с ним обходятся несправедливо, и настаивает на том, чтобы остаться, получая 40 тысяч фунтов в неделю.

Возможно, теперь хвалебная песнь в его честь, спетая выше, кажется несколько преувеличенной. Скорее всего, главная проблема Литманена в национальности. Быть великим финским футболистом — все равно что великим чешским автомобилем: никогда не получишь должного уважения. Если бы Яри не был финном, в 1995 году, когда «Аякс» выиграл Лигу чемпионов и Клубный чемпионат мира ФИФА (FIFA World Club Cup), его наверняка признали бы лучшим европейским футболистом года. Но титул получил Джордж Веа, а наш герой оказался третьим.

В среду состоится квалификационный матч чемпионата мира. Но ближе всего футболист подошел к нему во время тура по Франции, в компании старых друзей-хоккеистов, беспробудно пьянствовавших в течение всей поездки. Вероятно, старина Литманен скоро превратится в вопрос футбольной викторины.

Когда я пишу эти строки, Литманену исполнилось почти сорок. Он до сих пор играет за «Лахти» и сборную Финляндии. В сентябре 2010 года футболист «велосипедом» забил гол в матче с «АС Оулу». И (на случай, если вы когда-нибудь примете участие в викторине) побил рекорд Ари Хьельма по количеству игр за национальную команду. Говорят, скоро он завершит карьеру. Однако этого может не произойти никогда. Ведь Литманену просто нравится играть в футбол.

Хуан Себастьян Верон

Июль 2001 года

В прошлом году на первой минуте матча «Арсенал» — «Лацио» Хуан Себастьян Верон произвел свободный удар на 45 метров внешней стороной правой бутсы, и мяч приземлился прямо на ногу несущегося вперед Павла Недведа. Такие пасы обычно выполнял Мишель Платини.

Верон, двадцатишестилетний аргентинский полузащитник, которого на прошлой неделе за 28 миллионов фунтов купил «Манчестер Юнайтед», имеет перспективы стать лучшим футболистом мира. Он — «два в одном»: сочетание Зинедина Зидана и Роя Кина. Худой, ростом 188 см, с татуировкой, изображающей Че Гевару, бритой головой и бородой-эспаньолкой. Похож на пирата, но рожден для футбола. Но не случайно «Юнайтед» отдал за него почти вдвое меньше, чем мадридский «Реал» за Зидана. И дело не в том, что у испанцев больше прибыль.

Карьера знаменитого футболиста началась еще до рождения. Его отец Хуан Рамон Верон по прозвищу «Ла Бруха» («Ведьма») был левым нападающим клуба «Эстудиантес». Это он 25 сентября 1968 года на стадионе «Олд Траффорд» забил гол, лишивший «Юнайтед» титула чемпиона Клубного кубка мира ФИФА. Это в его честь промокшие под дождем аргентинские болельщики скандировали: «Если увидишь ведьму на метле — это Верон, Верон, Верон!»

Хуан Себастьян Верон появился на свет в 1975 году в Ла-Плата. В детстве он спокойно мог угнать отцовскую машину («Я всегда был психом»). Прогуливал школу («Мои оценки стремились к нулю»). В пятнадцать лет начал вести активную сексуальную жизнь («Как все, с проституткой»). Тем не менее парень обладал способностями «читать» игру, пасовать и отбирать мячи. Как только Брухита («Ведьмочка») пришел в основной состав «Эстудиантес», Диего Марадона заявил: «Недавно я видел смелого молодого футболиста. Его зовут Верон. За ним — успех».

Шесть лет, шесть клубов и несколько «Феррари» спустя пророчество отчасти сбылось. С одной стороны, карьера Верона стабильно идет в гору: из «Эстудиантес» через «Бока Хуниорс», «Сампдорию», «Парму» и «Лацио» — в «Манчестер Юнайтед». Он не просто ходячая сенсация для бульварной прессы. Его считают одним из лучших футболистов. С другой — играет он неровно,

ниже своих возможностей, не используя отпущенный потенциал. Когда Верон подписал контракт с «Манчестер Юнайтед», главный тренер сэр Алекс Фергюсон оценил его так: «Нам нужен игрок, способный все изменить. Болельщики хотят видеть в команде только лучших футболистов. Сегодня у нас такой появился».

Но действительно ли Верон лучший? Спортсмены оценивают друг друга по числу трофеев. Шкаф с наградами Брухиты хранит по большей части футбольные трусы, которые он коллекционировал. Он выиграл два Кубка Итальянской лиги (не слишком большое достижение), Кубок УЕФА в составе «Пармы» и Скудетто в составе «Лацио». И в то же время из игроков «Юнайтед» у него меньше всего медалей. Но награды для Хуана Себастьяна не главное. Возобновляя контракт с «Лацио» в 1999 году, он сказал: «Мне нравится Рим, так как напоминает Буэнос-Айрес, поэтому я решил здесь остаться».

Он отлично себя чувствовал, зарабатывая миллионы в Вечном городе, где болельщики не требовали от него трофеев, а он выкладывался всего на 75 процентов и имел выходные дни. Вот почему сейчас он стоит вдвое меньше Зидана. Серджио Краньотти, владелец «Лацио», как-то назвал Верона «новым Платини», но сравнение быстро потеряло смысл. Тот забивал, Брухита — нет. Несмотря на превосходный удар, за последние шесть лет в играх лиги на его счету всего двадцать четыре мяча. Кроме того, Платини хорошо удавались свободные удары. Верон, которому стало скучно с командой, после субботней тренировки «Лацио» начал практиковаться в футбольном мастерстве с Синишей Михайловичем. Но похожий на бродягу югослав обычно бил лучше.

Известный полузащитник мог и дальше наслаждаться жизнью в Риме, если бы не скандал с поддельными документами. Якобы агенты аргентинца, стремясь избежать «ограничений на иностранцев», выправили ему итальянский паспорт, приписав в прадеды некоего Джузеппе Антонио Порцеллу, в то время как настоящим предком футболиста был житель испанского вице-королевства Рио-де-Ла-Плата по имени Иренео Портелья. На Верона подали в суд, его карьера оказалась под угрозой. В итоге футболиста оправдали, но ему пришлось уйти из «Лацио». В январе его агент ездил в Англию, пытаясь добыть контракт с «Ливерпулем». Позже футболист высказал желание играть в «Барселоне». О его приобретении поговаривал мадридский «Реал», но затем предпочел более дорогостоящих игроков. И тут аргентинец вспомнил, что к нему проявлял интерес «Манчестер Юнайтед», и на прошлой неделе англичане торжественно объявили о состоявшейся сделке. Верон совершил серьезный

поступок, переехав в страну, о которой почти ничего не знал. В клуб, куда попал впервые, проходя медицинское обследование. Но и Фергюсон, заключив контракт с футболистом, не всегда оправдывающим ожиданий, рисковал не меньше.

Человека, который склонил обоих к сотрудничеству, зовут Свен-Ёран Эрикссон. Именно швед в свое время устроил аргентинца в «Лацио», а теперь посещает «Юнайтед» чаще остальных клубов. «У него даже есть именное кресло в зале заседаний правления», — делится инсайдер. Это он убедил Фергюсона, что тот сможет сделать из Верона крепкого профессионала, и раскрыл последнему преимущества «Юнайтед» — клуба, о котором хорошие игроки зачастую отзываются с пренебрежением. Все-таки жить в солнечной Барселоне, по словам голландского полузащитника Филиппа Коку, не то же самое, что под бесконечными дождями северной Англии. Да и платят здесь меньше, чем конкуренты. 50 тысяч фунтов в неделю, которые получает Рой Кин, для Верона могут считаться оскорблением.

Что предлагает «Юнайтед», так это медали и свободный образ жизни. Ни один европейский клуб не выиграл за последние десять лет столько наград. И, как обнаружил Фабьен Бартез, здесь можно позволить себе почти все. В Италии футболисты практически живут в тренировочном лагере. В «Юнайтед» собираются на «Олд Траффорд» всего за пару часов до начала состязания, даже перед самыми важными матчами Лиги чемпионов.

«Внешне все дружески настроены и довольно расслаблены», — рассказывает инсайдер. Тем не менее, что очень важно в случае с Вероном, спортсмены подчиняются строгим правилам социального контроля. Например, Марк Боснич, который явился на тренировку не в форме, был тут же оштрафован. А слишком расслабившегося Дуайта Йорка другие игроки сами не замедлили призвать к порядку. Тому, кто не спешит выкладываться на тренировке, приходится иметь дело с Кином. Тут Верону не позволят отправлять красивые 45-метровые пасы в никуда. Ему придется играть в полную силу или уйти, так и не реализовав свой талант. Возможно, «Юнайтед» нужен ему больше, чем он «Юнайтед».

В 2010 году на Кубке мира в Южной Африке я наблюдал за игрой тридцатипятилетнего Верона в составе сборной Аргентины. Странно, но он напомнил Майка Бриарли, бывшего капитана команды Англии по крикету. Тот считался кем-то вроде «неиграющего капитана» — великолепно «читал» игру, но

действовать столь же превосходно не мог. Таким был и Брухита. Постаревший бритоголовый человек едва передвигался по полю. И все же для его старого друга Марадоны этого было достаточно.

Рууд ван Нистелрой

Август 2001 года

Рууд ван Нистелрой до сих пор не может понять ни слова из речи Ники Батта. Манчестерский акцент последнего так могуч, что приходится просить Яапа Стама выступить переводчиком. Однако голландский бомбардир быстро учится. Каждый день он практикуется в диалекте: произносит «Бутти», растягивая «у» и пропуская два «т»: «Буу'и». Он всего месяц находится на «Олд Траффорд», а его английский безнадежно испорчен.

Иан Раш, вспоминая о своей жизни в Италии, говорит, что чувствовал себя как в чужой стране. Ван Нистелрой хорошо его понимает. Вся предыдущая жизнь футболиста была подготовкой к сегодняшнему моменту, но раньше он никогда не сталкивался с чем-то напоминающим «Олд Траффорд». Ни одному игроку «Юнайтед» не пришлось проделать столь длинный путь, чтобы попасть в клуб.

1 июля 1976 года, в тот день, когда в Амстердаме родился Патрик Клюйверт, в Оссе, на юге Голландии, на свет появился Рууд ван Нистелрой. (И это уже интрига: может быть, они близнецы, разлученные после рождения?)

Родители Клюйверта были суринамскими иммигрантами. Его отец тоже играл в футбол и стал легендой в голландской Вест-Индии. Еще в начальной школе Патрик поступил в «Аякс». Клюйверт был рожден для величия.

Ван Нистелрою пришлось добиваться высот собственным трудом. Отец мальчика был механиком и чинил радиаторы, дед разводил скот, а его первый футбольный клуб назывался «Ноойт Гедахт», да и вырос он в совершенно неподходящем месте.

Будущий нападающий провел детство в деревне Геффен под Эйндховеном, к югу от великих рек, рассекающих Нидерланды. В провинции Брабант, где почти все население — католики. Более дружелюбные и не такие высокомерные, как северяне. Здешние жители больше похожи на бельгийцев, чем на голландцев.

Юг Нидерландов не рождает футболистов, только велосипедистов. Почти все лучшие игроки страны — Кройф, ван Ханегем, Крол, Ренсенбринк, ван Бастен, Гуллит, Райкард, братья де Бур, Бергкамп, Клюйверт, Давидс и многие другие — родились к северу от великих рек. Преимущественно в Амстердаме или близлежащих городах, например Утрехте. Из голландцев, играющих сейчас на международной арене, только ван Нистелрой

и Будевейн Зенден (парень из Маастрихта) — представители юга.

Юг не рождает футболистов потому, что не может предложить им надлежащего обучения. В «Ноойт Гедахт» ван Нистелроя воспитывали жизнерадостные энтузиасты, которые, как сказали бы голландцы, знали о футболе не больше обычного англичанина. Как бы прискорбно это ни звучало. Рууд не обладал выдающимся талантом футболиста, но очень хотел стать профессионалом.

Мальчик неплохо учился в школе, но все свободное время бил мячом о двери гаража и писал письма кумирам с просьбой об автографе. «Это фотография на мой день рождения с подписью Джонни Босмана», — вспоминал он недавно в интервью голландскому журналу Voetbal International. Кстати, Рууд до сих пор обижен на бывшего вратаря «Аякса» Стэнли Менцо: «Он мог сначала проверить, пишет ли ручка, а не царапать фотографию. Думаю, это было слишком небрежно».

Так голландские дети болеют за футбол — они любят игроков, а не команды. Когда ван Нистелрой вошел в состав «Манчестер Юнайтед», британская пресса задала ему традиционный вопрос: за какой клуб он болел в детстве? Спортсмен его не понял. Он болел за Марко ван Бастена.

В четырнадцать лет Рууд ушел из «Ноойт Гедахт» в могучий «Маргрит» из Осса. Вскоре его пригласил на пробный матч местный профессиональный клуб «Ден Босх». И тренер молодежной команды до сих пор помнит, как подросток, забив гол, стал прыгать и кричать от радости, вместо того чтобы, как любой нормальный голландский ребенок, сделать вид, будто ничего особенного не случилось. В семнадцать лет ван Нистелрой дебютировал в «Ден Босхе», где провел еще два года, чаще всего играя на позиции центрального полузащитника.

Тем временем Клюйверт забил решающий гол в финале Лиги чемпионов и вошел в состав сборной Голландии.

Скоро, к невероятной радости Рууда, его пригласили в «Херенвен», где он и начал преображаться. До сих пор футболист играл довольно топорно: был быстрым и рьяным, но плохо контролировал мяч и почти не умел «читать» игру. В 1997 году Клюйверт стоит тридцати ван Нистелроев. Но Фоппе де Хаан, тренер «Херенвена», все-таки решил, что в парне что-то есть. А именно — его необычно широкие ступни, которые, как утверждал наставник, так же чувствительны, как у других людей руки. Он отправил игрока на матч сборной Голландии изучать Денниса Бергкампа.

Страстно желая учиться, постепенно превращаясь из стройного юноши в мускулистого мужчину, благословенный теми

самыми широкими ступнями, через девять месяцев игрок перерос «Херенвен». В 1998 году эйндховенский «ПСВ» отдал за него 4,7 миллиона фунтов. Это была самая большая сумма, когда-либо заплаченная голландским клубом, и все считали это глупостью. Ван Нистелрой оправился в Эйндховен, где ему объявили, что он начнет со скамейки запасных. Тогда он все еще был по большей части атакующим полузащитником.

Бобби Робсону посчастливилось в том году быть тренером «ПСВ». Клуб, не имевший ни плана, ни тактики, спасал ван Нистелрой, забивший в играх лиги тридцать один мяч. При этом ему почти не требовалось руководство наставника. Рууд — голландец, но не «голландский футболист», как и Стам, еще один провинциал из Нидерландов. Это Дэвида Бекхэма — блондин, красивые передачи, не умеет отбирать мяч, самовлюблен — как раз и можно считать таковым.

Здесь снова приходит в голову сравнение с Клюйвертом, который был воспитан как типичный «голландский футболист». Он всегда ищет искусный пас, никогда не бьет по воротам с неудачного угла и не пытается обвести двух защитников сразу, ведь это вульгарно. Патрик упускает хорошие шансы, потому что если они есть, то забить может каждый. Только правильный игрок может дать искусный пас. Ван Нистелрой играет как южноамериканец: спринт, давление, кидается во все стороны, постоянно бьет. У него такие же физические данные, как у Клюйверта (может быть, они все же родственники?), но он лучше их использует.

Его герой — ван Бастен. Но больше всего бомбардир похож на Габриэля Батистуту. Оба — универсальные игроки, сложенные точно быки (любопытно, что семьи обоих когда-то разводили скот), и оба редко промахиваются. Они почти всегда отправляют мяч под перекладину. Такую простоту «голландские футболисты» обычно презирают, о чем Ван Нистелрою известно. К концу 1990-х годов он был более результативным нападающим, чем Бергкамп, но ужаснулся бы при мысли занять его место в национальной сборной. Деннис — голландский футбол во плоти (как минимум его скелет). А Рууд — просто деревенский парень, забивающий голы.

В октябре 1999 года я видел его в матче Голландия — Бразилия. Очевидно, футболист решил, что в такой благородной компании его метод прорываться сквозь защиту и забивать мячи нужно как-то облагородить. Поэтому действовал третьеразрядный Клюйверт, пасуя неизвестно куда.

Тем не менее в аэропорту Эйндховена пришлось вводить дополнительные рейсы, чтобы принять поток иностранных

футбольных тренеров. Арсен Венгер присматривал его для «ПСВ», Джанлука Виалли — для «Челси», мадридский «Реал» был не прочь пополнить им свою коллекцию, в Италии он тоже вошел в моду. Что неудивительно: в двадцати трех матчах Лиги сезона — 1999–2000 Рууд забил двадцать девять мячей и вполне мог побить голландский рекорд за сорок три года: сорок три мяча в сезоне. Может, это мистика, но третий раз за десять лет в эйндховенском «ПСВ» оказался лучший молодой бомбардир мира. До него были Ромарио и Роналдо. Четвертым вполне может стать двадцатидвухлетний югослав Матея Кежман, который в прошлом году, в свой первый сезон в «ПСВ», забил двадцать четыре гола в играх лиги.

Ван Нистелрой мог выбрать любой клуб. Он считал итальянскую лигу лучшей в мире, но боялся, что нападающим в ней приходится слишком сложно. Английский футбол казался более подходящим для его простого стиля. Возможно, он выбрал «Манчестер Юнайтед» после встречи с Алексом Фергюсоном. Должно быть, для него она была все равно что разговор с ван Бастеном или даже со Стэнли Менцо. Сам сэр Фергюсон! Знаменитый футбольный тренер! Возможно, молодой спортсмен даже взял у него автограф.

В своей автобиографии Фергюсон пишет: «Я был весьма взволнован, ведь, просто посмотрев ему в глаза, понял, что передо мной — выдающийся молодой человек». Мы понимаем, что Рууд ван Нистелрой живет ради футбола. Интеллигентный и здравомыслящий, он никогда не попадал в скандалы, окружавшие Клюйверта. Единственным пятном на его репутации стало двухгодичной давности заявление от недоброжелателей, будто спортсмен иногда прибегает к «грязным» приемам, «ныркам». После чего футболиста какое-то время дразнили «Руди Маттеусом», в честь немецкого футболиста, которого в Голландии считают любителем «нырков».

В марте 2000 года у ван Нистелроя начались неприятности. Сначала травмировал колено и не прошел медосмотр в «Юнайтед». Затем, в «ПСВ», утром пятницы 28 апреля, отрабатывая удар головой, порвал крестообразную связку. Совершенно случайно тогда спортсмена снимало местное телевидение, и многие голландские болельщики до сих пор помнят, как он кричал от боли.

На следующий день, в восемь утра футболиста разбудил телефонный звонок Фергюсона, который пообещал, что он сможет вернуться в «Юнайтед», что бы ни случилось. Скоро тренер даже навестил его дома. Ван Нистелроя прооперировали в Вайле, Колорадо. Здесь он смотрел Евро-2000 по спутниковому

телевидению и тронул сердца болельщиков тем, что неистово вскидывал вверх костыли, когда сборная Голландии забивала гол.

На восстановление колена ушел почти год. В марте 2001 года нападающий вернулся в большой футбол. В апреле в лагере голландской национальной сборной, готовившейся к матчу с Кипром, Рууд сообщил товарищам по команде, что уходит в «Юнайтед». Они устроили ему овацию.

Может, это лишь фасад, а на самом деле ван Нистелрой обладает некими скрытыми пороками, но он нравится каждому, кто с ним встречался. «Он просто хороший, непосредственный парень», — отзывается о нем Стам.

В матче со сборной Кипра футболист вышел на замену и забил гол. В июне он вышел на замену в игре со сборной Эстонии и забил два мяча. Об этом стоит упомянуть, ведь это его единственные появления в международных турнирах. Форвард также участвовал в нескольких играх первого круга Лиги чемпионов. За всю свою карьеру он сыграл не больше шести матчей против команд высшего класса. Короче говоря, в свои двадцать пять он реже участвовал в «больших» играх, чем малыш Люк Чедвик, самый юный футболист «Юнайтед».

Возможно, ван Нистелрой кажется превосходным бомбардиром, но его никогда не проверяли. Кроме того, у него повреждено колено. На бумаге он не стоит 19 миллионов фунтов. Но в футбол играют не на бумаге.

Если кто и знает, что значит вернуться в спорт после серьезной травмы, так это Роналду. Увидев, как нападающий играет за сборную Голландии нынешней весной, бразилец заметил: «Я впечатлен его энергией. Она доказывает, что Рууд больше ничего не боится. Самое главное — когда ты можешь сделать все что нужно, и тело тебя не подведет».

Роналду добавил, что хотел попросить у ван Нистелроя его футболку. Возможно, она ему действительно не помешает: коллекционировать одежду — национальное бразильское хобби, как и переодеваться раз шесть в день.

Ван Нистелрой действует так, будто никогда не получал травм. Голландец без труда забивал мячи в течение подготовительных игр, и болельщики «Юнайтед» уже придумали для него речевку («Руууууууд!»). Он начинает сближаться с игроками. Однажды в Сингапуре они гуляли вместе всю ночь: начали в баре «Раффлз-отеля», а потом оправились в город. И ван Нистелрой, и Верон, который не говорит по-манчестерски, остались под впечатлением. «В Италии так не бывает», — сказал Верон.

Футболист подружился с Баттом и Гари Невиллом, у которых

в «Юнайтед» больше влияния вне поля, чем на нем, и на этом не остановился. Он ходит по «Олд Траффорд» и тренировочному полю в Керрингтоне, где знакомится с секретарями, охранниками и уборщиками: «Добрый день, я Рууд». Они с Фабьеном Бартезом, дружелюбным парнем, обладающим талантом комика, которого обожают дети, улучшают имидж «Юнайтед».

Но ван Нистелроя нельзя назвать кротким. Недавно на тренировке он отчитал Роя Кина за неудачный пас. Рууд пока не испытан и травмирован, но в «Манчестер Юнайтед» у него все будет хорошо.

Михаэль Баллак

Апрель 2002 года

В среду вечером Мишель Платини, не ожидая подвоха, посетил матч между Германией и Аргентиной. Его тут же прижали в углу немецкие журналисты и задали хитрый вопрос: что он думает о Михаэле Баллаке?

«Я о нем мало что знаю», — пробормотал француз. И вдруг его озарило: «Это тот большой немец, который забил голы головой и навесным ударом команде Хеллера? Как она называется? Кажется, “Ливерпуль”? Баллак, — продолжил Платини, — забил два разных гола. Разных — вот что важно».

До того как вывести маленький клуб из Леверкузена в полуфинал Лиги чемпионов, двадцатипятилетний Михаэль Баллак был почти неизвестен за пределами Германии.

Для немцев тут нет ничего странного. В национальном футболе двадцать пять почти как четырнадцать. Баллака до сих пор считают вундеркиндом, на него возлагают большие надежды. Что, кстати, не гарантирует любви болельщиков.

Как и многие лучшие футболисты страны, Михаэль родился в Восточной Германии. Вырос в саксонской деревне в семье инженера-строителя. Тренироваться начал в клубе, приписанном к предприятию «Мотор Карл-Маркс-Штадт». Параллельно учился в местной спортивной школе.

Он получил превосходное футбольное образование. Талантливых спортсменов в ГДР обязывали непрерывно тренироваться. И те, кто не сходил с дистанции, приобретали гораздо больше навыков, чем их товарищи с запада, где тренеры в основном пытались развлекать подопечных. Так что современный немецкий футбол во многом зиждется на выходцах из социалистического лагеря: Йенсе Йеремисе, Карстене Янкере, Александре Циклере и Ульфе Кирстене. Последний, кстати, успел поработать осведомителем Штази.

Когда пала Берлинская стена, Баллаку исполнилось тринадцать. Но, даже поступив в западный «Кайзерслаутерн», он оставался типичным робким восточным немцем. Здесь юноша проявил себя талантливым, но нестабильным игроком, и его продали в «Байер Леверкузен» за 2,5 миллиона фунтов, где «в качестве небольшой провокации» он выбрал футболку с номером 13, когда-то принадлежавшую местному герою Руди Фёллеру, забивавшему, даже получая травму. Тут в «портфолио»

вундеркинда вошел автогол, стоивший команде титула Бундеслиги. А во время Евро-2000 ему пришлось находиться на поле всего шестьдесят три минуты.

Затем что-то случилось, и Баллак прекрасно заиграл. За ним стали охотиться «Реал» и «Барселона». Но футболист отправился в «Баварию», которая заплатила за него почти 30 миллионов фунтов. Кстати, сделка состоялась до банкротства компании — обладателя прав на прямые трансляции матчей Бундеслиги. Так что мюнхенцы, возможно, жалеют о такой баснословной цене.

Кажется, его трансформация совпала с переходом на позицию атакующего полузащитника. Невероятно разноплановый игрок, способный ворваться в штрафную и забить головой, в прошлом впустую тратил талант, выполняя роль либеро или опорного полузащитника. Сейчас он, как говорится, «два в одном» — центральный полузащитник, так же хорошо атакующий, как и действующий в защите. Новый Лотар Маттеус.

Еще одна перемена произошла в психологии Баллака. «Считаю, что теперь я более уверен в себе как игрок», — говорит он. Причем настолько, что журнал Der Spiegel, страж немецкой демократии, назвал его «высокомерным». А спортивные обозреватели поставили на третье место в списке футболистов, которых меньше всего любят игроки Бундеслиги.

Отчасти дело во внешности. На первый взгляд Баллак похож на пещерного человека. Кроме того, он хорошо одевается, что в Германии считается подозрительным. Элегантно играет. Прямой осанкой и темными вьющимися волосами напоминает молодого Франца Беккенбауэра. Райнер Кальмунд, главный менеджер «Байер Леверкузен», прозвал Михаэля «маленьким кайзером».

Но ему присущ эгоизм. Баллак — командный игрок, но он так и не впитал коллективистскую этику футбола. Да, «Байер Леверкузен» не тот клуб, где мечтают играть с детства. И утверждать, что кто-то «готов умереть за его футболку», — смешно. Однако индивидуализм футболиста переходит границы.

После Евро-2000 он брюзжал, что турнир «ничего ему не дал». Правдиво. Но бестактно. Особенно в атмосфере общенациональной скорби. Баллак позволил себе обругать тренера Берти Фогтса, заменившего его во время матча. А когда мадридский «Реал» предложил «Байер Леверкузен» астрономическую сумму трансфера, то лично отверг ее, сказав, что важнее то, «что сам зарабатываешь».

«Ему ничего нельзя сказать. Он ведь чемпион мира», — говорит Кристиан Циге. Когда слова передали Баллаку, тот заявил, что товарищ по сборной Германии просто разозлился из-за инцидента в ходе тренировки. «Я его сбил. Он спросил: “Ты

что, с ума сошел?” Я ответил: “Заткнись, в чем дело?”»

Кажется, критика не беспокоит Михаэля. В интервью Der Spiegel отец футболиста сказал, что сын, к счастью, «не из тех, кто слишком много думает». И более того, его «это все совершенно не трогает».

И на то есть причины. В Германии Баллак много лет играл ниже своего уровня. Его звездным часом стали три мяча в плей-офф в матче в Мюнхене, когда со счетом 5:1 была разгромлена сборная Украины. Немецкая команда получила путевку на чемпионат мира. На месте полузащитника он стал вторым по результативности форвардом Бундеслиги, забив пятнадцать мячей. И во многом благодаря ему «Байер Леверкузен» имеет шансы выиграть титул Лиги чемпионов.

Для 99,9% немецких футбольных фанатов, которые болеют не за «Байер Леверкузен», полуфинал против «Манчестер Юнайтед» — прелюдия к главному событию лета. Стране недостает героев спорта. Даже германские теннисисты не так хороши, как раньше. И самооценку нации поддерживают только братья Шумахеры[17]. Баллак появился как раз вовремя — накануне чемпионата мира. Национальная сборная вновь начинает выглядеть достойно. Но она же не собирается выиграть Кубок мира, не так ли?

Однако она подобралась к победе пугающе близко. Бедняга Баллак пропустил финал, получив вторую желтую карточку во время полуфинальной игры с Южной Кореей. Несмотря на все национальные награды Англии и Германии, он рискует уйти в историю в качестве выдающегося неудачника. Проиграл два финала Лиги чемпионов (один — по пенальти), оказался вторым и третьим на Кубке мира, а затем вторым на Евро-2008. Превосходным окончанием его карьеры может стать победа сборной Германии на Евро-2012. Но без него.

Рио Фердинанд

Июнь 2002 года

Даже бразильцам приходится ломать голову над тем, как пробить защиту англичан, не пропустившую ни одного гола за три игры. Можно попробовать переиграть Дэнни Миллза или Эшли Коула у линии ворот. Но тут вас наверняка остановят Рио Фердинанд и Сол Кэмпбелл. Путь через центр, охраняемый Ники Баттом и Полом Скоулзом, пугает даже Ривалдо или Роналду.

Вчера Сол Кэмпбелл занял левый фланг центральной защиты, Рио Фердинанд — правый, и оба игрока продемонстрировали противоположные стили игры. Пока первый опекал бомбардира датчан Эббе Санда, второй следил за происходящим на поле и азартно командовал другими защитниками. Но когда очередной датчанин шел в атаку, то просто наблюдал, как с ним расправляются Кэмпбелл и Миллз. Фердинанд — «смотритель», а не «чистильщик». Он расцвел в роли лидера, которую получил благодаря курсу на омоложение команды, положенному Свеном-Ёраном Эрикссоном.

По словам Джимми Флойда Хассельбайнка, в сборной Англии два лучших центральных полузащитника — это Фердинанд и Мартин Киоун. Из-за последнего, считает бомбардир «Челси», вы заканчиваете игру в синяках. В то время как первого «почти не видно».

Действительно, игрок «Лидса» может за весь матч ни разу до вас не дотронуться, но не даст ни единого шанса подобраться к воротам. Фердинанда больше интересует направление атаки, чем происходящее вокруг него.

Легкостью движений он напоминает Алессандро Неста из сборной Италии. Высокий, быстрый, комфортно чувствующий себя с мячом — почти совершенный свипер (свободный защитник). Он не просто охраняет ворота, но организует защиту. Фердинанд и Кэмпбелл составляют, возможно, идеальную комбинацию для чемпионата мира. Вместе они уничтожили тактику Аргентины: выполнять подачи с флангов для Габриэля Батистуты. Да и вчера датчане не забили ни одного мяча головой. Кроме того, два из пяти голов сборной Англии оба игрока забили из дальних углов. («У Рио был автогол, — настаивает Кирон Дайер. — Так что это не его заслуга»).

На стадионе «Ниигата» Фердинанд даже удостоился парочки коротких речевок — редкая честь для защитника. А Дайер спел

ему неожиданный панегирик: «Я действительно считаю, что Рио в его нынешней форме не просто лучший защитник, а лучший игрок мира».

Заявление было сделано вслед выступлению Вива Андерсона, сказавшего, что Фердинанд «недотягивает до мирового уровня».

«На сорок пятой минуте матча с Нигерией Андерсон взял свои слова обратно!» — отметил Дайер.

Иностранные журналисты согласны: Фердинанд — один из двух-трех лучших защитников чемпионата. Они очарованы его энергетикой. Один из них признается мне, что игрок кажется выше, чем на самом деле. А другой заявляет, что он, подобно Оливеру Кану, внушает мистический ужас нападающим еще до того, как отберет у них мяч.

Но пока мы еще не слишком переоценили двадцатитрехлетнего «нового Бобби Мура» (а я заметил, что нация слишком им увлеклась), стоило бы указать на некоторые его недостатки.

Фердинанд не умеет как следует отбирать мяч. Он почти всегда стоит прямо, что, конечно, придает элегантности, но иногда центральному полузащитнику не мешает запачкать футболку. Как-то в конце первого тайма он позволил сопернику обойти себя и подобраться опасно близко к линии ворот. А когда Санд или Йеспер Грёнкъер вводили мяч в штрафную, даже не пытался противостоять им — просто отталкивал, стремясь увести от цели. В такие моменты хочется, чтобы Рио не был старомодным английским центральным полузащитником.

Изредка футболист лениво делает пас, но он не Барези или Беккенбауэр. Как правило, Фердинанд отправляет снаряд недалеко — лучше всего в центр поля или (что более рискованно) Миллзу или Кемпбеллу. И все же приятно видеть, как защитники английской сборной перебрасываются снарядом с таким видом, будто более или менее точно знают, куда он попадет.

Сборная Бразилии (если завтра сборная Бельгии не перевернет мир) будет самым важным испытанием в карьере Фердинанда. Не только потому, что вышла в четвертьфинал чемпионата мира, но и потому, что имеет двух центральных форвардов. И один из них — гений. За ними стоит Ривалдо, который ничто не любит так, как дриблинг в центре защиты (когда не бьет с 50 ярдов). В пятницу в игре со сборной Бразилии Фердинанду все же придется почаще отбирать у бразильцев мяч.

Роберто Карлос

Декабрь 2002 года

«Дело не во мне, — говорит Роберто Карлос, держа в руках чашку кофе (испанские зимы такие суровые!). — Награда предназначалась не только Роберту Карлосу — пришло время оказать честь работе защитника. Кроме того, у меня не будет лучшего шанса ее получить. Я не могу сделать больше, чем в нынешнем году. Невозможно стать обладателем стольких титулов всего за триста шестьдесят пять дней! Я вхожу в стартовый состав в каждой игре и в своем клубе, и в национальной сборной. Выкладываюсь в каждом матче. Что еще требуется, чтобы получить награду?»

«Золотой мяч» (титул лучшего футболиста Европы) действительно должен был оказаться в багажнике его красного «Феррари». Но сегодня победителем объявят Роналдо, Карлос окажется вторым. Оливер Кан, вратарь сборной Германии, — третьим. Однако «Супермалыш» мадридского «Реала» — всего за несколько последних месяцев ставший победителем чемпионата Европы, чемпионата мира, европейского Суперкубка и Клубного кубка мира ФИФА — несомненно, заслуживает награды.

Карлос родился в небольшом городке рядом с Сан-Паулу двадцать девять лет назад. Его назвали в честь модного тогда бразильского эстрадного певца. Возможно, в качестве компенсации за рост (всего 167 см) ему достались ноги, такие же мощные, как у Мухаммеда Али в лучшие дни. Сам он считает, что его фигура — результат перетаскивания тяжелых механизмов на отцовской ферме и детского увлечения велосипедным спортом. Если сказанное им правда, то все деревни стран третьего мира давно бы населяли супергерои из мультфильмов.

Ноги привели его в «Палмейрас». Летом 1995 года, совершая тур по Европе со сборной Бразилии, он уверенно заявлял: «Я собираюсь стать лучшим левым защитником в мире. Я лучше Паоло Мальдини». Юношеского высокомерия он не утратил до сих пор. Как и Али, Карлос постоянно задирает соперников. Так, накануне полуфинала чемпионата мира сказал, что сборной Бразилии нужно всего 60–70% ее потенциала, чтобы выиграть у Турции, а не предсказанные ранее 40%. Противники обычно не отвечают. Знают, что он прав.

Карлос обладает простодушием человека, не испытавшего тягот судьбы и ставшего мультимиллионером благодаря

природным талантам.

Персоналу кафетерия «Реала», как, впрочем, и почти всем журналистам, он нравится больше, чем чопорный интраверт Рауль. Хотя кое-кто из бразильцев утверждает, что при виде целый день хохочущих Роберто и его закадычного друга Денилсона на ум приходит мысль о «двух идиотах».

В 1995 году Супермалыш пришел в миланский «Интер», и тренер Рой Ходжсон практически запретил ему пересекать среднюю линию поля. Через год футболиста продали в мадридский «Реал» за 3,5 миллиона фунтов, что меньше суммы покупки.

Из всех упреков в адрес трансферной политики «Интера» продажа Карлоса остается самым главным, так как ни в одном человеке в мире не содержится столько потенциала в пересчете на каждый сантиметр роста. Он пробегает стометровку за 10,6 секунды. Вбрасывание «от Роберто» составляет больше 20 метров. Его маленькие, даже по стандартам великих футболистов или средневековых китайских дам, ступни могут отправить мяч в полет со скоростью 90 миль в час. И он никогда не получает травм. За последние пять лет никто не сыграл больше матчей на турнирах высшего уровня.

К сожалению, левые защитники никого не интересуют. Это место, где прячут слабаков, поэтому Карлос оставался почти незамеченным до двадцати четырех лет, пока в матче между Бразилией и Францией не произвел свободный удар. Мяч летел гораздо дальше штанги, но вдруг изменил направление, повернул на несколько метров и приземлился прямо в ворота. Французский голкипер Фабьен Бартез так и застыл на месте.

Карлос — мастер крученого мяча, бьет тремя пальцами с внешней стороны стопы. Это довольно неэффективный способ для свободного удара, и он достигает ворот реже, чем удары Синиши Михайловича или Джанфранко Дзола, но больше никто не выполняет его так красиво. Не зря комментатор как-то произнес: «Он — один из совершенно уникальных игроков».

На самом деле имя человека, которого Карлос считает примером для подражания, звучит неожиданно. «Бранко, игравший в сборной Бразилии на моей позиции, — говорит защитник. — Обычно он включался в атаку так же часто, как я. Его тоже считали специалистом по свободным ударам».

Отбирать мяч Роберто тоже умеет, и ни в одной точке поля от него нет спасения. Благодаря непревзойденным рефлексам он способен ждать до последней секунды, пока бомбардир практически не завершит удар. Так, решающий момент финала Лиги чемпионов 2000 года наступил в центре поля, когда Гаиска

Мендьета из «Валенсии» возник в нескольких метрах от левого фланга «Реала». Только он собрался применить какую-то хитрость, как Карлос мгновенно подскочил к нему и унесся, забрав мяч. Когда Мендьета обернулся, пытаясь понять, что случилось, Супермалыш уже исчез из виду. Психологически исход финала был предрешен.

Карлос обладает тремя медалями Лиги чемпионов, но еще не выигрывал Кубок мира. А в Бразилии именно эта награда отличает мастера от посредственных игроков, над которыми потешаются на улицах. «Бразильцы от него не в восторге. Он один из тех, кто уехал настолько давно, что теперь воспринимается европейцем», — говорит Алекс Беллос, автор книги «Футбол: бразильский образ жизни»[18] (Futebol: The Brazilian Way of Life).

Супермалыш выглядит как обычный парень из низов, так что роскошная женщина из Рио, столкнувшись с ним в номере Флавио Консейсао, приняла спортсмена за служащего отеля. Тем не менее его образ жизни, «ролексы» и дорогие украшения раздражают бразильцев. И чтобы заслужить немного уважения, ему нужно выиграть Кубок мира. Казалось, в начале последнего чемпионата мира он был уверен в победе своей команды. После нескольких первых матчей знатоки твердили, что у Бразилии слабая защита, но на самом деле Карлос и Кафу не утруждали себя, играя против таких противников, как сборные Бельгии или Коста-Рики. Они развлекались, и кого волнует, что думает об этом тренер Фелипе Сколари? Кто главнее в символическом смысле, Карлос или Большой Фил? Карлос или босс «Реала» Висенте дель Боске?

Матч Бразилия — Англия был серьезнее, и Супермалыш вновь продемонстрировал талант раздражать окружающих. Он вел себя как единоличный хозяин поля, брал в руки мяч, как только рефери назначал свободный удар и той, и другой команде. Другие любители тянуть время на чемпионате мира получали по желтой карточке, но ни у одного судьи не хватило духу наказать Карлоса. Даже после гола Майкла Оуэна он продолжал оттягивать каждый свободный удар англичан. Сначала те инстинктивно кидались в борьбу, но скоро поняли, что и так выигрывают, и оставили его в покое.

Затем Роберто начал давить, пытаясь заставить британцев бить свободный удар немедленно. Он не тянул время, а стремился контролировать темп игры и демонстрировать собственное превосходство соперникам и судьям. Все в духе книги «Теория и практики игр, или Искусство победить в игре не плутуя»[19] (Theory and Practice of Gamesmanship: or, The art of winning games without actually cheating) Стивена Поттера. Если бы

существовала награда для самого раздражающего футболиста в мире, Карлос получал бы ее ежегодно. Так, Хосе Луис Чилаверт, вратарь сборной Парагвая, наверное, с удовольствием вспоминает момент, когда плюнул ему в лицо во время игры с Бразилией, несмотря на то что за этот поступок был отстранен от игр Кубка мира. «Я бы сделал это снова. Карлос показал свои яйца и оскорбил мою страну», — говорит Чилаверт.

Скорость, сила, тяжеловесность и бесстыдство — вот рецепт успеха Карлоса. На деле ему недостает лишь двух качеств: видения и концентрации.

В матче Лиги чемпионов с «Миланом» в прошлом месяце он то и дело выполнял красивые 50-ярдовые прямые забросы. Они были бесцельными, парочку перехватили в опасном положении, но никто иной не выполнил бы их так красиво. Самым удивительным в матче было само участие Супермалыша. Он только что прилетел с товарищеской встречи между сборными Бразилии и Южной Кореи и скоро должен был лететь на Дальний Восток на финал Клубного кубка мира ФИФА в Йокогаме. Но футболист не упускает возможности выйти на поле. Какой игрок мадридского «Реала» сыграл в этом сезоне больше всего игр? Правильно — Карлос. Двадцать три матча. Более хитрый вопрос: кто резервный левый защитник «Реала»? Кажется, такого нет.

Для тренера Карлос полезнее эпизодического гения Роналду. Кроме того, он позволяет сэкономить на зарплате левого защитника, которому оставалось бы только путаться у него под ногами. Левый фланг «Реала» состоит из Супермалыша и хорошего вингера.

Факт, что Роберто не получил «Золотой мяч» из-за того, что он защитник, неприятен вдвойне. Так как он не только защитник. Вряд ли найдется команда, безумная настолько, чтобы выпустить на поле вингера против сборной Бразилии или «Реала», поэтому обычно он свободно руководит игрой. Тем не менее Йохан Кройф беспечно замечает: «Он защитник, и я думаю, что у него меньше достоинств, чем у других кандидатов на “Золотой мяч”».

«Иногда кажется, что у футбола есть только атакующая сторона, — говорит Карлос. — Но это не так. Да и с голосованием что-то странное. У меня такое чувство, что победителя определяют в первую очередь маркетинговые интересы».

Или еще хуже. «Роналду — мой очень хороший друг и товарищ по команде. На его счету больше всего голов на Кубке мира, он забил в финале Межконтинентального кубка. Не стоит забывать, именно я тогда дал пас. И в тот момент понял, что подарил ему “Золотой мяч”».

Так что некого винить, кроме самого себя.

Деннис Бергкамп

Май 2003 года

Товарищеская встреча с миланским «Интером» в августе 1995 года была первым матчем Бергкампа на стадионе «Хайбери». Он совсем недавно покинул команду нынешних соперников, где его постоянно дразнили за странные пристрастия в одежде. Бывший товарищ по итальянской команде Никола Берти попытался и тут продолжить издевательства. Он тренировался в остроумии до тех пор, пока Тони Адамс не посоветовал оставить Денниса в покое. Берти отстал, но был настолько взбешен приказом, что несколько минут спустя ударил мальчика, подбирающего мячи.

Поддержка центрального защитника «Арсенала» стала первым свидетельством того, что на «Хайбери» голландец будет чувствовать себя как дома. Восемь лет спустя, через два дня после его тридцатичетырехлетия, собираясь забрать вторую медаль победителя Кубка Англии, Деннис может вспомнить ставший определяющим в карьере период.

После матча с «Интером» мы с двумя голландскими журналистами пробрались в мраморные палаты «Хайбери». Здесь находилась и семья Бергкампа, которая ждала, пока их мальчик переоденется. Отец футболиста, водопроводчик, стоял, заложив руки за спину, и изучал фотоснимки великих игроков «Арсенала».

Возможно, он знал их всех. Как и многие голландцы его поколения, Бергкамп-старший — англофил. Каждое лето он сажал в машину сыновей, одного из которых назвал в честь Дениса Лоу, и совершал с ними паломничество в Англию.

Пока мы ждем Бергкампа, появляются вингер голландцев Гленн Хелдер и Иан Райт. Последний пожимает нам руки. Слова он произносит медленно и громко — так общаются с иностранцами или идиотами. «Иан, покажи ребятам, чему я тебя научил», — обращается к нему Хелдер и с отеческой гордостью наблюдает, как англичанин с сосредоточенным видом прыгает и кричит по-голландски: «Отвяжись, грязная обезьяна!» На «Хайбери» новички из Нидерландов чувствуют себя желанными гостями.

Тем же вечером Бергкамп вспоминает напечатанную когда-то в амстердамской газете статью, где утверждалось, будто он — единственный игрок «Аякса», не имеющий подруги. Публикация до сих пор вызывает у футболиста возмущение. Он никогда не чувствовал себя комфортно в голландском клубе. Команда

гламурных знаменитостей не принимала застенчивого мальчишку из католической семьи. И тот часто оказывался в резерве или в молодежной команде, иногда играл на месте правого защитника и всегда находился на грани вылета.

Когда семнадцатилетнего Бергкампа пригласили в первый состав «Аякса», он ответил: «Не хочу». Его беспокоило не качество собственной игры, а то, что придется вливаться в незнакомый коллектив. В дебютный сезон 1986/87 года он почти всегда действовал на месте правого крайнего, подальше от так пугавших его центральных защитников. Шестнадцать лет назад (13 мая 1987 года) в Афинах Деннис вышел на замену, когда «Аякс» выигрывал у лейпцигского «Локомотива» со счетом 1:0 в финале Кубка обладателей кубков. Бергкамп тогда еще учился в школе, выполняя домашние задания в перерывах между тренировками и играми.

Он играл в «Аяксе» до 1993 года, завоевал множество национальных наград, Кубок УЕФА и забивал голы, оставшиеся в памяти некоторых голландцев до сих пор.

Потом был «Интер». Здесь он получил прозвище Бивис, по имени персонажа известного мультфильма, но не добился особых успехов. Хотя в 1994 году вновь выиграл кубок УЕФА. Год спустя Брюс Риок забрал футболиста в Англию. «Это хорошо, что моим первым тренером здесь был англичанин, — сказал Бергкамп в интервью голландскому журналу Johan. — Он показал мне, что такое английская футбольная культура». На самом деле Риок — шотландец. Но какая разница?

Оказалось, что «английская футбольная культура» состоит из сеансов в четырнадцать пинт пива, таблоидов, списавших «летучего голландца» в расход, потому что он не забил гол в первой игре, и болельщиков «Хайбери», призывающих полузащитника датчан Джона Йенсена, который никогда не забивал: «Бееееей!» Остальное — история: уход Йенсена, метаморфозы «Арсенала» и Walking in a Bergkamp Wonderland[20].

Бергкамп назвал «Арсенал» «родным домом». Вне поля он тоже был счастлив. Казалось, что южная Англия — родина футболиста, а голландский паспорт у него по ошибке. Он человек пригорода — замкнут, любит ухаживать за собственным садом. Хертфордшир — его духовное пристанище. У него суховатое и сдержанное «английское» чувство юмора, коллеги называют его шутки «дурацкими». И земляки-футболисты гораздо охотнее смеются, вспоминая, как Деннис и Кларенс Зеедорф обсуждали планы обустройства домашней молельни.

Еще Бергкампу нравится отношение британцев к футболу: со страстью, но никогда как к вопросу жизни и смерти. Когда ему

задают вопрос о футболках с его номером и надписью «Бог», набожный христианин отвечает: «К счастью, в Англии присутствует ирония. В Италии поверили бы заявленному».

Британская пресса ему тоже подходит. Местные таблоиды обожают теорию «у каждого хорошего парня существуют грязные секреты». И обнаружив, что личная жизнь голландца скучна — женат, трое детей, — желтая пресса стала его игнорировать. Кроме того, английских журналистов не слишком интересует собственно футбол. Они, в отличие от итальянских коллег, не оценивают игроков в динамике, матч за матчем. Это отношение к Деннису жителей Пиренеев зависело от числа забитых мячей. Британцы, как только рассмотрели в игроке экзотический персонаж, перестали требовать от него стабильности. Игра в Премьер-лиге позволила Бергкампу совершить эффектную трансформацию из проворного «теневого нападающего» в «создателя моментов». Через десятки лет, после того как финал нынешнего кубка забудут, болельщики будут помнить резкий рывок с полным поворотом вокруг Никоса Дабризоса из «Ньюкасл Юнайтед»; мгновенный удар в одно касание внешней стороной стопы, позволивший Голландии выиграть у Аргентины на последней минуте четвертьфинала чемпионата мира. Или навесной удар, благодаря которому Фредерик Юнгберг оказался в полном одиночестве перед воротами «Ювентуса».

«Его моменты прекрасны, как ни у кого в мире», — говорит Дэвид Виннер, болельщик «Арсенала», автор книги «Ярко-оранжевый: Невротичный гений голландского футбола»[21] (Brilliant Orange: The Neurotic Genius of Dutch Football).

Виннер считает, что Бергкамп наделен определенной харизмой. И тут есть доля истины. Бледное лицо футболиста, его жидкие волосы, худоба создают впечатление бесплотной хрупкости. «Это почти математика, — пишет автор книги. — Ему не требуется демонстрировать стандартные знаки величия: снимать футболку, падать на колени или бить с 30 ярдов в знак победы, как Роберто Карлос. Бергкамп обладает внутренним чутьем. Когда игрок забивает один из своих голов или делает один из своих пасов, то понимаешь: он видит что-то, не доступное никому иному на поле».

Для соотечественников Деннис — воплощение голландского футбола. На амстердамской «Арене» насмехались даже над Зеедорфом и Руудом Гуллитом. А ему аплодировали даже после того, как он дважды отбирал мяч у игроков «Аякса» в предыдущем матче на «Хайбери».

Как и сам Деннис, болельщики Нидерландов не могут понять, почему Арсен Венгер убирает его с поля. Уход футболиста за

двадцать минут до конца игры кажется оскорбительным. Это все равно что прятать в погреб работы Вермеера[22].

Не то чтобы Бергкамп великий спортсмен, просто он играет красиво. Хенк Спаан, составитель «Топ-100 голландских футболистов всех времен», поставил его только на 12-е место: «Он никогда не выигрывал крупных международных соревнований. Редко бывал основным игроком “Арсенала”. Иногда для команды важнее оказывался даже Рэй Парлор».

Вряд ли кому-то захочется, чтобы Бергкамп играл за его жизнь. Чтобы спродуцировать свои «великие моменты», он, кажется, впадает в транс и перестает интересоваться окружающим. «На самом деле люди совершенно не понимают, что требуется для исполнения таких голов», — заявил он в интервью журналу Johan.

«Мой дар никогда не исчезнет», — сказал Бергкамп однажды. Но в действительности у него остался, возможно, всего один сезон, чтобы добавить в портфолио несколько мгновений, которые мы будем вспоминать и пятьдесят лет спустя.

Кларенс Зеедорф

Май 2003 года

В среду он может в третий раз стать победителем чемпионата Европы в составе своего третьего клуба. Ему всего двадцать семь. Он — универсальный футболист. Тем не менее в родной стране его презирают. «То, что Кларенс Зеедорф может трижды выиграть Лигу чемпионов, для меня ничего не значит», — говорит Хенк Спаан, блюститель национальной футбольной культуры. Саймон Зварткрюйс, автор книги «Кларенс Зеедорф: биография»[23] (Clarence Seedorf: De Biografie), тоже признает: дома игрок не пользуется уважением.

Зеедорф всегда хотел выиграть много кубков Европы. 28 октября 1992 года, в возрасте шестнадцати лет, он стал самым юным игроком «Аякса», опередив Йохана Кройфа, Марко ван Бастена, Денниса Бергкампа и других. «Для меня Кларенс Зеедорф — лучший футболист 2000 года», — признается Луи ван Галь, тренер голландского клуба.

Центральный полузащитник, левый крайний, вингер (он тот, кто в данный момент требуется «Аяксу») — Зеедорфу, кажется, больше нечему учиться. Он гораздо выше ростом большинства футболистов. Интервью, где ему никогда не задавали «детских» вопросов, как, например, Руни, Кларенс проводил как министр в отставке: важно вещая о дисциплине, ответственности и уважении. Сказывается детство и юность: он был «директором» детского сада, «перепрыгнул» через класс, затем стал членом школьного совета. Кроме того, являлся капитаном всех национальных молодежных сборных.

Зеедорф принадлежит к «блестящему поколению». С детства вместе с Патриком Клюйвертом играл в юношеских командах «Аякса», где получил самое лучшее футбольное образование. В своем первом составе присоединился к близнецам де Бур, Эдгару Давидсу, Франку Райкарду, Эдвину ван дер Сару, Кану, Яри Литманену и другим звездам. Это они в 1995 году выиграли Кубок Европы. Первый кубок Зеедорфа.

Признак будущих проблем, на который ссылается Зварткрюйс, обозначился, когда футболиста заменили в финале против «Милана». В разгар матча он поднялся со скамьи и отправился оспаривать решение с ван Галем. Бдительный запасной вратарь держал футболиста до тех пор, пока тот, всегда слишком ответственный, не согласился уступить. Но в итоге в

девятнадцатилетнем возрасте все равно покинул «Аякс».

Свен-Ёран Эрикссон взял игрока в «Сампдорию», где он прижился за четыре секунды. «Мне удалось развить характер во многом благодаря Эрикссону, — признался Зеедорф Зварткрюйсу. — Он не из тех, кто что-то навязывает. И не из тех, для кого не существует иного мнения, кроме собственного».

Звучит безобидно. Но проблема все же возникла. Футбол — это иерархия, на вершине которой находится тренер. А Зеедорф воспринимает команду как некую дискуссионную группу, которая помогает заниматься личностным ростом. Он обожает говорить даже больше, чем играть в футбол. Его любимый стиль — абстрактные рассуждения о «позитивной энергии», влиянии тех или иных событий на развитие личности.

Считается, что именно это качество раздражало болельщиков, не терпящих психологической болтовни. Других футболистов, кстати, тоже. Да и тренеров, которые не переносят, если игроки вообще что-то говорят.

Однако, перейдя в мадридский «Реал» после года в «Сампдории» и через пять лет после того, как испанцы впервые попытались его заполучить, Зеедорф взял «психологическую болтовню» с собой. Вежливый и ужасно благонамеренный, он не мог и представить, что его рассуждения могут кого-то обидеть. Представьте удивление «летучего голландца», когда он попытался объяснить тактику тренеру «Реала» Фабио Капелло, а тот, схватив игрока за грудки, заорал: «Если ты все так хорошо знаешь, то почему ты не тренер?!»

В 1998 году Зеедорф в составе «Реала» завоевал Кубок Европы, обыграв в финале «Ювентус». Но в команде его так и не приняли. Стив Макманаман рассказывал, что на тренировках после речи тренера голландец мог заявить: «Это нужно делать не так, а вот так. А потом дать мне пас». И в январе 2000 года его продали в миланский «Интер».

Еще одна его проблема — «комплекс Зидана». Прекрасный атлет, похожий на молниеносно движущуюся бетонную стену, способный играть в одно касание, голландец хотел оставаться старомодным плеймейкером. Есть футболисты, стиль игры которых соответствует их характеру. Например, Давидс и Рой Кин крайне агрессивны в жизни и еще более — на поле. Кройф был властным человеком и футболистом. Характер Кларенса — крайний вариант гиперответственного «старшего сына» — побуждает его доминировать.

Голландские тренеры обычно ставят его на место правого полузащитника, но Зеедорф в своем стремлении к личностному росту то и дело пытается занять место номера 10. Он может

обогнать соперника без заметных усилий и, кажется, нисколько не устав. Можно подумать, что ему все дается легко. Склонность футболиста с серьезным видом, монотонным голосом изрекать скучные абстракции тоже раздражала голландцев. Как и привычка бить пенальти, при этом неудачно, вместо других игроков, а также попытки защищать черных футболистов.

В сборной Голландии Зеедорфа несправедливо считали лидером сепаратистского движения суринамских игроков. Он защищал Клюйверта, думая, что тот не слишком умен, чтобы постоять за себя, а Давидса — из-за его воображаемой бестактности. Кстати, общепринятое мнение, будто с последним они — лучшие друзья-«близнецы», не соответствует действительности и выросло из обычного заблуждения белых, что все черные похожи друг на друга. «Мы с Эдгаром — очень разные люди», — вежливо возражал Зеедорф.

Тем не менее почти все белые игроки голландской сборной обожают его. На мой вопрос о расколе в команде ван дер Сар ответил: «С этими футболистами мы прошли через многое». Когда Зеедорф и Давидс играли в «Ювентусе», именно Кларенс звонил ван дер Сару. Однако над ним часто насмехаются во время международных матчей (обычно белые голландские болельщики). А в опросе, проведенном во время Евро-2000, 81% фанатов проголосовал за вывод футболиста из состава национальной сборной. Ни один голландский игрок последних десятилетий не вызывал такого презрения.

Тогда Зеедорфу пришлось тяжело. Его мать плакала на трибунах во время международных матчей, а отец умолял больше не играть за Голландию. В «Интере» футболист, как говорится, «мозолил всем глаза» и часто оставался на скамье запасных. Клубный кубок мира 1998 года стал его последней наградой.

Но прошлым летом Зеедорф пришел в «Милан», и дела пошли в гору. Он играет на позиции левого полузащитника, но может быть и в защите, и в нападении, ему позволено отходить в центр. Итальянцам нравится его тело — компьютерная программа вычислила, что у него максимальный желаемый объем мускулатуры, так что «летучему голландцу» запретили заниматься силовыми тренировками. К тому же на Пиренеях спокойно относятся к личностному росту.

Бруно Демикелис, спортивный психолог «Милана», так охарактеризовал Зеедорфа: «10% времени он говорит как игрок, 70% — как тренер и 20% — как генеральный менеджер. Но я уверен, что он преследует благие намерения. За много лет работы в клубе мне не приходилось встречать такую сильную личность».

Игра устроена так, считает Демикелис: если тренер прикажет

покакать в углу тренировочного поля, все беспрекословно подчинятся, а самый смелый спросит: «Хорошо, мистер, а какого цвета должно быть дерьмо?» И только Зеедорф начнет оспаривать сам принцип дефекации. Футбол к нему еще не готов, но несколько чемпионатов Европы спустя голландца ждет признание в роли психотерапевта или премьер-министра.

Как бы там ни было, Зеедорф четыре раза сыграл в Лиге чемпионов. И, учитывая его восемнадцать лет в профессиональном футболе высшего уровня, с голландцем приходится считаться.

Фредди Аду

Ноябрь 2003 года

Я спросил Джеймса Уилла, шотландского полицейского, что он думает о Фредди Аду. «Кто это?» — удивился страж порядка.

Аду — четырнадцатилетний американский футболист, которого считают новым Пеле. На днях он подписал первый контракт с американским клубом «Ди Си Юнайтед». И ему предстоит совмещать две сложные задачи: занятия профессиональным футболом и окончание средней школы.

Но сначала я хочу представить вам Джеймса Уилла. Его история поможет понять, удастся ли Аду действительно стать вторым Пеле.

В 1989 году Уилл был вратарем сборной Шотландии в финале чемпионата мира для игроков младше 17 лет. Команда проиграла Саудовской Аравии на глазах у 50 000 болельщиков на стадионе «Хэмпден Парк». Тем не менее Джеймс завоевал «Золотой мяч» в качестве лучшего игрока турнира. «Я и не подозревал, что существует такая награда, — говорит он по телефону. — Она так красиво смотрится на каминной полке».

Сейчас ему тридцать один год, и он должен быть на пике формы. Но играет за «Таррифф Юнайтед» — команду родной деревушки Хайлендс. Что случилось? «До сих пор не могу понять. Одна из причин — неудачные карьерные решения».

Уилл — парень с северо-востока Шотландии, который уехал за сотни миль от дома и в шестнадцать лет пришел в «Арсенал». Но клуб не может заменить семью. В итоге Джеймс играл в «Арсенале» пять лет, затем провел сезон в «Дантфермлине», а потом ушел и оттуда. «Я несколько разочаровался в футболе. Если ты не нравишься одному-двум парням, это может повлиять на твои заработки».

Смог ли он полностью реализовать талант? «Скорее всего, нет. Очень жаль, но в семнадцать лет у меня отсутствовало нынешнее понимание жизни. В юности многое считаешь само собой разумеющимся и не понимаешь, что происходит на самом деле».

Жалеет ли он о чем-нибудь? «Уж точно нет. Если бы я поступил иначе, то не встретил жену и не имел двух прекрасных деток».

Что бы он посоветовал Аду? «Относиться к каждой игре как к последней и выкладываться на все сто».

Уилл — типичный пример обладателя «Золотого мяча» младше 17 лет, среди которых нигериец Филипп Осундо, бразилец Уильям де Оливейра и Мохаммед аль Катири из Омана. Ни о ком из них я никогда больше не слышал. Были и другие юные игроки, которым прочили славу Пеле. Например, уроженец Ганы Нии Лэмпти, который в двадцать восемь лет заканчивает неудачную карьеру в Объединенных Арабских Эмиратах. Как оказалось, телосложение Лэмпти не подходит для футбола.

Есть только один обладатель «Золотого мяча» в данной категории, добившийся более заметных успехов, — американец Лэндон Донован, впечатляюще сыгравший на последнем Кубке мира. Но в свои двадцать один он по-прежнему играет за «Сан-Хосе Эрсквейкс». В нынешнем году культовую награду получил испанец Сеск Фабрегас. Ему шестнадцать, и сейчас он в «Арсенале», за тысячи миль от дома.

В среду в спортивном комплексе «Медисон-сквер-гарден» Аду представили прессе Нью-Йорка. Во время пресс-конференции на телеэкране демонстрировали сюжет: невысокая фигура бесконечно обводит защитников и забивает голы. Нечто вроде черного Марадоны.

Реальный Аду оказался более неожиданным. Лучший в мире семнадцатилетний футболист, несомненно, самый зрелый человек своего возраста. Перед телекамерами Фредди произнес длинную, складную речь без «бумажки», в которой благодарил всех и особенно свою мать. Шесть лет назад она выиграла «грин-кард» в лотерею и увезла их с братом из Ганы в Соединенные Штаты. В Потомаке (Мэриленд) она работала по семьдесят часов в неделю на двух работах, чтобы дать мальчикам хорошее образование. Американская мечта в чистом виде.

Улыбнувшись плачущей женщине, сидящей в первом ряду, Аду сказал: «У нас были трудные времена, мама, и вот твой сын стоит здесь. Большое спасибо. Я тебя люблю». Не было среди участников пресс-конференции тех, кто не прослезился.

Футболист-подросток говорит лучше, чем любой английский игрок, которого мне довелось слышать. Он рассказал, что до сих пор сам застилает свою кровать, выносит мусор и с презрением относится к мысли завести прислугу. Все это — подписав контракт с компанией Nike, по которому за четыре года получит около миллиона долларов. Столько же он заработает в «Ди Си Юнайтед», местной профессиональной команде, где будет играть до восемнадцати лет.

Его мантра — «будь скромнее». «Я обычный парень, — продолжает Аду. — Улыбаюсь, играю в видеоигры, болтаю с друзьями. В жизни есть вещи важнее футбола».

Очевидно, хотя юноша этого не осознает, он — именно то, что нужно футболу США для успешной конкуренции с более популярными в стране видами спорта. Американцев стали утомлять «звезды», устраивающие забастовки, стреляющие в водителей лимузинов и тратящие состояния на адвокатов. На следующий день после пресс-конференции сборная США пригласила Аду на чемпионат мира для игроков младше 20 лет, который стартует в четверг в ОАЭ. Вероятно, Лэмпти будет его смотреть.

Я пишу эти строки в ноябре 2010 года. Аду не приписан ни к одной команде. Он поддерживает форму, тренируясь вместе с небольшим датским клубом «Рандерс» на бесконтрактной основе. Тем не менее у него почти 350 000 почитателей в «Твиттере» — больше, чем у любого другого футболиста, за исключением Кака.

Зинедин Зидан

Апрель 2004 года

В тот вечер, когда Франция победила в финале чемпионата мира, я находился в шикарном кафе недалеко от Парижской оперы и наблюдал за танцем красивой блондинки в футболке с изображением национальной сборной и надписью «Зидан 10».

Страна изменилась за несколько часов. На парижских улицах внезапно появились миллионы людей — они вышли на демонстрацию во имя футбола. И особенно одного футболиста: «Зи-дана — в пре-зи-денты!» С тех пор Зинедин превратился в национальное достояние. Его обычно представляют в футболке мадридского «Реала». Но роль Зидана в сборной и в общественной жизни гораздо важнее. Французы надеются, что и нынешним летом он их не подведет.

Зинедин Зидан — продукт площади Тартан, ставшей благодаря ему знаменитой. Здесь теперь снимают некоторые рекламные ролики Adidas с участием футболиста. Однако прошлое на марсельских улицах важно не детскими победами, а приобретенными навыками. Зидан тогда был не лучшим игроком, а только более рослым и старательным, чем другие. Свой фирменный трюк, «рулетку», в ходе которого он пропускает мяч под правой ступней и, делая пируэт, уводит дальше, игрок отрабатывал ежедневно на протяжении пятнадцати лет.

«Он увлекался футболом и, может быть, еще дзюдо», — вспоминает мать спортсмена Малика. Но это был особенный футбол. На площади Тартан футболист редко утруждал левую ногу и никогда не бил головой. Когда пятнадцатилетним подростком Зинедин переехал на побережье, чтобы играть в команде «Канн», и тренер впервые бросил мяч ему на голову, он увернулся.

Зидан рос вежливым, застенчивым и начисто лишенным эгоизма. Результаты его психологического теста, состоящего из 240 вопросов, показали: у мальчика очень высокая мотивация, низкая самооценка, и он никогда не ставит собственные интересы выше интересов других. Последнее — редкость для одаренного игрока. Будущий чемпион мира был «королевой улья» с характером «рабочей пчелы». Он до сих пор предпочитает отдать пас, если не может ударить сам. Вот почему в составе сборной Франции Язид забил меньше голов, чем его предшественник Мишель Платини. На счету Зизу двадцать два мяча в

восьмидесяти семи международных матчах, у Платоши — сорок один в семидесяти двух.

Зидан перешел из «Канн» в «Бордо». И в 1994 году, в двадцать два года, дебютировал в сборной Франции, забив два решающих мяча в последние полчаса игры со сборной Чешской Республики. После матча позвонил тренеру, когда-то пригласившему его в «Канн»: «Видели? Один гол я забил головой, а второй — левой ногой!» Футболист обладает редчайшим чувством баланса и таким упорством, что всего через несколько лет после того, как начал учиться играть левой ногой, заставил признаться Франца Беккенбауэра: «Я никогда не видел ничего подобного, кроме разве что у Андреаса Бреме».

Постепенно Зизу превращался в основного игрока национальной команды. В переполненном центре поля современного футбола, который технический директор мадридского «Реала» Хорхе Вальдано называет «хорошим местом для встреч с друзьями», только Зидан регулярно находит время, чтобы выполнять пасы исключительно впечатляющие, благодаря видению и сверхъестественной технике.

Казалось, то и другое должно соединиться на чемпионате мира 1998 года, проходившем в его родной стране. Однако в середине второго тайма последовало его удаление с поля за грубые действия против игрока сборной Саудовской Аравии. Зидана отстранили на два матча, и в четвертьфинале со сборной Италии, как и в полуфинале против Хорватии, пришлось вести себя тихо. Так что лучший игрок Франции — в этом соотечественники старательно убеждали скептиков — до решающих двух голов в финале ничем не отличился. Кстати, вряд ли кто на площади Тартан мог представить, что мячи в финале чемпионата мира Язид забьет именно головой.

В тот вечер изображение Зидана было спроецировано на Триумфальную арку. Сейчас, спустя шесть лет, его фотографиями оклеена вся Франция. Он стал новым символом страны, потеснив Марианну[24]. Улыбается с плакатов, находящихся на дверях средних школ. Участвует в телепрограммах, критикуя лидера крайне правой партии Жан-Мари Ле Пена. Его можно узнать в похожем на обезьянку персонаже французской версии знаменитого пародийного шоу Spitting Image[25], Les Guignols de l'Info. Артист Николя Канталуп, озвучивающий этого героя, рассказывает: «Зидана пародировать сложно: он маловыразителен, говорит очень тихо. И его все любят. За основу для пародии мы приняли скромность футболиста — он разве что не извиняется в разговоре. И обыграли его “звездность”. Например, придумали сцену в аэропорту, где Зизу по

рассеянности дает автограф собаке».

Характеристика Канталупа недалека от истины. Евро-2000, лучший турнир Зидана, обессмертил его. Футболист не получал травм, не был удален с поля, почти не устал — и привел Францию ко второй победе за два года. А на следующий день после финала отложил отпуск, чтобы поехать в Марсель проститься с умирающим другом детства. Каждые полгода в ходе регулярного опроса газеты Journal du Dimanche жители страны называют Зидана «любимым французом». Его считают скромным и добрым. Никто ни разу не посмел сказать, что «на самом деле Зизу — высокомерный выскочка, поколачивающий жену».

Характер — важный элемент его успеха. Именно Зидан превратил les Bleus в единое целое. На поле проявляется коллективный характер команды: незадачливый соперник, которому удается завладеть мячом, немедленно тонет под роем синих футболок.

Как пишет в своей автобиографии самый глубокомысленный в les Bleus Лилиан Тюрам, который когда-то хотел стать священником, «в команде присутствует коллективизм, потому что основной игрок остается скромным. Поведение Зидана обязывает каждого вести себя безупречно. Нескольким поколениям очень хороших французских футболистов недоставало скромности. Зизу никогда не осудит игрока, давшего неудачный пас, не будет пытаться получить мяч только потому, что он — Зидан. Как раз наоборот».

С подобным почтением к футболисту относятся все товарищи по команде. Дидье Дешам, капитан сборной Франции 1998 и 2000 годов, замечает: «На поле Зидану удается то, чего мечтает добиться каждый. Но даже если бы я тренировался день и ночь, то все равно не смог бы так играть».

Дешам был первым «подручным» Зинедина. За ним последовали Патрик Виейра и Клод Макелеле. Их работа заключается не только в обеспечении мастера мячом, но и в его охране. В 2000 году во время товарищеского матча со сборной Англии капитан Франции чуть не убил Денниса Вайза, опрокинувшего Зидана на землю: «Не смей трогать Зизу!»

На последнем чемпионате мира из-за травмы мэтр не смог помочь команде в первых двух матчах. И тут французы показали, какими до странности вялыми способны оказаться без него. Анри, Виейра, Робера Пиреса и остальных оказалось мало. А «благодаря» руководству эгоцентричного капитана Марселя Десайи командный дух галлов окончательно испарился.

После турнира возник вопрос: кто заменит Десайи в должности лидера? Оказалось — сам Виейра. В тридцать четыре

года, миновавший пик карьеры, он был все еще слишком влиятелен, чтобы позволить устранить себя на глазах у всех. Но новый тренер французской сборной Жак Сантини все-таки передал нарукавную капитанскую повязку Зизу — человеку, который ненавидит суету и шумиху и, по словам Вальдано, «разговаривает только с мячом».

Тем не менее капитан Зидан объединил французскую сборную и нынешним летом вновь ведет за собой невероятно сильную команду. Возможно, в последний раз. Язид планировал уйти из национальной сборной в этом году. А в следующем — из клубного футбола. И тем не менее продлил контракт с мадридским «Реалом» до 2007 года. Французам остается надеяться, что он сыграет на чемпионате мира в Германии.

Но поверить в это трудно. Зачастую возникает ощущение, что силы Зидана заканчиваются, он слишком устал, чтобы играть в обеих требовательных командах, — и однажды дуб рухнет. Его разговоры о надвигающемся завершении карьеры подтверждают — спортсмен начинает чувствовать возраст.

Недавно Зидана спросили, когда он уйдет из les Bleus. Он ответил: «Еще не решил. В данный момент думаю только о чемпионате Европы».

Просто на случай, если это действительно будет последний раз, смотрите за его игрой внимательно.

Джонни Реп и Бернд Хёльценбайн

Июнь 2004 года

«Давно не виделись!» — кричит Реп, когда Бернд с женой входит в роттердамский ресторан «Гонконг». Бывшие футболисты на самом деле встречались всего пару раз с тех пор, как встретились тридцать лет назад в финале Кубка мира 1974 года. Но сегодня дебютный гамбит Репа повисает в воздухе. Хёльценбайн не говорит по-голландски, а сам он едва ли знает пару слов по-немецки.

Эти двое совершенно не похожи друг на друга. Немец выглядит как член совета директоров «Дойче Банка»: красный галстук, темный костюм и лысая голова, хотя розовощеким и круглым лицом напоминает ангела. При первом взгляде на него становится ясно: относится к себе серьезно. Жизнерадостный Реп совсем иной.

Похоже, вечер будет долгим. Днем раньше Хёльценбайны приехали на машине в Роттердам из Франкфурта. Поездка заняла всего три часа, по крайней мере так утверждает Бернд. Потом он ненадолго пропал. Сегодня днем я наконец выследил его в вестибюле отеля. Оказалось, как почти каждого немца или голландца, который жил на свете в 1974 году, его заперли в номере корреспонденты государственного телевидения Нидерландов и допрашивают по поводу знаменитого финала чемпионата мира.

Голландцы серьезно относятся к тридцатой годовщине этого матча. Журналисты не только знали ответы на все вопросы, но даже рассказали, что немецкая сборная ела на завтрак утром 7 июля 1974 года. «Ну, если вы так говорите, наверное, так и было», — ответил пораженный футболист.

Спросили его и о Яне ван Беверене, великом вратаре, который в истинных традициях 1970-х бойкотировал национальную сборную и поэтому пропустил Кубок мира. Позже Хёльценбайн играл с ним за «Форт-Лодердейл Страйкерз».

«Ван Беверен открыл в Далласе магазин марок», — говорю я ему.

Бернд поражен: «Должно быть, вы узнали об этом от парня, который брал у меня интервью. Он сказал то же самое!»

«Я и так знал», — отвечаю я небрежно.

Очевидно, немец думает: «Ничего себе! Что здесь происходит?»

В ресторане «Гонконг» мы заказываем несколько блюд на всех — это помогает установить связь — и около часа вообще не упоминаем тот финал. Бывший футболист признается, с опозданием на тридцать лет, что немецкая команда вращалась вокруг Герда Мюллера. Задача была как можно быстрее передать мяч бочкообразному нападающему: «Мюллер поворачивался — бум — и мяч опять летел мимо ворот. Это все знали». Хотя именно он и забил решающий гол в финале.

Но в целом мы ведем светский разговор о современном футболе, который на самом деле не интересен никому из присутствующих, кроме помешанной на игре миссис Хёльценбайн. «Иногда супруга отправляется на матч, а я остаюсь дома», — рассказывает ее муж.

Реп тоже редко смотрит матчи. Современный футбол едва ли его интересует. Он живет на холодном курортном островке Тексель, где тренирует команду четвертого дивизиона любительской лиги, возможно, самый нижний уровень в иерархии голландского футбола.

Хёльценбайн не работает ни в одном клубе, хотя станет «послом» Франкфурта на предстоящем чемпионате мира-2006, который пройдет в Германии. Он оживляется, только достав из бумажника фотографию: «Смотрите!» На снимке, сделанном в аэропорту Хельсинки, Бернд стоит рядом с немецким канцлером Герхардом Шрёдером. Канцлер, бывший центрфорвард одной любительской команды, улыбается, а футболист серьезно смотрит в объектив. За ними на взлетной полосе — личный самолет Шрёдера. Может быть, он тоже носит в бумажнике фото и иногда показывает Тони Блэру: «Смотри! Это я с Хёльценбайном. И мой личный самолет».

Фотография сделана в 2002 году в Хельсинки, где Шрёдер и Хёльценбайн остановились, возвращаясь с финала чемпионата мира, проходившего в Японии. Бернда пригласили на матч как представителя немецкой сборной, выигравшей в 1974 году. В самолете они с канцлером «очень напряженно» говорили о футболе. Тот поинтересовался, не было ли уловкой падение в штрафной зоне, позволившее Германии сравнять счет с пенальти.

После ужина мы пешком перебираемся из «Гонконга» в роттердамский «Гёте-институт». Здесь немецкий культурный центр проводит дискуссию о финале Кубка мира-74. Мы с коллегой из Германии Кристофом — ее ведущие. Покидая ресторан, предупреждаем Хёльценбайна, что местная аудитория хочет говорить только о его знаменитом «нырке». В голландской футбольной терминологии этот прием обозначают немецким словом Schwalbe — «глотать».

Мы надеемся, что тема того знаменитого пенальти не кажется Бернду слишком скучной. «Нет, — вздыхает он. — Уже нет».

В зале сидят важные почетные гости: посол Германии, мэр Роттердама, второе лицо «Гёте-института». Они окончили университеты, и теперь дела у них идут лучше, чем у сверстников, впустую потративших молодые годы, играя в финалах чемпионатов мира. Сначала VIP-персонам положено произнести речи. Затем Реп, Хёльценбайн и мы с Кристофом занимаем места за слишком ярко освещенным столом.

Хёльценбайн многословно отрицает, что это был Schwalbe, а Реп утверждает, что всегда выключает телевизор, когда показывают видео того финала. Указывая на своего соседа: «И ты снова видишь, как он спотыкается о свою собственную ногу». Все смеются, кроме Бернда, который не понимает слов Джонни.

А тот продолжает: «Нет, я от этого ужасно устал. В финале я мог выполнить хет-трик, но упустил несколько шансов. И в 1978 году [в финале] против Аргентины ударил головой, и мяч прошел по касательной. Мне это до сих пор иногда снится».

Это хорошая цитата, но я не уверен, что она правдива: Реп очень хочет всем понравиться, поэтому сегодня он и приехал на машине с самого Текселя и скажет все, что захотим услышать.

Я спрашиваю, прибегал ли он сам когда-нибудь к Schwalbe.

— А как вы думаете? — отвечает он.

— Да? — гадаю я.

— В матче с Шотландией в 1978 году я специально упал рядом с точкой пенальти.

— Так вы вывели Голландию в финал Кубка мира благодаря Schwalbe?

— Нет, я вывел Голландию в финал Кубка мира благодаря тому потрясающему второму голу в ворота шотландцев.

Затем, указывая большим пальцем на короля Schwalbe: «А он сделал это и в предыдущем матче! Он блестяще это делал».

И тут даже Хёльценбайн начинает смеяться. Потом он рассказывает старую историю о том, как тренер немецкой сборной Хельмут Шён велел игрокам смотреть в глаза голландцам в туннеле перед началом игры.

Реп говорит: «И все же после первой минуты мы вели 1:0».

Аудитория очень серьезно относится к историческому финалу, но футболисты, кажется, настроены шутливо. Победа на чемпионате мира была решающим моментом карьеры Хёльценбайна, предполагаю я. А может быть, даже всей его жизни?

Он так не думает: «В той команде на вершине иерархической лестницы находились Беккенбауэр, Мюллер, Оверат. Я был

молодым и не таким важным игроком».

Обратите внимание, вряд ли на свете есть хоть один футболист, способный сказать даже десятилетия спустя: «Я был не таким уж хорошим игроком».

«Но во франкфуртском “Айнтрахте”, — продолжает Бернд, — я был капитаном. И должен сказать, что выиграть Кубок УЕФА в этом статусе было для меня не менее важно, чем завоевать Кубок мира».

Для немцев победа на чемпионате 1954 года важнее победы в 1974-м. И сам футболист чувствует то же самое: «Как и все остальные, я смотрел финал чемпионата 1954 года еще маленьким мальчиком по единственному телевизору в радиусе десяти километров. Игроки были моими идолами. Я глотал книги Фрица Вальтера, звезды той сборной Германии. 1954-й был символом возрождения, 1974-й — уже не таким важным. А что до 1990-го, никто и не помнит игроков той команды».

Аудитория хочет задавать вопросы только о 1974-м, но у Хёльценбайна есть история о Голландии, которой он жаждет поделиться. В 1966 году юный футболист приехал сюда на молодежный турнир и вместе с еще одним немецким мальчишкой, позже сделавшим неплохую карьеру за рубежом, остановился в местной семье. Двадцать лет спустя он все еще поддерживает с ней связь! Именно тогда его пригласили в «Айнтрахт».

Публика вновь пытается вернуться в 1974-й, но футболист намерен рассказать еще несколько историй о голландцах. В 1967 году он вернулся в Нидерланды вместе со своей девушкой, будущей миссис Хёльценбайн. В отеле им пришлось поселиться в отдельных комнатах, а он-то считал эту страну весьма либеральной.

Постепенно становится ясно, что оба футболиста не понимают, почему всех собравшихся так интересует тот финал. «Кто-то даже пишет о нем книгу», — удивляются они.

Помнит ли Хёльценбайн 7 июля 1974 года или вспоминает об этом дне только из-за тридцати лет постоянных разговоров? Помнит ли он, как увидел Вима Янсена, поднявшего ногу, приближаясь к нему на штрафной площадке? Или знает лишь то, что говорит и иногда видит по телевизору?

«На самом деле я ничего уже не помню», — признается футболист. В его памяти финал чемпионата мира превратился в «финал чемпионата мира».

До сих пор мы избегали упоминаний о войне, но она — основная причина, из-за которой мы собрались. Именно из-за нее голландские болельщики так остро воспринимают матчи с

немцами. О германских фанатах такого не скажешь.

В 1974 году Голландия их не слишком волновала, они не придавали большого значения матчам со сборной этой страны. Точно так же как и с Англией, Шотландией, Уэльсом, Северной Ирландией, США, Францией, Бельгией, Данией, Норвегией, Исландией, Польшей, Чешской Республикой, Сербией, Грецией, Белоруссией, Украиной, Россией, Канадой, Австралией и Новой Зеландией.

Я спрашиваю Репа, испытывал ли он какие-то особые чувства к немцам в 1974 году.

«Те велосипеды, да?»

Он имеет в виду величайшее в истории похищение: во время войны оккупанты реквизировали у голландцев все велосипеды. Почетные гости сдержанно смеются. Должно быть, Реп шутит.

«Они должны вернуть нам наши велосипеды, — продолжает он. — В остальном война не слишком меня занимала».

«Но для других игроков все было не так, — говорю я. — Ведь их семьи знали о войне не понаслышке».

«Наверное, — отвечает Реп. — Они действительно хотели разгромить Германию. После финала в раздевалке некоторые плакали».

Но ведь в лагере голландской команды о войне не говорили?

«Никогда», — подытоживает футболист.

Многие помнят, что в детстве, во время британской бомбежки деревни Брескенс, полузащитник голландцев Виллем ван Ханегем потерял отца, десятилетнего брата и еще шестерых родственников. Но мало кто знает, что отец левого защитника сборной образца 1974 года Рууда Крола был одним из немногих жителей страны, действительно вступивших в ряды Сопротивления. В 1999 году я навестил в Амстердаме Куки Крола, маленького человечка с огромным ботинком на правой ноге. С красавцем сыном его роднил только большой нос. Сидя на диване, Крол-старший отправил меня к буфетной стойке в другом конце гостиной. Там находилась фотография юноши с зачесанными назад, набриолиненными волосами в стиле 1940-х. Во время войны он работал в магазине моего собеседника.

«Некоторым повезло, но не ему, — рассказывает Крол. — Однажды немецкие полицейские совершили налет на магазин. Они искали меня, но нашли его, члена коммунистического сопротивления. Юношу поставили “лицом к стене, руки на стену”. К несчастью, в тот день при нем были три идентификационные карточки. Парень больше не вернулся. Потом оккупанты пришли и за мной». Одно время в своей угловой квартире в Амстердаме Крол-старший прятал тринадцать

евреев.

Разговор не клеился. Отец знаменитого футболиста был грозным человеком. Он достойно прошел войну, но она так и не отпустила его. А он не получил признания за свою доблесть.

Через пару дней после нашей встречи он позвонил мне и попросил не писать о нашей беседе. Знал, что так и не сумел оправиться и не мог говорить о прошлом спокойно. Знал и то, что людям это может не понравиться.

Отец футболиста умер в 2003 году, поэтому я позволил себе опубликовать фрагмент из нашего разговора. Куки Крол достойно вел себя на войне и всю оставшуюся жизнь за это расплачивался.

Дело в том, что его сын Рууд, родившийся в 1949 году, испытывал больше чувств по отношению к войне и немцам, чем Реп. Но в 1974 году голландцы — и футболисты, и простые граждане — редко вспоминали былое. Слишком мало прошло времени с той поры. Только в 1980-х — начале 1990-х жители Нидерландов стали открыто выражать антинемецкие настроения. Отчасти это отражало страх перед могуществом новой Германии — и в футболе, и в других сферах.

В середине 1990-х антинемецкие настроения вновь исчезли. И сейчас, в 2004 году, в этот вечер в «Гёте-институте», вряд ли кто-то боится выдохшегося соседа с его застойной экономикой. Сегодня для голландцев типичный немец — не тучный баварец в БМВ последней модели, а безработный скинхед в трамвае где-то в Восточной Германии.

После дискуссии за пивом в «Гёте-институте» немецкий дипломат подтверждает, что голландцы перестали ненавидеть немцев, потому что перестали их бояться. Сегодня мы точно не почувствовали никакого негатива. Травма? Да о чем вы говорите! Люди то и дело подходят к Хёльценбайну поболтать. Примечательно, что почти все они говорят с ним по-английски, — голландцы больше не употребляют немецкий.

Потом нам удается заполучить столик в большом кафе как раз перед его закрытием: Хёльценбайны, Реп, мой друг детства голландец Рутгер и я. Сегодня понедельник, в зале кроме нас никого нет. (10 мая 1940 года немцы полностью разбомбили Роттердам, потом город застроили небоскребами, поэтому в местных кафе и ресторанах зачастую больше пространства, чем людей.) Официанты не знают, что двое из нас — полубоги, и согласились обслужить только после долгих уговоров. Мы заказываем как можно больше пива.

Реп и Хёльценбайн болтают о футболе на плохом немецком и не менее плохом английском. И только я вижу, как сильно отличаются футболисты от нормальных людей. Вот она, ужасная

правда: все, о чем ты мечтаешь, — финалы чемпионата мира и так далее — вовсе не занимает игроков. Реп говорит, что у него не осталось ни одного сувенира с памятного чемпионата мира: «Кажется, нет. Ах да, футболка сборной Аргентины. Нет ничего и с турнира 1978 года, мы даже не обменялись футболками, просто вошли внутрь, быстро, как стрела».

«Синдром футболистов» объясняет, почему Хёльценбайна больше интересует Кубок мира 1954-го, а не 1974 года. Тогда он был просто болельщиком.

Дайте спортсменам шанс поболтать в отсутствии журналистов, и они станут вспоминать удивительные вещи.

«Ты когда-нибудь играл с этим парнем? Странный, не так ли? Кажется, мы с тобой однажды встречались во время летнего турнира в Абиджане?» — Реп вспоминает нападающего, с которым играл в Валенсии. Его называли Эль Лобо, («волк»), потому что он был опасен не только днем на поле, но и по ночам в местных диско-клубах.

Хёльценбайн спрашивает, знаем ли мы бывшего голландского футболиста по имени Джон Пот.

«Кор Пот!» — поправляем мы хором, думая об одном посредственном защитнике, ставшем позже посредственным тренером.

«Джон Пот, — говорит Бернд уверенно. — Большой, сильный парень, игравший в защите “Форт-Лодердейл”».

«Такой милый», — добавляет миссис Хёльценбайн.

«Я искал информацию о нем в Интернете, но ничего не нашел», — говорит ее муж.

Позднее я задаю Google поисковый запрос «Джон Пот» и нахожу только одну ссылку. Когда 22 июля 1981 года Джордж Бест забил блестящий гол за «Сан-Хосе Эрсквейкс» в игре против «Форт-Лодердейл», он обвел, по реконструкции газеты Oakland Tribune, «Рэя Хадсона, Томаса Ронгена, Стива Ральбовски, Джона Пота и, наконец, Кена Фогарти». За исключением этого упоминания, нет ничего. Кажется, что Джона Пота никогда не существовало. Я консультировался с несколькими экспертами по голландскому футболу, но никто о нем не слышал. Вот еще одна тайна.

Тем не менее именно о таких вещах думают старые футболисты: куда делся Джон Пот? Болельщик, наткнувшись в баре на бывшего игрока, спросит о его Schwalbe. Или о «деле бассейна», статье в немецкой бульварной газете под названием «Кройф, шампанское, голые девчонки и холодная ванна», которая, по мнению многих голландских болельщиков, стоила стране финала Кубка мира несколько дней спустя. Но типичный экс-

профессионал — я говорю не только о Репе или Хёльценбайне — помнит свой первый гол в составе своей первой команды или фигуристую домохозяйку, которую встретил в кафе вечером после финала, товарищей по сборной, дразнивших его, или статью в местной газете, где утверждалось, что он — гей.

Если бы историю футбола писали игроки, она была бы совсем иной. Они никогда не будут организовывать дебаты о финале давно прошедшего чемпионата мира. Скорее, посвятят их банкету после матча, куда не пригласили жен и где Джонни Реп и немец Пауль Брайтнер поменялись пиджаками.

Несмотря на то что с нами сидят чемпионы мира, вскоре после полуночи нас выставляют из кафе. На улице мы прощаемся с моим другом Рутгером, у которого Реп весь вечер стрелял сигареты. Теперь они хлопают друг друга по рукам как старые приятели. Рутгер жмет руку Хёльценбайну и целует его жену, затем оборачивается ко мне и почти шепчет: «Знаешь, я никогда этого не забуду».

Думаю, Реп и Хёльценбайн тоже неплохо провели время.

Паоло Мальдини

Май 2005 года

В сумрачный снежный день 1985 года шестнадцатилетний перепуганный мальчишка дебютировал в «Милане». «Где ты хочешь играть?» — спросил тренер Нильс Лидхольм. Пораженный тем, что с ним советуются, подросток-правша ответил, что предпочитает правый фланг. В первой игре он не сделал ни одной ошибки, хотя натер ноги тесными бутсами. И с тех пор не пропустил почти ни одного матча. За месяц до своего тридцать седьмого дня рождения в финале Лиги чемпионов против «Ливерпуля» Паоло Мальдини может выиграть пятый Кубок Европы в составе «Милана».

Мальдини блистателен, красив, хорошо воспитан. Не существует людей, которым бы он не нравился. Даже Томмазо Пеллиццари, болельщик миланского «Интера», автор книги, где критикует «Милан» (No Milan), признает: «За двадцать лет карьеры Паоло ни разу не совершил плохого или некрасивого поступка». Многие пытаются достичь внутреннего совершенства. И всех интересует, как Мальдини это удалось.

Все началось с отца Чезаре Мальдини, некогда капитана «Милана». «С тех пор как я впервые увидел фотографию, где папа держит в руках Кубок Европы, — говорит Мальдини-младший, — я мечтал повторить его успех». Папа будущей звезды, уроженец Триеста, обладал гринта — «твердостью характера», отличающей футболистов этого региона. Паоло, врожденный талант которого превосходит данные предка, также развил в себе это качество.

Когда игроку не исполнилось и двадцати, тренеры поставили его на левый фланг, в защиту. Благодаря волевым качествам и тренировкам Мальдини сделал почти невозможное для человека старше двенадцати лет: научился играть левой ногой так же хорошо, как и правой. «Паоло до сих пор каждый день удивляет меня стремлением к совершенству и внутренней организованностью», — говорит его отец.

Тренер «Милана» Альберто Заччерони вспоминает: «Каждый матч — и профессиональный, и любительский — он играл так, будто это финал Лиги чемпионов».

В полуфинале Лиги чемпионов против эйндховенского «ПСВ» Мальдини случайно выставил голову перед голландским нападающим и получил удар в лицо. Его унесли на носилках. Но через пару минут футболист вернулся на поле. Обладателю такой

гринта нужно очень верить в организацию-работодателя. Обычно любовь к клубу футболисты оставляют болельщикам. Но Мальдини кажется исключением, хотя в детстве и болел за «Ювентус». Несомненно, его привязанность — это продолжение пристрастий отца. В свои семьдесят три года Чезаре Мальдини остается скаутом «Милана».

Паоло постоянно отклонял более заманчивые предложения от таких клубов, как «Манчестер Юнайтед» и «Челси», а однажды, когда у «Милана» возникли финансовые проблемы, согласился с уменьшением зарплаты на 30%. Он часто говорит, насколько для него важно играть в родном городе. И признается, что недоволен наличием в «Милане» большого числа иностранных игроков.

Мальдини подчинил свое «эго» клубу и стал живым упреком тем, кто стремится добиться статуса исключительно благодаря личным результатам. Уэйн Руни однажды получил от Мальдини подзатыльник за дерзость. А Робби Сэвидж, футболист сборной Уэльса, который перед матчем с командой Италии в телеэфире демонстративно бросил на землю футболку Мальдини, вообще не удостоился ответа. Паоло редко открывает рот, но если говорит, товарищи по команде его слушают.

Скромность не может скрыть величия футболиста, который напоминает греческого бога, замаскировавшегося под человека. Чтобы оставаться великим игроком в тридцать шесть лет, что вряд ли удавалось кому-то до него, требуется постоянно заботиться о себе.

Тренировочный лагерь «Милана» «Миланелло» отчасти объясняет ситуацию. Эта солнечная идиллия на холме у озера Комо каждое утро оживает около десяти часов, когда мимо охранников проезжает парад автомобилей футболистов-мультимиллионеров. Мальдини ездит по этой дороге двадцать лет. Между тренировками он спит в личной комнате. Он говорит: «Как будто у ворот исчезают все твои проблемы. Это идеальный способ делать лучшее, на что ты способен».

Кажется, так и есть, ведь Мальдини — не единственный игрок «Милана» старше тридцати лет. Средний возраст четверки защитников, которые, возможно, будут играть с «Ливерпулем», составляет тридцать три года, а запасному защитнику Билли Костакурта уже тридцать девять. Кажется, «Милан Лаб», команда медиков клуба, нашла секрет вечной молодости. Сотрудники лаборатории проверяют мышцы, мозг, сердце, дыхание, психику игроков, а потом анализируют данные с помощью компьютеров. Пока члены других команд совершают массовую пробежку, игроки «Милана» тренируются по индивидуальному графику. Это работает, особенно если вы и так греческий бог. Адриано

Галлиани, вице-президент клуба, говорит: «Биологический возраст Паоло намного меньше настоящего. Его последние тесты лучше, чем три или четыре года назад».

Как говорится, вам столько лет, на сколько вы себя чувствуете. Мальдини считает, что стрессы пожирают энергию. И старается их избегать. Не думает об игре в свободное время. Не читает La Gazzetta dello Sport, ежедневную розовую «библию» итальянского футбола. Не появляется в телепередачах или на страницах бульварных листков. Никогда не говорит о футболе с женой и сыном и почти не обсуждает его с отцом. Почти десять лет назад перестал работать диджеем на радио. В «Аяксе» Дэвид Эндт приводит Мальдини в пример молодым игрокам: вот как нужно управлять собственной жизнью. Когда Эндт рассказал об этом Мальдини, тот ответил, что для него это большая честь. И при этом действительно выглядел так, как будто искренне верил тому, что говорил. Вот еще одна уловка, необходимая для достижения величия: знать, что, хоть ты и великий, тебе нужно быть скромным. Все об этом говорят, но удается это лишь единицам.

Если Мальдини когда-нибудь уйдет из «Милана», «Милан Лаб» следует его клонировать.

В феврале 2009 года, когда сорокалетний Мальдини играл свой последний матч против «Интера», болельщики клуба подняли баннер, где было написано: «Ты двадцать лет был соперником, но в жизни всегда оставался нашим другом». С другой стороны, во время его самой последней игры, спустя несколько месяцев, фанаты его собственной команды подняли другой баннер: «На поле ты всегда был чемпионом, но тебе не хватало уважения к тем, кто сделал тебя богатым». Действительно, в «Милане» он играл всего каких-то двадцать четыре года. И если ему не хватает к кому-то уважения, то вполне понятно почему.

Эдвин ван дер Сар

Август 2005 года

Эдвин ван дер Сар идет мимо маленького столика, стоящего у края поля. Он крайне возмущен, хотя внешне почти спокоен. 1 сентября 2001 года, когда Ирландия выбила Нидерланды из чемпионата мира в Дублине, — возможно, худший день в карьере голландского голкипера.

Кажется, столику сейчас достанется — вратарь поднимает ногу, чтобы нанести смертельный удар. Но, передумав, только сбивает пластиковый стаканчик. В этом поступке весь ван дер Сар. Способность бить мгновенно, без разгона, превращает его в лучшего футболиста среди голкиперов. Еще он умеет владеть эмоциями. Не зря носит прозвище Ледяной кролик. Оба качества помогут ему на новой работе, вероятно, самой напряженной в футболе — вратаря «Манчестер Юнайтед», к которой он приступил сегодня, в игре против «Эвертона».

Ван дер Сару тридцать четыре года. Он вырос в деревне, расположенной среди голландских луковых полей. Да и выглядит он точно как деревенский парень. Рост — 197, средний для данного региона. Длинное, бледное, угрюмое лицо, как у типичного кальвинистского пастора образца 1872 года, тоже характерно для этих мест.

В детстве ему нравилось играть в футбол. Правда, не стоять в воротах, а активно перемещаться по полю. Тем не менее он никогда не мечтал стать профессионалом до тех пор, пока не был замечен амстердамским «Аяксом». Клуб отличался оригинальными идеями по поводу голкиперов. Величайший игрок и «домашний философ» «Аякса» Йохан Кройф говорил, что абсурдно ограничивать их только ловлей мяча. Такой подход означает пустую трату энергии одного из одиннадцати игроков. Вратарь должен начинать атаку, пасовать, как полевой игрок. Ван дер Сар, у которого присутствовал хороший удар, был создан для воплощения в жизнь идей Кройфа. Позже Йохан назвал Ледяного кролика «лучшим атакующим игроком “Аякса”». Именно в этом клубе будущий знаменитый игрок понял: его задача — не просто ловить мячи. Скорее, он должен организовать защиту так, чтобы не приходилось этого делать. Если в ворота летел мяч, значит, предварительно что-то выполнено не так.

Но если ван дер Сару нужно взять мяч, он делает это. Спросите о нем других вратарей, и они обязательно подтвердят,

что тот редко ошибается. По выражению Кройфа, он «совершенно универсален»: одинаково успешно берет навесные удары с флангов, «читает» игру или ловит мячи, летящие рикошетом. Но прежде всего, как настоящий Ледяной кролик, Эдвин никогда не нервничает. Концентрируясь перед матчем, он следует собственному определению надежности: «Брать все мячи, которые только возможно». У него лишь один недостаток — он редко берет «невозможные» мячи.

«Вратари — сумасшедшие», — гласит футбольный штамп. Но ван дер Сар не таков. Он говорит: «Иногда я вижу, как милые, спокойные парни сходят с ума на поле. Могу показаться кому-то бесчувственным, но сомневаюсь, что они играют на 100%».

Голландец, кажется, никогда не теряет самоконтроля, что не свойственно другим футболистам. Даже после великой победы, отбиваясь от слишком бурно обнимающих его товарищей, он отгораживается холодной иронией, которая не кажется смешной.

Когда в 1999 году «Ювентус» купил ван дер Сара у «Аякса», многие считали его лучшим вратарем в мире. Два года спустя он таковым не был. В «Юве», единственный раз в своей карьере, голкипер потерял уверенность в себе и совершил промах. Итальянцы стали дразнить его «ван дер Голом», а «Ювентус», предварительно попросив проверить зрение, продал. «Ван дер Гол» вступил в ряды «Фулхэма», уверявшего, что они вместе придут к славе. Потом у команды закончились деньги, амбиции поумерились. В итоге бывший «лучший вратарь мира» провел четыре года в посредственном клубе.

В телевизионной программе, вышедшей на экран в декабре прошлого года, последний великий вратарь «Манчестер Юнайтед» Петер Шмейхель рекомендовал голландца «Юнайтед» и «Арсеналу». Ван дер Сар и его жена, смотревшие передачу дома, были польщены. Но ни из одного клуба так и не позвонили. Кажется, им достаточно посредственных вратарей. В Голландии от голкипера ждут проявления таланта полевого игрока, в Италии — способности идеально отбивать мячи. В Англии от него не ждут, кажется, вообще ничего.

Играть на маленьком «Крейвен Коттедж» ван дер Сару было особенно обидно — он знал, что находится на пике формы. Своим лучшим матчем игрок считает встречу «Арсенала» и «Фулхэма» в 2003 году. Выступая за сборную Голландии вместе с юношами, которые несколько лет назад подносили мячи, он сыграл сотый матч в родной сборной и, наконец, стал действительно блестящим вратарем.

Как и многие голкиперы, он достиг пика лет в тридцать пять. Джуп Хиель, его бывший тренер, объясняет почему: «Быть

вратарем — значит видеть и понимать ситуацию, находить решение. И чем чаще, тем легче играть. Поэтому опытный голкипер хорошо знает структуру атаки и успевает организовать защиту. Молодой игрок этого не умеет, у него есть только талант. Ошибаясь, он начинает сомневаться в себе». Когда подобное произошло с Тимом Говардом, молодым голкипером «Юнайтед», клуб наконец обратился к ван дер Сару.

Тренер команды Алекс Фергюсон в течение шести лет набирал сомнительных вратарей. И был в этом не одинок. Такое «слепое пятно» на совести Арсена Венгера в «Арсенале». Немногие наставники понимают работу голкипера. Это позор, потому что только ошибки вратарей помешали «Юнайтед» в Лиге чемпионов. Команде до сих пор не хватает умения Шмейхеля организовывать игру. Пусть тот, подобно большинству британских голкиперов, вообще не умел играть в футбол, но он мог начать контратаку, метнув мяч на 35 метров прямо под ноги товарищу по команде. Ван дер Сар делает то же самое с помощью пасов. Более того, он не тушуется под прожекторами крупнейшего клуба мира, где любая ошибка стоящего на воротах становится национальной трагедией. Кроме того, он дополняет «доску почета» «Юнайтед», состоящую пока из Роя Кина.

В любом случае «Юнайтед» для ван дер Сара — лишь интерлюдия. В итоге он вернется в свой любительский клуб в голландских дюнах, где оставит позицию вратаря ради игры в нападении. «Забивать мячи гораздо приятнее», — утверждает он.

Майкл Эссьен

Август 2005 года

Майкл Эссьен перестал улыбаться. Это самая удивительная перемена, произошедшая, по мнению товарищей по команде, с жизнерадостным парнем из Ганы, который носится по футбольному полю с такой энергией, что устаешь наблюдать за ним.

Эссьен расстроен. Лионский «Олимпик» блокировал его трансфер в «Челси». Французы запросили 31 миллион фунтов. Такая сумма позволила бы игроку получить статус самого дорогого опорного полузащитника в истории. В свою очередь, самый богатый клуб мира предложил 20 миллионов фунтов. Правда, «Манчестер Юнайтед» также проявляет интерес к футболисту. Но пока Эссьен, этот молчаливый Монстр, образец футболиста нашего времени, устроил забастовку.

Его история — прекрасный пример преимуществ глобализации. Майкл вырос в жаркой Аккре, столице Ганы, вместе с четырьмя сестрами. В детстве он гонял мяч, обводя его вокруг деревьев. Впервые его показали по телевизору, когда мальчишка помог национальной команде игроков младше 12 лет разгромить сборную Бенина. Потом заметили на турнире в Новой Зеландии и пригласили на пробы в «Манчестер Юнайтед». Он вышел на поле «Олд Траффорд» вместе с земляком, которого забраковали из-за плохого поведения. Впрочем, Эссьен клубу тоже не понравился. Тем не менее юноше предложили промежуточный контракт с небольшой бельгийской командой «Ройял Антверп», принадлежавшей «Юнайтед».

Майкл отказался. Он смущенно топтался рядом с квартирой своего агента в Монако, до тех пор пока тот не позвонил в корсиканскую «Бастию» и не убедил принять парня. Корсиканцы были в восторге от неразговорчивого Эссьена — руководство команд таких футболистов любит. Кстати, именно здесь ганец превратился в Монстра. Его рост меньше 180 сантиметров, но тело почти такое же широкое, как улыбка. Он говорит, что никогда не устает. Но признается, что его хобби — здоровый сон.

В 2003-м его продали в «Лион» за 12 миллионов евро. А в мае нынешнего года парижский суд решил, что часть суммы досталась корсиканскому националисту, террористу и фанату «Бастии» Шарлю Пьери, отбывающему десятилетнее тюремное заключение.

В «Лионе» Эссьен продолжал расти, как герой фильма ужасов. «Физически он самый впечатляющий спортсмен, с которым доводилось играть», — говорит его товарищ по команде Сидней Гову. Впрочем, и сам выходец из Ганы, прозванный Бизоном, замечает, что не встречал футболиста, способного сбить его с ног.

Спортивные качества игрока экономист назвал бы «многофакторной продуктивностью». В спорте сейчас придают большое значение цифрам. И какую бы переменную ни выбрал «Лион», Эссьен оказывался лучшим в команде. Он чаще всех получал и отбирал мяч, производил удачные пасы и перехваты передач соперников. По числу забитых голов он также нередко оказывался впереди других футболистов. Несмотря на способность останавливать атаки в центре поля, его редко уличают в грязных приемах. Результаты Майкла впечатляют, достаточно обратиться к статистике. Не случайно в прошлом сезоне его признали лучшим игроком Франции.

Короче говоря, Эссьен — живое подтверждение растущих требований к физической форме в большинстве видов спорта. Сегодня среднестатистический футболист за матч пробегает около 12 километров, что почти в три раза больше показателей тридцатилетней давности. Теперь центр поля, где чаще всего находится мяч, стал чем-то вроде линии схватки в американском футболе. «Ареной», где бьются друг с другом «монстры», топча хилых форвардов, которые правили бал раньше.

Единственные нападающие, имеющие право на жизнь, принадлежат к типажу «два в одном». Настолько физически сильные, что способны одолеть «монстров»: Павел Недвед, Михаэль Баллак или Стивен Джеррард. Худосочным Франческо Тотти, Алессандро Дель Пьеро и даже Зинедину Зидану приходится туго.

Показательна история Хавьера «Кролика» Савиолы, хилого форварда сборной Аргентины, со счетом 3:0 разгромившей в финале молодежного Кубка мира в 2001 году сборную Ганы, где играл Эссьен. После победы он отправился прямиком в «Барселону» с годовой зарплатой 5 миллионов евро. Но сегодня все хотят Бизона, а испанцы спровадили Савиолу в маленький соседний клуб «Эспаньол».

Нынешней осенью Майкл хочет помочь Гане пройти квалификационные игры для участия в первом в истории страны чемпионате мира. Болельщики в Гане оценивают игроков в соответствии с их желанием «служить Отчизне». И Эссьен, как большинство экспатов, жаждет подтвердить свой патриотизм.

То, что Бизон эмигрант, — не проблема. Жители страны, которая в прошлом экспортировала какао, золото и рабов, а

сегодня — какао, золото и работников, уважают успешных земляков. Но фанаты не любят, когда футболисты приезжают на международные матчи в шикарных машинах, жалуются, что пришлось самим покупать авиабилеты, и не напрягаются во время игры. В июне перед важнейшим квалификационным матчем в Южной Африке Эссьену пришлось решительно заявить: «Мы готовы умереть за свою родину». Возможно, так оно и было. Гана выиграла.

Но сейчас Бизон расстроен. «Лион» проверяет, действительно ли клуб, финансируемый миллиардами Абрамовича, заплатит любую сумму трансфера. «Челси» пытается доказать, что французы ошибаются.

В тех нескольких подтвержденных случаях, когда Майкл открывал рот, он упоминал о своей мечте играть в «Манчестер Юнайтед». Но сантименты у футболистов быстро проходят, и сегодня он предпочитает «Челси». А пока полузащитник бродит печальный по клубу, раздражая работодателя. «Должна быть хоть какая-то этика при такой зарплате», — сетует Жан-Мишель Ола, президент «Лиона», выражая весьма своеобразную нравственную философию.

Как минимум на стороне Эссьена дух времени. По словам Дамона Рюньона, «гонку не всегда выигрывает самый быстрый, а в битве не всегда побеждает самый сильный, но всегда есть способ победить». Сейчас данное утверждение более актуально, чем во времена известного сценариста и режиссера.

Как я и предполагал в своей последней статье о Сеске Фабрегасе, эра «монстров» в центре поля быстро миновала.

Фабио Каннаваро

Июль 2006 года

Один из главных моментов в жизни футболиста — поднять над головой кубок мира. Но капитан итальянской сборной Фабио Каннаваро стал чемпионом мира задолго до того воскресенья. Единственное, теперь титул подтвержден наградой. Этот херувим, словно вырезанный из мрамора, должен стать и лучшим игроком турнира. Ведь он — символ не только Италии, но и собственно чемпионата.

Тридцать два года назад в Неаполе, почти сразу после рождения, у Каннаваро возникло типично итальянское желание стать футбольным защитником. Наряду с гондольером или модельером это исключительно итальянская профессия. «Самое приятное в футболе, — говорит спортсмен, — это персональная опека (marking)». «Маркаре, маркаре, маркаре!» — он презирает нападающих. Те могут ужасно играть и получить признание за единственный гол. Но защитника повесят за единственную ошибку. Кстати, Каннаваро принадлежит к итальянской школе, где считается, что идеальный матч заканчивается со счетом 0:0, потому что никто не допустил промахов.

Если бы он родился в Британии, то вряд ли занимал бы позицию центрального защитника, имея рост всего 176 сантиметров. Для компенсации футболист накачал мышцы верхней части тела и рук. «Защитнику нужны руки, — утверждает игрок, — так как необходимо постоянно удерживать своего нападающего, заставлять быть там, где он хочет».

Каннаваро любит все нюансы своего искусства. Но осознает при этом и собственную ценность. Во время Евро-2000 его попросили перечислить лучших защитников чемпионата: «После меня и Неста я бы назвал француза Тюрама», — ответил футболист. Однако именно та его единственная ошибка позволила французу Сильвену Вильтору сравнять счет в финале. Франция выиграла.

В воскресенье недоразумение не должно повториться. До финала защита под руководством Каннаваро дрогнула лишь один раз за шесть игр — во время неизбежного автогола. Он устанавливает товарищам высокую планку. И когда Марко Материцци позволил немцам пробить в полуфинале, Фабио подошел к гиганту, прочел нотацию, а затем дал пощечину. Он считает, что защитник должен любым способом преграждать

противнику путь к воротам, и готов переломать себе ноги, чтобы остановить нападающих, не допустить не то что угловых и штрафных ударов, но и вбрасываний.

Каннаваро признан лучшим акробатом соревнований, опередив Мирослава Клозе. Он прыгает выше более рослых игроков или забирает мяч и делает навесной удар. Он не прочь нарушить правило, гласящее: «Защитнику нельзя падать». Фабио можно — он мгновенно поднимается. А в воскресенье всего за несколько секунд в борьбе с Форланом Малуда совершил три подката, возможно, установив мировой рекорд.

Его битвы с Тьерри Анри целиком и полностью достойны Кубка мира. Лучший против лучшего. Однажды французскому футболисту удалось ударить, а как-то он сумел обвести итальянца, но тут же был устранен: без славы и без гола, как и десятки соперников до него. При этом он не опекал Анри, им с Матерацци хватало гибкости опекать по зонам. Каннаваро не только центральный, но и свободный защитник: вероятно, его прикрыл Малуда, когда Матерацци подрезал его за пенальти французов. За что сам мог получить сильнее, чем всегда получал от Зинедина Зидана.

Наблюдая, сложив на груди мощные руки в татуировках, перестрелку пенальти, Фабио не улыбался. Голы Тьерри Анри — не его дело. За сотни международных матчей он забил лишь однажды. Для итальянцев это не главное. Они восхищаются защитниками. Во время воскресной игры болельщики аплодировали ему чаще, чем любому другому. Нам стоит последовать их примеру. Ведь тем, кто не в состоянии оценить хорошую защиту, на нынешнем чемпионате мира не на что было смотреть.

Дирк Кёйт

Сентябрь 2006 года

Игроков, похожих на Дирка Кёйта, я знавал еще до его рождения. В детстве я играл против них дома, в дюнах деревни Катвийк на голландском побережье. Я уважал и боялся таких, как Кёйт, но не мог представить, что один из них когда-нибудь будет играть в футбольном клубе «Ливерпуль», который в прошлом месяце купил нидерландца примерно за 10 миллионов фунтов. Сегодня он надеется дебютировать в первом матче за эту команду в дерби против «Эвертона», проходящем в Мерсисайде. Так и хочется сказать, что он не стоит тех денег. Но ведь Кёйт всегда был, как выразился бы президент Буш, «недо-недооцененным».

В 1980 году, когда родился Дирк, зимними субботними утрами члены моей футбольной команды приезжали в Катвийк на задних сиденьях отцовских автомобилей. Мимо проносились церкви, продуктовые магазины и дешевые гостиницы с выставленными в окнах вывесками на немецком языке. Штормовой ветер сотрясал машину. Часто нашим соперником был будущий клуб Кёйта — «Квик Бойз».

Раздевалки клуба были забиты людьми — по субботам играли все моряки и рыбаки деревни. Кажется, футболистом себя считал каждый местный мужчина. «Квик Бойз» до сих пор насчитывает двадцать взрослых команд и пятнадцать из них — для мальчиков в возрасте до девяти лет. Отличить взрослых игроков от юниоров зачастую непросто. Дети Катвийка, растущие на рыбе, молоке и западном ветре, отличаются ростом.

Наши соперники часто, как и будущая звезда футбола, были альбиносами и носили всего несколько фамилий, одной из которых была Кёйт. Они не обременяли себя контролем мяча, возможно, оставляя это ветру и Господу. Однако, как я помню, наша команда всегда проигрывала. Иногда за нами наблюдали сотни болельщиков. При этом «Квик Бойз» даже не лучший клуб деревни. Конкурирующий «Катвийк» позже стал чемпионом голландской любительской лиги. Кёйт часто наблюдал битвы между этими командами. Так что встреча «Эвертона» и «Ливерпуля» не должна внушать ему священного ужаса.

Любительский футбол в Катвийке настолько важен для жителей, что местные звезды редко старались вступать в профессиональные клубы. Но в восемнадцать лет Кёйт подписал контракт с ФК «Утрехт». От здоровенного сына моряка с никаким

контролем мяча не ждали особых успехов, но он почти сразу стал регулярно выходить на поле.

Единственное, что не устраивало нового игрока в команде, — «греховность» новых товарищей. «На моей родине определенные вещи считаются само собой разумеющимися. В “Утрехте” я встретил ребят, которые женились только после того, как у их подруг рождался ребенок», — удивляется Дирк. Господь знает, как он воспримет Премьер-лигу.

В 2003 году более крупный голландский клуб «Фейеноорд» со скрипом заплатил за Кёйта миллион евро. Никто не надеялся, что футболист сможет достичь более высокого уровня. Но, как ни странно, он продолжал расти. Через год благодаря постоянной работе над собой он стал лучшим игроком команды. Кёйт относился к тренировкам как к настоящим матчам, а к последним — как к стандартным пунктам рабочего расписания. Свободное время проводит в спортзале, изучает противников, еженедельно посещает лайф-коуча, экстрасенса или личного психотерапевта.

Кроме того, футболисту не приходится лечить травмы. До нынешней весны, за пять лет и один месяц, он не пропустил ни одного матча голландской лиги. Что на одиннадцать месяцев дольше рекорда Фрэнка Лэмпарда в Англии. К целителям Кёйт ходит скорее для того, чтобы довести до совершенства супертело, подобно тому как Памела Андерсон перманентно увеличивает грудь. Он приводит пример: «Недавно физиотерапевт поставил в мои бутсы специальные подошвы. Тесты показали, что я стою не совсем ровно, поэтому не могу свободно двигать шеей. С тех пор как я стал носить обувь с новым приспособлением, моя шея снова свободна».

Кёйту незнакома и потеря формы. Он настолько психологически стабилен, что не способен играть плохо. В каждом из последних четырех сезонов игр лиги он забил не менее двадцати мячей.

Дирк излучает радость человека в расцвете лет, все части тела которого идеальны. Обычно бомбардиры берегут энергию, чтобы забивать, — Кёйт носится по флангам и отбирает мяч на своей линии ворот. Он лучше большинства защитников и полезнее многих крайних нападающих. Его специализация — ускорять темп атаки, получив мяч. Настоящий кошмар для соперников.

Постоянно совершенствуясь, Дирк смог от «Квик Бойз» дойти до «Ливерпуля», что служит укором более нерадивым спортсменам. Восхождение Кёйта подчеркивает, что даже его непьющие коллеги играют ниже возможностей. Если бы все они были похожи на голландца, профессиональный футбол стал на

порядок сильнее. «Достигать лучшего, на что вы способны, — не простая скучная обязанность, не так ли? — спрашивает он. — Я на коленях должен благодарить Бога за то, что стал футболистом. Что и делаю».

Но существует вещь, которая ему не под силу. Ни один уроженец Катвийка не способен научиться как следует контролировать мяч. «У меня нет техники Робина ван Перси, — однажды признался Дирк. — Но я обладаю лучшим складом ума». Который и завел его далеко: в прошлом месяце смертельно больной отец футболиста представил сына как лучшего игрока года Голландии.

Нынешним летом чемпионат мира показал: одного склада ума недостаточно. В первой попытке подняться на уровень международного футбола беготня Кёйта заставила защитников потрудиться. Но свою единственную пока игру в качестве первого центрфорварда сборной Голландии в матче против Португалии он провалил.

15 августа Гленн Редер, тренер «Ньюкасла», одного из бесчисленных клубов, надеющихся заполучить Кёйта, смотрел матч между Ирландией и Голландией в Дублине. Нидерландец — центральный нападающий вполне своевременно послал в ворота противника два мяча. К сожалению, это был не Кёйт, а двадцатитрехлетний дебютант Клас-Ян Хунтелар, забивший в предыдущем сезоне больше пятидесяти голов. Хунтелар — первый, кто способен обогнать Кёйта в иерархии голландских центрфорвардов.

Возможно, «Ливерпуль» купил не того голландского нападающего. Хотя Дирк не ударил в грязь лицом на «Энфилде», но и не доказал, что достоин этого места. Однако ему не впервой переубеждать скептиков. «Моя карьера идет в гору», — замечает футболист. В крайнем случае он покажет товарищам по команде, что такое настоящая физическая подготовка.

Ромарио

Март 2007 года

Говорят, что он выглядит как типичный бразилец. Кожа кофейного цвета. Рост всего 167 сантиметров — на родине его называют О баксиньо, Коротышкой. Телосложение далеко от атлетического. Кроме того, у футболиста кривые ноги и худые голени, а на профессиональную принадлежность указывают только широкие бедра и торс. Ромарио уже сорок один год, он самый замечательный нападающий из всех, кто сейчас играет. Бразильский нападающий утверждает, что забил 992 гола и отправится на покой, когда счет дойдет до тысячи. С его уходом игроки подобного типа исчезнут с лица земли.

Конечно, он завершит карьеру в Рио-де-Жанейро, в «Васко де Гама» — в том же клубе, где и дебютировал в 1985 году. Он родился в трущобах Рио-де-Жанейро, но вырос в чуть более приличном районе. Ромарио — маландро: игрок, весельчак, любитель нарушать правила. К тому же он типичный кариока, житель Рио, выражающий патриотизм отчасти покупкой недвижимости в родном городе, за пределами которого его странности не встречают никакого понимания. «В Сан-Паулу, — ворчат паулиста, жители Сан-Паулу, — его считали практически аргентинцем».

В двадцать два года футболист оставил родной город ради эйндховенского «ПСВ». Маландро с трудом приживался в Голландии. Его хобби был сон по четырнадцать часов в сутки. Он утверждал, что товарищи по команде не умеют играть в футбол. Летал домой, когда хотелось, не считаясь с графиком игр. И до сих пор настолько любит ночную жизнь, что собирается «тусоваться лет до девяноста». Физиотерапевту «ПСВ» поручили каждое утро поднимать игрока с постели. На поле бразилец едва шевелился, но в среднем забивал по одному голу за матч.

Ромарио воспринимал годы, проведенные в Европе, как изгнание, на которое согласился только из-за денег: «В Голландии я работал». Он так и не смог понять местную погоду, привычку жителей оговаривать встречи заранее и странное убеждение голландцев, что великие футболисты должны подчиняться правилам. Единственным феноменом, не вызвавшим у него отторжения, были высокие блондинки.

Так как, несмотря ни на что, футболист всегда забивал, его пригласила «Барселона». Но даже здесь Ромарио не проявлял

особого энтузиазма.

Гус Хиддинк, который когда-то был тренером бразильца в «ПСВ», вспоминает. Как-то его новые подопечные из «Валенсии» играли с «Барселоной». Ромарио собирался вбросить мяч, чтобы начать игру, но вдруг, на глазах у ста тысяч болельщиков, попросил рефери подождать, подбежал к скамейке своих соперников и расцеловал бывшего наставника в обе щеки. Как видите, для Ромарио матч был лишь декорацией, а он — единственным актером. В корпоративном спорте подобный эгоцентризм кажется почти героическим.

Великих бразильцев оценивают по результатам, продемонстрированным в ходе чемпионатов мира. На Кубке 1990 года, отчасти из-за своего неоднозначного характера, маландро Ромарио провел на поле всего час. Но заявил, что следующий турнир, в 1994 году, станет «чемпионатом Ромарио». Тренера бразильской сборной Карлоса Альберто Паррейра, когда-то выставившего нападающего из команды, убедили дать игроку второй шанс.

«Ромарио приехал в сборную в хорошем настроении, — рассказывал Паррейра много лет спустя. — Он хотел того же, что и остальные футболисты: стать чемпионом мира. Этот спортсмен хорошо приживается в команде: играет на барабанах, шутит. Он не… (тренер задирает нос, показывая, каким не является Ромарио). Он счастливый человек».

Возможно. Тем не менее в самолете по пути на чемпионат Ромарио отказался сидеть рядом с нападающим Бебето, главным спонсором которого был пивной бренд. А потом заявил: «Я поставлю кубок мира на стол перед бразильцами, словно тарелку с едой». Так он и сделал, этот бывший мальчишка из фавел.

Ромарио, очень функциональный игрок, использует свой гений лишь для того, чтобы забивать. «Будь он европейским игроком, то отправил бы мяч в дальний угол, — заметил вратарь россиян Дмитрий Харин. — Но он — бразилец, поэтому ударил в ближний».

Гол сборной Голландии в четвертьфинале оказался более изящным. Мяч приземлился слишком далеко. И Ромарио, прыгнув почти на три метра вперед и приземляясь практически на мяч, сделал навесной удар внешней стороной правой ноги в дальний угол ворот.

Этот гол стал его последним достижением в футболе высшего класса. Затем знаменитый нападающий провел тринадцать лет в обветшалой бразильской лиге, делая редкие вылазки в Катар, Аделаиду и Майами. Здесь он иногда сам платил зарплату товарищам по команде или отказывался от своего миллиона

долларов, если клубу было нечем платить. Однажды вечером я наблюдал, как он играл за «Фламенго» в Рио на полупустом стадионе «Маракана», рассчитанном на двести тысяч зрителей. Почти все болельщики на протяжении матча сновали по беговой дорожке вслед за мячом. В свою очередь бразилец ничего не делал. Только забил гол.

В тот период, к своему неудовольствию, из-за травмы Ромарио пропустил чемпионат мира 1998 года. Тренеры сборной Бразилии посчитали, что он создаст команде слишком много проблем. Возможно, решение стоило им трофея.

Игрок постоянно твердил, что скоро удалится на покой, но никак не уходил. Потом решил исполнить обещанное после того, как повторит рекорд Пеле — забьет 1000 мячей. Играя в Эйндховене, футболист иногда звонил местным журналистам и на своем неподражаемом голландском интересовался, сколько голов он забил в предварительных «разогревающих» матчах с местными сельскими командами.

Желание догнать Пеле не этично. Бразильцы потешаются над стремлением Ромарио. Эксперты оспаривают его достижение — 992 мяча. Футбольный журнал Placar приписывает маландро лишь 891 гол. Тем не менее герой данного очерка заслуживает славы — ведь сегодня голы забивают реже. Так, в финалах двух Кубков мира времен Пеле было забито двенадцать голов, в финале с участием Ромарио — ни одного. Сейчас хороший бомбардир может забить сорок мячей за сезон, всего два раза за всю карьеру.

К тому же цифра от Placar подтверждает: за двадцать два года Ромарио приблизился к абсолютному для него показателю. Причем почти все голы забиты им в Рио, а не за большие деньги в Европе. Но это его выбор. «Со мной трудно, потому что я всегда остаюсь самим собой», — говорит он. Если футболист произносит такие слова, то, скорее всего, это рекламный слоган компании Nike.

Теперь Ромарио — член парламента. В октябре 2010 года он был избран в нижнюю палату конгресса Бразилии от Социалистической партии. В день выборов бывший футболист приехал на избирательный участок в бронированном БМВ, а потом отправился в трущобы, где провел детство.

Дженнаро Гаттузо

Апрель 2007 года

Это было одно из самых ярких событий прошлогоднего чемпионата мира, хотя увидеть его удалось немногим: бородатый полузащитник итальянцев Дженнаро Гаттузо скачет по Олимпийскому стадиону в Берлине. На нем нет ничего, кроме узких белых мужских трусов. Италия выиграла в финале, и он празднует победу в своей излюбленной эпатажной манере. Скоро его остановили перепуганные официальные представители УЕФА. Но Гаттузо имеет право на любые выходки — это был его чемпионат мира.

Трусы — не просто одежда. Символ. Таким образом игрок отметил свое превращение из крестьянина в короля. Много лет, выступая за разные команды, он оставался лишь прислугой «звезд». Во вторник, когда «Милан» встретится с «Манчестер Юнайтед» в полуфинале Лиги чемпионов, он будет духовным лидером команды. И не только. Нескладного футболиста уважают за то, что он «антисуперзвезда», противоядие для глянца современного футбола.

Основа мифа «Гаттузо» — его простое происхождение. Он родился в небольшом городке в Калабрии, одном из беднейших регионов Италии, где играл в футбол на побережье, отмечая ворота бензиновыми канистрами. Большинство родственников будущей звезды, подобно его землякам, уезжали за границу искать лучшей жизни.

В девятнадцать лет он последовал их примеру. 85% итальянских мужчин в возрасте от восемнадцати до тридцати трех лет живут с родителями, а Дженнаро вступил в ряды клуба «Рейнджерз» из Глазго. И прекрасно там прижился.

«Британские игроки, — говорит он, — играют как мужчины. А итальянцы бегут жаловаться арбитру, если отберешь у них мяч». Гаттузо нравится «зарыть соперника в землю», а потом пожать ему руку, хотя это рукопожатие тоже может быть пугающим.

«Его соотечественники хвастались шикарными костюмами, а он тусовался с шотландскими игроками, одетый в спортивные штаны», — пишет Габриэле Маркотти в книге «Итальянская работа»[26].

Дженнаро оставил Шотландию всего через год, но увез с собой сувенир: жену Монику, отец которой владел его любимой пиццерией в Глазго. Футболист пообещал, что вернется в

«Рейнджерз», потом заявил, что никогда не уйдет из «Милана». А недавно стал «заигрывать» с «Манчестер Юнайтед».

В «Милан» Гаттузо пришел в двадцать один год. Выбор казался странным. Жители города, давшего название клубу, одеваются лучше всех в мире. Исключение составляют лишь игроки их любимой команды, в чем легко убедиться, посетив тренировочную базу. Что здесь делать Дженнаро? При росте 177 сантиметров он весит 77 килограммов, что необычно много для футболиста, и считает себя «страшнее атомной войны». Не зря итальянцы придумали поговорку «Человек произошел от Гаттузо». Более того, в клубе, знаменитом своими пасами, он удостаивался ироничных аплодисментов на тренировках, если ему удавалось передать мяч дальше, чем на пять метров.

Но он знал свое место. «Я просто ворую мячи», — говорит футболист. Итальянцы называют такого игрока медиано — парень, задача которого — добывать мяч для тех, кто может играть. В «Милане» это блистательный Кака, с которым он постоянно пререкается.

Гаттузо: Давай, беги!

Кака: Я не играю в защите!

Гаттузо: Отлично. Тогда иди и забивай!

Но, несмотря ни на что, итальянец восхищается бразильцем: «Он так совершенен, что иногда мне требуется прикоснуться к нему, чтобы убедиться в реальности его существования». Действительно, самая знаменитая выходка полузащитника, когда он стал прыгать как безумный и орать на Кристиана Поульсена из клуба «Шальке», была спровоцирована насмешками последнего над Кака. «Он вел себя как ребенок», — сказал потом Поульсен. Но, если честно, Гаттузо в тот момент напоминал Румпельштильцхена — злого бородатого гнома из сказки.

Тем не менее он улучшает имидж «Милана». «Крестьянин среди аристократов» акцентирует «корни» клуба и определенно идентифицирует себя с его владельцем Сильвио Берлускони. Причем в такой степени, что отчитал бывшего товарища по команде Викаша Дорасо, изучавшего левоцентристскую газету La Stampa. «Это коммунистический листок», — объяснил Гаттузо и порекомендовал одну из газет, принадлежащих медиамагнату-политику.

Кроме того, полузащитник строго следит за поведением футболистов. Так, прошлым летом перед чемпионатом мира «миланцы» подтвердили репутацию дерзкой команды «нырками» и спорами с арбитрами. Тут Гаттузо объявил войну безобразиям.

Ныне Дженнаро превратился в международный бренд. Отчасти — благодаря появлению вместе с некоторыми

товарищами по команде в весьма вольной рекламе мужского белья. Отчасти — прекрасной организации игры, возможно, лучшего состава защитников в истории футбола. Так, в финале чемпионата Фабио Гроссо остановил атаку французов, и итальянцам назначили угловой. В любой другой команде он заслужил бы аплодисменты. Но Гаттузо отчитал его: Италии не нужны угловые.

Во время международного турнира футболист довел до блеска свой имидж крестьянина. Например, не стесняясь «туалетных» тем, признавался, что, нервничая перед финалом, бегал в туалет раз двадцать, а после игры так много выпил, что посетил уборную целых двадцать восемь раз.

Турнир проходил в Германии, где живет множество калабрийских иммигрантов, в том числе и родственники Гаттузо. Он часто превозносит этих людей, «много лет тяжело работавших за 500 марок в месяц». И кажется, пытается идентифицировать себя с ними. «Это победа команды тружеников, — сказал он после финала. — Мы всем показали, что у нас яйца как надо». Это на случай, если кто-то пропустил рекламу трусов.

Гаттузо прославился своей «антиглянцевостью». Даже его борода напоминает о тех днях, когда футболисты были обычными парнями. Но в действительности он гораздо более гламурен, чем готов признать. Так, фотография калабрийского мигранта — мультимиллионера, жителя глобализированного мира, недавно украсила обложку итальянского издания журнала Vanity Fair. Женщины им восхищаются. Да, он медиано, но в последние годы его сородичи подняли нечто вроде крестьянского восстания и свергли Кака и иже с ним с футбольного трона. Имидж Гаттузо, хотя и соответствует его сущности, является к тому же тщательно продуманным брендом. Он одаренный оратор, совсем не дурак и сам себе бренд-менеджер.

Он по-прежнему заслуживает аплодисментов. Сезон после победы на чемпионате мира самый трудный. И вот он, Гаттузо, всего в шаге от своего третьего финала Лиги чемпионов за пять сезонов. Поэтому представителям УЕФА, планирующим отправиться на матч в Афинах в следующем месяце, лучше взять с собой несколько пар запасных шорт.

Златан Ибрагимович

Апрель 2007 года

«Я — налево, и он — налево, я — направо, и он — направо. Я опять налево, а он пошел купить хот-дог [сленговое выражение одобрения ловкому спортсмену]». Златан Ибрагимович комментирует свои действия на поле, используя уличный американский английский, подражая братьям по духу — черным уличным баскетболистам. Те, как правило, остаются кумирами своих дворов. А шведский гигант является, возможно, самым «победоносным» футболистом мира.

В двадцать пять лет Ибрагимович возглавляет парад героев дворовых площадок, покоривших футбол точно так же, как когда-то они покорили баскетбол. Его клуб, миланский «Интер», в этом сезоне непобедим. В следующую среду в матче с «Ромой» он может стать чемпионом Италии. Это будет четвертый титул Златана в национальной лиге за четыре года. Остальные игрок заработал в составе амстердамского «Аякса», «Ювентуса» и того же «Интера».

Ибрагимович вырос в шведском портовом городе Мальмё, в пристанище иммигрантов — гетто Розенгард. Сын хорватки и боснийца владел шведским и, впрочем, не слишком уверенно тем языком, который называется «югославским». Учеба была не для него. «Я проработала здесь тридцать три года, — вспоминала позже директор школы, которую посещал футболист. — Златан, несомненно, входит в пятерку самых отъявленных хулиганов». «Плохиш номер один» был из тех мальчишек, что рано или поздно попадают в серьезные неприятности.

Пока белобрысые шведские подростки выполняли домашние задания, Ибрагимович гонял мяч. Иногда за местный клуб «Балкан», но чаще у себя во дворе. В гетто, будь то футбол или баскетбол, важен не счет, а то, как двигается игрок. В баскетболе игроки в «стритбол» изобретают трюки и дают им названия вроде «куриный фахито». Гарлемские покорители мира вышли из стритбола. Кстати, знаменитая «рулетка» Зинедина Зидана также родом с марсельских дворовых площадок.

Талантливые подростки тренировались в больших клубах, Ибрагимович играл во дворе, выполняя «no-look-пасы» — главный финт уличных игр с мячом. Тем не менее он попал в профессиональную команду Мальмё. Его коллега Никлас Киндвалл рассказывал мне: «Он пасовал и бил в неподходящий

момент. Но был прекрасным игроком».

Впрочем, Златан не собирался надолго задерживаться в родном городке. Особенно после того как иностранные скауты увидели его в деле: мальчишка отобрал мяч у одного защитника, обвел другого и забил гол. В результате «смотрин» в девятнадцать лет, одетый по моде родного гетто — реглан с капюшоном, круглая шапочка и гигантские наручные часы, — он оказался в «Аяксе».

Здесь Ибрагимович проявил полное невежество в игре, которую «стритбольщики» пренебрежительно называют «полевым футболом». Такое отношение вызвано скорее тем, что данный вид спорта не всегда дается атлетам с улицы. Так, голландский полузащитник Эдгар Давидс однажды привел в «Ювентус» арабского мальчишку, посрамившего его на амстердамской дворовой площадке. Но тот, начав играть на поле, почти сразу сдался.

Тренеры «Аякса» обнаружили, что Ибрагимович медленно двигается, плохо ориентируется на поле, редко утруждает себя забиванием голов. И, несмотря на рост 192 сантиметра, не умеет бить головой. Болельщики гадали, не предъявляют ли им тезку настоящего Златана Ибрагимовича. Зрители «Амстердам АренА» его освистали. Футболист бил на несколько метров за край поля, и фанаты кричали: «Эй, парень, беги сюда, тут лучше видно!»

«До того я никогда не воспринимал футбол всерьез, — признается Ибрагимович. — Но когда тебе свистят пятьдесят тысяч человек, хочется провалиться сквозь поле».

«Аякс» пытался вытрясти из Златана гетто: у опекающих его противников появилась плохая привычка разбивать носы, товарищам по команде тоже доставалось. «Иногда он становился неуправляемым», — вспоминает Дэвид Эндт. — С ним требуется быть настороже».

Однако именно качества, приобретенные в гетто, придают игроку уникальность. Стандартные шведские футболисты — безымянные «рабочие пчелы». Они следуют «закону Янте», ставшему чем-то вроде национального жизненного кредо: «Не думай, что ты лучше других». Но Златан так и не выучил их правил. Его стиль направлен на то, чтобы разозлить придурков из соседнего двора. «Его невозможно сравнить ни с одним другим местным игроком», — рассуждает писатель из Мальмё Фредерик Икланд.

Бывший министр культуры Швеции Лейф Пагроцки отмечает: «Он так хорош, потому что на поле ведет себя как плохой мальчишка: самовыражается, нарушает правила, никого не слушает». Говоря по-шведски, Ибрагимович — каксиг, то есть

упрямый, высокомерный. Как, впрочем, и его кумир боксер Мухаммед Али. «Я принес улицу на поле», — заявляет футболист.

Футболист приводил шведов в замешательство. В матче с «Сан-Марино» он пробил пенальти, который стал легендой национального футбола. Затем ненадолго объявил бойкот сборной страны. Но шведы, которые любят футбол, но играют в него скучно и некрасиво, десятилетиями мечтали о таком игроке, как Ибрагимович. Он говорит: «Во время чемпионата мира 2002 года в Швеции меня трижды выбирали лучшим игроком матча, даже когда я не играл. Люди меня любят».

Лишь в 2004 году гений стал приносить пользу команде, став ценить голы выше трюков. Наконец он научился выбирать подходящий момент: «Сначала мной управлял талант. Теперь я управляю талантом».

«Ювентус», самая дисциплинированная команда в мире, купила его и отправила в спортзал. Он набрал десять килограммов. Ибра и сейчас «гладит мяч подошвами», ведет его всеми частями стопы, прежде чем снизойти до гола. Однако, говорит Киндвалл, «он утратил некоторые качества, благодаря которым его обожала толпа. Раньше почти в каждой игре он исполнял невообразимый трюк. Мне их не хватает. Но Златан так много приобрел взамен».

«Интер» мог завоевать титул и без пятнадцати голов Ибрагимовича. Вторая команда Италии, «Рома», отстает от него на восемнадцать очков и в прошлую среду проиграла со счетом 7:0 «Манчестер Юнайтед». По словам Патрика Виейра, итальянские команды в нынешнем сезоне играют не очень хорошо. Как говорят в стритболе, Ибрагимович их «сделал».

Фернандо Торрес

Август 2007 года

Прошлым летом на несколько дней в Лейпциге и Штутгарте сборная Испании стала лучшей командой чемпионата мира. Как гласит знаменитая испанская поговорка, «играли мы как никогда, но проиграли как всегда». Но прежде чем испанцы потерпели поражение, болельщики и специалисты успели отметить юного блондина-нападающего Фернандо Торреса.

Сегодня двадцатитрехлетний Торрес встречает английский футбольный сезон в составе «Ливерпуля». По слухам, сумма трансфера достигает 20 миллионов фунтов. Однако точная сумма неизвестна. Но все эксперты сходятся в одном: это самый дорогой испанец, который когда-либо был продан, и самый дорогой игрок, которого когда-либо купил «Ливерпуль».

Но трансфер более важен, чем можно подумать. Много лет люди превозносили верность Торреса мадридскому «Атлетико», куда он пришел в одиннадцать лет, а болел за него еще дольше. Он был слишком хорош для этого клуба, но продолжал здесь играть. Его почитали как последнего футболиста-болельщика. И разрыв отношений с клубом еще раз подтверждает, что игроки и фанаты — представители разных биологических видов.

Как гласит легенда, когда Фернандо было четыре или пять лет, его дедушка сказал, что мальчик когда-нибудь будет играть за «Атлети». Старик мечтал увидеть внука в красно-белой форме, в первом дивизионе. «К счастью, он успел увидеть, как я играю на стадионе “Кальдерон”, — говорит Фернандо. — Хотя и не в первом дивизионе».

Торрес дебютировал в профессиональном футболе в семнадцать лет, когда «Атлетико» переживал «два года в аду», находясь во втором дивизионе. Исторически клуб мадридского рабочего класса был третьим по величине в Испании. Но уступал соседскому «Реалу», привычно впустую тратил деньги и играл посреди газовой станции на грязных берегах реки Манзанарес. «Атлетико» — «большой клуб», который ведет себя как маленький.

Местный мальчишка немедленно стал символом команды, и, когда ему исполнилось девятнадцать, его избрали капитаном. И понятно почему. Торрес — акробат, силач и спринтер одновременно. Поэтому он забивает самые разные голы: у него отличный дриблинг, он хорошо бьет головой, дугой и с полулета,

обеими ногами. Внешняя часть его правой ступни способна на сверхъестественно блистательные голы.

Торрес — мастер непрерывного движения. «Он невероятно вынослив, энергичен», — говорит тренер испанцев Луис Арагонес. Три гола Фернандо на Кубке мира были забиты на последних двадцати минутах матчей, когда измотанные защитники не смогли его догнать.

При этом Арагонес замечает: «Мы хотим поработать над некоторыми техническими деталями». Тренер «Ливерпуля» Рафаэль Бенитес солидарен с испанским коллегой: «Ему нужно кое-что усовершенствовать».

Футболист действует на предельной скорости. Отчасти поэтому его контроль мяча не лишен изъянов, что объясняет, почему игрок забивает меньше, чем должен: за исключением пенальти. Его средние показатели за последние четыре года ниже двенадцати голов за сезон в играх лиги.

Тем не менее каждое лето Фернандо начинал обихаживать один из «больших» клубов. Но он оставался в «Атлетико», и все считали, что Торрес мыслит как болельщик.

Оказалось, что это иллюзия. Сам футболист, человек трезвомыслящий, объясняет: «В качестве фаната, который каждый день мечтает о своем клубе, замечаешь только хорошую его сторону. Но стоит перейти на сторону игрока, как начинаешь видеть картину полностью. Зрелище не всегда приятное».

Каждый, кому довелось познакомиться с изнанкой футбола, начинает понимать, что клуб состоит из алчных персонажей, у которых нет никакого плана. Так, мой коллега, болельщик «Сандерленда», рассказывал, что когда-то, будучи журналистом, оказался рядом с игроками любимой команды, которые готовились к матчу. Этого оказалось достаточно, чтобы относиться к футболу гораздо спокойнее.

Некоторые спортсмены остаются болельщиками «на стороне». Вот сцена, которую я наблюдал в 2002 году в баре мадридского отеля. Стив Макманаман только что выиграл матч чемпионата Европы со счетом 3:0 в составе «Реала», ведущего клуба мира. Но его куда больше беспокоила команда, за которую он болел, — «Эвертон». Макка говорил по мобильному, обсуждая увольнение наставника «синих» Уолтера Смита.

«Я ему сочувствую, — вздохнул футболист. — Как тренер, ты хорош ровно настолько, насколько хорош твой материал. В выходные они проиграли 3:0 — три большие ошибки».

Но предположение, что Макманаман должен играть за «Эвертон», потому что является его болельщиком, абсурдно. Как и у каждого, кто тяжелым трудом развивал природный талант,

карьера для Макки на первом месте.

И для Торреса тоже. Когда пришлось выбирать — предать клуб или талант, он покинул «Атлетико». И, чтобы провести переговоры с «Ливерпулем», прервал отпуск, который проводил на краю земли, в Полинезии.

Но даже в новой команде он чувствует себя обязанным говорить как болельщик. И рассказывает: несколько лет назад некоторые его мадридские друзья вытатуировали девиз «Ливерпуля»: «Ты никогда не останешься один». Как игрок другого клуба, Фернандо не мог поступить так же. И товарищи подарили ему нарукавную повязку с этим слоганом.

На самом деле профессиональный футболист всегда остается один. Тем не менее Торрес — это значимое приобретение для Бенитеса. Лучшие испанские игроки редко уезжают за границу. Как и британцы, они плохо овладевают иностранными языками, с трудом акклиматизируются в чужих городах. Фернандо однажды признался, что его стиль не подходит для Англии.

Бенитес, тоже испанец, может заверить игроков-соотечественников, что «Ливерпуль» — это маленький уголок родной страны. Такая сентиментальность важна для профессиональных спортсменов. А для болельщиков — нет.

Флоран Малуда

Август 2007 года

В январе 2003 года я совершил долгое путешествие в Бретань, чтобы увидеть французскую достопримечательность: деревню из восьми тысяч жителей, где расположен футбольный стадион, вмещающий в два раза больше зрителей. «Генгам», футбольная команда населенного пункта, занимающего на карте столько же места, сколько сказочный городок из мультфильма про Астерикса, каким-то образом умудрилась оказаться в первом дивизионе Франции. В ней даже было два перспективных игрока: Дидье Дрогба и Флоран Малуда.

В тот вечер «Генгам» принимала «Гавр», и практически каждый житель деревни посчитал своим долгом посетить матч. Процессия напоминала военные сцены, когда по дорогам шествовало почти все население французских городов. Толпа, состоящая из 12 728 человек (примерно треть приехала из Гавра), произвела гораздо более сильное впечатление, чем игра. Местные игроки смотрелись как деревенщина, и в итоге «Генгам» проиграла со счетом 2:1. Завтра Малуда, которому сейчас двадцать семь лет, официально дебютирует в составе «Челси» вместе с Дрогба в матче Суперкубка Англии. Его история — это рассказ о том, как мальчик, родившийся на краю земли, уничтожил собственную личность, чтобы стать профессиональным футболистом.

Флоран родился на северной оконечности Южной Америки, во французской Гайане. Тощий черный мальчишка по прозвищу Чокнутый гонял на мотоцикле, хорошо учился в школе, всегда приходил домой в половине восьмого вечера и готовил себя к карьере профессионального футболиста. Его отец, тренер местной команды, после каждого матча ждал сына у края поля, чтобы проанализировать игру: «Флоран, сегодня ты сделал двенадцать подач с фланга. Из них четыре — плохо. Ты слишком долго держишь мяч, прежде чем пробить. Твои несколько голов…»

В пятнадцать лет Малуда приехал во Францию. Через год играл в команде второго дивизиона Французской лиги и имел карьерный план, структурированный, как у студента MBA. «Он всегда был серьезным мальчиком, — рассказывает мать футболиста. — Он уехал из дому, зная, что будет играть во французской команде». В двадцать лет Флоран вступил в команду Генгама, в двадцать три — в «Лион», а в двадцать четыре

дебютировал в сборной Франции.

Летним днем 2005 года я наблюдал, как он, новичок, тренируется вместе с национальной сборной в лесу Рамбуйе, где иерархия не менее жесткая, чем при дворе короля Луи XIV. Когда возник конфликт, Малуда в шутку ударил ногой самого «короля» — Зинедина Зидана. Затем французы разделились на две группы для футбольного тенниса[27]. Патрика Виейра, дофина Зизу, назначили капитаном одной из команд, и тот заявил, что продал Флорана за 20 евро. Но когда начался спор по поводу счета, Малуда поддержал Виейра. Чокнутый уважает иерархию, но при этом осознает собственную ценность и то, насколько далеко позволяется зайти. Через год он стал лучшим игроком сборной Франции в финале чемпионата мира. Но при этом перед началом второго тайма выслушал в туннеле лекцию от своего «босса» Тьерри Анри.

Сейчас Малуда превратился в универсального футболиста, у которого нет слабых мест. У него прекрасный дриблинг и отбор мяча, он хорошо бегает, забивает и способен давать передачи с флангов обеими ногами. Может играть почти на любой позиции. Жилистый, ростом 177 сантиметров, выглядит так, будто лично создавал свое тело специально для профессионального футбола. Как большинство других игроков «Лиона», достаточно вынослив, чтобы выдержать два матча подряд.

Малуда восхищает французов — в прошлом сезоне его назвали лучшим игроком лиги, — но вряд ли он вызывает сильные эмоции вроде любви или ненависти. Он играет, как робот, изрекает банальности вроде: «Главное — это команда».

В интервью газете L'Equipe футболист сказал: «Приехав во Францию, я избавился от некоторых черт характера, чтобы не быть отвергнутым системой. Меня даже упрекают в бесчувствии, хотя я играю как заведенный».

Французский журналист объяснил мне разницу между Малуда и героем французского рабочего класса Франком Рибери: «Если бы Рибери участвовал в "Тур де Франс" и был уличен в употреблении наркотиков, его бы простили. Если бы так поступил Малуда, все бы сказали: "Вот видите, я же вам говорил!"».

Нынешним летом, в соответствии с карьерным планом, Малуда должен был перейти в мегаклуб. Некоторые из них, в том числе мадридский «Реал», действительно проявили к нему интерес. Но футболист был твердо намерен заключить контракт с «Челси». Ему известно, что испанцы бездумно покупают десятки игроков, вспоминая о них лишь через несколько месяцев, услышав стоны в запертых шкафчиках раздевалок. Но, возможно, он просто уверен, что создан для «Челси».

Задержка была только за лондонцами, которые много лет тратили на футбол огромные деньги и исчерпали почти весь запас наличных. В 2005 году «Челси» все еще следовал «обнадеживающей дорогостоящей» философии шопинга, заплатив «Лиону» 24,4 миллиона фунтов за Майкла Эссьена. Нынешним летом англичане не одну неделю вели кулуарные переговоры, пытаясь добиться от того же клуба минимальной цены в 13,5 миллиона фунтов за Малуда. Директор «Челси» Питер Кеньон даже летал в Москву, чтобы попросить денег у владельца клуба, мультимиллиардера Романа Абрамовича.

Флоран того стоит. В тот день в Генгаме директор клуба сказал: «Время от времени мы фантазируем, как в команду приходит какой-нибудь бразильский игрок или поляк Шармах, трижды игравший на чемпионате мира». Теперь ясно: иметь в команде Малуда или Дрогба — тоже неплохая мечта.

Майкл Оуэн

Сентябрь 2007 года

Первый гол в ворота российской сборной, который, казалось, не потребовал никаких усилий, многое говорит о Майкле Оуэне. Англичанин Джон Терри и двое рослых россиян прыгнули за мячом, но промахнулись. А малыш-нападающий, который вроде совершенно случайно оказался сзади, остановил его и отправил в ворота из штрафной. Это тринадцатый гол Майкла за сборную Англии. Тем же вечером последовал и четырнадцатый.

Гол казался легким, хотя вряд ли кто-то, кроме «Золотого мальчика», мог предсказать, где приземлится мяч, найти для него место и уложить в ворота, словно в лунку для гольфа. Категория людей, способных забивать так же свободно, в международном футболе крайне мала. Сюда включены только Мирослав Клозе, Рууд ван Нистелрой и Тьерри Анри.

Без таланта Оуэна сборная Англии могла не пройти даже квалификационные игры Евро-2008. К счастью, он вернулся, восстановился после травмы, и теперь британцы сражаются за титул. За годы, проведенные в основном на больничной койке, Оуэна часто списывали со счетов. Но он верит, что сейчас, в двадцать семь лет, играет лучше, чем будучи неискушенным восемнадцатилетним мальчишкой, который поразил всех на Кубке мира 1998 года. «Ты достигаешь пика около тридцати», — сказал Майкл во время нашей встречи пять лет назад.

«Оуэн 1.0» образца 1998 года — творение природы. Нынешний «Оуэн 2.0» — наглядный результат системного планирования карьеры.

Английский нападающий родился в Хавардене (Уэльс) в семье профессионального футболиста. Немного занимался боксом, был фанатом гольфа, капитаном команды местного крикетного клуба, хорошим регбистом и достойным спринтером. Еще любил снукер и дартс.

В Британии существуют города, где все жители вместе взятые меньше занимаются спортом, чем один Оуэн, так как слишком поглощены спорами о «Манчестер Юнайтед» в местных пабах. Кумир тысяч людей, он не прочел до конца ни одной книги и досмотрел полностью, исключительно из вежливости, лишь один фильм. Кроме спорта, у него нет других интересов.

Другие талантливые ребята мечтали стать профессиональными футболистами. Оуэн не сомневался, что

таковым станет. Даже маленьким мальчиком он играл как профессионал, контролируя пространство вместо того, чтобы гнаться за мячом. А когда бил, то оставался на своем месте. Задолго до того, как стать признанным нападающим, Майкл продумывал собственный стиль поведения на поле.

Английские футболисты обычно делятся на два социальных типа. Игроки первого настолько неотесанны и неразговорчивы, что не удержались бы нигде, кроме футбола. Таковы Пол Гаскойн, Ли Бойер, Джонатан Вудгейт. Второй тип составляют меньшинство — те, кто умеет думать: Гари Линекер, Гарет Саутгейт или Тони Адамс. Последний — после того, как бросил пить.

Оуэн признался мне, что в детстве взял за образец Линекера и Алана Ширера, «наблюдая их приемы игры и манеру поведения на поле. Копируя таких игроков, нельзя сделать что-то». Личный проект Майкла — почти революционный в английском футболе — основан на том, чтобы вести себя разумно.

Его интеллект виден сразу. Он входит в комнату, смотрит собеседнику в глаза, улыбается, протягивает руку и говорит с живостью жителя Уэльса: «Привет, как дела?» Совершенно банальная фраза! Но большинство английских футболистов не в состоянии ее произнести. Возможно, Оуэн — единственный воспитанный человек среди них.

Одаренный и благоразумный одновременно, он прогрессировал с той же скоростью, с какой двигается на поле. В семнадцать лет дебютировал в «Ливерпуле» в качестве замены. Но когда команде предстояло бить пенальти, угадайте, кому его доверили? В возрасте восемнадцати лет он стал самым молодым игроком английской сборной в XX веке.

Для английского футбола, которым руководят представители рабочего класса, убежденные, что опыт важнее таланта, это необычно. Лучшим игрокам, прежде чем оказаться в сборной, приходится доказывать собственную ценность годами, иногда оставляя за плечами лучшее время. В 1998 году сама идея отправить восемнадцатилетнего парня на чемпионат мира казалась абсурдной. Тренер Гленн Ходдл пытался отстранить Оуэна, потому что «на самом деле он не нападающий». Но тут возник вопрос: кого же в таком случае считать таковым? Международный турнир Майкл открыл на скамейке запасных, рядом с другим двадцатитрехлетним «салагой» — Дэвидом Бекхэмом.

Спустя пару матчей оба оказались на поле. И на стадионе «Сент-Этьен» в борьбе против аргентинской сборной произошел культовый момент в истории футбола. Через пятнадцать минут

после начала игры где-то в центре поля Бекхэм сунул мяч под ногу Оуэну, и маленький мальчик с большой головой побежал… До сих пор вспоминаю сцену на трибунах для прессы, заполненных британскими журналистами. Людьми, считающими чемпионат мира поводом полноправно выпивать по четырнадцать пинт пива за счет своих изданий. Когда Англия забивает, они не радуются, а вздрагивают, просыпаются и кричат: «Ооо, кто дал пас?»

Но когда Майкл побежал, пишущая братия вытащила пивные животы из-за столов, начала стучать кулаками по столам и орать: «Давай, сынок!» Это сработало. Оуэн продолжал бег. А потом уложил мяч в верхний угол ворот. Благодаря аналогичному проходу чуть ранее Англия заработала и реализовала пенальти. В результате всего через шестнадцать минут после выхода на поле малыш стал одним из самых опасных нападающих мира.

Этот мяч замечателен не тем, что был особенно важным или технически сложным, а тем, что изменил атмосферу чемпионатов мира, где правит страх. Почти все игроки выполняют миссию, которую ни в коем случае не смеют провалить. А тут англичанин, который обводит защитников так, будто играет у себя во дворе в Хавардене. «У него “есть яйца”», — сказал о нем Диего Марадона.

Я спросил Оуэна, не испытывает ли он страха, получив мяч. Не думал ли, как подросток, по какой-то случайности играющий за сборную Аргентины на чемпионате мира: «Боже, что я здесь делаю?»

«Нет, — ответил футболист. — Достигнуть успеха можно, только перестав бояться. Поэтому в любом виде спорта сегодня так много молодых спортсменов. У них отсутствует фактор страха».

Для семьи он купил целую улицу в Хавардене. А сам вместе со своей девушкой переехал в особняк по соседству. И, главное, ему удалось сломать традиционные предрассудки английского футбола. Когда на маленьком стадионе в Саутгемптоне в погоне за мячом он случайно наткнулся на трибуну болельщиков команды-соперника, те стали хватать его за ноги, перепутав, видимо, со священной реликвией или ящиком пива.

В 1998 году в ходе весьма героического матча двух игроков «Ливерпуля» удалили с поля. Один из них бросил на землю капитанскую повязку, которую мгновенно подобрал Оуэн. «Ливерпуль» выиграл со счетом 2:1. После финального свистка толпа стала освистывать как гостей, так и собственную команду. Но Майкл знал, что делать. Он не уходил с поля, пока не остался в одиночестве. И тут фанаты устроили овацию. А он аплодировал в ответ.

У парня есть не только «яйца» и ноги марафонца, но и мозги. Есть великие футболисты, которые играют интуитивно. Существуют великие игроки, которые способны думать. Он может и то и другое.

«Я с детства наблюдал за игроками, перенимая их приемы, — говорит нападающий. — Но гораздо важнее использовать собственные сильные стороны. Благодаря им ты попадаешь в сборную». Оуэн с рождения обладает скоростью и тем, что называет «способностью знать, где окажется мяч». У него есть интеллект и стремление постоянно совершенствовать игру — редкое сочетание.

Вне поля его ум тоже заметен. Много раз после игр сборной Англии я стоял в «смешанной зоне», откуда журналисты выкрикивают вопросы проходящим мимо игрокам. Печальная картина. Пол Скоулз, едва умеющий говорить, обычно идет с опущенной головой. Возможно, не из-за грубости, а из-за стеснительности. Другие хамят. Дэвид Платт часто останавливается поболтать с представителями СМИ, но… о скачках. Сказать несколько слов считал своим долгом Дэвид Бекхэм, когда стал капитаном. «Я просто ударил и попал», — так он обычно рассказывает о забитых голах. Впрочем, у него такой высокий и гнусавый голос, что некоторые слова могут расслышать только собаки особых пород. Только Оуэн проводит тщательный анализ игры. На чемпионате мира в Японии он давал комментарии с черным пакетом для мусора на плече и выглядел как обычный парень.

Кажется, статус на Оуэна не влияет. Его девушка — не модель, а простая девчонка, с которой он знаком с детского сада. Жизнь для него — не постоянная конфронтация, где требуется поразить всех своим «прикидом», а возможность поиграть после тренировки у себя дома в специально оборудованном зале в снукер, настольный теннис, дартс или гольф.

Если Бекхэм использует одежду и модную стрижку, чтобы привлечь внимание, Майкл, который не менее красив и сделал для Англии намного больше, предпочитает не выделяться.

Довольно скоро Оуэн стал получать травмы, каждый раз все серьезнее. После 2004 года он перенес четыре операции, самую тяжелую — когда порвал коленные связки в матче со шведами на последнем чемпионате мира, а рядом никого не оказалось. Два последних сезона нападающий почти не играл за свой клуб «Ньюкасл». Британские журналисты, наблюдавшие за ним во время игр Премьер-лиги, отметили, что футболист потерял былую скорость. Многие из них сбросили Оуэна со счетов, слишком часто наблюдая его неудачи в матчах против слабых соперников.

Но критики упускают два важных момента. Во-первых, у Майкла отсутствует нервозность: чем важнее матч, тем лучше он играет. Обычно он забивает в турнирах против сборных Франции, Аргентины, Бразилии. Хет-трик в игре с Германией, снова Бразилия, снова Аргентина. Два гола на последних минутах в матче с «Арсеналом» в финале Кубка Англии. Спасительный мяч в квалификационной игре сборных Англии и России и так далее. Его естественная среда обитания — не клубный футбол, а международный. Играя за «Ливерпуль», мадридский «Реал» или «Ньюкасл», Оуэн никогда не становился чемпионом лиги или победителем Лиги чемпионов. Возможно, никогда и не станет. Мы помним его по чемпионатам мира.

Вторая важная черта Оуэна — способность совершенствоваться, даже теряя в скорости. В 2002 году я спросил его, кто лучше: Майкл-подросток или взрослый? «Конечно, взрослый, — ответил игрок. — Сейчас я гораздо лучше действую левой и головой». Как сказал Дэвид Лейси, «из игрока, способного забивать великие голы, он вырос в великого игрока». «Может быть, он лучший бомбардир в мире», — отзывается об Оуэне бывший тренер сборной Англии Свен-Ёран Эрикссон.

Когда на чемпионате мира тело снова подвело футболиста, он ужесточил тренировки. Арендовал вертолет, чтобы летать из дома в «Ньюкасл», где целыми днями упражнялся в бассейне и спортзале. Знал, что обязан клубу, в 2005 году рискнувшему купить его за 16 миллионов фунтов. Если учесть, что до сих пор он почти не играет, получается около миллиона фунтов за матч.

Его серия из трех голов против сборных Израиля и России в прошлом месяце показывает, что инвестиции «Ньюкасла» в безопасности, хотя из-за травм в этом сезоне Оуэн пропустил клубные матчи. «Я сильный, — сказал футболист после возвращения в Англию. — Есть много игроков, обладающих большим мастерством. Но немногие так внутренне сильны. Что касается травм, потери формы или критики, тут я самый толстокожий».

Майклу нужно еще девять голов, чтобы догнать лучшего английского бомбардира всех времен — Бобби Чарльтона. Если останется в форме, он сделает это. Но вопрос в том, хватит ли ему ловкости Чарльтона образца 1966 года, чтобы наконец привести Англию к ее второму трофею в истории.

Теперь ясно, что и Оуэн, и я были слишком оптимистично настроены относительно преимуществ зрелости. Мои записи — еще один пример проблем интервью с футболистами: приходится цитировать сказанное ранее. В 2002 году Оуэн утверждал, что с

возрастом стал лучше. Тогда тезис казался вполне правдоподобным. Его слова и стали основой статьи. Оказалось, что мы оба ошибались.

В интервью газете Guardianв октябре 2010 года спортсмен признался, что пик его формы миновал в двадцать один год из-за травм. «В возрасте от восемнадцати до двадцати, — вспоминал он, — я был, возможно, одним из самых быстрых игроков в мире. Но что поделаешь?»

Кака

Февраль 2008 года

Передо мной сидит стройный юноша, официально признанный «лучшим игроком года», и широко улыбается. Он похож не на спортсмена, а на поэта эдвардианской эры — прекрасно сложен, темные волосы сияют, как в рекламе шампуня. У него белая кожа представителя среднего класса, никогда в жизни не употреблявшего грубой пищи. Кака — нечто вроде бразильского Руперта Брука[28]. Его клуб «Милан» царит на чемпионатах Европы и мира. Интересно, бывают ли на поле моменты, когда он думает: «То, что я сейчас делаю, — идеально»?

«Да, — отвечает двадцатипятилетний футболист на своем американском английском. — Иногда я делаю на поле все что хочу. Тогда это хороший матч, идеальная игра». Когда такое было? «О, в матче с “Манчестером” и в полуфинале Лиги чемпионов. В обоих случаях удалось выполнить все, что задумал». Можно отметить особые моменты совершенства? «Второй гол на “Олд Траффорд”».

Фил, штатный преподаватель английского, сидящий рядом с учеником, вспоминает эту сцену. Каким-то образом Кака заставил двух защитников «Манчестер Юнайтед» столкнуться друг с другом и упасть. Хладнокровие футболиста поразительно: он бежит с поднятой головой, смотрит по сторонам и в подходящий момент спокойно обводит вратаря.

Мы находимся недалеко от озера Комо в Ломбардии, в тренировочном лагере «Милана» «Миланелло» — возможно, самом красивом офисном центре мира. Воздух настолько чист, что с пяти метров видны поры на коже собеседника. Шесть тренировочных полей такие ровные, что, даже лежа на земле, не заметишь шероховатостей. В баре, где превосходный бесплатный эспрессо, каждый посетитель, будь он чемпион или нет, говорит тебе «Buongiorno».

За здоровьем игроков следит лучшая в мире команда медиков. Перед интервью я поговорил о Кака с врачами. Жан-Пьер Меерсман, глава лаборатории, пожал плечами: «Что можно сказать? Он — номер один. Самый быстрый, лучше всех набирает скорость». Даниель Тоньяччини, главный тренер «Милана» по физподготовке, прозвал его «человеком километров». Бразилец — творец игры, за матч покрывает огромные расстояния. Больше — разве что «рабочая лошадка» Рино Гаттузо.

На встречу игрок опаздывает всего на двадцать минут, что для футболиста почти ничего. Он многословно извиняется за то, что не смог увидеться со мной вчера, берет со стола выпуск Gazzetta dello Sport, а потом размышляет над вопросом, приятно ли быть Кака.

— Много давления. Но есть и хорошее: нести большую ответственность в «Милане» — это отлично. Я могу ее выдержать.

— Но когда сезон заканчивается, можно наконец выдохнуть и расслабиться?

— Я отдыхаю, когда мы выигрываем. Когда проигрываем, расслабиться трудно.

Кака пришел в «Милан», команду уникальную, в 2003 году.

— Стали игроки клуба для вас больше чем коллегами?

— «Милан» — большая семья. Я думаю, что за год провожу здесь, с друзьями, не меньше времени, чем с женой. В день соревнований мы остаемся в лагере. Если в сезоне шестьдесят игр, то еще шестьдесят дней мы тренируемся здесь.

Между мной и другими полузащитниками, — добавляет он, — царит полное взаимопонимание. Мы играем вместе пять лет, я знаю, как двигаются Гаттузо, Пирло, Зеедорф. Мы можем действовать, не глядя друг на друга.

— Наверное, трудно поддерживать мотивацию в шестидесяти играх за сезон?

— Иногда кажется, что это слишком много, — соглашается Кака. — Лига чемпионов крайне важна. Тут нужно выигрывать, и в каждом матче мы мотивированы и сконцентрированы. На чемпионате тоже требуется побеждать. Но иногда у нас нет того стимула, как в играх против «Интера», «Ювентуса», «Ромы» и в играх Лиги чемпионов.

Возможно, он имеет в виду игры на полупустых стадионах в провинциальных итальянских городках, где хулиганы бросают на поле мусор.

— Поэтому «Милан» занимает только пятое место на чемпионате Италии?

— Эээ, да, наверное, — он смущенно смеется.

Вопрос мотивации беспокоит Кака. Он говорит, что, здесь, в «Миланелло», заметил любопытную особенность легендарного защитника Паоло Мальдини: тот каждый день стремится выиграть.

«Это меня удивило», — говорит Кака. — И я решил понаблюдать за ним. Почему он обладает движущей силой, а другие игроки — нет». Возможно, здесь кроется объяснение, почему в тридцать девять лет Мальдини играет двадцать третий сезон в первом составе «Милана».

— Открыл Паоло секрет?

— Нет, я просто наблюдал за ним. Он говорит поко — не слишком много.

— А кто в раздевалке разговорчивее всех?

— Сговорчивее? — озадаченно спрашивает Кака, и Фил поправляет его. — А, разговорчивее? Роналдо, Гаттузо.

Когда-то Кака хотел получить диплом MBA. Подобно многим корпоративным игрокам, он стимулирует себя новыми целями. А какие задачи у него сейчас, когда выиграл почти все что можно? Его фирменная улыбка становится еще шире, занимая все фарфоровое лицо.

— Я хочу выиграть еще раз Кубок мира, Лигу чемпионов, чемпионат и «Золотой мяч», стать лучшим игроком года по версии ФИФА и… — он умолкает, возможно, потому, что список бесконечен. — Вот чему я научился у Паоло. Всегда выигрывать.

Через два дня после публикации интервью в FinancialTimesя получил письмо от пребывающего в панике пресс-атташе «Милана». Когда можно получить экземпляр газеты? «Номер распродан», — ответил я и предложил отправить статью по электронной почте.

«Нет, — сказал он. — Кака нужна газета. Он хочет прочесть статью именно в FT».

Перед матчами игроки «Милана» в лагере «Миланелло» проводят очень много времени, и в эти часы бразилец практикуется в английском. А какой метод изучения иностранного языка может быть лучше чтения статей о самом себе?

Сеск Фабрегас

Февраль 2008 года

«Арсенал» выиграл, и тренер Арсен Венгер расслабленно, насколько для него возможно, ходит по туннелю для игроков. Вундеркинд команды Сеск Фабрегас вновь забил гол. Знакомый Венгера интересуется, как получилось, что игрок, всегда умевший прекрасно пасовать и отбирать мяч, стал еще и забивать.

«Летом — отвечает тренер, — я сказал: “У тебя на спине четвертый номер [традиционно номер полузащитника]. Поэтому в «Арсенале» тебя будут оценивать по твоим позициям в защите, по тому, как ты отбираешь мяч. Этим и занимайся, а пасы и голы позаботятся о себе сами”. С тех пор парень начал забивать». То есть наставник помог Сеску расслабиться по поводу забитых мячей, посоветовав думать о другом.

Тренер делает паузу, прежде чем подойти к главному: «В прошлом году он упустил тринадцать или около того голевых ситуаций». Венгер любит статистику — не меньше, чем сам футбол.

Двадцатилетний каталонец превратился в универсального игрока. Именно от него в последующие три месяца будет зависеть, выиграет ли «Арсенал» титулы Премьер-лиги и Лиги чемпионов. Более того, он — воплощение футболиста нового типа: маленький мальчик в роли лидера.

«Барселона» — великий клуб. Но великие футболисты в Каталонии рождаются редко. Поэтому члены команды были в восторге, когда пятнадцатилетний подросток, познакомившийся с игрой, сидя на руках у деда, в «Ла Масия», «ферме» «Барсы», стал пасовать как защитник.

Потом его забрал «Арсенал», скауты которого, словно полицейские из Штази, видят все. Так, в 1999 году я присутствовал на матче молодежных сборных Южной Африки и Зимбабве, который проходил на маленьком стадионе в Соуэто. Пугающие время и место, не слишком важный турнир, но на трибунах я заметил еще пятерых белых. Тренеры «Арсенала» приземлились утром в аэропорту Йоханнесбурга.

Фабрегаса заметил скаут Франсис Каджигао. Он испанец, его родители эмигрировали в Лондон в 1970-х годах, играл за английский клуб в финале молодежного Кубка 1988 года и сейчас прочесывает Европу для Венгера.

Вскоре шестнадцатилетний Сеск стал самым юным в истории

дебютантом «канониров». В семнадцать он был самым молодым испанцем, принимающим участие в международных турнирах.

Выбор казался странным — юноша напоминал бродягу и едва дотягивал до 175 сантиметров. «Он почти ничего не весил», — вспоминает его тогдашний товарищ по команде Эшли Коул. И это в 2005-м или в 2006 году, когда центральная полузащита в футболе стала напоминать линию схватки в американском футболе, «ристалище», где бьются «монстры» вроде Патрика Виейра, обладающего ростом 193 сантиметра.

Но всего через два года ситуация изменилась. Решающий момент наступил 30 июня 2006 года в 18.30. На последнем чемпионате мира тренер сборной Аргентины Хосе Пекерман в матче против Германии выпустил на поле вместо рослого нападающего Хулио Рикардо Круза (190 см) бывшего товарища Сеска по «Ла Масия» Лионеля Месси (170 см, и то благодаря гормонам роста). Подвижный и юркий, тот без труда обводил гигантских немецких защитников. Так началась эра мальчиков.

В «Арсенале» Фабрегас заменил центрального полузащитника Виейра. Сейчас рост каталонца около 180 сантиметров. Он до сих пор похож на беспризорника и весит меньше всех футболистов ведущих клубов Европы: Месси, Бояна и Андреса Иньеста (каждый по 170 см) из «Барселоны»; Робиньо (172 см) и Уэсли Снейдера (170 см) из «Реала»; Карлоса Тевеса (170 см в удачный день) из «Манчестер Юнайтед»; Диего (170 см) из «Вердера»; Франка Рибери (170 см) из «Баварии»; Серхио Агуэро (172 см) из «Атлетико». Рост нового нападающего сборной Франции Самира Насри — 177 сантиметров, и он тоже похож на беспризорника, как Фабрегас. Кстати, всем перечисленным футболистам не исполнилось двадцати четырех лет.

Оказалось, что среди суперменов современного футбола только маленькие и быстрые могут выгадать оставшиеся сантиметры пространства на поле. Поэтому тренер французской сборной Рейнальд Денуэ утверждает, что клубы охотятся за «малышами». Маленькое — значит красивое.

Ситуацию объясняет и Робин ван Перси, голландский форвард, играющий в «Арсенале». «Сеск двигается медлен- но, — сказал он в интервью голландскому журналу Hard Gras. — Он почти самый медленный на поле. Но при этом быстрее всех бегает и думает на пару секунд вперед. Я иногда удивляюсь, почему соперник не может забрать мяч. Вдруг — раз, и он делает почти незаметный финт. На тренировке я играю с ним и думаю: “Сейчас я до тебя доберусь”. А он вдруг делает легкий рывок, что дает ему еще полтора метра. Это так раздражает!»

За неделю до того как «Арсенал» и «Милан» сыграли вничью

(0:0) в Лиге чемпионов, Кака сказал, что Сеск принадлежит к «новому поколению футболистов».

«Я имею в виду, — объясняет бразилец, — что он универсален. Может играть в защите, нападении, хорошо бьет и правой, и левой. Он может все. Современный игрок». И сейчас, через семь лет после достижения пика своей формы, Сеск все еще хорош.

Окончательным триумфом малыша Фабрегаса стал чемпионат мира 2010 года. В финале в дополнительное время в центральной защите сборной Испании играли Фабрегас, Иньеста и Хави.

Николя Анелька

Март 2008 года

Согласно правилам этикета, действующим для лучших игроков мира, задержаться на два часа на встречу с человеком, не имеющим отношения к футболу, не значит опоздать. Так что двадцать человек — фотографов, костюмеров, PR-специалистов и представителей самого большого телеканала в мире CNN — начинают беспокоиться только на третьем часу ожидания великого человека. Но Николя Анелька все нет. Мы находимся в фотостудии, расположенной на севере Лондона, где должны состояться рекламные съемки для его новой линии одежды. Возможно, самый дорогой игрок в истории футбола расскажет, как собирается провести свои последние лучшие годы.

Все обмениваются скучными спортивными/киношными сплетнями и едят кексы. Наконец, команде CNN приходится уйти. Журналисты поручают взять интервью пиарщице, оказавшейся поблизости.

Анелька приезжает, опоздав на четыре часа. Говорят, он был на приеме у физиотерапевта «Челси», но никто не удосужился нас предупредить. Его уводят в примерочную. И как только футболист начинает раздеваться, становится ясно, почему его безропотно ждут двадцать лондонских яппи. Какое тело цвета молочного шоколада! Ноги спринтера, торс баскетболиста, узкая бритая голова. Ни капли жира, только мощные и подвижные мышцы. На игроке остаются короткие шорты, на которые завороженно смотрят шведская пиарщица, торговец одеждой для геев и корреспондент журнала Player. Какой объем талии? Тридцать восемь дюймов (86 см) — такой же, как у самого корреспондента, хотя Анелька выше его на четырнадцать сантиметров. Рост футболиста 187 сантиметров.

Следующий час, позируя в разной одежде, одеваясь и раздеваясь, Анелька рассказывает, почему у него такая необычная карьера. И как в следующие два года, возможно, играя на новой позиции, он собирается возродить ее и превратиться из одного из лучших игроков современности в одного из самых успешных.

Но прежде всего тело.

— Вы осознаете, как вам повезло родиться с такими данными?

— Не так уж и повезло, — у Анелька такой высокий и пронзительный голос, что иногда его трудно расслышать. —

Когда я пришел в «Клерфонтен», лучшую футбольную школу Франции, был щуплым и — как вы говорите? — он чуть раздвигает большой и указательный пальцы. Несмотря на десять лет, проведенных в британском футболе, спортсмен не может сказать без ошибок ни одного предложения по-английски.

— Хилым?

— Ага.

— Тощим?

— Ага. А мои старшие братья еще меньше, чем я. Так что не знаю, почему я стал таким. Наверное, потому что каждый день тренируюсь. В детстве я не был ни сильным, ни высоким.

Анелька родился двадцать девять лет назад в Версале, в семье чиновника с Антильских островов. Он рос в нескольких километрах от дворца Луи XIV, в одном из французских banlieues, иммигрантских гетто — обычное дело для лучших французских футболистов. Патрик Виейра и Тьерри Анри также провели детство в бедных banlieues, в том же районе к западу от Парижа.

В 1998 году все трое составляли одну компанию: гуляли, слушали музыку, посещали «Клерфонтен». И хотели знать, кто из них, в конце концов, попадет на чемпионат мира. Анелька было всего девятнадцать, и он бы самым талантливым центрфорвардом Франции. «Помню, ему не приходилось работать столько, сколько остальным», — вспоминает Виейра. Потом Анелька вывели из команды. В тот же день он собрал вещи и уехал.

Французский нападающий — известный индивидуалист. Но когда я спросил, возможна ли дружба между футболистами, он ответил: «У меня есть друзья среди игроков. Это люди, которых я знаю лет десять».

— Игроки вашего поколения, например Тьерри Анри?

— Да, ведь я знаком с ними с детства, когда все было проще.

Однажды он посетовал, что потерял контакт с товарищами из banlieue. Но не потому, что изменился. Это они стали иначе относиться к Николя, когда тот стал звездой.

Анелька было всего семнадцать, когда тренер «Арсенала» Арсен Венгер за 500 тысяч фунтов переманил его из молодежной команды «Пари Сен-Жермен». Печально, что он ушел с «Хайбери», где провел лучшие годы, всего в двадцать лет.

В юности футболист бегал со скоростью олимпийского спринтера. К этому добавьте великолепную технику. Пасы Денниса Бергкампа тоже делали свое дело. До сих пор ему так и не удалось побить собственный рекорд: семнадцать голов в играх Премьер-лиги в сезоне 1998–1999 года. Тогда «Арсенал» стал вице-чемпионом. Анелька забил два мяча в матче между сборными Франции и Англии на «Уэмбли» в начале 1999 года, и

капитан французов Дидье Дешам заметил: «Теперь у нас есть собственный Роналдо». Кстати, после такого заявления все перестали обращать внимание на Анри, хрупкого вингера, сидящего на скамейке запасных «Ювентуса».

Сборная Франции, в 1998 году ставшая чемпионом, теперь была полностью укомплектована. Но вряд ли стоит ожидать чемпионата мира, где мог бы играть Анелька. До сих пор он не участвовал там ни разу.

Летом 1999 года футболист принял решение, изменившее его карьеру: за 22,3 миллиона фунтов променял «Арсенал» на мадридский «Реал». Венгер назвал его лучшим нападающим, с которым доводилось работать, и заметил, что, как тренер, больше всего сожалел именно о его потере. Вердикт Виейра: «Уходя, он сделал большую ошибку».

— Почему вы не захотели продолжать учиться, оставшись с Венгером, лучшим в мире воспитателем молодых игроков?

— Думаю, я могу учиться самостоятельно. Футбол — это не только тренер. Это… — как только футболист собирается объяснить суть игры, его перебивает фотограф, выкрикивающий инструкции. Вспышка.

Анелька продолжает:

— Венгер хороший тренер. Но иногда спортсмен принимает собственное решение. И все.

Анелька не тот человек, который готов признать собственную зависимость от кого-то.

— Итак, какой наставник оказал на вас наибольшее влияние?

— Думаю, Кевин Киган, «Манчестер Юнайтед». Раньше он и сам играл в нападении. И был одним из лучших. Поэтому мне с ним всегда было интересно, и на тренировках я схватывал все на лету.

Возможно, это первый известный случай в истории, когда кто-то признал превосходство Кигана над Венгером.

Мы возвращаемся в гардеробную, где костюмер и парочка журналистов болтают по-английски и по-французски: «Это действительно классно выглядит… рэперский стиль… повесь это… слишком коротко… слишком узко…» Спортсмен так сосредоточен на одежде, что не в состоянии отвечать на вопросы до тех пор, пока мы не выходим из комнаты.

— На сцену «Арсенала» вы вышли уже вполне сформировавшимся игроком. Чему вы научились с тех пор?

— Думаю, на поле учишься прежде всего уверенности в себе. Когда начинаешь, то почти ничего не знаешь об игре. Только десять лет спустя, оставив за спиной множество игр, понимаешь, что и как делать. Не боишься, как в юности, пробовать,

экспериментировать. Такова специфика. Ведь о футболе могут рассуждать только те, кто в него играл. Когда я пытаюсь о нем говорить, обычные люди часто не понимают меня. Необходимо доверять себе. В ином случае, будь ты лучшим игроком в мире, ничего не выйдет.

— Вам всегда хватало уверенности?

— Невозможно всегда сохранять ее в каждой игре. Бывают неудачные матчи.

Анелька рассказывает, что в первый день в мадридском «Реале» никто не потрудился представить его другим игрокам. Не слишком приятный старт. Только франкоговорящие Сэмюэль Это'о и Джереми перекинулись с новичком парой слов: «Будь осторожен, кое-кто из старших ходил к президенту поинтересоваться, зачем тебя взяли, если есть Фернандо Морьентес».

Сезон оказался непростым. В марте 2000 года Николя не явился на тренировку, протестуя против того, как использует его тренер «Реала» Висенте дель Боске. Говорили, что футболиста подстрекали старшие братья, по совместительству его менеджеры. Британские газеты написали, что он «сошел с ума», и прозвали его ле салк, упрямец. «Реал», утомившись от слишком дорогого «приобретения», отстранил его от игр на сорок пять дней. Этот эпизод стал самым «анельковским» эпизодом карьеры Анелька.

Тогда я специально приезжал в Мадрид, чтобы встретиться с футболистом. Он отмечал свой двадцать первый день рождения: играл в гольф и теннис, тусовался с братьями и соседскими собаками. Явился на тренировку в «Реал», не позвонив заранее, за что был отправлен домой. Угощал кексами и кока-колой толпу журналистов.

Пресс-атташе клуба сказал представителям СМИ: «Если бы мы могли это предвидеть, то не взяли бы Анелька. Мы же не мазохисты». «Здесь не школа», — добавил дель Боске.

Но в действительности «Реал», как и почти все другие футбольные команды, больше похож на старомодную британскую школу-интернат. Сходство заметили, когда его игроки вышли на поле в матче Лиги чемпионов против киевского «Динамо», а Анелька остался дома.

На поле испанцев вели Рауль, Фернандо Йерро и Фернандо Редондо. Самым популярным мальчиком в «классе» был Рауль — он действительно хорошо играет. Йерро —капитан. Он находится в команде сто лет, его авторитет никто не оспаривает, поэтому ведет себя несколько развязно. Редондо — его кореш. Роберто Карлос, Стив Макманаман и Фернандо Морьентес — закадычные

друзья, достаточно хорошо играют и достаточно общительны, чтобы добиться популярности. А Анелька представал в образе странного, тихого мальчика, над которым издевается весь класс.

По словам Анри, «в футболе постоянно твердят, что без других ты ничто. На самом деле каждый сам по себе. Нико это понимает».

В конце концов в Мадриде футболист решил забыть негатив и сосредоточиться на позитивном. У «Реала» было две команды: слабый состав в национальной лиге и непобедимый в Лиге чемпионов. В финале, в Париже, вместе с Анелька он разгромил «Валенсию» со счетом 3:0.

— Для меня так необычно играть финал во Франции, в Париже. Как у вас говорят? Хорошие воспоминания.

— Какой момент особенно запомнился?

— Когда я взял в руки кубок.

Несколько недель спустя, на Евро-2000, Анелька стал чемпионом Европы в составе французской сборной. Но за восемь лет к его коллекции добавилась всего одна награда: кубок турецкой лиги в составе «Фенербахче». Представьте себе, какой могла быть карьера, останься футболист с Венгером или в «Реале». Но два «больших клуба» Николя оставил не совсем красиво. Теперь у него вряд ли есть шанс попасть в футбол высшего класса.

— Вам трудно быть публичным человеком?

— Раньше было очень трудно. Но окружающие не хотят об этом думать. Им требуется успех. Когда так молод, сложно находиться в «большом» клубе. Никогда не знаешь, что происходит за его стенами. От тебя ждут стабильных результатов. Люди думают: какая интересная игра, как приятно смотреть, но… — Анелька впервые смеется, — она не так уж проста.

Кажется, непонимание несведущих людей — главная тема в рассуждениях Анелька.

«Пари Сен-Жермен» заплатил «Реалу» 20 миллионов фунтов, чтобы забрать земляка домой. Клуб решил собрать вокруг Анелька команду, за которую могли болеть черные пацаны из banlieues, тусующиеся у стадиона на углу улицы Отей. А может, и белые скинхеды, которые встречаются рядом, в районе Булонь.

Теперь президент клуба Лоран Перпер вспоминает, что Анелька вообще не разговаривал. «Он всегда улыбался, но как будто жил в каком-то другом мире. Мы никак не могли его понять. Парень до странности напоминал Роналдиньо, который также не прижился в команде».

Тренер «ПСЖ» Луис Фернандес не любил, когда мальчишки строили из себя звезд. В клубе место только одной звезде — ему

самому. В итоге в октябре 2001 года наставник и подопечный подрались на тренировке. «Луис тоже вырос в banlieue. Поэтому мы вечно орали друг на друга. Но потом мирились», — комментирует Анелька. Однако «ПСЖ» быстро отдал его в аренду «Ливерпулю». Футболист хотел остаться здесь, да и Стивен Джеррард был его большим почитателем, но не сложилось. Парад продолжили «Манчестер Сити», «Фенербахче», «Болтон». Теперь «Челси».

— В каком клубе вам больше всего нравилось?

— Думаю, мне нравилось везде, где я играл. Я ни о чем не жалею.

— Но почему такой блестящий игрок, как вы, не всегда играл в великих клубах?

— Дело скорее в моем характере, чем в футболе, — говорит Анелька, когда мы вновь переходим из студии в гардеробную. — Говоря обо мне, многие обсуждают не игру, а мое поведение. Поэтому передо мной закрылись некоторые двери. Но я над этим работаю.

И продолжил:

— Люди злятся, когда видят двадцатитрехлетнего парня на «Феррари». И забывают, на какие жертвы он шел, оставив родной дом еще ребенком ради академии «Клерфонтен», где мальчишкам внушали: из двадцати двух человек шансы есть всего у четверых. Меня к ним не причисляли.

— Может быть, ваш характер несовместим с футболом?

— Нет, совместим. Если бы у меня не было характера, то и меня здесь не было. И я не играл за «большие клубы». Наверное, мой характер оказался слишком сильным, — Анелька позволяет себе улыбнуться.

— Поэтому ваши кумиры — люди с сильным характером? Марадона, Кантона и Майк Тайсон?

— Это особенные люди. Они прекрасно выполняют свою работу и при этом чувствуют себя свободными. Я пытаюсь играть в футбол и оставаться самим собой. Я молчу, но окружающие говорят, что у меня характер. Мне повезло, что хоть не такой, как у этих спортсменов, но тем не менее тоже сильный. Они для меня — настоящий пример.

Начинает вырисовываться вторая тема рассуждений: жизнь — это борьба этических принципов, где он — на стороне правых. Он один из немногих североевропейских футболистов, которые в отличие от бразильцев или африканцев серьезно относятся к религии. В «Арсенале» игрок принял ислам и получил новое имя: Абдул-Салам Билал. Именно по религиозным соображениям он решил играть в Турции.

В футболе аскетичная религия — нечто вроде противоядия к гламурной культуре гардеробных. Например, британских, где главной похвалой товарищу по команде считается выражение «свой парень». Стать таковым помогают шопинг, выпивка и секс в компании себе подобных. А ислам привлекает таких, как Франк Рибери, Робин ван Перси, стремящихся спасти душу от гламура. Анелька также не обладает талантом к глянцевой жизни — не ходит в клубы и точно не «свой парень». Единственная его принадлежность к «красивой жизни» — стиль одежды.

Проблемы в общении стоили футболисту места в сборной Франции. «Будущий Роналдо» четыре года не участвовал в международных турнирах, потому что препирался с тренерами и часто не являлся на тренировки. Он не хотел играть для Роже Лемерра, потому что тот по-дружески обращался ко всем на «ты», а по отношению к Анелька использовал формальное «вы». Однажды отказался прийти на тренировку Жака Сантини. «Кстати, не такого уж хорошего тренера», — заявляет игрок, вновь переодеваясь. Раймон Доменек не взял Николя на Кубок мира 2006 года, хотя Лилиан Тюрам и пытался уговорить тренера команды Франции, заручившись поддержкой Зинедина Зидана. Однако выбрали Джибриля Сиссе, который даже в подметки не годится Анелька. Анелька говорит, что сегодня в национальной сборной он выступает преимущественно наблюдателем, а говорит только в случае крайней необходимости. Кажется, у него сложные отношения с родной страной. Его знаменитые братья эмигрировали: один остался в Мадриде, а другой открыл бар на Майами-Бич.

— Закончив карьеру, вы вернетесь во Францию?

— У меня есть квартира в Париже. Конечно, я вернусь туда, ведь это мой родной город. А Франция — родная страна.

Тьерри Анри запоем смотрит футбол по телевизору, даже игры второго французского дивизиона. Анелька как-то сказал, что вообще не смотрит футбол.

— И сейчас?

— Иногда, когда есть возможность. Но я предпочитаю не смотреть футбол, потому что я, эээ… им занимаюсь. Красивая игра, но для меня она еще и ежедневная работа. Это не то, что в детстве, когда нравится гонять мяч. Вне поля стараюсь думать о чем-то другом.

— Футбол когда-нибудь делал вас несчастным?

— Нет. Даже в трудные времена я был не один. У меня есть семья, и, несмотря на сложности, мы были счастливы. Если ты не сделал ничего плохого, то ничего и не случится. А если веришь в Бога, то понимаешь, что каждому воздастся по его поступкам.

В интервью Анелька часто рассказывает, как он счастлив. Возможно, таким образом демонстрирует отстраненность от мирской суеты. Сейчас футболист вошел в последнюю фазу карьеры. Следующие два-три года станут для него самыми важными. Они могут превратить его жизнь не просто в историю о том, «кем он мог бы стать». В январе, почти через шесть лет после ухода из «Ливерпуля», он наконец вернулся в «большой клуб» «Челси», который отдал за него «Болтону» 15 миллионов фунтов. «Десять лет назад у него была плохая репутация, но так можно сказать о каждом из нас», — объясняет покупку тренер Авраам Грант.

— Вы осознаете, насколько велика цифра 15 миллионов фунтов?

— Ага.

Это общая сумма, заплаченная за него в ходе всех девяти трансферов. Больше, чем за любого другого игрока мира.

— Эта сумма вызывает у вас чувство гордости?

— Нет. Меня не волнуют рекорды, я не думаю о том, сколько за меня платят. Эти суммы впечатляют тех, кто не связан с футболом.

— А чем вы гордитесь в своей карьере?

— Работой. У меня были… Как вы говорите? Трудные времена. Но даже тогда я держал голову… — он поднимает голову. — Как вы говорите? Вверху? И я доволен тем, где нахожусь, и тем, чего достиг.

— Что вы имеете в виду под «трудными временами»?

— Когда люди говорили обо мне то, что в действительности не имеет ко мне никакого отношения. Например, придумывали небылицы о моем характере. Тогда мне было трудно, ведь я ничего из приписываемого мне не вытворял.

— Вы много лет ждали, пока вас снова пригласят в «большой клуб»?

— Думаю, да. В начале карьеры я играл в «больших клубах» и знаю, что соответствую их требованиям. Я не терял концентрации. И в итоге вернулся в знаковую команду. Мне двадцать девять. Я больше не хочу менять и никуда переходить. У меня уже есть клуб, способный принести мне победу в Лиге чемпионов, причем не один раз.

Футболист знает, что «Челси» — его последний шанс. Никто не сомневается в талантах Анелька, но семь не слишком удачных лет играют свою роль, и он забивает не так много, как лучшие игроки. В играх лиги в среднем один гол в трех матчах и один мяч в четырех играх за сборную Франции. Его коллеги, например Майкл Оуэн или Тьерри Анри, забивают один гол в двух играх

лиги, а Рууд ван Нистелрой — еще больше.

Наконец, фотосессия окончена. Мы садимся за стол в пустой комнате.

— Сейчас вам двадцать девять. Наверное, вы спешите.

— Спешу? Почему?

— Чтобы достичь всего, что только можно.

— Нет. Я живу так, как хочу жить.

— То есть вы не тот человек, который ставит перед собой цели? Например, выиграть важный приз в составе сборной Франции, потому что вам так не везло с этой командой. Или выиграть…

— За свою карьеру я выиграл почти все. Возможно, чего-то и не хватает, например Кубка мира… Да, думаю, именно его.

— Как бы вы назвали свою роль на поле? Нападающий?

— Мммм… Я нападающий, но могу играть и в полузащите. Мне нравится вести мяч, активно действовать на поле. Люблю футбол, люблю чувствовать мяч. Но я не мыслю как нападающий, который хочет только забивать. Мне нравится пасовать, «создавать моменты». Так что сейчас я назвал бы себя как «девять с половиной». Не девять, но и не десять.

— Сейчас вы больше видите себя в защите?

— Да, я уже играл в защите. В Турции. И мне нравились и команда, и моя позиция.

Намекая, что интервью закончилось, Анелька отрезает себе маленький кусочек кекса.

Дидье Дрогба

Май 2008 года

Дидье Дрогба никогда не хотел играть в «Челси». В автобиографии, опубликованной во Франции на прошлой неделе[29], он так и пишет о клубе, который в 2004 году купил его за 24 миллиона фунтов: «Это была не та команда, куда я хотел попасть». Но «Марсель» тогда твердо решил продать игрока, да и агент убедил, что глупо отказываться от зарплаты, предложенной англичанами. Футболисту оставалось только надеяться, что не пройдет медосмотр: «Мне претила мысль о контракте с “Челси”».

Странно читать такое признание накануне последней игры Дрогба в составе «синих», которая состоится в среду в Москве, — это будет матч Лиги чемпионов с «Манчестер Юнайтед». Центрфорвард из Кот-д’Ивуар дважды выигрывал Кубок Англии вместе с «Челси». Так что не стоит удивляться тому, что на английском книга выйдет только в августе, когда футболист благополучно уедет из страны. Однако самые странные пассажи автобиографии связаны с неоконченным романом с бывшим тренером «Челси» Жозе Моуриньо.

Главное событие в жизни Дрогба — бегство из Кот-д’Ивуар — произошло, когда ему было пять лет. В книге можно найти фотографию мальчика, стоящего между тележкой для багажа и перепуганными родителями в аэропорту Абиджана. Шестичасовой полет в компании любимой игрушки он провел в слезах. Во Франции ему предстояло жить на попечении дяди, профессионального футболиста.

Ребенку было чего бояться. Родственник постоянно менял клубы, каждый год Дидье шел в новую школу, где, как правило, был единственным чернокожим в классе. Позже ему пришлось ютиться в десятиметровой комнатке в пригороде Парижа с родителями и пятерыми братьями и сестрами.

В двадцать три года Дрогба все еще был «запасным запасных» в команде второго дивизиона «Ле-Ман». Еще через три года он оказался в «Челси» — переход больше напоминал эмиграцию, пережитую в детстве. В Лондоне, где солнце садится в четыре часа дня, футболист чувствовал себя не в своей тарелке. «Сначала мне казалось, что игроки меня не приняли», — вспоминает он. В раздевалке англичане Джон Терри и Фрэнк Лэмпард переодевались в своем углу, африканцы — в своем. Постепенно пришло понимание, что для клуба естественно когда «черные — с

черными, португальцы — с португальцами, англичане — с англичанами».

В Лондоне он играл блистательно и скоро стал мировой знаменитостью. Особенно им восхищались в Кот-д'Ивуар, где даже детям стали давать имена Дидье-Дрогба. А во время гражданской войны нападающий «Челси» превратился в «символ примирения».

В английском клубе Дрогба остался из-за Жозе Моуриньо. Когда игрок о нем пишет, тон книги меняется: из скучноватой хроники она превращается в дешевый любовный роман.

Футболист и тренер встретились в 2003 году — «Марсель», где играл Дрогба, встречался с «Порто», которым руководил Моуриньо. Во время перерыва португалец поинтересовался у нападающего: «Может, у вас есть брат или кузен? На вас у меня не хватит денег». «Обаятельная улыбка» и «прекрасный французский» покорили Дрогба — это была любовь с первого взгляда.

В «Челси» они наконец вместе. Моуриньо собрал игроков: «Вы никогда не побеждали, а я только что выиграл Лигу чемпионов с "Порто"».

Красавец-португалец — прекрасный профессионал. Он комментирует игрокам каждую игру соперников, не забывая даже скромную «Скантorп». Более того, он — ясновидящий. «Сидя на скамейке, я слышал, как тренер почти с хирургической точностью рассказывает, что будет дальше, — пишет Дрогба. — Иногда меня пугало, как он может видеть будущее».

В последней игре нынешнего года в финале Кубка Англии измотанный Дрогба услышал, как Моуриньо кричит со скамейки: «Давай! Ты сможешь! Не теряй концентрации!» Скептики сочтут эту историю банальной, тем не менее гол был забит. Как заклинатель лошадей знает приемы управления табуном, так и Моуриньо владеет методами общения с футболистами. После матча тренер и его бомбардир рыдали в объятиях друг друга.

Трагическое расставание произошло, когда Моуриньо уволили. Но Дрогба «совершенно убежден», что они встретятся вновь: «С его даром предвидения он, должно быть, точно знает, когда это произойдет». Но бывший наставник, написавший претенциозное предисловие к книге, ограничивается предположением: «Может, спустя много лет, когда Дидье закончит футбольную карьеру, а я буду разъезжать в инвалидной коляске? Но как бы там ни было, Дрогба навсегда останется в моем сердце». И тут солнце садится над колышущимся пшеничным полем.

К преемнику Моуриньо Аврааму Гранту у нападающего

совсем иное отношение. Анализируя стиль всех своих тренеров, он даже не упоминает о нем.

Нынешним летом Дрогба уходит из «Челси». Он либо последует за тренером своей мечты, либо вступит в ряды любимого «Милана». В нескольких номерах газета Sun даже публиковала его отчет о поездке в Италию, где футболист чудесным образом «случайно столкнулся с Адриано Галлиани». Дидье предупредил вице-президента клуба, что придет в «Милан», «хотите вы этого или нет». Об этом свидании узнает Моуриньо. Он в ярости. И не разговаривает с футболистом две недели. Потом оба обращают произошедшее в шутку, смеясь, не отрывая вгляд друг от друга: «Единственный эпизод непонимания исчерпан».

Во всей мелодраме теряется самый важный аспект визита в Милан. В Париже Дрогба должен был навестить стоматолога, поэтому, конечно, полетел частным самолетом. Но врач отменил визит, и Дрогба направился на вечеринку в Милан. Здесь наконец была найдена панацея от глобального потепления: запретить профессиональный футбол.

Я ошибался. Дрогба не последовал за Моуриньо в Италию. Я переоценивал значение дружбы — или даже любви — в футболе. Футболисты делают то, что хорошо для их карьеры. А люди, которые встречаются на пути, не так уж важны.

Франк Рибери

Июль 2008 года

Кажется, шорты ему слишком велики. Он напоминает игрока 1950-х или мальчишку, позаимствовавшего форму своего отца. Лицо в шрамах, как у неудачливого боксера-пончера. Подобно Чарли Чаплину, Франк Рибери (рост 170 см) олицетворяет «маленького человека». Но он — один из самых интересных футболистов современности. Именно из-за него некоторые из нас, парижан, морозными вечерами отправляются в гетто Сен-Дени на «Стад де Франс», чтобы посмотреть на сборную Франции. И это невзирая на Раймона Доменека и сомнительное удовольствие от игры 35-летних ветеранов. И только благодаря ему в нынешнем сезоне мюнхенская «Бавария» может выиграть Лигу чемпионов.

Образцовый футболист к нам вернется, когда восстановится после разрыва связок, милосердно освободившего его от участия в чемпионате Европы в составе французской сборной. Он — крестьянин-герой. Во Франции рассказ о его невероятном восхождении на вершину превратился в легенду. А сам игрок, выходец из французских «низов», переселился на виллу под Мюнхеном.

В основе мифа о Рибери — происхождение. Франк родился в Булонь-сюр-Мер, бедном городишке на побережье Ла-Манша, откуда видны берега Англии. Вырос в квартале, населенном преимущественно иммигрантами, на 60% безработными. «В детстве я почти все время проводил с мусульманами», — вспоминает футболист. Его жена также придерживается этой веры. Благодаря ее влиянию он принял ислам, получив имя Билал, в честь первого мусульманина-африканца. Клод Боли, специализирующийся на истории черных спортсменов, говорит, что религия Рибери и его скромное происхождение превратили его для обычных французов в аутсайдера. Как и его черных товарищей по команде в национальной сборной.

Французская мечта не живет на севере Франции, что подтверждает кинокомедия «Добро пожаловать в Ж.» (Bienvenue chez les Ch’tis), один из самых кассовых французских фильмов. Это история о начальнике почтового отделения, которого перевели из Прованса, где как раз и обитает французская мечта, в городок на севере. Тут постоянно льет дождь, люди питаются жареной картошкой, много пьют, тем не менее «штис», как французы называют жителей данного региона, оказываются

неплохими ребятами.

Рибери — «штис». Прозванный Ти Франком, он говорит на местечковом диалекте, в котором чувствуется влияние фламандского. Когда-то он тоже был безработным: исключенному из школы, ему только и оставалось праздно шататься по улицам. Имидж «битого жизнью» парня подчеркивают шрамы на правой стороне лица и на лбу. Это следы аварии — двухлетний Франк вылетел сквозь лобовое стекло отцовской машины. Но футболист носит стигматы с гордостью. «В каком-то смысле несчастный случай пошел мне на пользу, послужил моей мотивации, — говорит он. — Господь отметил меня. Шрамы — часть меня, и пусть люди воспринимают меня таким, какой я есть».

У юного Рибери хорошо получалось только одно: играть в футбол: «С самого раннего детства я не прекращал бегать. Умение, свойственное далеко не всем профессиональным футболистам». Он даже поступил в Спортивную академию Лилля, откуда был изгнан за плохую успеваемость. Позже футболист зарабатывал 150 евро в месяц, играя за команду родного города.

«Мне пришлось испытать трудности», — признает Рибери. Подростком он работал вместе с отцом на стройке: «Тогда я не думал о французской сборной, но уже хотел стать профессионалом». Затем ему предложили пройти пробы в команде «Але» на юге Франции. Рибери ехал на машине всю ночь и на следующий день, в жару, играл с волдырями на ногах. В итоге удостоился лишь скромного контракта. Потом клуб обанкротился, оставив Ти Франка с превышенным кредитом на банковском счету. Ситуация была настолько удручающей, что футболист не мог даже заполнить бланк социального обеспечения. Наконец, «Брест», клуб третьего дивизиона, предложил ему гигантскую зарплату: 2500 евро в месяц!

Постепенно Франк стал играть все лучше и лучше, но при этом окружил себя агентами, склонными к финансово нестабильным клубам. И после короткого контракта с турецким «Галатасараем» пришел в марсельский «Олимпик». Здесь в 2005 году в северном тумане стали проступать черты нынешнего уникального игрока. Рибери — редкий футболист, способный благодаря дриблингу провести мяч на несколько метров практически в любой ситуации. Он пригибается над мячом, трясется над ним, словно скряга над слитком золота. Знает, как далеко может увести снаряд, прежде чем дать пас в просвет, который, кроме него, никто не видит. Бернар Лакомб, директор вечного чемпиона Франции — лионского «Олимпика», обладатель одной из лучших пар глаз, утверждает, что на поле Рибери все делает не так, как другие.

Наблюдая за его игрой, возникает мысль о реинкарнации великого Зинедина Зидана в «маленького краба». Но он имеет то, чего у Зизу никогда не было. На поле Рибери напоминает вечный двигатель, на бегу разрезающий воздух короткими руками. Он двигается даже в тот момент, когда принимает мяч, что превращает его в «кошмар для защитников». У него дриблинг как у бразильца. Он пасует как голландец и бегает как бритт.

Весной 2006 года Франция в его лице получила антигероя, которого так ждала. К тому времени французов изрядно утомили глобализированные игроки-мультимиллионеры, десятилетиями занимавшие пустые места в les Bleus, команде, больше напоминающей закрытый клуб для джентльменов.

Публика «на ура» приняла маленького «штиса», предпочитавшего тусоваться не со знаменитостями, а с родственниками. Недавно он позировал для журнала France Football в окружении читателей и выглядел при этом обычным парнем. Только не таким уж высоким и не слишком красивым — на его звездность указывала лишь ухоженная эспаньолка. Публике нравится и то, что он в отличие от всех других французских форвардов, вышедших на поле после 1998 года, белый.

За две недели до начала чемпионата мира Рибери дебютировал в матче сборных Франции и Мексики. Он вышел на замену и сразу, к восторгу толпы, отличился. Футболист побежал, чтобы перехватить мяч, и внезапно на его фоне остальные les Bleus стали казаться пресыщенными и ленивыми стариками. Опрос показал: 69% французов хотят видеть Ти Франка в сборной на чемпионате мира. «Шестьдесят девять? — сыронизировал тренер Раймон Доменек, — О, мне нравится эта цифра». Тем не менее Рибери получил вызов в команду.

«Тренер поставил меня на двадцать третью, последнюю позицию», — рассказывает игрок, который узнал об этом, когда смотрел телевизор дома на диване, и плакал в объятиях больного отца. Сцена, достойная «Добро пожаловать в Ж.». В les Bleus появился представитель народа.

Зидан, за которого всегда болел Рибери, принял его как племянника и скоро стал обедать с ним, обмениваясь шутками. Журналистам придворной газеты французского футбола L'Equipe Рибери признался, что не чувствовал себя одиноким: «Я шутил, всех подначивал, а они подтрунивали надо мной».

Все же, признает он, перед убийственно скучной нулевой ничьей со сборной Швейцарии — первым матчем Франции на чемпионате мира — Ти Франк испытал сильный стресс. «Я вдруг осознал, что это — мировой турнир». Зидан посоветовал беречь

силы на жаре, но Рибери забыл указание и совершенно вымотался. В ходе одной из первых игр можно было видеть, как Анри машет указательным пальцем, читая лекцию новичку в футболке с номером «22». Иерархия в действии. Франк признает, что в первое время он иногда просто стоял и наблюдал за Зиданом, словно фанат.

Но от матча к матчу Кубка мира Рибери становился все более искусным игроком. Раньше он часто бежал с опущенной головой, глядя на мяч. Иногда поворачивался спиной к защитнику, сам себе перекрывая обзор. Но в играх второго круга, в одиночку забив гол в ворота сборной Испании, перед болельщиками предстал футболист международного класса. Посыпались предложения от «Арсенала», «Реала» и почти всех «больших» европейских клубов.

Он чуть не принес Франции Кубок мира, но в финале со сборной Италии — всего через сорок три дня после дебюта — послал мяч мимо ворот. «Если бы я тогда забил, — сетовал он в интервью для France Football. — Эх, если бы я забил, мой друг. До сих пор не могу прийти в себя».

Рибери вернулся домой, оглушенный успехом. Тем не менее до сих пор называет себя «простым парнем». Однако из веселого, некрасивого, никому не известного маленького «штиса» он превратился в веселого, некрасивого маленького «штиса» — национального героя. Иногда высокое признание помогает: Франк убедил скромный северный клуб «Кале» заключить контакт с его младшим братом Франсуа.

Но быть знаменитым непросто. Когда в кругу семьи футболист ест мороженое в кафе на побережье, фотографии этого события попадают в газеты. В популярной сатирической программе французского телевидения Les Guignols de l'info он выступает в роли куклы, произносящей глупости со странным акцентом. А когда Рибери появился в восьмичасовой программе новостей национального телевидения, чтобы объявить об уходе из «Марселя» в «большой клуб», фанаты разозлились. Некоторые стали угрожать любимцу. Так что пришлось отложить уход еще на год.

Он стал еще агрессивнее на поле. В сентябре 2006 года, меньше чем через три месяца после финала чемпионата мира, Франция снова встретилась с Италией в квалификационном матче Евро-2008. Французы выиграли со счетом 3:1, во многом благодаря Рибери. Итальянец Дженнаро Гаттузо, поймавший его после очередной безумной гонки, схватил соперника за шею: «Ты меня утомляешь». Из уст чемпиона мира угроза звучала как комплимент.

Есть два типа атакующих игроков. Первый похож на Зидана. Он любит пасовать: получает мяч и делает передачу. Второй похож на Тьерри Анри: постоянно в движении, ищет пространство, чтобы тому, кто хочет дать ему пас, было куда отправить мяч. Рибери уникален. Он может делать и то и другое.

Еще у него прекрасное тело. За день до начала Евро-2008 два великих европейских тренера болтали на вечеринке в Базеле, устроенной одним из спонсоров. Предметом разговора, конечно же, были расстояния. «Сколько километров за игру пробегают твои защитники?» — спросил один другого. — А центральные полузащитники?»

Но когда беседующие перешли к обсуждению отдельных игроков, похвалы удостоились не супермены, пожирающие расстояния, вроде Дирка Кёйта или Джанлуки Дзамбротты. Дифирамбы пелись Рибери. Особое восхищение вызывала его физическая сила. Один из тренеров вспомнил: «Однажды он поднял нашего врача, парня весом 100 килограммов, и бросил в бассейн. Тот пытался сопротивляться, но ничего не вышло».

Прошлым летом «Бавария» заплатила за Ти Франка 25 миллионов евро. Приехав в Мюнхен, он, ни слова не говоря по-немецки, надел кожаные штаны («Немного странно расхаживать в таком виде») и принялся за розыгрыши. «Я встретил единомышленника в лице Лукаса Подольски, — рассказывает футболист. — С ним всегда весело. Да, я действительно намазал зубной пастой ручку двери в его комнату и насыпал соль в его стакан. Однажды спрятал бутсы. И замазывал пластилином замок шкафчика, чтобы Лукас не смог переодеться. В итоге Подольски несколько раз опаздывал на тренировку». Футболисты — большие дети, и подобные шалости разряжают атмосферу клуба, где игроки традиционно ненавидят друг друга.

В свой первый сезон в Германии Рибери выиграл Кубок немецкой лиги, Кубок Германии и стал лучшим игроком года Бундеслиги. Начиная с фланга, он руководит игрой. Марк ван Боммель, его товарищ по «Баварии», утверждает, что Рибери превзойдет всех футболистов мира. Время от времени ему предлагают контракты английские клубы.

Так что неудивительно беспокойство, которое испытала «Бавария», когда Рибери получил травму в последней игре Франции и Италии на Евро-2008. Бессменный генеральный менеджер клуба Ули Хенесс тогда высказался по поводу того, насколько «раздражают французские врачи», поставившие футболисту «двадцать пять разных диагнозов». При условии что те же эскулапы умудрились не заметить сердечного заболевания Лилиана Тюрама, проигравшего в сборной четырнадцать лет.

Вдруг эти горе-доктора случайно ампутировали бы Рибери руку или еще что-нибудь.

Чтобы сбежать от скандалов, Ти Франк возвратился домой, на виллу в живописном местечке под Мюнхеном: «Мне нужно немного покоя». Это точно. Обычный парень, случайно попавший в мир гламура, как будто выиграл в лотерею право стать звездой, собирается победить в Лиге чемпионов. Его будут приветствовать миллионы постеров с изображением лица со шрамом, украшающих стены гостиных по всей Европе.

Хави

Апрель 2009 года

Каждый год в декабре в Париже какому-нибудь гламурному мальчику вручают «Золотой мяч». Думаю, наряду с наградой лучшему европейскому футболисту стоит отмечать и самого недооцененного игрока. А в качестве кубка будет выступать, например, помятый пластиковый стаканчик.

Главным претендентом на антиприз, несомненно, станет полузащитник Клод Макелеле. Он настолько скромен, что в 2003 году вместо повышения зарплаты его ожидал перевод из мадридского «Реала» в «Челси». Кстати, с тех пор испанцы не могут подняться выше полуфинала Лиги чемпионов. «Зачем красить “Бентли” еще одним слоем золотой краски, если у него не работает двигатель?» — прокомментировал друг Макелеле Зинедин Зидан покупку «Реалом» Дэвида Бекхэма.

За французом следует Пол Скоулз — англичанин с самым высоким обратным коэффициентом между результатами и вниманием публики. Впрочем, недавно полузащитник «Манчестер Юнайтед» потерял право на пластиковый стаканчик. Теперь каждый, кто мнит себя умником, сетует на недооцененность футболиста.

Так что антинаграда отправляется к Хави. Он же Хавьер Эрнандес Креус, центральный полузащитник «Барселоны» и сборной Испании, «мотор» двух лучших футбольных команд мира и не только. Как наверняка обнаружит «Челси», когда встретится с «Барсой» в предстоящем полуфинале Лиги чемпионов, Хави — воплощение всего барселонского футбола.

И не только потому, что он — местный уроженец и когда десять лет назад дебютировал в легендарном клубе, то ездил на стадион на метро. Гораздо важнее, что Хави с пеленок воспитывали как защитника «Барселоны». Или, как говорят на стадионе «Камп Ноу», «четвертым номером».

«Четвертый» носится в центре поля, раздавая пасы, как защитник. Эту позицию придумал голландец Йохан Кройф, создавший «тотальный футбол» 1970-х. Он же заметил и отдал этот номер худому мальчишке по имени Пеп Гвардиола, игравшему в молодежных командах, не привлекая к себе особого внимания. Так появился великий футболист и тренер «Барселоны».

Однажды в конце 1990-х годов маленький Хави, онемевший

от страха, пришел на тренировку и стал пасовать, как его великий предшественник. Будевейн Зенден вспоминает: «Мы воскликнули: “Он той же породы!” Они начинают играть одинаково, как будто сошли с конвейера фабрики “четвертых номеров”. Пока трудно утверждать наверняка, но кажется, что Хави более универсален». Гвардиола считает так же. «Скоро ты вытолкаешь меня за дверь», — сказал он своему последователю. Очевидно, что Хави мобильнее, у него, как говорят, «есть глаза на затылке». Однако он редко соглашается с такими утверждениями: «Я наблюдал за более опытными игроками и думал: “Пока они здесь, я ничего не стою”».

Казалось, он, в отличие от предшественника, не жаждал стать героем Каталонии. Не стремился попасть на страницы газет: устраивать конфликты на пустом месте, становиться героем трансферных соглашений или забивать множество голов. Говорил немного. При росте 170 сантиметров в удачный день не был похож на супергероя. Он просто давал пасы, налево или направо, вперед или назад, как будто заполнял кроссворд на предельной скорости. Если легендарный защитник «Челси» Рон Харрис по прозвищу Мясорубка был воплощением грязных приемов, Хави был воплощением пасов.

Кройф научил «Барсу» играть в стиле, схожем с сюжетами романов Грэма Грина: все зависит от третьего человека. Футболисты должны постоянно находиться в движении, чтобы парень с мячом мог выбрать, кому дать пас. Поэтому не стоит удивляться, что испанцы продолжают создавать «четвертых». После Хави сюда пришел еще более миниатюрный Андрес Иньеста, за ним — Сеск Фабрегас, который считает, что «Хави на несколько порядков лучше меня».

На Евро-2008 Хави, Иньеста и Сеск выписывали на поле бесконечные треугольники. В финале они заставили немцев изрядно побегать за мячом. На сегодняшний день Испания не проиграла ни одной из тридцати одной игры подряд. В 2006 году у нее была еще одна похожая серия: двадцать шесть игр без поражений, прежде чем на Кубке мира того же года последовал проигрыш сборной Франции, где играл Макелеле.

Проще говоря, «Барселона» на протяжении пяти лет остается лучшей национальной командой мира. Более того, это самый знаменитый клуб. И если Хави потеряет бдительность, его заметят. К счастью для него, больше всего славы пока достается форвардам «Барсы», и, как всегда говорит лично футболист, он и вполовину не так хорош, как Иньеста.

Йохан Кройф

Май 2009 года

К тому времени, как худой и нескладный мальчишка по имени Йопи Кройф начал тренироваться в основном составе «Аякса», многие опытные игроки были знакомы с ним много лет. Будущий футболист жил в восточном Амстердаме, всего в нескольких сотнях метров от маленького стадиона, где проходили тренировки, и был гостем спортивных раздевалок с четырехлетнего возраста.

Тем не менее ему удалось удивить товарищей по команде. И не блестящей игрой. А бесконечными рассуждениями. Он не переставал поучать бывалых игроков, участников международных чемпионатов, указывая, куда бежать и что делать. И больше всего тех раздражала правота новичка.

«Йопи» Кройф не просто великий футболист. В отличие от Пеле и Марадоны, он стал еще и великим футбольным мыслителем. Как будто совмещал качества Эдисона и электрической лампочки. Невозможно вспомнить человека, который «придумал» британский футбол или бразильский футбол, — эти школы игры развивались постепенно, со временем. Кройф вместе с Ринусом Михелсом, его тренером в «Аяксе», изобрел футбол голландский. Игра, в которую играют сегодня в Нидерландах и в «Барселоне», — модифицированная версия того, что предложили эти двое в Амстердаме в середине 1960-х годов. И здесь только сегодня начинают освобождаться и от стиля Кройфа, и от его невероятного влияния.

Йохан Кройф (так на самом деле звучит имя, хотя иностранцы часто называют его «Круифф») родился 25 апреля 1947 года. Его отец Манус, бакалейщик, снабжал «Аякс» фруктами. Так что Кройф практически вырос в клубе. Он научился прекрасно говорить по-английски, обедая дома у тренеров-англичан Кейта Спурджена и Вика Бекингема. «У меня не очень хорошее образование, — признался он мне в ходе интервью в 2000 году, — я учился всему на практике. Английскому тоже».

Йопи был ребенком, когда Манус заявил: в будущем малыш будет стоить 100 тысяч гульденов. Смерть отца стала для двенадцатилетнего Кройфа определяющим жизненным событием. Десятки лет спустя по ночам он иногда сидел на семейной кухне в Барселоне и общался с духом дорогого человека. Мальчику-

сироте в раздевалке, полной мужчин, всегда приходилось быть жестче других. Он таким и был. Говорят, играя в «Монополию» со своими детьми, которых обожал, звезда футбола мошенничал, чтобы выиграть.

В день дебюта Кройфа «Аякс» проиграл со счетом 3:1 команде GVAV. Кроме того, почти все газеты неправильно написали его имя. Некоторое время семнадцатилетний футболист не играл на выезде, так как мать, уборщица в «Аяксе», запретила ему далеко отлучаться, считая, что дома безопаснее.

В те дни «Аякс» был небольшим полупрофессиональным клубом, практически местной командой восточного Амстердама. Но через два месяца после дебюта Кройфа, 22 января 1965 года, учитель физкультуры для слабослышащих детей по имени Ринус Михелс въехал на своей подержанной «Шкоде» в ворота стадиона «Де Мер», чтобы приступить к работе тренера и воплотить в жизнь безумную идею — превратить «Аякс» в международный клуб высшего класса. Там он встретил не менее амбициозного нескладного мальчишку. Через шесть лет цель была достигнута.

Совместно они изобрели стиль, который сейчас называют «тотальным футболом». «Мы сами никогда его так не определяли. Название пришло со стороны, от англичан», — рассказал правый крайний нападающий «Аякса» Сьяк Сварт. Игра состояла из быстрых пасов в одно касание, футболисты непрерывно меняли позиции в поисках свободного пространства. Каждый должен был мыслить как нападающий. Даже вратарь считался игроком, начинающим атаку, — еще одним защитником, но в перчатках. Кройф мог двигаться в любом направлении, управляя командой, как оркестром, и постоянно импровизируя. Миру впервые представили этот стиль в 1966 году. Тогда «Аякс» выиграл у «Ливерпуля» со счетом 5:1. Правда, в тот день стоял такой густой туман, что болельщики почти не видели происходящего на поле.

Конечно, Кройфу и Михелсу повезло. Благодаря какой-то демографической случайности половина мальчишек в восточном Амстердаме имели способности футболистов мирового класса. Неторопливый, богемный курильщик по имени Пит Кейзер стал легендарным левым крайним. Куки Крол, герой голландского сопротивления, произвел на свет стройного защитника Рууда. А один из немногих амстердамских евреев, переживших войну, привозил на велосипеде в «Аякс» сына Сьяки.

Но Кройф был самым большим оригиналом среди игроков восточного Амстердама. Его биограф Нико Шипмейкер отмечал, что спортсмен был невероятно быстр, тем более для заядлого курильщика: если у всех футболистов было всего «по две ноги», то у того — четыре. «Если меня догоняют, то никогда не

успевают», — гласит один из первых афоризмов Кройфа. «Быстро двигаться несложно, — объяснял собственный феномен спортсмен. — Надо просто вовремя начать бежать». Кстати, больше всего он любил рассуждать по поводу скорости мысли.

Йохан считал, что «футбол — это игра, в которую играют головой». Он переосмыслил все, начав с чистого листа и нимало не заботясь о традициях. Показательный пример — его лучший гол. «Аякс» проводил товарищеский матч с любительской командой, поэтому жаль, что не было телекамер. Кройф в одиночку приближался к воротам. Ему наперерез выбежал вратарь. Первый повернулся и бросился на свою половину поля. Голкипер гнался за ним до центральной линии и только там понял, что мяча у Кройфа нет. В какой-то момент тот, не прекращая бег, пяткой отправил его в сетку.

Кройф взял на себя ответственность не только за собственную игру, но и за действия остальных, следуя наставлению Михелса: «Если товарищ по команде совершает ошибку, ее необходимо исправить». Он постоянно раздавал указания, будто играющий тренер. Франк Райкард, его товарищ по клубу, позже говорил, что только Марадона мог выиграть матч в одиночку, но даже он не обладал талантом Кройфа на ходу менять тактику всей команды.

Как лидер, Йопи был продуктом своего времени. Подобно его современникам, Францу Беккенбауэру или студентам-участникам парижских демонстраций 1968 года, он принадлежал к поколению послевоенного беби-бума, жаждавшему захватить власть и перевернуть мир. И они действительно его изменили. Например, традиционно голландские футболисты лично обсуждали с президентом клуба размер зарплаты. Кройф шокировал всех, когда привел на финансовые переговоры свекра Кора Костера.

В «Аяксе» он «доводил всех до ручки». Никогда не прекращал говорить со своим акцентом амстердамского рабочего, используя собственную грамматику и демонстрируя любовь к случайным сравнениям. Когда не находил должных аргументов, просто пожимал плечами. Однажды он сказал о своей футбольной карьере, как обычно, говоря о себе во втором лице: «Хуже всего, что ты всегда знал все лучше всех. И поэтому тебе приходилось все время говорить, все время корректировать».

Чтобы понять совершенно нестандартного Кройфа, Михелс пригласил двух психологов, с которыми игрок с удовольствием общался. Один из «мозгоправов», Дольф Грюнвальд, обвинял во всем детскую фиксацию футболиста на отце. «На самом деле [Кройф] отрицает все авторитеты, потому что он подсознательно сравнивает всех с о. [отцом]… Если ему удастся перестать видеть

в Михелсе человека, который не так хорош, как его о. [отец], нас ждет большой прогресс». (Грюнвальд умер в 2004 году, его записи сохранил голландский писатель Менно де Галан.)

Психолог утверждал, что Кройф начинал «нервничать и говорить», когда коллеги критиковали его. Но стоило с ним согласиться, как он успокаивался. «Его поведение меняется: он понижает голос, садится, опирается на спинку кушетки или ложится, говорит меньше, иногда его глаза увлажняются».

Когда Грюнвальд поссорился с Михелсом и попал в опалу, его заменили Ротльфом Зевеном. Ему Кройф бесконечно рассказывал о Коре Костере. Вот недостающее звено теории Фрейда: фиксация на свекре.

Возможно, разговоры помогли. С 1971 по 1973 год «Аякс» трижды подряд выиграл Кубок Европы. Скромная команда из страны, никогда ничем не отличившейся в футболе, стадион которой был бы тесен для любой английской команды второго дивизиона, члены которой зарабатывали не больше лавочников средней руки, совершила революцию в игре.

А потом клуб совершил самоубийство. Уход Кройфа спровоцировала власть игроков, которую он сам и создал. В 1973 году футболисты, собравшись в деревенском отеле, выбрали нового капитана. Большинство проголосовало за Кейзера. Кройф улетел в Барселону. Его команда была уничтожена, а сам Йохан больше ни разу не выигрывал международных наград.

За Кройфа «Барселона» предложила пять миллионов гульденов. Сумма трансфера была настолько большой, что правительство Испании ее не одобрило. Руководству клуба удалось уладить вопрос, официально зарегистрировав футболиста как запчасти для сельскохозяйственной техники. В дебютном матче голландец забил два гола, чем помог испанцам выиграть первую награду за четырнадцать лет. А затем поспешил в Западную Германию на чемпионат мира.

Тем летом сборная Нидерландов была во многом его детищем. Именно Кройф, ее капитан, утвердил полузащитника Арие Хаану на позицию либеро — идея оказалась блестящей. Именно он воспитывал молодого нападающего Джонни Репа и во время матчей иногда кричал со скамейки: «Ты должен поднажать!»

Хотя турнир оказался не лучшим футбольным месяцем Кройфа, но именно тут люди во всей красе увидели и его, и стиль, который он изобрел. Теоретически Кройф играл на позиции центрфорварда, но казалось, что он успевал всегда и везде. Иногда бежал по левому флангу и давал длинную передачу правой ногой. Затем оказывался в центре поля и мастерски

обводил центральных защитников. Потом отступал назад, выкрикивая указания. Арсен Венгер рассказывает историю, как Кройф приказал двум голландским полузащитникам поменяться позициями, а через пятнадцать минут велел вернуться на исходные точки. Для француза это был пример того, как сложно добиться «тотального футбола», если вы не его изобретатель.

В полуфинале Голландия разгромила Бразилию. Потом все пошло наперекосяк. За день до финала западногерманский таблоид Bild опубликовал статью под названием «Кройф, шампанское, голые девчонки и холодная ванна». Тут утверждалось, что в бассейне отеля несколько игроков голландской сборной устроили оргию с полуголыми девицами. Почти весь вечер накануне решающей игры футболисту пришлось в телефонном разговоре с женой Данни оправдываться, клясться, что напечатанное — ложь. Для человека, всю жизнь строившего крепкую семью, схожую с той, что потерял в двенадцать лет, это было ужасно. Кройф не Джордж Бест. И в результате того телефонного звонка, по словам его брата Хенни, на следующий день играл «как тряпка».

Но следует признать, на первой минуте финала голландец не напоминал «тряпку». Отступив к либеро, Кройф взял мяч, пробежал половину поля и был сбит с ног. Арбитр Джек Тейлор, мясник из Волверхемптона, ошибочно назначил нидерландцам пенальти. Потом Йохан почти всю игру находился на своей части поля, позволяя Берти «Терьеру» Фогтсу опекать себя. Голландия проиграла со счетом 2:1. После игры в холле отеля Кройф долго и нудно беседовал с королевой Нидерландов Юлианой, убеждая ее снизить налоги в стране.

Следующие четыре года, проведенные в «Барселоне», можно назвать депрессивными. Виной тому — постоянная критика из-за отсутствия серьезных наград, регулярный стресс. «Если ты не получаешь удовольствия [от футбола], то не выдерживаешь напряжения», — позже скажет Кройф.

В 1978 году, всего в тридцать один год, он закончил карьеру и даже отказался ехать на чемпионат мира в Аргентине. Иностранцы ошибочно полагают, что он бойкотировал военный режим. Но Кройф просто не забыл «инцидента в бассейне» и остался дома, скорее, «по семейным обстоятельствам».

Один из голландских телеканалов попытался уговорить футболиста остаться и начал кампанию «Перетянуть Кройфа». И получил ответ от игрока, что тот согласен, но при условии, что сможет брать с собой жену. Из этого ничего не вышло. В книге «Ярко-оранжевый» (Brilliant Orange) Дэвид Виннер написал, что «инцидент с бассейном» определил результат двух чемпионатов

мира: 1974 и 1978 годов, где сборная Голландии снова проиграла в финале.

В октябре 1978 года Кройф сыграл свой прощальный матч: это была товарищеская встреча между мюнхенской «Баварией» и «Аяксом», закончившаяся со счетом 8:0. Это могло стать концом Кройфа-игрока. Но настоящим крахом стала свиная ферма.

В «Барселоне» Йохан и Данни познакомились с мошенником российско-французского происхождения по фамилии Базилевич. По словам супруги футболиста, «самым красивым мужчиной в мире». Новый знакомый, ездивший на взятом напрокат «Роллс-Ройсе», убедил семейство вложить почти все деньги в разведение свиней. Кройфы потеряли миллионы фунтов. Что было дальше, знают все: Йохан стал играть в футбол в США. Сначала в «Лос-Анджелес Ацтекс», а позже — в «Уошингтон Дипломатс».

Он любил деньги со страстью человека, не имевшего их в детстве. Но поехал в Штаты не только ради них. Ему нравилось, что в Америке его никто не знает. Он мог пойти в магазин, и ему никто не докучал.

Здесь он снова влюбился в футбол. Как всегда, не обошлось без сумасбродства. В Вашингтоне Кройф сводил с ума тренера-британца Гордона Бредли и товарищей по команде, тоже британцев, экстравагантными идеями. Однажды Бредли провел разговор с игроками и вышел из раздевалки. Тогда Кройф встал, вытер доску и сказал: «Конечно, мы будем играть совершенно по-другому». Один из футболистов, Бобби Стоукс, заметил: когда «Дипы» купили голландца, им следовало в нагрузку купить еще и годовой запас ваты, чтобы затыкать уши его коллегам. В конце концов Йохан отчаялся добиться понимания коллег и предупредил, что намерен ограничиться только забиванием голов. Что он и сделал.

К американскому периоду относится, возможно, самая показательная история о Кройфе. Петер ван Ос, писатель-голландец, опросил нескольких свидетелей, чтобы воссоздать общую картину. По их словам, случилось вот что. «Дипы» прилетели во Флориду в тренировочный лагерь, и водитель автобуса, в котором команда ехала на базу, заблудился. Йохан никогда не бывал в этой местности. Однако немедленно подошел к водителю и стал показывать маршрут. Говорят, так он часто вел себя с таксистами в незнакомых городах. И как ни странно, обычно оказывался прав.

В 1981 году Кройф вернулся в «Аякс». Конечно же, только ради денег. Ему исполнилось тридцать четыре года, он был не в лучшей форме. Голландцы восприняли возвращение скептически — он никогда не пользовался большой популярностью в

Нидерландах. Футболиста дразнили «носатым», «алчным волком».

Публичное «второе пришествие» состоялось в матче «Аякс» — «Хаарлем». В начале первого тайма Кройф обвел двух защитников и забил гол, ударив мимо вратаря, немного отошедшего со своей линии. В следующие три года голландские стадионы были переполнены каждый раз, когда был задействован Кройф, — люди жаждали увидеть его последнюю игру. Он давал 25-метровые пасы боковой стороной ноги, благодаря которым товарищи по команде оказывались перед воротами так неожиданно, что даже телекамеры иногда не успевали захватить момент.

Но он был интересен не только игрой. Повзрослев, Кройф стал говорить о футболе лучше всех, кого я знаю. В 1981 году мне было двенадцать лет, я жил в Голландии и с тех пор жадно впитывал все, что он рассказывал, — это было все равно что почти каждый день читать в газете стенограмму разговора с Эйнштейном. «До тридцати лет я делал все интуитивно, — вспоминает футболист. — После я стал понимать, почему я это делал».

Изречения Кройфа можно использовать на любом уровне: «Не бей напрямую, потому что, если мяч перехватят, соперники тут же обыграют двоих — тебя и того, кому ты даешь пас»; «Давай пас не под ноги товарищу по команде, а примерно в метре перед ним, чтобы ему пришлось бежать за мячом: это ускоряет темп игры»; «Если игра не клеится, делай простые вещи. Возьми мяч и дай пас тому, кто ближе всех. Сделай это несколько раз, и сознание того, что ты поступаешь правильно, поможет восстановить уверенность». Его афоризмы прямо или косвенно улучшали игру почти каждого голландского футболиста. Фраза «Это логично» — главный его аргумент, стала новой поговоркой.

У Кройфа было собственное мнение по любому вопросу. Он советовал гольфисту Иену Вуснаму, как правильно бить. Он утверждал, что светофоры в Амстердаме расположены в неправильных местах, поэтому он имеет право их игнорировать. Его старый товарищ по команде Виллем ван Ханегем вспоминает, как тот учил бросать монеты в автомат с напитками — «быстро и резко». К раздражению рассказчика, этот метод сработал.

Вместе с «Аяксом» стареющий Кройф дважды подряд становился чемпионом лиги. Когда ему исполнилось тридцать шесть лет, он решил, что ему мало платят, и перешел к вечным конкурентам — «Фейеноорд». Здесь, в свой последний сезон, он вновь стал чемпионом лиги. Как сказал Шипмейкер, статистически покупка голландца не гарантирует чемпионского титула, но намного увеличивает его вероятность. Когда в последнем матче Кройфа тренер его заменил, Шипмейкер сложил

свой столик на трибуне для прессы, встал и начал аплодировать человеку, который сделал его жизнь намного богаче.

К сожалению, после нашей единственной встречи Кройф меня возненавидел. Весной 2000 года я приехал в Барселону. Мы договорились о рабочей встрече дома у футболиста. Как мы и договаривались, интервью вышло в газете Observerнакануне Евро-2000. Газета заплатила Кройфу гонорар и договорилась о подготовке им серии обзоров о турнире. Но футболист не выполнил договоренности, впрочем, как он часто поступает.

Через несколько месяцев после Евро-2000 голландский журнал опубликовал мой отчет о встрече с этим великим человеком. Обложку журнала украшала фотография, где я держал в руках рисунок, изображающий Кройфа. «Йохан и я», — гласила подпись.

Кройф пришел в ярость. Он сказал, что я должен был еще раз заплатить ему, прежде чем еще раз рассказывать о нашей встрече. Внезапно против меня выступили две голландские газеты. Если коротко, меня назвали плагиатором, вынюхивающим информацию о внебрачных связях других людей и обвинившим Кройфа во лжи.

Я не знаю, испытывал ли кто-нибудь такое разочарование в героях своего детства. Если да, то очень хочу об этом услышать.

Андрес Иньеста

Май 2009 года

Редко, но иногда футболист перестает чувствовать «вкус момента». В среду Андресу Иньеста исполнилось двадцать пять лет. Он был на пике формы и играл в Риме в том составе «Барселоны», который без труда обставил «Манчестер Юнайтед». Здесь он показал себя во всей красе. Например, во время очередной атаки обвел мяч вокруг ноги так, будто щекотал ему животик.

Возможно, у Иньеста, его товарища по команде Хави и тренера «Барселоны» Хосепа Гвардиолы отсутствует общая ДНК, тем не менее они — футбольные братья. Старший — Гвардиола — двадцать лет назад был ведущим защитником «Барсы», эффективно играл на флангах, начинал почти каждую атаку с красивого паса. Средний — Хави — был еще лучше. А потом, почти десять лет назад, на тренировке появился худой бледный подросток. Старший, немного понаблюдав за ним, обернулся и сказал среднему: «Видал? Ты меня превзошел, но этот парень отправит на пенсию нас обоих».

Хотя до 2006 года, когда «Барселона» в последний раз выиграла Лигу чемпионов, Иньеста выходил только на замену, в клубе все знали: он себя покажет. В прошлом году я попросил тогдашнего тренера команды Франка Райкарда назвать игрока, обладающего идеальным для футбола высшего класса характером. Тот замялся, что-то пробормотал, но, наконец, победно выкрикнул правильный ответ: «Андрес! Андрес Иньеста! Он не пропускает тренировок, всегда старается и действительно является прекрасным игроком».

Волшебный год для Иньесты начался 30 июня, в Вене, в финале Евро-2008, когда сборная Испании обыграла сборную Германии. Столица Австрии была прототипом Рима. И там, и там складывалось впечатление, что Иньеста, Хави и их товарищи просто играют с соперниками в «догонялки». И сборная Германии, и «Юнайтед» тщетно гонялись за мячом по жаре. Но «Барселона» не может позволить себе играть по-другому. «Когда у нас нет мяча, мы — ужасная команда», — говорит Гвардиола.

Начиная с 1950-х годов «Барса», возможно, самая низкорослая команда в мире. Ее игрокам трудно отбирать мяч у соперников. Неофициально минимальный рост для футболиста высшего класса составляет около 172 сантиметров. Но Хави,

Иньеста и Месси недотягивают даже до него. Минимум для центральных защитников — около 182 сантиметров. Но рост Карлоса Пайоля меньше. Поэтому защитники или закрывают пространство благодаря идеальному размещению на поле, или держат мяч. Йохан Кройф, голландский отец стиля «Барселоны», учил: «Пока мяч у нас, они не забьют».

Современный футбол становится все более жестким. Тренеры постоянно напоминают о «твердости», «стержне» и километрах. В Риме Иньеста показал, что все вышеперечисленное не так уж важно. Футбол — это танец в пространстве, для которого необходима особая техника. И в Италии он ни разу не дал неточного паса. Иногда проплывал мимо игроков «Юнайтед», и его желтые бутсы почти не оставляли следов на траве. Иногда слегка подбивал мяч вверх в знак того, что уверен — это его день.

Все мы знаем, насколько хорошо владеют мячом футболисты «Юнайтед». Их игра — мерило того, насколько хороша была «Барса» в Риме. В матчах подобного уровня ошибаются даже лучшие игроки, что и произошло с Чжи Сун Паком, Андерсоном и Майклом Карриком, а также с Уэйном Руни. Последний блестяще играет правой, но его левая совершенно беспомощна. И «Барселона» без труда справилась с его единственной рабочей ногой.

Когда все было кончено, испанцы праздновали победу вместе с болельщиками у ворот. Сложно было понять, кто есть кто. Иньеста — фанат «Барселоны». Но на поле он был одним из семерых игроков, воспитанных в «Ла Масия».

Если бы тогда он зашел в VIP-буфет на Олимпийском стадионе, то увидел свое будущее. Одетый в спортивную куртку Эйсебио, легендарный португальский футболист 1960-х годов, в одиночестве пил кофе. То и дело к нему подходил кто-то из посетителей: обнимал, выражал почтение, а тот улыбался. Возможно, так повторялось сотни раз в неделю. Еще год назад невозможно было представить, что в старости Иньесту ждут подобные почести. Но в Риме Руни назвал его «лучшим игроком мира в данный момент». Следующая цель Иньесты — Кубок мира 2010 года.

Наблюдая за Иньестой в добавочное время финала Кубка мира в Йоханнесбурге, я снова вспомнил финал Лиги чемпионов. Тут на него постоянно давил Марк ван Боммель, но когда футболист ушел в защиту, чтобы заменить Джона Хейтинга, Иньеста внезапно почувствовал вкус свободы. С этого момента он руководил игрой. И, как и следовало ожидать, забил победный гол. За два года он дважды становился чемпионом Испании, выиграл

Лигу чемпионов, чемпионат Европы и Кубок мира. Неплохо для парня с настолько обычной внешностью, что какая-то женщина в барселонском кафе однажды перепутала его с официантом. А он послушно пошел на кухню и принес ей заказ.

Эрик Кантона

Август 2009 года

1992 год. Эрик Кантона впервые стал чемпионом английской лиги в составе «Лидс Юнайтед». Репортер британского телевидения Элтон Уэлсби, отчаянно пытаясь взять у него интервью, решил обратиться к игроку по-французски: «Magnifique, Эрик!» — «О, вы говорите по-французски?» — отозвался тот. «Non», — признался журналист. На этом разговор был окончен.

Немногословный нападающий — знаменитый, но почти непонятый — продолжает очаровывать и через двенадцать лет после ухода из спорта. На «Олд Траффорд», где в составе «Манчестер Юнайтед» футболист завоевал четыре титула за пять сезонов, фанаты до сих пор скандируют: «Ооо, ааа, Кантона».

Как следует из книги Филиппа Оклера (Philippe Auclair) «Кантона: бунтарь, мечтающий стать королем»[30], в 2008 году по результатам опроса, проведенного в 185 странах спонсором Премьер-лиги банком Barclays, Кантона был признан «самым любимым игроком всех времен»». Нынешним летом проявились два новых симптома кантонамании: биография Оклера и фильм Кена Лоуча «В поисках Эрика» (Looking for Eric), в котором спортсмен сыграл сам себя.

Француз был не лучшим футболистом, которого видела Премьер-лига: немного медлительный, не выигравший ни одного международного турнира. Но любовь к нему болельщиков приобрела фантастические размеры. Произведения Оклера и Лоуча, при всех имеющихся недостатках, объясняют, почему в 1990-х годах этот игрок стал важной фигурой для «Манчестер Юнайтед» и всего английского футбола, — он появился в нужный момент.

Футболист, прибывший в январе 1992 года из Франции, прославился неудачами. К двадцати пяти годам сменил шесть клубов. Ненадолго покидал футбол, так как в ходе заседания дисциплинарного комитета каждого из его членов назвал «идиотом». Игрок также являлся признанным коллекционером красных карточек. Но Англии он был нужен.

В начале 1990-х страна, некогда великая империя, погрузилась в экономическую депрессию и, кроме того, находилась в достаточной изоляции от материка. Кантона приблизил Британию к Европе. Действие фильма Лоуча,

трогательного и местами сентиментального, происходит в современном Манчестере. Появление на экране футболиста вызывает визуальный шок: мрачный город, среди тучных, одутловатых местных фанатов — невозможно красивая фигура. Но в 1992 году шок был еще сильнее.

Английский футбол тогда был таким же потрепанным, как и сама Англия. «Скучным, иногда грязным занятием» называет игру той поры Оклер, известный, кстати, не только как журналист, но и как инди-музыкант, выступавший под псевдонимом Луи Филипп. Он три года путешествовал по Британии и Франции, собирая материал для своей обстоятельной, честной, хотя местами претенциозной, книги. И, кроме того, часами заставлял себя пересматривать видеозаписи матчей с участием Кантона.

Британские команды того периода состояли преимущественно из «одноногих защитников, любителей силовой борьбы, и гигантских центральных полузащитников, вообще не понимающих, что такое футбол». Игроки зачастую попросту барахтались в грязи. Недоверие к тому, что называлось «континентальным стилем», было настолько велико, что даже после того, как Кантона помог «Лидсу» выиграть важный титул, футболиста продали в «Манчестер Юнайтед» всего за 1,2 миллиона фунтов. Узнав цену, тренер клуба Алекс Фергюсон недоуменно спросил у своего ассистента Брайана Кидда: «Ему что, отрезали ногу?» Когда Эрик ушел, сын тренера «Лидса» Говарда Уилкинсона, заключившего сделку, расплакался.

Но Кантона оказался достаточно сильным и выдержал все неистовство английского футбола. «Люди не понимают, каким выносливым он был», — пишет Оклер. Француз оказался способным не только преодолеть бешеный напор, но и создать из него порядок. В Англии много лет не было такого игрока. Казалось, он всегда знал, в какой точке поля находятся остальные. Мог почти незамеченным пробраться между линиями защитников и полузащитников и отправить мяч туда, куда хотел, с той скоростью и по той траектории, какие задумал. Пока вокруг него бесновались гиганты, он спокойно делал свое дело.

Фергюсон сказал Оклеру, что Кантона — один из тех игроков, которые «учат тому, что ты не знал о футболе и чему невозможно научиться, потому что до их появления никто и представить не мог, что такое возможно».

С тех пор английский футбол обогатился Деннисом Бергкампом, Джанфранко Дзолой, Тьерри Анри, Криштиану Роналду. Но в начале 1990-х футбол высочайшего уровня стабильно демонстрировал только Кантона. Он был именно тем игроком, которого искал Фергюсон. Тренер понимал, что

«Юнайтед», в последний раз выигравшему титул лиги в 1967 году, пора отказаться от традиционного британского стиля. Француз показал и ему, и молодежи вроде Райана Гиггза и Дэвида Бекхэма, как это сделать.

По словам Фергюсона, он приобрел «идеального футболиста в идеальную команду в идеальный момент». И, возможно, успех в «Юнайтед» Кантона, не самым красивым образом покидавшего почти все другие клубы, — главный триумф тренера, не менее важный, чем победа в Лиге чемпионов. Наставник быстро подобрал ключ к простой натуре спортсмена — всегда принимать его сторону, даже если тот не прав.

Но француз оказывал влияние на английский футбол не только на поле, но и за его пределами. Он отличался от других. Так, почти все игроки называют себя «профессионалами», а Кантона считал себя художником. Не случайно Лоуч сделал его практически соавтором. Кажется, играющий самого себя футболист использует фильм, чтобы поведать зрителям что-то важное.

Кантона разбирается в искусстве: занимается живописью, фотографией, пишет пьесы, читает стихи, Говорят, будто однажды чуть не перешел во французский клуб, получив в подарок от его президента работу Хоана Миро. Свою работу он также рассматривал в качестве одной из форм искусства. Однако, по мнению Оклера, для Кантона «художник» — это тот, кто абсолютно свободен в средствах самовыражения. И, провозгласив себя таковым, француз стал воспринимать игру как перформанс.

Профессионал нацелен только на то, чтобы просто выиграть. А Кантона стремился продемонстрировать себя фанатам. Его раздражало, что во Франции болельщики, как правило, равнодушны и критичны. Английские зрители ему нравились больше: их так много, они такие шумные и сидят так близко к полю. «Всего через два месяца я чувствовал себя как дома, — вспоминает футболист. — Теперь, когда я овладел мастерством водить машину по неправильной стороне дороги, мне ничего не страшно».

Профессионал, которого не интересуют фанаты, проигнорировал бы оскорбление Мэтью Симмонса, нанесенное ему в «Кристалл Пэлас» в 1995 году. А Кантона вскочил на трибуну и ударил болельщика ногой. Для него драка была поступком художника. И пас мимо защитников, выполненный пяткой, тоже расценивался как самовыражение. Впрочем, как и неудачная попытка научиться играть на трубе, когда его на девять месяцев отстранили от игр за побоище с Симмонсом и внезапные вспышки агрессии.

Оклер изо всех сил пытается защитить футболиста от английских ксенофобов, тем не менее его книга свидетельствует о том, что карьеру француза сопровождала серия эпизодов насилия. Он дрался с товарищами по команде, кидался на болельщиков, сражался почти со всей командой соперников после матча, уложил кого-то из противников приемом дзюдо, сломал ребро телерепортеру и т.д.

Болельщиками «Юнайтед» несдержанность кумира воспринималась как часть его обаяния. История клуба, как и самого Фергюсона, делится на два периода: «до» и «после» Кантона, который не только научил команду играть в «континентальный футбол». Он изменил идентичность клуба.

Возможно, тут ключевым моментом стала пресс-конференция, проведенная после инцидента с Симмонсом. Перед толпой журналистов, ожидавших извинений за выходку, ставшую самым ужасным событием в жизни Британии после гитлеровских бомбардировок, он сказал следующее (комментарии в квадратных скобках принадлежат Оклеру):

«Чайки [глоток воды] следуют за траулером [откидывается назад, улыбается, делает паузу], потому что им кажется [снова пауза], что сардины [еще одна пауза] начнут из него выпрыгивать [как будто сомневается] в море [улыбается и кивает]. Большое спасибо».

Представители прессы захохотали — Художник устроил еще одно представление! Титры в конце фильма Лоуча сопровождаются видеозаписью той речи. Она — весь Кантона. Творец, бросающий вызов миру.

Больше всего фанатам «Юнайтед» и Фергюсону в этом выступлении понравилось полное отсутствие раскаяния. Обаяние Кантона заключалось в том, что он делал все что вздумается, не заботясь о мнении окружающих. Футболист без сомнений отвергал целый мир и отказывался от старых друзей, едва заподозрив их в предательстве. С тех пор такой принцип взял на вооружение сам Фергюсон: «Если вы не с “Манчестер Юнайтед”, значит, вы против нас». Неудивительно, что тренер, который до сих пор дружит с бывшим подопечным, рассказывает истории о его агрессивных выходках как о забавных случаях. Он на самом деле восхищается яростью француза.

Оклер сказал мне: «Дело в том, что Кантона видит мир исключительно в черно-белых тонах: если ты со мной, тогда ты — мой лучший друг. Иначе ты — мой враг. Думаю, здесь кроются серьезные поведенческие проблемы. В случае Алекса это, скорее, расчет. Кантона стал одним из тех элементов, что помогли Фергюсону создать стиль “Манчестер Юнайтед”».

В фильме Лоуча француз также выступает в роли талисмана, защищающего почтальона и других фанатов «Юнайтед» от враждебного мира. В кульминационной сцене десятки болельщиков клуба в масках Кантона и под его руководством разносят в щепки дом плохого парня, чтобы помочь товарищам. Насилие на службе правосудия — составляющая этики, которую исповедуют игрок и его тренер.

Однако после инцидента с Симмонсом Кантона незаметно изменился и почти перестал использовать для самовыражения насилие. Тренируя детей во время вынужденной отставки, он говорил: «Если получишь желтую карточку, тихо отойди и не спорь с арбитром». Выигрывая два последних титула в составе «Юнайтед», футболист и сам старался следовать данному правилу.

Но он ни разу не выиграл ничего более существенного. В победный для сборной Франции 1998 год он должен был выступать ее центрфорвардом. Но когда понял, что придется быть на подхвате у Зинедина Зидана и Юрия Джоркаеффа, отказался ехать на чемпионат мира. Вот почему, по словам Оклера, его очарование до сих пор не померкло только в Англии. В своей стране Кантона так и не стал культовым спортивным персонажем. Если бы он и принял участие в международном турнире, мешая Зидану или создавая раскол в команде, французской легенды из него могло не получиться.

Но к тому времени он все равно закончил карьеру, покинув спорт неожиданно, в 1997 году, в возрасте тридцати лет. Трудно представить другого футболиста, которому хватило бы духа уйти, находясь на вершине карьеры. Он поправился, у него появился второй подбородок. Но, отвергая регулярно поступавшие предложения вернуться, бывший игрок сумел остаться «тем самым Кантона». Наверное, француз полагал, что в любой момент сможет вновь войти в ту же реку, но не стал утруждаться. В конце 1990-х в Премьер-лиге появились иные блистательные «художники», и Кантона мог и не восстановить былого влияния.

Оклер называет уход Кантона из спорта «смертью». Однако действительность доказывает, что это не так. Закончив карьеру, футболист создал новую версию себя. Он как-то заметил, что «хотел остаться бедным», но на самом деле вполне успешно представлял компанию Nike. Занимался популяризацией пляжного футбола и стал кем-то вроде свободного художника. Не то чтобы он имел какие-нибудь еще таланты, кроме футбольных. «Он плохой актер», — неохотно признает Оклер. Действительно, невнятная дикция в фильме Лоуча объясняет, почему тот так редко выступает на публике: умение говорить не является его

сильной стороной. Но все-таки жизнь экс-футболиста кажется вполне приятной: деньги плюс место, пусть и скромное, в артистическом пантеоне. Это больше, чем удается большинству бывших спортсменов.

Кантона жив и здоров. Живет в Британии — ведь именно он вывел английский футбол из английской эры в континентальную. Это он совместно с Фергюсоном и менеджером клуба по маркетингу Эдвардом Фридманом создал идентичность «Манчестер Юнайтед». Премьер-лига видела и более талантливых игроков. Но ни один из них не был для нее так важен.

Финальная сцена фильма Лоуча ужасным образом повторилась в октябре 2010 года. Банда фанатов «Манчестера» в масках ворвалась в дом Уэйна Руни и стала угрожать ему убийством за страшное, по их мнению, преступление: футболист заявил, что собирается покинуть клуб.

Тьерри Анри

Декабрь 2009 года

Я живу в Париже — мне повезло. И всегда посещаю «Стад де Франс», чтобы понаблюдать за игрой сборной Франции, которой в последние годы не очень везет. Я был там в тот вечер, когда Тьерри Анри в ходе матча со сборной Ирландии сыграл рукой и отправил Францию на чемпионат мира. Впоследствии, находясь на вокзале среди разъяренных ирландских и виноватых французских фанатов, можно было понять, что на международный кубок команда возьмет два тяжелых груза. Первый — это игра рукой. Второй — собственно Тьерри Анри. Проблема последнего не имеет никакого отношения к сомнительному голу. Дело в том, что после пятнадцати лет в профессиональном спорте тридцатидвухлетний футболист совершенно измотан. Должно быть, тренер Раймон Доменек ищет способы, как бы не брать капитана команды в Южную Африку.

Это будет трудно. Ведь когда-то Анри был лучшим нападающим мира. На Евро-2004, где он случайно забил два гола в матче со Швейцарией, я спросил вратаря соперников Йорга Штиля, что делает француза особенным. По его словам, обычно нападающие так заняты мячом и противниками, что почти не видят ворот и часто промахиваются. Но Тьерри превосходно контролирует игру, даже обыгрывая защитников. «Он успевает взглянуть вверх и увидеть, где стоит вратарь. Поэтому редко бьет с силой. Он вкатывает мяч в ворота — туда, куда не может дотянуться голкипер».

В 2006 году Анри все еще оставался лучшим нападающим. И самым красивым моментом чемпионата мира стала его дуэль в финале с лучшим защитником Фабио Каннаваро. Должно быть, француз оценил поединок, хотя и проиграл, — ведь, в отличие от многих других игроков, он любит футбол. Когда он был в составе «Арсенала», то у себя дома в Хампстеде иногда смотрел по телевизору игры третьего французского дивизиона, с азартом называя игроков, которые могли быть в более сильных командах. В раздевалке устраивал викторины на тему никому не известных футбольных событий.

Первый звоночек прозвенел в 2007 году — Арсен Венгер продал двадцатидевятилетнего Анри. Момент, когда тренер «Арсенала» сбывает «звезду», напоминает мгновение, когда хирург приглашает пациента для личной беседы. Тут наступает

понимание — все кончено. Наставник «канониров» превосходно владеет искусством за баснословные суммы избавляться от игроков в тот же день, как начинается их спуск с карьерной вершины.

Однажды утром весной 2008 года, через несколько месяцев после продажи, Анри, находясь в трофейном зале «Барселоны», объяснял репортерам, что играл так плохо из-за тоски по дочери, оставшейся в Лондоне. Он и сейчас действует неважно, но не из-за ребенка. Я несколько раз видел его игру в «Барселоне» и на «Стад де Франс». Он двигается словно старик с больной спиной. После матча Франция — Ирландия руководство испанского клуба, наблюдавшее, как футболист ковыляет по полю в игре с миланским «Интером», должно задуматься о новом нападающем. Возможно, ближайшей зимой. Кстати, футболист и так редко выходит на поле.

Ухудшение физической формы пережить сложнее, если когда-то ваше тело было совершенным. Человек вроде Зинедина Зидана, не обладающий данными выдающегося атлета, способен стареть гораздо изящнее. Так что не стоит удивляться тому, что после фурора игры рукой Анри признался, что подумывает о завершении карьеры. Вовремя уйти — самое трудное в спорте, а он остается наверху слишком долго. Старине Тьерри не надо было помогать себе рукой. Он вполне мог бы справиться с Ирландией двумя ногами.

Это был бы самый подходящий момент для хвалебного спортивного некролога, утверждающего место футболиста в футбольном пантеоне. Он не ровня богам: Пеле, Марадоне, Кройфу, Зидану. Принадлежит к легендам рангом пониже: Мишелю Платини, Джорджу Бесту и его кумиру Марку ван Бастену.

К сожалению, для некрологов нет времени. Анри остается сыграть на последнем Кубке мира. Доменека настолько ненавидят дома, что он вряд ли рискнет не взять с собой самого влиятельного игрока, хотя тот вредит сборной Франции. В команде есть форварды и получше. Например: юный Карим Бензема и Николя Анелька. Последнему хотя и тридцать, но он не растерял способностей. Есть Франк Рибери, играющий на месте Тьерри на левом фланге. А также подающий надежды полузащитник Иоанн Гуркюфф.

Но деспотичный капитан Анри, поглощенный собой, терроризирует товарищей по команде и тренера. В матче с Ирландией Доменек побоялся убрать его с поля и вместо Тьерри заменил Гуркюффа. Надеюсь, кому-то, может, чемпионам мира 1998 года, удастся убедить Анри, что он слишком великий игрок,

чтобы унижаться на четвертом в своей карьере чемпионате мира.

Сейчас ясно, что «унижаться» — слишком слабо сказано. К счастью для Анри, он наблюдал почти весь Кубок мира со скамейки запасных. Несколько недель спустя, вскоре после того, как он начал играть в «Ред Буллз», в Нью-Йорке, местный телеканал Fox5 решил наградить его интервью в прямом эфире. Должно быть, один из первых вопросов его удивил: «Вы только что выиграли Кубок мира, не так ли?»

Анри справился с этим вопросом достойно: «Нет, не только что. Я выигрывал Кубок мира несколько раз. Но на последнем чемпионате мира мы не победили». Пока он говорил, на экране бесконечно транслировался тот самый «ручной» гол ирландцам. Тем не менее это одно из тех хороших интервью, где футболист кажется умнее и интеллигентнее журналистов.

Лионель Месси

Май 2010 года

О том, кто впервые привел Лео Месси на футбольное поле, мнения расходятся. Его отец утверждает, что это бабушка уговорила дона Сальвадора Рикардо Апарисио позволить пятилетнему малышу играть со старшими братьями. Но, по собственной версии тренера, он сам заметил ребенка, стучащего мячом о стену, и обратился к его матери: «Вы мне его не одолжите?»

По поводу дальнейшего рассказчики единодушны. Когда первый мяч коснулся правой ноги Лео, ничего не произошло. Но когда мяч коснулся левой, «малыш выдал такой дриблинг, как будто играл в футбол с рождения».

Любой иностранец ахнул бы от восхищения, увидев эту сцену в бедном, забытом богом городке Росарио, родине Че Гевары. Но только не аргентинцы. Те сразу поняли, кто такой Месси. Он — эль пибе, «мальчик», которого они так ждали.

Обычно перед Кубком мира всех волнует, кто выиграет турнир. В нынешнем году все не меньше беспокоятся, увидят ли они в Южной Африке Месси во всей красе. Если ему в футболе высшего класса удастся повторить моменты, которые подарил нам, играя в «Барселоне», то лучшего трудно и ожидать. Этот чемпионат во многом чемпионат Месси. Но, чтобы понять игрока, нужно знать породивший его аргентинский футбол.

Феномен пибе разъяснил мне социолог Эдуардо Арчетти в 2000 году в Буэнос-Айресе. «Образ пибе, — сказал Арчетти, — сложился у аргентинских футбольных фанатов еще в 1920-е годы. Он учится играть в футбол в potrero, бедных кварталах с немощеными улицами, где удержать мяч может только мастер дриблинга. Он играет в ту креативную игру, которую жители страны называют ла нуэстра, ”наша”. Они считают, что такой стиль порождает только воображение ребенка».

В 1928 году Брокото, журналист футбольного издания El Grafico, предлагал «на каждом тротуаре» поставить памятник изобретателю дриблинга. «Статуя, — писал он, — должна изображать чумазого пибе с буйной, непослушной шевелюрой, умным, хитрым и нахальным взглядом беспризорника. И улыбкой-намеком на плутовской смех, едва тронувшей его губы, за которыми видны плохие зубы, испорченные грубой пищей». Узнаете? Аргентинские футбольные фанаты предвидели, что

полвека спустя появится Марадона. Это в его честь в далеком 1943 году написали танго «El sueno del pibe» («Мечта пибе»). В этой песне, которую впоследствии Диего как-то спел на публике, юный пибе сравнивает себя с легендами прошлого:

Дорогая мама,
Я заработаю денег,
Я стану как Бальдонеро,
Как Мартино и Бойе.

И в конце звучит рассказ о мечте пибе:

Он принял мяч, спокоен, как всегда,
Быстрее всех он оказался у ворот
И гол забил недрогнувшей ногой.

Автор песни предвидел не только великий гол Марадоны в ворота сборной Англии в 1986 году, но и реванш англичан в лице щуплого восемнадцатилетнего Майка Оуэна в 1998 году («Англичане тоже нашли себе пибе», — печально вздыхают аргентинцы). А также множество голов Месси.

Дело в том, что для жителей южноамериканской страны Марадона и Месси — истинные, стопроцентные аргентинцы. Футбольный фанат, у которого Арчетти взял интервью в 1990-х годах, сказал: «Проблема в том, что у нас был Марадона и теперь мы всегда будем ждать следующего». Человек понимает, что надежды абсурдны, но не может от них избавиться. Роберто «Эль Негро» Фонтанарроса, легендарный аргентинский карикатурист, романист и болельщик «Росарио», считает так же: «Марадона никогда не родился бы в Бельгии».

Арчетти как-то заметил, что аргентинцы ожидают от своих героев, что те умрут молодыми, чем искупят грехи нации. К сожалению, так произошло и с Фонтанарросой, и с ним самим. Он умер от рака в Норвегии в июне 2005 года, за четыре недели то того, как в Голландии Месси принес Аргентине молодежный Кубок мира. Бедный Фонтанарроса ушел от нас в 2007 году. Но по крайней мере он дожил до появления Месси. И, должно быть, узнал пибе с первого взгляда.

Может быть, Лео и стопроцентный аргентинец, но он покинул страну совсем в юном возрасте. Как раз потому, что оказался крайним проявлением пибе. В тринадцать лет его рост составлял всего 140 сантиметров. Для нормального развития требовалось гормональное лечение, обходившееся в 900 долларов в месяц. Его отец, рабочий-сталевар, умолял о помощи клуб «Ньюэллс Олд

Бойз», где играл сын. Но «Прокаженные», традиционно руководимые слабыми менеджерами, не стали тратить на мальчишку и без того скудные ресурсы.

Карьеру Лео спас двоюродный брат, живший в Каталонии. Он убедил «Барсу» устроить просмотр юному дарованию. Во время пробного матча Месси забил пять мячей, и клуб согласился оплатить лечение. Семья уехала из Росарио. Месси, впервые путешествующий самолетом, прибыл в европейский город, о котором знал так мало, что удивился, увидев тут море.

Каждый вечер пибе колол гормоны. Сначала его ноги, когда он сидел на скамейке запасных, не доставали до земли. Но скоро он вырос до 170 сантиметров, достаточных для профессионального футбола.

Впервые я увидел его на молодежном чемпионате мира в 2005 году. В финале Аргентина обыграла Нигерию со счетом 2:1, с двух пенальти, которые пробил Месси. Лучше всего помню второй пенальти. Если игрок бьет одиннадцатиметровый, то ждет, когда вратарь «нырнет», а потом отправляет мяч в другом направлении. Но Месси было достаточно, чтобы голкипер немного перевел вес на правую ногу, — и он выбрал другой угол. «Да это же Марадона!» — воскликнул скаут «Челси», ведущий мировой эксперт по молодежному футболу, древний, похожий на птицу голландец Пьет де Виссер.

Та же мысль поразила и самого Диего. «Я видел парня, который собирается занять мое место в аргентинском футболе», — заявил он в телевизионном ток-шоу La Noche del Diez. — Кажется, у Месси есть шестая скорость. Мяч остается над его ногой, как приклеенный. Он его чувствует. Вот главное отличие Лео от других».

Когда наблюдаешь за Месси, невозможно отделаться от ощущения, что он еще мальчик. «Ботаник» с прической в виде цветочного горшка выглядит как мальчишка, выигравший в викторине главный приз: возможность провести день в любимой «Барсе». Его фигура — пародия на накачанных монстров, фитнес-залы и «специальное питание». Когда он получает мяч, то не утруждает себя тем, чтобы до него дотронуться, позволяет катиться дальше. Словно ребенок, выгуливающий любимого песика.

Когда он исполняет дриблинг, то делает это мелко, шагами в три четверти обычного размера. Поэтому может менять направление быстрее соперников. Он еще ребенок, и ему проще держать равновесие, чем окружающим взрослым мужчинам. Это объясняет основную черту Месси, почему он получает «второй мяч». Часто бывает так, что соперник отбирает у него мяч, потом

тот начинает крутиться, противник теряет равновесие, Лео мгновенно поднимается во весь рост и вновь забирает. Именно так он выполнил два из четырех голов в апрельской игре с «Арсеналом».

Но футболист остается просто пибе из потреро. «Он прекрасно выражает коллективную мечту аргентинского футбола», — говорит Хорхе Вальдано, аргентинский футболист, генеральный директор мадридского «Реала» и поэт футбола.

И в то же время Месси не просто пибе. Несмотря на проблемы с ростом, самый одаренный футболист мира поступил в лучшую футбольную академию на земле, барселонскую «Ла Масия». Она его и спасла, не позволив повторить судьбу Марадоны, который, подобно многим игрокам своей эры, жил как рок-звезда. «Барселона» усвоила урок, преподанный великим Диего, а позже — Роналдиньо. Оба пришли в «Барсу» лучшими молодыми игроками мира. Оба не устояли перед искушениями: первый попал в сети кокаина, а второй — алкоголя.

Искушения не миновали и Лео. Когда он прорвался в первый состав «Барселоны», то стал постоянным спутником Роналдиньо на вечеринках. Наконец, Хосеп Гвардиола, тренер второго состава клуба, поставил условие: «У тебя есть выбор. Или продолжаешь развлекаться и через пару дней вылетаешь отсюда. Или начинаешь нормально питаться, бросаешь пить, рано ложишься спать и вовремя приходишь на тренировки. Тогда, возможно, станешь лучшим игроком мира».

«Барса» позиционирует себя как семью. И ей удалось сделать так, чтобы Месси превратился не в рок-звезду, а в послушного сына. Альберт Капеллас, координатор «Ла Масия», говорит: «Месси и [Андрес] Иньеста здесь больше не живут. Но академия по-прежнему их дом. Иногда они заходят поужинать. И если возникают проблемы, идут к нам, как пошли бы к маме или к папе. Для нас они не “звезды”. Это Лео, это Боян, это Андрес. Мы говорим: “Ты хороший парень и не теряй свои ценности”».

На поле «Барселона» также превратила пибе в хорошего мальчика. В 2008 году тренер испанцев Франк Райкард, благодаря которому состоялся дебют Месси, сказал: «Я видел игры, где на протяжении 90 минут казалось, будто он играет один против одиннадцати. Его все время били. Но мы или выигрывали со счетом 1:0, или все заканчивалось вничью, или мы проигрывали 1:0. У него фантастический дриблинг, но иногда он прыгал вперед просто ради разнообразия. Лео начинал играть лучше, делая меньше».

Марадона был мастером дриблинга, пасов и атак, но во многом благодаря «Барселоне» Месси овладел еще одним важным

для футбола умением: отбором мяча. Он универсальный игрок.

Может показаться, что пибе стал настоящим европейцем. Марадона никогда бы не получил такого образования. В двадцать два года, будучи ровесником Месси, он еще играл в Аргентине. В любом случае характер Лео больше располагает к длительной и стабильной карьере, чем нрав Диего. Он редко говорит, ему несвойственна дикая поэзия предшественника. «Я редко выхожу в город. Мне нравится быть дома, одному» — эти два предложениях никогда не произнес бы Марадона. Может быть, Месси не обладает всеми достоинствами земляка, но его недостатков у него нет точно.

«Но почему, — спрашивают аргентинцы, — почему он так плохо играет в национальной сборной? Когда он в составе “Барсы”, единственный, кто может его остановить, — “убийца пибе”, тренер миланского “Интера” Жозе Моуриньо. А когда надевает белую с синим футболку команды Аргентины, то превращается в другого человека». Возможно, южноамериканскую страну населяют слишком много пибе.

Иногда ее команда напоминает Белоснежку и семерых гномов. Месси плохо сочетается с Карлосом Тевезом (170 см), Серхио Агуэро (172 см) или Пабло Аймаром (170 см). И уж точно Марадона — не его тренер. Но некоторые аргентинцы считают, что «этот эмигре» не любит свою страну. Что раздражает футболиста, который подростком отказывался играть в испанских молодежных командах. Если бы он не отказался и отправился на тот Кубок мира, играя в составе «Ла Ройя», трофей ФИФА, возможно, получила бы Испания. Месси говорит: «Ничто меня так не бесит, чем когда мне говорят, что я не аргентинец. Что вы знаете о моих чувствах?» Его товарищ по команде, гражданин Швеции Златан Ибрагимович сухо заметил: если Месси не нужен аргентинцам, они могут отдать его Швеции.

Другой пибе, Марадона, вероятно, попытается решить эту проблему, поручив Лео свободную роль в Южной Африке. Подобно Диего на чемпионате мира 1986 года, Лео сможет носиться по полю как беззаботный мальчишка. Если все пойдет хорошо, аргентинцам удастся заново переписать танго 1943 года.

В Южной Африке оказалось, что существует один способ остановить Месси. И его нашел сам Марадона. Надо, чтобы мальчишка взял мяч в 45 метрах от ворот противника. Тогда вся команда может создать живой щит из девяти человек и не дать ему прорваться. Немцы так и поступили.

В 1986 году Марадона в одиночку принес Аргентине Кубок мира. В 2010-м он проиграл, тоже почти в одиночку.

Дэвид Бекхэм

Октябрь 2010 года

Дэвид Бекхэм бежит, чтобы выполнить один из последних свободных ударов в своей международной карьере. Французские фанаты, сидящие возле флага в углу поля на парижском стадионе «Стад де Франс», вскакивают и свистят, высмеивая гламурного англичанина. Потом достают фотоаппараты. И, когда Бекс бьет, его ослепляет тысяча вспышек.

С тех пор как в 2007 году Бекхэм стал чемпионом Испании в составе мадридского «Реала», его карьеру характеризует длительный спад. Он вряд ли когда-нибудь будет играть в английской сборной. Футболист иногда выходит на поле в составе «Лос-Анджелес Гэлакси», но это мало кого интересует. Его все чаще сбивают с ног более молодые и быстрые соперники. Складки на безупречном лице становятся глубже, отмечая наступление среднего возраста.

Но пока футболист Бекхэм постепенно исчезает торговая марка «Бекхэм» входит в новую фазу развития. Пришло время выяснить, что самый мощный бренд отдельного футболиста значит для людей. И как поступят с ним игрок и его бренд-менеджеры, когда Дэвид закончит карьеру.

Существует три основные группы поддержки Бекхэма. Первая — те, кто имеет прямое отношение к футболу. Для товарищей по команде и для фанатов мадридского «Реала», ожидавших увидеть очередную пресыщенную «звезду», он был «честным профессионалом». Не красавчиком с билборда, а милым, спокойным, простоватым парнем в углу раздевалки.

В «Манчестер Юнайтед» он перенял философию Алекса Фергюсона: «Все твои достижения — заслуга команды». А после игры следует сходить в душ, сесть в автобус и молча поехать домой. Если Дэвид пытается рассказать о себе, то чаще всего использует слово «профессионал». Когда в 2009 году его публично раскритиковал товарищ по «Гэлакси» Лэндон Донован, он ответил самым ужасным оскорблением, которое смог придумать: «Я считаю, что для любого футболиста в мире непрофессионально обсуждать коллег. Особенно в прессе и за спиной». И добавил: «Ни разу за семнадцать лет в футболе меня не критиковали за профессиональные качества».

Вторая группа поддержки — жители Англии — наименее добра к игроку. Не многие британские герои популярны дома так,

как за границей. Главным образом из-за способности британцев безошибочно угадать место друг друга на социальной лестнице. Уинстон Черчилль, несомненно, был членом высшего класса. А Бекхэм — парень из Эссекса. И представители антагонистических сословий не доверяют ни тому ни другому. Как говорится в мюзикле «Моя прекрасная леди»[31]: «Речь англичанина его выдает. Как только он открывает рот, другие англичане начинают его презирать».

Единственное, что в Дэвиде лишено элегантности, — это голос. Высокий, гнусавый и монотонный. Стоит ему после матча открыть рот, превращая футбол в штампы, магия исчезает. Для британцев футболист стал поводом для издевок над новыми скучными знаменитостями. По мнению соотечественников, игроку свойственно что-то вульгарное и неуместное. Обычно, когда в 2000 году пара его бутс продавалась на благотворительном аукционе, их покупал человек, одетый как ищейка, чтобы прорекламировать очередной веб-сайт.

Кстати, Бекхэму не доверяет даже тот класс, к которому относится он сам. Рабочие считают, что он предал свои корни. Поэтому особую неприязнь к нему испытывают фанаты родного клуба «Вэст Хэм».

Что еще хуже, в стране, где предпочитают героев с изъянами, его физическое совершенство играет против него. Поэтому первая роль Бекхэма в национальной футбольной мелодраме — «злодей». После удаления с поля в 1998 году в матче против Аргентины на него посыпалось столько оскорблений, сколько ни на одного английского игрока. Дошло до того, что рядом с одной церковью появился плакат: «Господь прощает даже Дэвида Бекхэма».

Третья группа поддержки, самая благосклонная, — весь остальной мир. Среди этой аудитории у футболиста самые крепкие позиции на предстоящие десятилетия. Бренд Бекхэма более популярен за рубежом, потому что иностранцы видят его без неприятного звукового сопровождения.

На чемпионате мира в 2006 году после скучной победы сборной Англии над сборной Тринидада я находился в «смешанной зоне», откуда журналисты выкрикивают вопросы футболистам, идущим мимо с наушниками в ушах. Вдруг началась паника, меня сбил с ног оператор какой-то азиатской телекомпании. Лежа на полу, я увидел выходящего Бекхэма. «И ради него меня чуть не убили?» — захотелось спросить у того оператора. Игрок не собирался говорить ничего примечательного. Но иностранцам того и не требовалось. Футболист был для них воплощением красоты, славы и богатства. Ожившей картиной

Энди Уорхола.

Подобно Мэрилин Монро и Чарли Чаплину, Бекхэм лучше всего смотрится в виде «немого» бренда. Неудивительно, что его первая автобиография была, по сути, книжкой с картинками. Визуальную сторону его легенды тщательно продумали с самого начала. Даже первую встречу спортсмена с будущей женой организовали, чтобы поднять популярность обоих. Бекхэму повезло, что в начале карьеры он встретил такого талантливого бренд-менеджера, как Саймон Фуллер, впоследствии автора телевизионного шоу American Idol.

Фуллер болел за «Манчестер Юнайтед». В середине 1990-х годов работал с людьми искусства и предложил клиентке Виктории Адамс посмотреть, как играет Дэвид. В книге «Когда Бекхэм поехал в Испанию» (When Beckham Went to Spain) Джимми Бернс пишет: «Позже Виктория поняла… что агент пытался заставить ее бросить бойфренда Стюарта ради какой-нибудь знаменитости. Например, футболиста».

План сработал. Бекхэмы произвели на свет троих сыновей, наследников семейной торговой марки. С годами именно Виктория и Саймон превратили очень хорошего правого полузащитника в великий бренд. Они поняли, что за него говорит его тело. И тут началось бесконечное создание произведения искусства: парикмахеры, мастера тату, футбольные менеджеры, кутюрье и жена меняли образ футболиста, будто он бессловесная кукла.

Как только обнаружилась притягательность Бекхэма, в игру вступил маркетинг. Долго считалось, что лучшая тактика для игрока — дистанцироваться от прессы. Но Дэвид, по настоянию супруги, ездил в промотуры в США и Азию. Это в футболе за тебя говорят ноги, но в поп-музыке ты — это твой имидж. Поэтому и жизнь превращается в непрерывный селф-промоушен.

Кажется, чем дальше от Англии и от футбола находится человек, тем лучше ему известен Бекхэм. В Таиланде футболисту посвятили буддийскую святыню. А в Токио в честь «Беккама» возвели статую из шоколада. Многие из фанатов знают его не по футболу, а по рекламе. Она так эффективна, что в 2003 году мэр Тегерана Махмуд Ахмадинежад приказал замазать черной краской постеры моторного масла Castrol с фотографиями игрока. А по иранскому телевидению запретили показывать рекламный ролик, где фигурировали голые ноги спортсмена. Кстати, иранская реклама одна из самых честных в мире. Слоган ролика гласил: «И твой велосипед движется, как Бекхэм». Что, вероятно, означало: «Так же медленно».

Дэвид продает все на свете: от солнечных очков до шоколада.

Он находится на пересечении высокой моды и футбола. Там, где главенствуют такие компании, как Nike и Adidas. Он продвигает продукты, но реклама маски для волос или джинсов работает и на его популярность. Он покорил Америку именно так, окольным путем. Продюсеры небольшой независимой кинокомпании получили право использовать его имя в названии фильма. Кинолента «Играй как Бекхэм» (Bend It Like Beckham) вышла на экраны США в 2002 году и неожиданно собрала неплохую кассу. Затем Фуллер продал в Новый Свет и самого футболиста.

Бренд Бекхэма набрал такую мощь, что со временем стал улучшать имидж его родной страны. Впервые я обратил на это внимание во время чемпионата мира в Японии в 2002 году. В аэропорту меня встретила волонтер, японка средних лет, помогающая беспомощным иностранцам ориентироваться в непривычных условиях. Узнав, что я англичанин, она сказала: «Английские футболисты такие красивые!»

«Что? — изумился я. — Пол Скоулз? Ники Батт?» — «Дэвид Симэн, Эмиль Хески, Дэнни Миллз?» — продолжил список мой друг, которому я в тот же день пересказал разговор.

«Дэвид Бекхэм такой красивый», — уточнила женщина. Для нее он — олицетворение всей нации. Английский флаг, когда-то вызывавший ассоциации с одутловатыми футбольными хулиганами, стал ассоциироваться с образом красавца-капитана английской сборной и украшать собой модные вещи по всему миру. Орден Британской империи, которым недавно наградили Бекхэма, — скромное признание его вклада в маркетинг страны.

Кажется, спортсмен до сих пор не осознал масштабы собственного влияния. «Об этом просто невозможно думать», — признается он друзьям. Популярность лишь провоцирует свойственный ему нарциссизм. Виктория рассказывает, как однажды он танцевал по всему дому и припевал: «Я — гейская икона!»

Бекхэм превратился в самый мощный индивидуальный бренд, который когда-либо видел футбол. Только футбола ему всегда было мало. Отчасти из-за того, что в игре коллективное берет верх над индивидуальным. Например, Фергюсон восхищался честным профессионалом Дэвидом, но не доверял бренду. Его возмущало, что пресса подчас ведет себя так, будто весь «Юнайтед» состоит из одного игрока. Тренера приводила в ярость мгновенная трансляция внутренних конфликтов клуба на страницы газет. Например, того случая, когда в 2003 году он швырнул Бекхэму в лицо бутсу. Кстати, все истории передавал в СМИ не Бекхэм, а пиарщики его жены ради ее промоушена.

Коммерческие директора «Юнайтед» хотели, чтобы бренд

Бекхэма продвигал клуб за рубежом. Они понимали, что команда приобрела десятки миллионов фанатов в других странах во многом благодаря трио «поп-звезд»: Джорджу Бесту, Эрику Кантона и Бекхэму. Но для Фергюсона торговые марки ничего не значили. И когда в 2003 году футболист стал терять форму, воспользовался ситуацией. Он посадил игрока на скамейку запасных. А затем (вместе с его брендом) отослал в Мадрид.

Футбольные клубы не умеют в полной мере использовать фантастическую популярность футболиста. В тот июньский день, когда после нескольких недель переговоров «Реал» согласился купить англичанина, оказалось, что футболки с его именем не готовы. «Возникли сложности — мы не знаем, под каким номером он будет играть. Чтобы выяснить, потребуется какое-то время», — сказал представитель клуба. И добавил, что «Реал» получил почти два миллиона заказов на именные футболки Бекхэма.

Аналогичная ситуация когда-то возникла с бразильцем Роналду. Тогда клуб тоже не подготовил футболки, на которые был огромный спрос. И рынок наводнили подделки с надписью «Роналду 9». В итоге «Реалу» пришлось отдать игроку десятый номер, чтобы создать спрос на оригинальную униформу. Первая волна прибыли «от Бекхэма», вероятно, тоже отправилась в карманы изготовителей подделок. Как и последующая. Когда «Реал» через две недели после подписания контракта озвучил номер, это был совершенно несексуальный 23. Для футбольных фанатов номер, под которым когда-то играл Майкл Джордан, ничего не значит.

Сейчас бренду Бекхэма требуется выработать стратегию для новой жизни — после футбола. В Англии футболист на излете карьеры превратился в «национальное достояние». Так бывает почти со всеми знаменитыми британцами, когда они с возрастом выходят из игры. Печальная судьба: сокращение штатов для героев. Самым главным «уволенным» «национальным достоянием» стала королева-мать. Среди других примеров — Тони Блэр, Ронни Биггс и даже Уинстон Черчилль в 1950-х годах. Бекхэм — следующий. Самые заметные события, бросающие тень на его бренд, — красная карточка на «Сент-Этьен», интрижка с Ребеккой Луз — в Британии почти забыты.

Бренд-менеджерам требуется проанализировать актив для какой-нибудь достойной послеспортивной карьеры. Неумение Бекхэма говорить исключает будущее тренера или комментатора. Так что лучшими примерами для него станут неразговорчивые Йохан Кройф или Франц Беккенбауэр. И уж точно не безбашенный Диего Марадона, а Пеле. Бразильцу, кстати, тоже всегда было нечего сказать. Он прекрасно чувствует себя в роли

улыбающейся куклы, путешествующей по миру и пожимающей руки представителям международных корпораций.

У Бекхэма получится даже лучше. Как профессионал, работающий с другими профессионалами, например Фуллером, он не испортит свой бренд. Друзья из Голливуда научат его сохранять патину юности даже в среднем возрасте. Компании, не имеющие отношения к футболу, найдут способ использовать его известность лучше, чем клубы. А насмешникам не удастся избавиться от него еще десятки лет.

Уэйн Руни

Октябрь 2010 года

В один прекрасный день 2004 года Уэйн Руни занимался тем, чем занимается всегда, когда не играет в футбол: смотрел телевизор. Накануне он заявил, что решил уйти из «Эвертона», клуба, за который всегда болел его клан. И на экране транслировались комментарии зрителей, называвших его «крысой», «алчным предателем» и так далее. Футболисту надоели оскорбления, и он отправил сообщение: «Я ушел, потому что клуб выносил мне мозг. Уэйн Руни».

Сначала сотрудники телеканала решили, что послание — чья-то шутка. «Не могли бы люди, называющие себя Уэйном Руни, прекратить хулиганить?» — спросил ведущий программы. Потом он сменил тон: «Мы знаем, что Руни нас смотрит. А мы наблюдаем за ним».

В тот момент у футболиста началась мания преследования. На улице было темно. Рассерженные фанаты «Эвертона» угрожали его убить. Может, в доме спрятана скрытая камера?

Ситуация наглядно демонстрирует, как трудно быть Уэйном Руни. С одной стороны, он самый лучший английский футболист со времен Бобби Чарльтона. С другой — каждый хочет получить «кусочек звезды»: фанаты, пресса, агент, «Манчестер Юнайтед» и Алекс Фергюсон.

Последняя битва за Уэйна, состоявшаяся в нынешнем месяце, приковала к себе внимание всей нации. Сначала тот неожиданно заявил, что покидает «Юнайтед», хотя никто не сомневался, что здесь он прописался навечно. Фанаты и тренер Алекс Фергюсон были в крайнем недоумении. Футболиста вновь, как в 2004 году, стали называть «алчным предателем». Потом начали угрожать. Затем, не менее неожиданно, Руни подписал новый контракт с «Манчестер», где, по некоторым оценкам, в течение пяти лет будет получать 180 тысяч фунтов в неделю. Все вновь удивились.

Трудно понять ход мыслей спортсмена, потому что он редко дает комментарии. За всю его публичную жизнь от футболиста никто ни разу не услышал ничего интересного. Однако, сидя перед телевизором и ощущая, насколько ополчился против него весь мир, он, должно быть, поражается, как искаженно воспринимается его решение. Никто из тех, кто стремится заполучить «кусочек Руни» — даже Фергюсон, — не осознает, что значит находиться в его шкуре.

Английские футболисты, как правило, делятся на выходцев из рабочего класса и представителей низов. Руни относится к последним. Он родился 24 октября 1985 года в Крокстете, бедном районе Ливерпуля. Вырос в двухкомнатной квартирке муниципального дома, позже превращенного в реабилитационный центр для наркоманов. Его папа (тоже Уэйн) — разнорабочий. Мать трудилась в школьной столовой. Руни рассказывал, что она получала примерно 287 фунтов в месяц и продолжала работать даже после того, как сын превратился в весьма состоятельного человека.

Дружная католическая семья принадлежала к ирландской диаспоре, перебравшейся в Ливерпуль из-за моря около 200 лет назад, — в Крокстете насчитывалось восемь ветвей клана Руни. Каждое лето родители Уэйна арендовали микроавтобус и вместе с детьми отправлялись в летний лагерь в Бетлине, где будущая звезда общался не только с двоюродными братьями и сестрами, но и с будущей женой Колин и ее многочисленными родственниками.

Руни никогда не мечтал стать профессиональным футболистом. Он знал, что будет им. И в девятилетнем возрасте поступил в академию «Эвертона». Скоро, в матче с детским составом «Манчестер Юнайтед», он забил гол, ударив через себя с 10 или 15 метров. Через несколько секунд подростку аплодировали даже родители команды соперников — единодушие, которое в детском футболе встретишь нечасто.

Почти все детские годы Руни провел, пиная мяч о стену дома, где жила его бабушка. Правда, иногда он отвлекался, чтобы поиграть в «черепашек-ниндзя». В школе проявлял интерес разве что к житию Иисуса, а в шестнадцать лет и вовсе забросил учебу, даже не получив аттестат, — редкий случай в системе образования современной Британии, не так ли? Зато практически сразу подросток прорвался в первый состав «Эвертона».

В возрасте семнадцати лет Уэйн стал самым молодым в истории игроком сборной Англии. После первого матча в составе национальной команды друг отвез его в Крокстет — у Руни тогда даже машины не было. Дома игрок провел вечер, хрустя чипсами, попивая кока-колу и гоняя мяч с приятелями, которые хотели узнать, какой на самом деле… Бекхэм.

До появления Уэйна английский футбол был другим. Традиционно в сборную приглашали опытных игроков, зарекомендовавших себя «честными профессионалами». Но Руни нарушил все правила. В ходе одной из первых тренировок мальчишка обвел нескольких игроков, а потом, как будто по привычке, перебросил мяч через вратаря. Повисла тишина. Затем

раздались аплодисменты товарищей по команде.

Как и любая знаменитость современной Британии, футболист попал в зону интересов рекламного бизнеса. Его естественность и мужественная внешность являли полную противоположность искусственной и женоподобной красоте Бекхэма. А из двух подвидов английских футболистов — «уродов» вроде Руни, Пола Гаскойна и Нобби Стайлза и «красавцев», как, например, Бекхэм и Майкл Оуэн, — британская публика более симпатизирует первым.

Как оказалось, английские фанаты десятки лет ждали появления именно Уэйна. Он не только забивал голы, но был редким игроком, способным видеть пространство. В футболе чаще выигрывает команда, умеющая открывать свободные места в процессе атаки и закрывать их в ходе защиты. Если такие, как Бекхэм, выполняют передачу напрямую товарищу по команде, а подобные Лионелю Месси пасуют в пустоту, то Руни находит незанятые места, отчасти потому, что идеально контролирует мяч. То есть ему не требуется смотреть вниз, он может вести с поднятой головой.

Немногие англичане, умеющие видеть пространство — несколько так называемых «белых ворон», игравших в 1970-х годах, — разрушили себя пьянством. Но пороки — не путь Руни. Он остается идеалом английского мужчины с тех пор, как ему исполнилось восемнадцать. Нация настолько нуждается в нем, что иногда потребность трансформируется в зависимость.

Футболист никогда не был ни удивлен, ни подавлен собственным стремительным восхождением. В семнадцать лет ему нравилось играть за сборную Англии, он знал, что достаточно хорош для «высокого» футбола. Перед началом матчей, когда обладающие опытом международных сражений спортсмены нервничали в раздевалке, он стучал мячом о стену, словно у себя дома в Крокстете. И не мог дождаться, когда выйдет на поле и начнет играть. «Мне никогда не хотелось себя ущипнуть, я не считал невероятным и удивительным то, что я делаю, — пишет Руни в своей автобиографии, весьма показательном документе, хотя и рассчитанном на девятилетних детей. — Конечно, играть за “Мэн” — фантастично, выступать за сборную Англии — потрясающе. Но я всегда помню, что заслуживаю происходящего».

На футбольном поле футболист счастлив, потому что контролирует ситуацию. За его пределами жизнь спортсмена зачастую контролируют другие люди. Как и любая публичная фигура Великобритании, звезда футбола не имеет права на приватность. Уэйн, который вырос в годы расцвета экономики, когда даже у самых бедных жителей страны появились деньги, дал повод публике насмехаться над привычками молодых

представителей низов, или, как их называют, «чавов». Например, пристрастия его жены Колин к шопингу и искусственному загару стали считаться признаками «чавства». О семейных вечеринках клана Руни стали писать в совершенно издевательском тоне. Спортсмен считает самым худшим в собственной профессии «вмешательство прессы в личную жизнь». В итоге он научился не рассказывать ничего важного даже друзьям и родственникам, чтобы какая-нибудь информация случайно не просочилась в СМИ.

«Каждый раз, когда я сажусь в машину, то смотрю в зеркало заднего вида — не преследуют ли меня», — пишет спортсмен в автобиографии. Возможно, его недавняя потеря формы связана с появившимися в бульварной прессе историями о частых рандеву с проститутками.

В свободное время Руни, как правило, смотрит телевизор. Отчасти ради отдыха, отчасти из-за отсутствия других интересов, отчасти из-за того, что, несмотря на наличие телохранителя, не может спокойно выйти из дому. «Мне трудно делать обычные вещи, например, пойти в паб или даже в супермаркет, — признается он. — Там обязательно найдется какой-нибудь так называемый фанат “Эвертона”, который тут же начинает меня оскорблять. Или пытается рассказать о неприязни, которую испытывает к “Манчестер Юнайтед”».

Так что Руни — мультимиллионер под домашним арестом. Будь он великим испанским или немецким футболистом, ему жилось бы проще.

Помимо публики звезду стремятся взять под контроль и тренеры. Дэвид Мойес из «Эвертона» пытался покровительствовать мальчишке, но он не нуждался в опеке — был совершенно счастлив, считал, что наставник ему завидует, и даже не расстроился, что тот не пригласил его на день рождения. Что еще важнее, восемнадцатилетний юноша понимал, что слишком хорош для «Эвертона». И, несмотря на многолетние связи его клана с клубом, ушел в «Манчестер Юнайтед».

Еще одна группа, алчущая «кусочка Руни», — приверженцы «Юнайтед». Подобно многим болельщикам «Эвертона», в 2004 году они впали в ярость, узнав о желании игрока покинуть команду. На поле, красный от усилий, играя в защите — позиции, которой талантливые игроки часто брезгуют, — Уэйн создавал впечатление беззаветной преданности клубу. Он являл идеал английского фаната: болельщик в футболке своей команды. Так разве ему не хочется остаться в «Юнайтед» навсегда? Если нет, значит, он жмот.

Дилемма, которую так любят обсуждать публика и пресса, — игрок либо фанат, либо жмот — абсолютно неверно отображает

мышление футболистов. Те, как правило, называют себя «профессионалами». А специалисты в любой области (спортсмены, ученые или банкиры) не выбирают между любовью и деньгами. Они стремятся сделать карьеру. Если приходит успех, приходят и деньги.

Футболист знает: если будет плохо выполнять свое дело, его уволят. Но, в свою очередь, тоже относится к клубу не как к магическому существу, а как к работодателю. И готов разорвать не оправдывающее ожиданий сотрудничество. Тем более если впереди — заманчивое предложение. Кстати, не всегда более выгодное финансово. Говорят, что в «Манчестер Сити» Руни мог зарабатывать больше 180 тысяч фунтов в неделю. А если бы объявил о поиске работы, то мадридский «Реал» даже поднял бы ставку. Но «компенсационный пакет» «Юнайтед» — титулы, знакомое окружение плюс игра — для него более привлекателен. Так что Уэйн не жадина, а карьерист.

По негласной традиции футболисты декларируют, что для них значение имеют только результаты команды. Но в действительности так не думают. Руни точно знает, сколько голов забил в каждом сезоне. И у него есть цель: забивать еще больше. Даже в 2006 году, когда «Юнайтед» не выиграл ни одной награды, футболист сказал, что «для меня этот сезон был достойным». Кажется, он так и не принял отношения к жизни, которое исповедует Фергюсон: мы против всего мира.

Игроки не хотят, чтобы их считали карьеристами и, стараясь понравиться фанатам, ставят во главу угла риторику пожизненной любви к команде: целуют флаги клубов, заявляют, что болели за них с детства. Но вряд ли найдется хоть один профессионал, «преданный клубу» в том смысле, как его понимают болельщики. Футбольные обозреватели иногда воспевают старые добрые времена, когда спортсмены всю спортивную жизнь проводили в одном клубе. Но при этом забывают упомянуть, что в тот период действовал запрет на переход из команды в команду.

Вопреки сложившемуся мнению Руни не такой уж эгоист. Он — типичный представитель профессии. В последнее время его часто сравнивают с Полом Скоулзом, Райаном Гиггзом и Гари Невиллом, которые, как предполагается, сохраняют преданность «Юнайтед». Но точнее было бы сказать, что у этих игроков сложились хорошие отношения с работодателем. Если бы руководство «красных» в свое время усадило Гиггза на скамейку запасных, тот наверняка бы взбунтовался. Но для него «Юнайтед» — идеальное рабочее место. В случае с Руни так не скажешь.

Алекс Фергюсон, склонный к патернализму, пытается

выстраивать с игроками взаимодействие по принципу «отец — сын». И его не волнует, что в шестьдесят восемь лет он совершенно потерял контакт с подопечными. Когда в 2008 году Криштиану Роналду пытался перейти в мадридский «Реал», тренер, то и дело называя его «мальчиком», сказал: «Если он был вашим сыном, то вы дали бы ему самый лучший совет по поводу развития карьеры. И я совершенно уверен, что уйти к испанцам — худшее, что можно сделать». Некоторым игрокам нравятся такие отношения. Тот же Гиггз, отец которого бросил семью, двадцать лет прекрасно чувствует себя под началом Фергюсона. Но Руни требуется другое.

Когда футболист заявил, что собирается уйти из «Юнайтед», то его, как и Роналду, представили в качестве неблагодарного дитя. «С той минуты, как он пришел к нам, клуб всегда был его убежищем, — сетовал тренер. — Мы помогали решать проблемы. Я много раз был готов увеличить ему зарплату».

Фергюсон считает своей главной заслугой вмешательство в личную жизнь Руни. Как и английские фанаты, тренер руководствуется историей под названием «Газза»[32]: великие британские таланты становятся жертвами соблазна и разрушают карьеру. Сэр Алекс всегда считал, что карьеру Гаскойна можно спасти, если забрать его в «Юнайтед». Руни даже получил прозвище Вазза (еще и потому, что на сленге «wazz» означает «мочиться»).

Британским звездам всегда требовался отец. Но Руни вообще не нужен тренер. Его рассказ о первой встрече с Фергюсоном отражает обычное нежелание игрока понять тех, кто не относится к его клану: «Меня удивило, что сэр Алекс Фергюсон такой высокий».

У футболиста есть и папа, и дяди. А если кто и претендует на роль второго отца, то это агент. В жизни современных игроков в такой роли обычно выступает один из немногих близких друзей, появившихся в зрелом возрасте. Все остальные, с кем встречается спортсмен, обычно стремятся приобщиться к его славе. Пол Стретфорд, выигравший яростную битву за право контролировать Руни, представляет его на протяжении всей карьеры. Он также поддерживает Колин в ее проектах на телевидении и в карьере «знаменитости общего назначения».

Битва за Уэйна, состоявшаяся в нынешнем месяце, была частью противостояния двух фигур, претендующих на роль его отца. Угроза Стретфорда, что Руни якобы покинет «Юнайтед», на самом деле была только способом выторговать более выгодные условия для футболиста. Но в то же время конфликт продемонстрировал неспособность Фергюсона влиять на

подопечного.

Когда блудный сын вернулся на поле, тренер попытался отменить новый договор: «Я думаю, сейчас Уэйн понимает, что “Манчестер Юнайтед” действительно великий клуб». Футболиста заставили извиниться перед товарищами по команде и наставником.

Однако инцидент доказал: Руни нужен клубу больше, чем тот ему. Да, игроку будет непросто перейти в другую английскую команду: ярость фанатов превратит его жизнь в кошмар. Но он, кажется, и не готов к переезду в Испанию. В школе на экзамене по испанскому он получил 0 баллов. К тому же Страна Басков находится далеко от его клана. Тем не менее число клубов, желающих приобрести отличного профессионала, огромно.

В «Юнайтед», наоборот, слишком мало звезд. Нескольким ветеранам — Гиггзу, Скоулзу, Невиллу, Фердинанду и ван дер Сару — скоро понадобится дорогостоящая замена. В свою очередь, руководство клуба теряет способность разыскивать таланты. В течение пятнадцати лет после поколения Бекхэма в «Юнайтед» не появилось ни одного великого игрока. Экономные владельцы, члены семьи Глейзер, не спешат вкладывать деньги в молодежь. Так что без Уэйна «красные» выглядят неубедительно.

Итак, проблема Руни, преследующая его всю жизнь, — желание людей приобрести в собственность «кусочек звезды». Что не всегда приятно. Весной он получил травму, но его заставляли выходить на поле в каждой игре. К началу чемпионата мира он был опустошен и плохо сыграл за сборную Англии. Фанаты освистывали футболиста. После одного из матчей он даже выкрикнул в объектив ближайшей телекамеры (если вы — Руни, рядом всегда телекамера): «Как приятно, когда освистывают собственные фанаты. Вот что такое настоящая преданность, мать вашу!»

Уэйн знает, что болельщики, тренеры, пресса и агенты любят его, пока он нужен. Их «преданность» может быстро превратиться в гнев, навязчивость, эксплуатацию или насмешки. Поэтому не испытывает к ним привязанности. Так что рано или поздно ссора с «Юнайтед», свидетелями которой мы стали, может повториться.

Фрэнк Лэмпард

Октябрь 2010 года

Одна из радостей футбола — наблюдать, как Фрэнк Лэмпард готовится ударить по мячу. Он стоит почти вертикально, поднимает голову, чтобы как следует рассмотреть ворота. Правая рука вытянута для равновесия, левая делает резкое движение, усиливая удар. Подъемом правой ноги футболист отправляет крученый мяч, непредсказуемое вращение которого сбивает с толку вратаря. Лэмпард никогда не бьет сильнее, чем нужно. Он редко беспокоит фанатов второй попыткой. Короче говоря, его удары могут стать примерами для руководства по тренировкам. «Каждый год он забивал от двадцати до двадцати пяти голов, — вспоминает Гус Хиддинк, недолго тренировавший Фрэнка в «Челси».

Лэмпард — почти идеальный футболист. Возможно, он самый выносливый игрок «Челси» и один из самых быстрых. Может отбирать мяч, пасовать — успевает везде. Но, как и многих других, его запомнят прежде всего по достижениям в национальной сборной. То есть как неудачника.

Лэмпард, который представляет английское «золотое поколение», блистательный неудачник. Ему предрекали большие победы, но ни на одном крупном турнире он ни разу не прошел дальше четвертьфинала.

Тут возникает вопрос, если хотите, «вопрос Фрэнка Лэмпарда»: почему его поколение преследуют неудачи? Одни считают, что эти спортсмены никогда не были слишком хороши. Другие, в частности английские болельщики, утверждают, что им не хватало «силы духа». Как замечает Джонатан Уилсон в книге «Анатомия Англии»[33], эта фраза звучит в адрес английских футболистов много-много лет. Для некоторых игроков «три английских леопарда[34] — это три неуклюжих котенка», — сокрушалась газета Daily Express после чемпионата мира 1966 года, как, впрочем, и по завершении других глобальных турниров.

У Хиддинка другое объяснение. Тренер познакомился с Лэмпардом в 2009 году в «Челси». В 2006 году голландец едва не стал наставником сборной Англии, поэтому с особым интересом наблюдал за игрой Фрэнка на чемпионате мира в Южной Африке. И однажды за ужином в Амстердаме, а потом в вестибюле пятизвездочного отеля (естественная среда обитания для Хиддинка) в Стамбуле пытался ответить на «вопрос Фрэнка

Лэмпарда»: что не хватает футболисту?

Когда в феврале 2009 года Хиддинк прибыл в «Челси», он, по своему обыкновению, стал немедленно провоцировать подопечных. Но потерпел поражение. Велел Дидье Дрогба перестать отходить к центру поля, объяснив, что для успешной игры на этой позиции тому не хватает техники, и футболист согласился. Будучи голландцем, Хиддинк придирчиво наблюдал за немцем Михаэлем Баллаком, но даже он ни разу не ослушался наставника.

Что до Лэмпарда, Хиддинк проверил его, заменив в игре с «Барселоной». Когда подняли табличку с номером полузащитника «Челси», кто-то на скамейке запасных пробормотал: «Осторожно, Фрэнк никогда просто так не уходит с поля». Действительно, тренерам с трудом удается убедить Лэмпарда отдохнуть. Тогда он тоже не сразу понял, что ему пора покинуть площадку. Но потом побежал к скамейке запасных и впоследствии никогда не вспоминал об этой ситуации. Он оказался настоящим профессионалом.

Хиддинку этого показалось мало. Голландец никогда не был трудоголиком, скорее завсегдатаем гольф-клубов. Его полное лицо и непременная чашечка капучино в руке указывают на то, что он открыт всем радостям жизни. Возможно, личные вкусы помогли увидеть изъян Лэмпарда: его проблема в том, что он делает слишком много.

«Фрэнк — игрок “от штрафной до штрафной”, как это называют англичане, — вспоминал Гус в вестибюле стамбульского отеля. — Игрокам из Великобритании требуется обозначать границы: “Вот твоя позиция, вот твоя задача”. Иначе Фрэнк, у которого так много энергии и драйва, начинает делать слишком много. Когда я начинал работать в “Челси”, он мог подбежать к защитникам, забрать мяч, пронестись через центр поля. Но, следует признать, много забивал».

Конечно, Лэмпарда купили именно для того, чтобы он везде успевал. В автобиографии «Абсолютный Фрэнк»[35] он пишет, что его папа, бывший защитник «Вэст Хэма» Фрэнк Лэмпард-старший, всегда повторял: нужно «что-то делать». То есть владеть мячом.

Когда сын пришел в «Челси», отец сказал: «Пытайся взять мяч каждый раз, когда он оказывается рядом, и что-то делай. Только тогда люди скажут: Лэмпард выиграл эту или ту игру». Молодой спортсмен согласился. Его цель, говорит он, — «участвовать во всех аспектах игры, от защиты до финального паса. И при этом постоянно попадать в сетку ворот». Такой игрок нужен любому тренеру, не так ли? «Если ты можешь продемонстрировать названные качества, то станешь незаменимым», — считает

футболист.

Однако Хиддинк хотел другого. Он часто беседовал с Лэмпардом на тренировках. «Считаешь, что игра должна строиться вокруг тебя, но так, чтобы тебе было легче выдержать сезон, состоящий из шестидесяти матчей? И чтобы при этом ты не изматывал себя каждые четыре недели? За тобой Эссьен, Оби и Баллак. Мы вполне можем ограничить тебя твоей зоной», — говорил он.

А Лэмпард отвечал: «О да! Да, да. Я никогда об этом не думал». Вспоминая разговор, Хиддинк тепло смеется.

Тренер беспокоился не только о том, чтобы Лэмпард экономно расходовал энергию и берег силы для самого важного момента игры. Он также видел, что футболист, пытаясь везде успеть, замедлял темп атак «Челси». Мяч катится вперед быстрее, когда полузащитник не пытается за ним бежать. Хиддинк чувствовал, что в «Челси» Фрэнк, как и его «брат-близнец» Стивен Джеррард из сборной Англии, берет на себя слишком много ответственности. «На Кубке мира в Южной Африке, — сказал голландец, — мы видели, как Джеррард забрал мяч у защитников собственной команды, а потом пробежал с ним почти 20 метров. Он старался изо всех сил, проявляя силу духа. Но его усилия только замедлили атаку англичан. Пока он бежал, защитники противника успевали занять свои позиции».

Другие команды, особенно «Арсенал», сборная Германии, а все чаще и сборная Бразилии, предпочитают атаковать в тот момент, когда противник теряет мяч. В баскетболе такой прием называется «перехват». Когда мяч переходит от одной команды к другой, упустившие его частично теряют позиции. Именно тогда следует организовать игру при помощи трех быстрых пасов, что скачущим полузащитникам английской сборной удается редко. Вот одна из причин невостребованности способностей Майкла Оуэна, мастера «перехвата», после хет-трика в Мюнхене в 2001 году. Прием не нашел применения и у «черновых рабочих» контратаки Тео Уолкотта и Аарона Леннона, не считая хет-трика в Хорватии в 2008 году. Англичане не в состоянии открывать пространство для своих скоростных нападающих с помощью трех быстрых пасов. Имидж сборной в тех матчах, которые она проигрывает, создают центральные нападающие, едва передвигающие мяч по полю, или неуклюже ведущий его Стивен Джеррард.

Почти все хорошие тренеры знают, что Лэмпард и Джеррард делают слишком много. Впервые встретившись со вторым, Рафаэль Бенитес сказал: «Я смотрел твои игры. Проблема в том, что ты слишком много бегаешь». Джейми Каррагер,

присутствовавший при разговоре, вспоминает, что «посмотрел на Стиви и заметил, как тот сник». Ведь его всегда хвалили именно за то, что он много бегает. Английским фанатам это нравится.

Через месяц после завершения Кубка мира 2010 года я присутствовал на встрече клуба болельщиков LondonEnglandFans. Они заспорили: есть ли и их вина в поражении сборной Англии в Южной Африке. Какая-то женщина сказала, что, когда англичане пасовали друг другу на своей половине поля, фанаты начинали кричать «Бей вперед!», «Вставьте им!». Им, как и грозной бульварной прессе, нравятся игроки, которые много бегают по полю. Лэмпард и Джеррард соответствуют вкусам толпы. В решающий момент они забывают напутствия Хиддинка и Бенитеса (как и, наверное, Фабио Капелло) и вновь делают слишком много.

Но в «Челси» и «Ливерпуле» Лэмпард и Джеррард играют лучше, чем в английской сборной. Я спросил Хиддинка почему. Он поднял вопрос об указаниях тренера играющим футболистам. В «больших» клубах наставники обычно дают команды «Отойди!», «Не обращай внимания» или «Перестань бегать по всему полю и оставайся в своей зоне». В «Челси» или «Ливерпуле» опытные футболисты с континента выполняют указания в режиме реального времени. Но, наблюдая за усердной беготней сборной Англии в Южной Африке, Хиддинк этого почти не заметил.

Он сказал: «Если посмотреть на [Гарета] Барри, то ясно, что он может играть умнее. Но футболист начинает “плавать”, потому что наставник не диктует, что следует делать в центре поля. Поэтому он вынужден играть в защите на левом или на правом фланге. Возникает впечатление, что у английской сборной отсутствует внутренняя координация. Ядро команды, центральная защита и полузащита — нервный центр. В национальной команде он не дает установки “Вот как мы должны поступать”. Если тренер ведет игроков, это видно, но у англичан руководство игроками почти отсутствовало».

Хиддинк знает причину. В своей стране такие игроки, как Лэмпард и Джеррард, воспринимаются чуть ли не полубогами. «В какой-то момент у спортсмена появляется статус, иногда по праву, иногда нет, создающий вокруг него защитную границу. Другие думают: “О, я не могу предъявлять претензии человеку с таким именем”. Возможно, “полубоги” и понимали необходимость подсказок тренера, — говорит Хиддинк, — но товарищи по команде не смели об этом сказать. Поэтому разрешили им слишком много бегать».

Изъян Лэмпарда — и всего «золотого поколения» — не недостаток силы духа, а ее избыток.

Автобиографии Джейми Каррагера, Эшли Коула, Стивена Джеррарда, Фрэнка Лэмпарда и Уэйна Руни

Октябрь 2010 года

Джейми Каррагер. «Кара. Моя автобиография»[36].

Эшли Коул. «Моя защита: победы, поражения, скандалы и драма Германии 2006 года»[37].

Стивен Джеррард. «Джеррард. Моя автобиография»[38].

Фрэнк Лэмпард. «Абсолютный Фрэнк»[39].

Уэйн Руни, Хантер Дэвис. «Моя неоконченная история»[40].

Обнаженный Фрэнк Лэмпард выходит из душевой и встречает нового тренера «Челси» Жозе Моуриньо. Тот многозначительно смотрит в глаза футболисту.

— Все нормально, босс? — интересуется полузащитник.

— Ты лучший игрок в мире, — отвечает наставник.

Игрок, находясь в замешательстве, не знает, что и сказать.

— Ты, — повторяет Моуриньо, — лучший игрок в мире. Осталось подтвердить звание наградами. Понял?

Футболист, как сказано в его автобиографии, «находится на седьмом небе» и звонит матери.

«Да, — подтверждает она. — Я знаю, что ты — лучший в мире».

«В течение следующих дней, — рассказывает Лэмпард, — я чувствовал себя на двадцать сантиметров выше и выкладывался на тренировках, как никогда раньше. У меня все получалось».

Это одна из самых странных сцен в коллекции автобиографий пяти лучших представителей «золотого поколения» футбольной Англии. Жизнеописания игроков — жанр, вызывающий бесконечные насмешки. «Существует ли более обесцененная литературная валюта?» — иронизирует самый уважаемый историк футбола Дэвид Голдблатт.

Действительно, ненормально, когда издательство Harper Collins платит Уэйну Руни пять миллионов фунтов за пересказ его жизни в пяти томах. Сумма гонорара на миллион меньше той, что получил сэр Уинстон Черчилль за полную «Историю Второй мировой войны». «Надеюсь, вам будет что почитать», — сказал, подписывая контракт, одетый в спортивные штаны и реглан с капюшоном нападающий «Манчестер Юнайтед» и сборной

Англии.

Но вот что странно: пусть книги игроков плохо продаются и не переиздаются, они все-таки дают представление о том, что значит быть одним из лучших футболистов современности.

Конечно, не все автобиографии равноценны. «Мою защиту» Эшли Коула закрываешь, ощущая себя дураком. С таким чувством, будто вывалялся в грязи. В результате — только недоумение: почему агент левого защитника «Челси» позволил ему взяться за перо?

Книга Руни воспринимается не более чем сочинение первоклассника, подготовленное по настоянию учительницы. Несмотря на обилие семейных фотографий и школьных отчетов, новоявленному писателю едва удается заполнить необходимое число страниц. Но тут претензии больше не к футболисту, а к его «литературному негру» Хантеру Дэвису. Последний — бывший биограф «Битлз» (и даже присутствовал в студии на записи новых песен Леннона и Маккартни) и автор биографии Уильяма Уордсворта[41] (достойная разминка перед подготовкой жизнеописания спортсмена). Что касается книги Лэмпарда — она самая скучная и дурно написанная, что кажется объективным отражением сущности игрока и его соавтора.

Пятеро футболистов обладают узнаваемым имиджем, сформированным бульварной прессой, которую они дружно презирают, но читают. Автобиографии — шанс высказаться без опасения, что их слова переврут. Возможно, лишь Руни привлекла финансовая составляющая, остальным вряд ли заплатили достаточно.

Лэмпард, Джеррард и Каррагер жаждут общения с читателями. Только многим ли нужны пятьсот страниц от Джейми Каррагера? Однако его монография — лучшая. «Я прочел почти все автобиографии игроков, — утверждает защитник «Ливерпуля». — И четко представляю, что такое хорошая книга».

В автобиографиях трое игроков расставляют собственные акценты. Лэмпард в основном доказывает свою правоту во всех прошлых конфликтах. А произведению Стивена Джеррарда как лучшей книге года о спорте досталась престижная литературная премия British Book Awards.

Кажется, эта троица поведала миру больше, чем хотели издатели. Агенты, юристы и пресс-атташе клубов, как правило, контролируют каждое слово спортсменов. Журналистам достаются только тридцать секунд для послематчевых банальностей. Так что жизнеописания футболистов — самые длинные публичные заявления, которые им удается сделать за всю спортивную жизнь.

Читая их, узнаешь игроков так же, как они узнавали друг друга в течение долгих недель, проведенных в зарубежных отелях, пока сборная Англии в очередной раз не вылетала из чемпионата мира. «Думаю, это положительная сторона скуки, — размышляет Коул. — Она побуждает нас общаться. Я вернулся из Германии, гораздо лучше понимая Стива Джеррарда, Вазза и Лэпса».

Автобиографии позволяют поэтапно проследить все стадии жизни футболистов: как из мальчишек они превращаются в жертву прессы. И в итоге начинаешь немного сочувствовать авторам. Хотя к Коулу, возможно, это не относится.

Стадия первая: детство

«Меня едва не назвали Адрианом», — вот первое предложение первого из пяти задуманных томов автобиографии Руни. «Так хотел мой отец. Но в итоге мама отговорила его от этой идеи».

Все авторы стремятся сразу обозначить собственное социальное происхождение. Как правило, они принадлежат к дружной, любящей рабочей семье и главное для них — доказать, что каких финансовых высот ни достиг бы игрок, он придерживается корней и остается самим собой. Первые страницы каждой монографии пестрят многословными похвалами семье. «В ликующей толпе я ищу мамино лицо» — так начинается история Коула. А Лэмпард сообщает, что унаследовал «мамины понимание, человечность и чувствительность», а также «амбиции, трудолюбие и видение отца». Джеррард и Руни делятся счастливыми воспоминаниями о каникулах в Белтине.

На первый взгляд — пасторальные истории, отдающие лицемерием. Но при дальнейшем знакомстве с литературными трудами возникает ощущение, что игроки правдивы в своих признаниях. Как бы то ни было, ранние годы в родном доме — единственный период, когда с ними обращались как с обычными людьми. Только тогда люди ценили их такими, какие они есть. Все, с кем доводится общаться в дальнейшем, пытаются получить от футбольных звезд определенную выгоду. Так что ностальгия по детству вполне понятна.

«Время, когда вся семья сидит за столом и смеется, для меня все, — пишет Джеррард. — В “Ливерпуле” и сборной Англии моя жизнь превратилась в безумие. Мне не хватало моральной

защиты родственников».

Читая о детстве игроков, замечаешь и другие сходства. Так, местом рождения всех являются два региона: Ливерпуль и восточный Лондон. Иногда кажется, будто северо-восток перестал быть источником английских футбольных талантов.

Первый клуб, за который играл Коул, — футбольная школа «Сенраб», расположенная в лондонском Ист-энде, — явил миру и Ледли Кинга, Ли Бойера, Джона Терри, и Бобби Замора. Лэмпард играл в Эссексе за конкурентов — «Хит Парк». Как-то Фрэнка, которому исполнилось тринадцать или четырнадцать лет, отправили на тренировочный матч «посмотреть на одного мальчишку, так как, по некоторым заверениям, он — самый перспективный игрок за много лет». Тогда Эшли было всего десять лет.

Кстати, все авторы начинают активно приобщаться к миру профессионального футбола почти в одном и том же возрасте. В восемь лет Джеррард тренируется в «Ливерпуле» с Джейсоном Кумасом и блистательным бомбардиром по имени Майкл Оуэн, впоследствии ставшим его другом. Коул и Руни поступили в академии «Арсенала» и «Эвертона», когда им исполнилось девять…

Исключение составляет Лэмпард, который был погружен в мир игры с рождения. Его отец — Фрэнк Лэмпард-старший, бывший игрок «Вэст Хэма». Дядя — Гарри Реднапп[42], а старший двоюродный брат — Джейми Реднапп[43]. Маленький Фрэнк гонял мяч вместе с Джейми в саду дяди Гарри и ходил в местный парк на тренировки вместе с отцом. Иногда в дом Лэмпардов заходил Бобби Мур, чтобы выпить чаю с бисквитами и поболтать о футболе. «Я никогда не думал о том, что у нас на диване сидит человек, когда-то поднявший над головой Кубок мира, капитан английской сборной».

Будущих звезд сближают и игры в футбол с обычными сверстниками — переступить порог 10 тысяч часов практических занятий, необходимых для достижения вершины, невозможно, если рассчитывать только на академию. Например, Лэмпард не в восторге от знаменитой «Вэст Хэм», несмотря на то что наряду с ним выпускниками академии являются Майкл Каррик, Джермейн Дефо и Глен Джонсон, группа поддержки «золотого поколения». В итоге к подростковому периоду карьера пятерых авторов начинает формироваться. Так, школьника Джеррарда обхаживал Алекс Фергюсон. Кроме того, будущей звезде поступали письменные приглашения и от других тренеров.

Самый важный этап профессионального пути каждого — поступление в национальную академию в Лиллшелле. Джеррарда

не приняли: «Меня! Капитана “Ливерпуль Бойз”! Меня даже оценил футбольный клуб “Ливерпуль”!» Футболист признается, что до сих пор переживает поражение. Лэмпард, кстати, тоже туда не попал. Но, как ни странно, там учился их сверстник Каррагер. Очень скоро он дебютирует в сборной Англии для школьников в качестве бомбардира, пока стеснительный нападающий по имени Эмиль Хески находится на скамейке запасных, и, конечно, забивает. «Вратарю итальянцев Джанлуиджи Буффону было нечем ответить на мой смертельный удар».

Спортивные успехи отодвинули школьное образование на второй план. Эти пятеро далеко не глупы. По крайней мере Каррагер, Лэмпард и Джеррард. Но, как восходящих звезд, их учили: все, что не имеет отношения к футболу, только отвлекает от главного.

Кажется, из всех авторов интерес к учебе проявлял лишь Лэмпард, который — уникальный со времен Первой мировой войны случай среди английских игроков — посещал частную школу. Во время учебы он, один из немногих представителей семей «новых богачей» в элитном Брентвуде, играл с командами других образовательных заведений, например Итона. И при этом получил неплохой аттестат, в том числе знаменитое «отлично» по латыни. Однако Лэмпард-старший все же велел сосредоточиться на футболе.

Остальные бросили учебу без постороннего вмешательства. Кажется, вне футбола они чувствуют себя неуверенно. У Джеррарда, например, «почти не было друзей», они появились только в «Ливерпуле». Он неплохо учился, но в ходе заключительного экзамена думал лишь о том, «как сжечь униформу».

В школьных характеристиках, возможно, лучших страницах его книги, а также превосходных доказательствах несомненных преимуществ реформ образования Новой лейбористской партии, Руни обычно называют «популярным и общительным ребенком». Но успеваемостью он не блистал, даже по предмету, который должен был даваться легче всего. В одиннадцать лет он получил «Б» по физкультуре, с комментарием: «Уэйн — очень способный спортсмен и весь год много работал. В следующем учебном цикле ему следует продолжать в том же духе». Интересно, что требовалось совершить, чтобы получить в той школе «А» по физической подготовке?

Руни ушел из школы и сразу стал звездой. Он дебютировал в «Эвертоне» в возрасте шестнадцати лет и расстраивался только из-за того, что клубу пришлось так долго его ждать.

Остальные стали подмастерьями известных футболистов.

«Только сейчас я понял: это было самое лучшее время в моей карьере. Я не испытывал постоянного давления», — пишет Лэмпард.

Джеррард чувствует то же. Ему, в свою очередь, нравились розыгрыши в раздевалке. В «Ливерпуле» мальчишки резали друг другу носки, дразнили за немодную одежду, дрались полотенцами и как-то на три часа заперли штатного мастера педикюра. Весело. Особенно учитывая тот факт, что сотрудник пришел в ярость из-за шутки и уволился. Джеррард пишет:

«Если кому-то не нравились наши розыгрыши, начинались ссоры. Стычки стали обычным делом. Если я резал кому-то спортивные штаны, а парень начинал скандалить, я отвечал тем же. “Ты что, черт возьми, шуток не понимаешь?” — кричал я Грегго или Райти».

Розыгрыш — важный аспект футбольной жизни. Но его значимость трудно объяснить обычным людям. Складывается впечатление, что Джеррард и сам не понимает смысла ритуалов. Объединяют членов группы — и хорошо. Но прежде всего подростковые шалости демонстрируют, кто в коллективе главный. Над кем можно издеваться, а кто находится под защитой. Тут интересна роль Майкла Оуэна,

«Майкл часто был зачинщиком шуток и стычек. Но вел себя умно. Он терпеть не мог попадаться. Он хотел стать лидером. Не то что Грегго и Богго».

И где Грегго, Богго и Райти сейчас?

Стадия вторая: молодые профессионалы

Их профессиональные дебюты достойны голливудских фильмов. Наши герои всегда знали — звездный час непременно пробьет. Так мальчики из состоятельных семей не сомневаются, что поступят в университет.

Пятеро игроков-писателей стартовали в профессиональном футболе в родных местных клубах. Но никто не чувствовал себя настолько комфортно, как Лэмпард. В восемнадцать лет он стоял у боковой линии, готовый к бою против «Ковентри». Дядя Гарри, по совместительству наставник «Вэст Хэма», кладет руки на плечи племяннику, а затем и запасному игроку, тридцативосьмилетнему Гордону Страчану, предупреждая: «Не нападай на него!» Рядом — улыбающийся Фрэнк Сеньор, ассистент тренера.

Руни отметил первый матч в «Эвертоне» так: купил в забегаловке жареную картошку и отправился с приятелями гонять мяч по улицам. Он не в восторге от взрослых товарищей по команде, которые, непонятно почему, сразу после знакомства прозвали его «собакой».

Первая неожиданность, с которой приходится сталкиваться в первом составе, — иностранные игроки. Наши герои провели детство и юность среди англичан. «Я был местным и не воспринимал другие культуры, — признается Лэмпард. — Мои интересы и вкусы ограничивались рамками Лондона и родного района». Экспаты пугают. Подросток Джеррард испытывает тревогу, когда в «Ливерпуле» появляется тренер-француз:

«На первый взгляд он казался неплохим парнем. Но меня доставала его речь. Я гадал, владеет ли он английским… И находился в ужасе от французского порядка. Хотел, чтобы все было по-прежнему, вокруг находились люди, которых я знал и понимал».

Позже его также беспокоили планы сборной Англии пригласить тренера из-за рубежа. Он и сегодня испытывает безотчетное недоверие к игрокам-иностранцам, их предполагаемой склонности ко лжи: «Пусть катятся в Испанию или Италию, где притворяются, “ныряют” и таскают друг друга за футболки».

Там, где в ходу подобные стереотипы, как правило, образуются национальные общины. Лэмпард, когда пришел в «Челси», узнал о существовании шести раздевалок. Он оказался в «английской секции», где переодеваются Терри, Джоди Моррис и почему-то исландец Эйдур Гудьонсен.

«Свои комнаты были у итальянцев, французов, — вспоминает полузащитник. — Деление на группы создавало ужасную атмосферу, подрывало командный дух». На протяжении нескольких лет Фрэнку то и дело приходится играть с иностранцами. Но беспокойство из-за их «инакомыслия» не исчезает. В итоге у него появилась подруга-испанка, которая стала матерью его детей: «Такого я даже не мог помыслить».

На заре карьеры футболистам приходится узнать о еще одной пугающей незнакомой силе: бульварной прессе. Обязательный признак успешности современного игрока высшего уровня — язвительные заметки в News of the World. Если вы талантливый англичанин, играющий в родной стране, практически неограниченный доступ к сексу нивелируется тем, что им приходится заниматься на глазах у всей нации.

Так, в 1998 году на корпоративной рождественской вечеринке фотографы запечатлели «в самых разных ракурсах» одетого в

костюм Квазимодо юного Каррагера, который развлекался со стриптизершей. По его словам, накануне публикации он «сидел в гараже до полуночи и со страхом ждал, когда выйдет первый выпуск воскресных газет». Больше защитник «Ливерпуля» не позволял себе ничего подобного.

В принципе, каждому талантливому игроку Великобритании стоит присвоить звание профессора в области массовой информации. Еще сорок лет назад в «Людях футбола» Артур Хопкрафт писал: «В 1968 году полная негодования Футбольная лига Англии созвала своих членов, чтобы лишить аккредитации всех без исключения журналистов газеты The People. На страницах издания была опубликована серия статей, посвященная алкогольным пристрастиям и альковным манерам игрока “Стокпорт Каунти”».

В развенчании морального облика футболистов News of the World достигла совершенства. Ей принадлежит видеозапись, демонстрирующая, как Фрэнк Лэмпард, Рио Фердинанд и Киерон Дайер развлекаются с девчонками на курорте Айя-Напа. Ее сотрудники разнюхали, что Эшли Коул, являясь игроком «Арсенала», ведет за спиной руководства клуба переговоры с «Челси». Здесь была опубликована информация о пристрастии Руни к проституткам.

Публичное полоскание «грязного белья» расстраивает игроков настолько, что побуждающим мотивом подготовки книги Коула стало стремление отвести от себя обвинения. Кстати, весьма неубедительно. Кажется, футболиста больше всего беспокоит ярлык гея, который пытается навесить на него News of the World. Лично я никогда не сомневался, что Эшли — самый гетеросексуальный мужчина в мире. И не мог представить, что кто-то мыслит иначе. Но, преодолевая страницу за страницей, полные настойчивых попыток опровергнуть давно забытую сплетню, я стал задумываться: не слишком ли рьяно он оправдывается?

Таблоиды превращают игроков-звезд в несчастных параноиков. Тем не менее здесь, в новом для них мире, есть деньги (не соответствующие, по их мнению, столь каторжному труду) и девочки (больше чем требуется). Джеррард вспоминает приятно проведенный вечер: «Я отправился в город, чтобы поймать пару-тройку пташек». Множественное число выдает всю самоуверенность звезды.

Стадия третья: уход из родного клуба

Неукротимый «Арсенал» закончил сезон лиги 2003–2004 года, не проиграв ни одного матча. Пока игроки танцуют на поле, Эшли Коул думает (по крайней мере так он пишет): «Я хочу остаться в клубе и побить рекорд Дэвида О'Лири: 555 игр в лиге. И превзойти достижение самого опытного игрока Джона Лукича, играя до сорока лет… Когда девятилетним мальчишкой я оказался в знаменитом "Мраморном зале", чтобы подписать контракт с "канонирами", то чувствовал себя так, будто оказался в волшебной стране. Теперь мечта стала осязаемой». Он клянется, что всей душой любит «Арсенал».

Разрыв с клубом детства — главное драматическое событие в профессиональной жизни авторов-звезд. Кроме Джеррарда, хотя и он едва не ушел в «Челси».

Каждый подробно повествует о мотивах, повлиявших на решение, и личных переживаниях. Но все сказанное подтверждает известную истину. Пусть упорствующие в своих заблуждениях болельщики требуют от кумиров мыслить, как они. И пусть игроки когда-то сами были фанатами своих клубов. Но, став футболистами, они превратились в представителей другого биологического вида.

Тем не менее прошлое не забыто. Отцы Руни и Каррагера были почитателями «Эвертона». Пусть Уэйна в итоге не назвали в честь Адриана Хита. Но Джеймсу Ли Дункану Каррагеру присвоили имена двух представителей «ирисок»: Гордона Ли и Дункана Маккензи. Папа Джеррарда болел за «Ливерпуль». Но сын регулярно посещал стадион «Гудисон Парк» и даже представлял себя в форме «Эвертона».

Впервые Руни оказался на территории «Гудисон Парк» шестимесячным младенцем, в возрасте несколько юном, чтобы войти в резерв команды. А в девять лет он написал письмо поддержки центрфорварду Дункану Фергюсону, оказавшемуся за решеткой. «На всех моих детских фотографиях присутствует символика "Эвертона"», — замечает Уэйн. Он надел форму любимого клуба, даже проходя кастинг в «Ливерпуль». Не из дерзости — так он обычно одевался после школьных занятий. «Красным» молодое дарование понравилось, и ему назначили дополнительный просмотр. «Ириски» успели перехватить игрока, но Руни признается: «Если бы "Ливерпуль" не просил еще раз пройти пробы, я подписал бы с ним контракт». Уже тогда футболист мыслил не как болельщик. «Фанат» — не является доминирующей ипостасью его личности. Позже, оказавшись в «Манчестер Юнайтед», Уэйн будет говорить, как ненавидит

«красных». Может быть. Как болельщик. Но не как игрок.

Каррагер, хотя и называет себя «самым “синим” во всем Бутле», ушел в «Ливерпуль». «Все просто, — объясняет он. — Молодежная академия этого клуба лучше, чем в “Эвертоне”». Его примеру последовали Робби Флауэр и Стиви Макманаман. Однако привязанность Джейми к «Эвертону» исчезнет не сразу.

В 1996 году футболист впервые выходит на поле в качестве запасного игрока основного состава «Ливерпуля». Разминаясь в перерыве, он обращает внимание на табло, где высвечиваются результаты других матчей. «Эвертон» выиграл у «Ньюкасла» со счетом 2:0. На трибунах Каррагер замечает отца и показывает ему большой палец. Тот, хотя и является болельщиком «синих», приходит в ярость от глупости сына. К счастью, фанаты «красных» не замечают жеста Джейми.

Пусть нашим героям свойственны эмоции болельщиков, но они не так сильны, как стремление добиться успеха. В каждой из книг присутствует момент, доказывающий, что футболисты руководствуются амбициями, а не преданностью. Комментируя переход Ника Бармби из «Эвертона» в «Ливерпуль», Джеррард говорит: «Яростные споры были совершенно дурацкими. Ему пришлось променять “Гудисон” на “Энфилд”, чтобы добиться славы. Больше говорить не о чем».

Но фанаты придерживаются иной точки зрения. Как замечает Каррагер, «им никогда не понравится, что футболист из “Ливерпуля” может покинуть клуб по профессиональным причинам. Они уверены, что их кумиры даже и помыслить не могут играть за другую команду».

Примерять личину фаната — священная традиция английского футбола. Футболистов побуждают публично идентифицировать себя с болельщиками. Поэтому Коул в своей книге признается в любви к «Арсеналу»: «Мои душа и сердце были связаны с клубом морским узлом. Думаю, развязать его не удалось бы даже Гудини». Почитатели верят таким признаниям. А потом, когда спортсмен поступает вопреки собственным заверениям (в случае Коула из-за того, что ему платили всего 55 тысяч фунтов в неделю), чувствуют себя обманутыми. И, в свою очередь, мстят футболистам, невольным жертвам собственного имиджа. Те считают, что болельщики их не понимают. Противостояние растет.

Окончательный эмоциональный разрыв Каррагера с «Эвертоном» происходит 24 января 1999 года. Футболист вернулся с «Олд Траффорд», где «Ливерпуль» выигрывал у «Манчестер Юнайтед» со счетом 1:0, но потом дважды пропустил мяч на двух последних минутах. И после матча отправился в

местный паб, «чтобы утопить свое горе и в надежде встретить пару сочувствующих лиц». Но:

«Как я ошибся. Стоило войти, как надо мной стали смеяться. Люди, с которыми я вырос и путешествовал по Европе, болея за “Эвертон”, отнеслись ко мне так же, как к любому другому “грязному предателю”».

Даже друзья не хотели понимать Джейми. «Я перестал быть фанатом, я делал все что мог для своей команды. Как оказалось, для того, чтобы главную победу в моей карьере украли самым ужасным образом». Его терпение по отношению к «Эвертону» иссякает. Главная тема длинной, честной и основательной главы его книги, посвященная «синим», — критика болельщиков клуба.

Теперь его преданность достается «Ливерпулю». И книга Карры — очередной аргумент в постоянных дебатах с болельщиками «красных». Многих футболист знает лично и после завершения карьеры хочет оказаться на трибунах рядом с ними. И все-таки, как признается Джейми, если руководство клуба посадит его на скамейку запасных, он уйдет. Он прежде всего футболист.

Лэмпард, Руни и Коул поступили в свои первые клубы в качестве их яростных приверженцев. Но быстро превратились лишь в наемных работников. Эшли спрашивает: «Что там говорят? Не приближаться к команде, за которую болеешь? Это правда. Иначе узнаешь слишком многое, что уничтожает тайну, необходимую для слепого поклонения героям».

Когда Уэйн подписывал первый профессиональный контракт с «Эвертоном», то с ужасом обнаружил «сотню журналистов и двенадцать разных съемочных групп», готовых запечатлеть судьбоносный момент. Он схватил стоящую на столе бутылку и стал пить воду из горлышка. «Возьми чертов стакан!» — прошипел сидящий рядом Дэвид Мойес. Скоро футболист начал отдаляться и от тренера, и от команды.

Подростком, играя в «Вэст Хэме», Лэмпард еженедельно слышал оскорбления от тысяч болельщиков, потерявших благосклонность к его отцу и дяде. Как-то его, восемнадцатилетнего парня, с серьезной травмой уносили с поля «Вилла Парка» на носилках. И вслед ему неслось ликование некоторых зрителей. После матчей футболист боялся в одиночку возвращаться на машине домой. «Мне ни разу не удалось уехать так, чтобы не столкнуться со злостью высмеивавших меня фанатов, — признается он. — У этих придурков было ко мне столько претензий, что я начал считать, будто поток сквернословий, раздающихся в мой адрес, не что иное, как любительские упражнения в групповой психотерапии». Возможно,

так оно и было.

Болельщиков не останавливал тот факт, что отец Фрэнка сыграл за «Вэст Хэм» более семисот матчей. Лэмпард посвятил давно ушедшим дням много страниц: «Мне важно, чтобы люди поняли, как близко к сердцу я принимал все происходящее». И добавляет, что больше не испытывает никаких чувств к клубу своего детства.

В профессиональном футболе царит более неприглядная атмосфера, чем можно себе представить, тем более в юности. Фанаты считают, что за кучу денег, которую платят игрокам, можно смириться с существующим положением вещей. Этика сомнительного толка. Богатые тоже плачут. Лэмпард, например, утверждает: «На самом деле я довольно ранимый».

Изучая автобиографии футболистов, начинаешь понимать, почему они так легко рвут связь с командами своего детства. Если бы только при этом они не лицемерили! «Я навсегда останусь приверженцем “Арсенала”, даже если перестану тут играть», — якобы думает Коул, последний раз аплодируя болельщикам после проигрыша в финале Лиги чемпионов в 2006 году.

Пытаясь изучить причины ухода футболистов, стоит обратить внимание на рассказ Коула о переходе в «Челси». Веселая история. Хотя автор явно преследовал другие цели. Следуя ходу событий, сначала раздался знаменитый телефонный звонок от агента Джонатана, который утверждал, что под видом зарплаты руководство «Арсенала» предлагает футболисту карманную мелочь. Далее следует пассаж, классический для литературы о футболе:

«Услышав, как Джонатан повторяет цифру 55 тысяч фунтов, я чуть не улетел в кювет. “Они ни фига не получат!” — кричал я в трубку».

В книге Каррагера присутствует на удивление похожая сцена. В 2005 году Рафа Бенитес сообщает миллионеру-футболисту, что он не получит прибавки к зарплате: «Я потерял дар речи. Кажется, никогда в жизни я не был так шокирован». В автобиографии Джейми это является незначительным эпизодом, а в опусе Эшли оскорбительное предложение — одной из главных тем. Складывается впечатление, что задетое самолюбие — основная мотивация, побудившая Коула написать книгу:

«Я лишь надеюсь, что фанаты понимают, откуда я пришел, почему ушел и почему написал книгу. Я не прошу сочувствия — просто хочу честно рассказать о произошедшем. Я не хотел уходить. Такую ситуацию создал совет директоров. Но не я».

«Я не самый глубокий мыслитель в мире», — в какой-то

момент признается Коул. Кажется, он искренне верит: если читателям станут известны все факты, связанные с той историей, они наконец поймут, что его интересовали вовсе не деньги. Но его книга воспринимается как пародия, потому что футболист не способен видеть себя со стороны.

Однажды между ним и Дэвидом Дейном из «Арсенала» возникла дискуссия по поводу условий нового контракта. В завершение они пожали друг другу руки, и вице-президент клуба попросил игрока не распространяться о разговоре. Коул пишет: «Самый эффективный контракт в моей жизни не оформленный на бумаге, а когда я смотрю человеку в глаза и даю слово». Он обещал: «Мистер Дейн, я никому не скажу». Но позже переговоры зашли в тупик, и спортсмен дословно воссоздает их в своей книге.

Коул отвергает любую критику в свой адрес. Он написал автобиографию после ухода из «Арсенала», но любой, кто смеет усомниться в его преданности клубу, подвергается осуждению. Когда бывший игрок Питер Бигри осмелился нелицеприятно отозваться о нем за то, что не смог остановить шведского игрока, сделавшего удар головой на Кубке мира, Эшли тут же перечислил все бывшие клубы оппонента («Манчестер Сити», «Брэдфорд Сити» и «Скантorп Юнайтед»), не забыв упомянуть о размере его головы. Оправдания и обвинения составляют основную часть «Моей защиты». Тем, кто когда-то не дал игроку пас или не нашел слов для похвалы, не нашлось места на страницах литературного опуса.

Кроме того, много места футболист отводит пространным объяснениям, что «Челси» не «переманил» его незаконными способами. Однако, прочитав отчет Коула, я пришел к выводу, что так все и было. И именно так решила комиссия Премьер-лиги. Но кого это волнует? Если хотите написать судебный триллер, ставки должны быть выше. А здесь вопрос заключался в том: пытался спортсмен перейти из большого клуба в еще больший? В итоге Коулу пришлось заплатить штраф 75 тысяч фунтов. Я плакал. Неправда, что у всех футболистов коэффициент интеллекта не превышает 63 балла.

Тем не менее я могу сказать то же самое, что и о безумном творении «Еврабия» Бат Йеор. «Моя защита» Эшли Коула — самая худшая книга, которую я прочитал в своей жизни.

Стадия четвертая: «звездность»

Каково быть знаменитым футболистом? Лучше всего описывает это состояние Каррагер.

В мае 2001 года «Ливерпуль» собрал «троицу» наград, со счетом 5:4 в дополнительное время выиграв у «Алавес» в финале Кубка УЕФА.

«Психологически, физически и эмоционально мы были слишком вымотаны, чтобы праздновать. Я сбросил форму, стянул бутсы, погрузился в ванну размерами с бассейн и безучастно смотрел на товарищей… Один триумф следовал за другим с такой скоростью, что никто не успевал осознать масштабы достижений… Мы были слишком измотаны и растеряны, чтобы об этом думать».

Если читать биографии игроков одну за другой, начинаешь понимать, что мультимиллионеры — профессиональные футболисты не слишком веселятся. Они не могут ступить шага без сопровождения назойливых фанатов, бульварной прессы и диетологов. Нация следит за каждым их движением. Даже скрытному Каррагеру поступило предложение продать свадебные фотографии журналу «Hello!».

Назойливое внимание приводит к добровольной изоляции. Однако у футболистов и так отбивают охоту интересоваться чем-либо кроме спорта. В итоге, не зная, чем себя занять, они бездельничают. Руни, единственное хобби которого — поспать, от скуки играет на спортивных тотализаторах. Его типичный летний отпуск спортсмена — отель в Дубае в июле. «В определенный момент, — пишет Уэйн, — номера в отелях начинают казаться одинаковыми». Скорее всего, он действительно не интересуется ничем, кроме игры:

«Возможно, я слишком беспечен. Но меня не волнует, что говорят и делают люди. Самое важное в моей жизни — игра в футбол. И, конечно, Колин. Все».

Игроков поощряют к ранней женитьбе, считая, что свадебный союз удержит их дома. Но брак не всегда является панацеей. Все без исключения авторы исследуемых книг поют дифирамбы своим WAG[44], точно так же как и родителям. Но две из пяти «жен и подруг» успели получить приставку «экс». К счастью, Джеррард и Каррагер способны рассуждать только о футбольных достижениях, поэтому избавляют нас от подробностей личной жизни.

Другие игроки не так осмотрительны. Сердце читателя трепещет, когда он узнает, что Коул собирается сделать предложение Шерил. Они хотят провести церемонию бракосочетания в замке Хайклер. И мы по-настоящему чувствуем их боль, когда Майкл Джордан и Питер Андре устраивают там

напыщенные свадьбы как раз накануне большого дня Коулов. Эшли до сих пор помнит реакцию невесты: «Ни за что! Ладно, мы едем в другое место!» Кстати, футболист цитирует в автобиографии даже свою свадебную речь.

Кажется, игроки могут расслабиться только в автобусе команды, где, например, Руни и его друзья по «Юнайтед» играют в кинг, упрощенную версию покера. Или на тренировках. В «Ливерпуле» Джеррард и Питер Крауч играют в игру, смысл которой — попасть мячом по голой заднице другого участника. При этом каждый считает, что в команде царит дух коллективизма.

На страницах автобиографий можно прочитать и другие, довольно странные признания. Например, Руни нравится засыпать, включив телевизор, свет, пылесос или фен. Но о том, ради чего мы читаем эти книги, — хрониках и анализе футбольных событий и матчей — ни Руни, ни Коул не пишут. Вот как описывает Эшли «неутомимого мастера Криштиану Роналду:

«Его умения такие же блестящие, как и его волосы. Любой защитник должен стараться изо всех сил, чтобы обыграть португальца».

Руни еще более краток:

«Роналду — отличный парень и любит посмеяться».

К счастью, Джеррард уделяет немного внимания футболу и футболистам. Он прекрасно описывает юношеский период, когда пытался избавиться от своей чисто английской любви к отбору мяча. «Для большинства профессионалов, — объясняет он, — это техника. Для меня — прилив адреналина… Когда я вижу, что мяч у другой команды, прихожу в бешенство… Я просто не могу остановиться».

Тогда он травмировал других игроков во время игр, тренировок, его то и дело удаляли с поля. Стивен перечисляет свои жертвы с некоторой гордостью. В итоге он учится сдерживаться и отбирать мяч не двумя ногами, а одной. Столь подробный отчет о механике футбола — редкость в упомянутых книгах.

Иногда Джеррард представляет литературные зарисовки других игроков. Финал Кубка Англии 2001 года. Футболист стоит у точки пенальти и собирается отправить мяч в ворота «Арсенала».

«Я отвожу ногу назад, а потом перевожу вперед и вниз. И не чувствую мяча. Его нет: передо мной проносится Майкл. Моя нога все еще продолжает опускаться, а Оуэн уносится прочь, на радость фанатам “Ливерпуля”».

В этом — вся суть юного Оуэна. Перу Стивена также

принадлежит прекрасный портрет арбитра Пьерлуиджи Коллина:

«Как же я его боялся! “Джеррард!” — кричит он так, будто я переступил черту и совершил проступок, по его мнению, абсолютно недопустимый. Он предостерегающе машет своим длинным костлявым пальцем. Черт возьми! Я буду вести себя хорошо. Выпученные глаза Коллина приводят меня в ужас».

Каррагер, который, как одержимый смотрит футбол по телевизору, приходит к странному выводу: даже он вместо самого себя выбрал бы в сборную Англии Фердинанда и Терри. «Я похож на Терри. Он — лучшая версия меня».

Резюме: если бы в автобиографиях игроков присутствовало больше профессионального анализа, книги были бы не настолько скучны.

Стадия пятая: поражение сборной Англии

Весной 2000 года Стивен Джеррард впервые оказывается в раздевалке сборной Англии. Впереди — всего лишь товарищеский матч против сборной Украины. Но здесь творится что-то невообразимое. «Игра приближается, все говорят громче и громче… Раздаются победные возгласы. Каждый чувствует себя как накануне самого важного события в жизни. Воодушевление и ожидания не соответствуют важности предстоящей встречи».

Изо всех углов раздаются крики: «Это Англия! Наша страна! Не давать им мяч!» Тони Адамс подходит к каждому игроку и спрашивает: «Ты готов, чувак?» Джеррард, в свою очередь, отвечает: «Не сомневайся, я готов, черт возьми!» Возбуждение настолько велико, что «с трудом удается завязать шнурки. Дайте добраться до этих чертовых украинцев. Где они?» На «Энфилде» Стивен никогда не испытывал подобных ощущений.

«Золотое поколение» будет вечно ассоциироваться с неудачами и сопровождающей их истерией. Но, читая хроники международных турниров от пятерых футболистов, понимаешь, что к сборной Англии они проявляли исключительно профессиональный интерес. В ее составе они контактировали с лучшими мастерами своего дела.

Почти у всех авторов международный дебют вызывает тревогу. Кроме Лэмпарда. Немногим посчастливилось участвовать в первых матчах, играя в полузащите рядом с любимым старшим братом, направляющим «каждый шаг и каждый пас». Фрэнк даже успевает вспомнить детские годы, когда

в саду Джейми Редкампа они пытались попасть мячом в птичью клетку.

Джеррард настолько сильно нервничает перед первым ужином в английской сборной, что не осмеливается войти в столовую. К счастью, Джейми Редкамп приглашает ребят из «Ливерпуля», которые и представляют новичка товарищам по команде.

Качество тренировок поражает Стивена. Игроки так быстро пасуют друг другу, что он не успевает за ними. Ширер раз за разом забивает в верхний угол. А когда Бекхэм делает длинную передачу… «Это был гол еще до того, как я успел дотронуться до мяча. Дэвид отправляет передачи именно туда, куда нужно; труднее промахнуться». Когда сборную Англии выбивают из очередного турнира, ее игроков начинают величать не иначе как «клоуны». Но те, кому довелось с ними играть, данного мнения не придерживаются.

Члены международных команд знают: новичку, попавшему в их мир, требуется помощь. Поэтому все, включая иногда соперников, стараются поддержать дебютанта. Когда во время матча с Германией на Евро-2000 Джеррард выходит на замену и дает несколько пасов, Диди Хаманн, коллега по «Ливерпулю», говорит: «Делай то, что делаешь». Мяч оказывается вне игры, и Стивен произносит: «Я дерьмово играю, приятель». В ответ: «Расслабься. Играй как обычно». Кстати, добрые советы не мешают Джеррарду сбить Хаманна с ног подкатом и закричать: «Вставай, чертов Диди!»

Только у одного из пятерых авторов международный дебют не вызвал особых эмоций. Конечно, Руни удивился приглашению. Ему всего семнадцать лет и три месяца, и когда Мойес предложил сыграть за Англию, решил, что речь идет о молодежной команде. После того как недоразумение прояснилось, Уэйн отправился на улицу погонять мяч с друзьями. А прибыв в отель, где квартировалась сборная, едва не проспал общий сбор — так устал от долгой поездки за рулем.

Излишняя эмоциональность Джеррарда — противоположность беспечной бессодержательности Руни. Ярче всего противостояние проявляется в главах, где упоминается национальная команда. Перед игрой на важном турнире — матчем Англия — Франция на Евро-2004 — Уэйн спокойно ждет, когда Свен-Ёран Эрикссон завершит выступление, а потом заявляет: «Дайте мне мяч. Остальное сделаю сам».

Конечно, нападающий «Манчестер Юнайтед» самоуверен. Но почти все пятеро футболистов разделяют убеждение: Англии предначертано выиграть турнир. В преддверии игр Кубка

мира-2002 Джеррард размышляет «о сборной 1966 года и о том, как здорово привезти трофей».

Самоуверенность достигает апогея в 2006 году. Кстати, почти все перечисленные автобиографии увидели свет в тот период, подогревая интерес к предстоящему действу. Тогда и Руни получил от HarperCollins пять миллионов, отчасти в надежде, что его хроника победы окажется достойной Черчилля.

В ожидании славы футболисты проводят долгие дни в отеле Баден-Бадена. Здесь прекрасный зал для тренировок, в котором имеется книга отзывов. Коул вспоминает: «Стиви Джеррард всех обломал, написав “Что за куча дерьма”». О, счастливые деньки!

Потом наступает день встречи со сборной Португалии. «Мы лучше. Намного лучше», — размышляет Коул перед матчем. Пока футболисты ждут выхода на поле, Уэйн Руни и Криштиану Роналду обсуждают уход с «Олд Траффорд» южноафриканца Квинтона Форчуна, запасного «Манчестер Юнайтед». Известно куда? Ни тот ни другой не знают. Поговорив, игроки желают друг другу удачи.

Футболисты-писатели единодушны в одном: Уэйн Руни не наступал на гениталии Рикардо Карвальо. А если и наступал, то не нарочно[45]. Удаление с поля целиком лежит на совести Роналду. Игра переходит в серию пенальти. Рассказ о кульминационной, решающей все, будто в конце вестерна, перестрелке присутствует во всех книгах. В тот момент встретились все наши герои, кроме Руни. Как будто Эрикссон намеренно назначал бить штрафные только лучших своих писателей.

«Конечно, ты не можешь не думать о Саутгейте, Бэтти, Пирсе, Бекхэме, Уоддле и всех кошмарных пенальти прошлого», — признается Коул. — Каким-то образом мысли проникают в твой мозг, усиливая давление и вызывая страх».

Вратарь берет первый удар Лэмпарда. Оуэн Харгривз забивает, и наступает очередь Джеррарда. «Я вдруг оказываюсь в одиночестве, лишаюсь поддержки друзей, стоящих в центре поля. Путь составляют всего сорок ярдов. Но для меня они превратились, кажется, в сорок миль». Следуя совету тренера, футболист, чтобы унять страх, считает шаги, однако голкипер вновь принимает мяч. «Прошло несколько месяцев, но я до сих пор представляю, что случилось, если бы я забил пенальти на чемпионате мира, — пишет Стивен. — Я знал, что в Германии нас ждут одиннадцатиметровые. Но твердость и точность меня покинули. Вот дерьмо».

Следующим бьет Каррагер. Как обнаружилось впоследствии, его выбрали по ошибке. Ассистент Эрикссона Торд Грип

объяснил: «Играя в “Ливерпуле”, он хорошо пробил пенальти в финале Лиги чемпионов». Джейми удивленно замечает: даже после тысячного просмотра видеозаписи стамбульского матча он не заметил, что стал автором одиннадцатиметрового. «Меня пугает, что ассистент тренера сборной Англии настолько не владеет информацией», — пишет футболист. Вряд ли серии пенальти в финале Кубка мира настолько непредвиденное событие, что не поддается планированию. Чем тогда занимались шведы полгода перед турниром?

Но Каррагер забивает гол! К сожалению, до свистка арбитра. Приходится пробовать еще раз… Вратарь берет мяч. Наступает очередь Роналду. И Англия выбывает из чемпионата до того, как настала очередь Коула.

Нация в трауре. Но не Каррагер. Он получает смс-сообщение: «Черт с ней. Это просто сборная Англии». Защитник «Ливерпуля» тоже так думает. Конечно, он расстроен, но:

«Когда я возвращаюсь домой после неудач английской сборной, меня начинает преследовать неотступная мысль. “Слава богу, это был не «Ливерпуль»”, — повторяю я снова и снова. И пусть вся нация в трауре. Да, должен признать, что поражения в футболке английской сборной никогда не расстраивают меня так, как неудачи родного клуба».

Джейми считает собственную позицию типично «ливерпульской» и вспоминает песенку, которую часто пел Коп: «Мы не англичане, мы — ливерпульцы».

«Уверен, причины подобной самоидентификации носят социальный характер, — пишет Каррагер. — В 1970–1980-х годах жители Мерсисайда все более обособлялись от остального населения. У них развился синдром “мы против них”, который силен до сих пор. Здесь никто не испытывает теплых чувств к национальной команде».

Для Джейми «Уэмбли» 1966 года — это когда «Эвертон» выигрывает Кубок Англии. В 1986 году, через десять минут после того, как Марадона и сборная Аргентины обыграли команду британцев, «мы с ребятами играли в футбол, и я попытался повторить гол рукой». В детстве вместе с «Эвертоном» он путешествовал по Европе, но ни разу не помыслил отправиться поболеть за английскую сборную. «Наверное, лондонцы относятся к этому иначе», — считает Джейми. Согласитесь, такие слова — не отрепетированные «признания», наполняющие бульварную прессу за несколько месяцев до чемпионата мира.

Руни также быстро оправляется от разочарования. После игры в раздевалке Эрикссон советует не волноваться по поводу красной карточки. «А я и не волновался, — признается

футболист. — Все уже в прошлом». В автобусе по пути в аэропорт Уэйн сидит рядом с Коулом и грозится: если португальцы не извинятся, то в следующий раз он при встрече как следует врежет Роналду. Но английский нападающий не злится. Скорее, португалец его «обломал».

«Вазза достает мобильный и отправляет сообщение товарищу из “Манчестер Юнайтед”. Судя по выражению лица, он делает это неохотно, но все же делает. Пишет примерно следующее: “Хорошая игра, Рон!” Как будто шутит или издевается. Лучшие игры — впереди».

Может, в течение последующих нескольких лет английские фанаты и обвиняли в поражении Роналду, но карьера Руни продолжается.

После того как сборная Англии вылетела из турнира, Эшли Коул продолжает верить в ее счастливую звезду:

«Обязательно настанет наш день. Мы будем лучше всех: Франции, Германии и Италии. И на кубке мира напишут наши имена. Мы не можем не победить. Но до сих пор играли не слишком хорошо».

Так что плохая игра не так важна, как великая истина: превосходство Англии. Оставим окончательные выводы кому-нибудь поумнее. «Причина неудачи в Германии проста, — пишет Джеррард. — Мы оказались не так хороши, как думали». И он, и другие игроки вели себя «глупо», «заявляя на каждом углу, что получим Кубок мира. Нам надо научиться скромности».

К сожалению, в Южной Африке победа также прошла стороной. Время «золотого поколения» проходит. Книги его представителей пылятся на складах букинистических и интернет-магазинов, ожидая отправки в макулатуру.

Часть II. ТРЕНЕРЫ

Глен Ходдл и Тони Блэр

Июнь 1998 года

Что общего у тренера футбольной сборной Гленна Ходдла с премьер-министром Великобритании Тони Блэром?

После детального изучения биографий обоих начинает казаться, что довольно много. Ходдл, истинный христианин и певец-любитель, задолго до того как заключить первый большой контракт на посту наставника «Челси», провел несколько лет во Франции, играя за клуб «Монако». Два года назад он стал самым молодым тренером в истории Англии, заменив на своем посту скандалиста Терри Венейблса.

Ходдл сделал Пола Гаскойна основным игроком своей команды, но как только тот стал задирать нос, оставил за бортом Кубка мира. Сейчас Глен бесспорный босс английской сборной.

Блэр, истинный христианин и певец-любитель, прежде чем вернуться в Челси и вступить в лейбористскую партию, провел ранние годы во Франции, работая барменом в Париже. В прошлом году он стал самым молодым премьер-министром в истории Англии, заменив скандальное правительство тори.

Он сделал Гордона Брауна основным членом своей команды, но как только тот заявил, что пост премьер-министра должен был достаться ему, в британских СМИ появились сообщения о его «психологических проблемах». Браун до сих пор остается консультантом министерства финансов, но все решения принимает Блэр.

Параллели между этими двумя людьми не случайны. В последние годы в британском футболе и британской политике царит поразительно схожая атмосфера. Так что Блэр и Ходдл пришли к власти на одной волне.

Их объединяет и то, что они — аутсайдеры. Первый — в лейбористской партии. Второй — в футболе. Коллеги не доверяли Блэру, потому что он не принадлежал к их племени. Не работал на шахте, в море или на железной дороге. У него на руках отсутствовали мозоли. Его жена была юристом. Ходили слухи, что он не может спеть наизусть «Красный флаг», неофициальный гимн лейбористов.

Впрочем, Блэра нельзя назвать выходцем из определенного класса или региона. Он родился в Шотландии, но вскоре переехал в Англию. Будущий премьер-министр учился в частной школе и в двенадцать лет был кандидатом от консерваторов на школьных

выборах.

Так и Ходдл всегда был «белой вороной» английского футбола: художником среди бойцов. Он вырос в Харлоу, безликом и сером Нью-тауне, а не в рабочей семье, подобно большинству других игроков.

Во время тура в Вифлеем Глен обрел Бога, что усилило его изоляцию. Он перестал использовать бранные слова, стал более сдержанным, и футболисты относились к нему с недоверием.

В обычной ситуации Блэр и Ходдл никогда не достигли бы вершины. Но им повезло. Наступил момент, когда традиционные лидеры оказались несостоятельными. Лейбористы под руководством членов своего племени четыре раза подряд проиграли выборы и в отчаянии обратились к Блэру. Скоро их примеру последовала вся Великобритания, переживавшая долгие годы депрессии.

Английский футбол также находился в упадке, хотя Венейблс, возглавивший его в 1994 году, немного исправил ситуацию. Но у него всегда существовали проблемы с имиджем, и Футбольная ассоциация призвала на помощь Ходдла.

Обоих аутсайдеров не интересовали традиции. Блэр знал, что Великобритания победила во Второй мировой войне и что она давно является суверенным государством. Точно так же Ходдл знал, что в 1966 году Англия выиграла Кубок мира — тогда он сам бежал по стадиону «Харлоу» с флагом в руках. Но ни тот ни другой не считали, что прошлое должно определять политику настоящего. Первый, например, рассматривал Европейский валютный союз как частный экономический вопрос. Второй отказался от традиционной английской игры в стиле «бей и беги».

Вдобавок оба отвергли романтические школы, сформировавшие их характер. Политик, вступивший в крайне левую лейбористскую партию, оказался безжалостен к левым, получившим власть. Футболист, бывшая звезда «Тоттенхэма», разогнал скучную, пусть и компетентную, сборную Англии.

Этих двоих история не интересует. Им нужны достижения в настоящем. Блэр хочет создать в Великобритании современную экономику. Ходдл стремится заполучить Кубок мира. Для их целей требуется быть в курсе лучших практик мира. И премьер-министр заимствует передовые политические методы, например американскую программу «От социального обеспечения к труду»[46]. А тренер берет на вооружение методы континентальной Европы. Когда в октябре прошлого года Англия сыграла вничью с Италией, многие говорили о том, что англичане играли как итальянцы.

Успехи и неудачи в футболе очевиднее, чем в политике. Удача английской сборной под руководством Ходдла на Кубке мира станет хорошим предзнаменованием для Великобритании Блэра.

Тем не менее тому предстоит набраться стойкости и не переоценивать успехи страны, как было в прошлом. Вместо этого следует тихо поздравить с победой своего обретенного брата.

Даниэль Пассарелла

Декабрь 2001 года

Эта история произошла в конце 1980-х годов. Миланский «Интер» проигрывал выездной матч с разницей в несколько мячей и на последней минуте был вознагражден ничего не решающим пенальти. Грозный центральный защитник Даниэль Пассарелла не спеша побежал, чтобы пробить одиннадцатиметровый. Но, прежде чем он добрался до мяча, Алессандро Альтобелли опередил его и отправил мяч в сетку ворот.

После матча в раздевалке Пассарелла дал выход эмоциям. «Всегда одно и то же! — бушевал он. — При счете 0:0 никто не осмеливается бить пенальти. Но когда все бесполезно, выстраиваются в очередь!» И добавил: «Вы, трусы гребаные! У вас яиц нет!»

Он никак не мог успокоиться. Игроки «Интера» привыкли к выходкам Эль Кайзера и старались не обращать на него внимания. Но в какой-то момент терпение Альтобелли лопнуло: «Ты обо мне?» Вместо ответа буян ударил его кулаком, а затем удалился в душевую.

Нападающему «Интера» потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Затем он схватил из вазы с фруктами, какие часто стояли в раздевалках итальянских клубов, нож для чистки апельсинов и бросился за обидчиком. «Ну, иди ко мне», — игриво встретил нападавшего тот, спокойно намыливая голову.

Альтобелли в замешательстве остановился. Он не был Норманом Бейтсом из триллера «Психо» и не собирался зарезать товарища по команде. Кроме того, за драку его могли уволить или выставить на трансфер. Так что пришлось просто стоять перед Пассареллой и размахивать ножом, пока не вмешались другие игроки, и он сделал вид, что с трудом позволил себя увести. Все это время Эль Кайзер продолжал беззаботно мыться.

«Пассарелла, — заключает бывший игрок, поведавший эту историю, — был бандитом, убийцей». Звучит, может, слишком резко, но сам спортсмен посчитал бы такие слова комплиментом. Не случайно на посту тренера сборной Аргентины, Уругвая, клуба «Ривер Плейт», а теперь и «Пармы» он прославился прежде всего жесткостью, твердостью и такой дисциплиной, что казалось, будто он перепутал индустрию развлечений с армейской службой.

Последние годы были суровы к Эль Кайзеру. Сборная

Аргентины, которую он довел до четвертьфинала последнего Кубка мира, по-настоящему расцвела после его ухода. Уругвай прошел квалификационные игры Кубка мира через девять месяцев после того, как он покинул сборную. В ноябре он заявил, что «Парма» «попадет в первую четверку» серии А. Сейчас, после четырех поражений подряд, команда находится на шестнадцатом месте в турнирной таблице. И для Пассареллы воскресный матч в Атланте — глупость. Но это шанс исправить предыдущую ошибку, заключающуюся в приеме его на работу. Пассарелла не обладает выдающимися тренерскими качествами. «Парма» не рассматривала бы его кандидатуру, не будь он великим игроком, «лучшим защитником, которого я видел в своей жизни», как отзывается о нем Диего Марадона.

Эль Кайзер — продукт диктаторских режимов, главенствующих некогда в Аргентине. На его юность пришлось правление Хуана Перона, служившего в итальянской армии во времена Муссолини, а также бандитов вроде Хорхе Видела, присоединявшего электроды к гениталиям диссидентов и заставляющего «исчезать» тысячи людей. Пассарелла, коротко стриженный «Великий Капитан» национальной сборной, в 1978 году выигравшей для своих вождей Кубок мира, был их «мальчиком с плаката», верным бойцом на футбольном поле.

После войны за Фолклендские острова генералы лишились погон. А Пассарелла продолжил свою славную карьеру в Италии, где подрался с Альтобелли, ударил головой психотерапевта команды соперников, лягнул мальчика, слишком медленно, по его мнению, поднесшего мяч.

Позже, став тренером аргентинской сборной, он стал исповедовать методы своих генералов. Например, заявил, что не возьмет в команду гомосексуалистов, игроков с серьгами в ушах или с длинными волосами. Исключений не было даже для Фернандо Редондо или Габриэля Батистуты.

Чтобы попасть на последний Кубок мира, Батистута постригся, но правило Пассареллы от этого не стало менее дурацким. «А как, — интересуется Марадона, — насчет Марио Кемпеса, главного бомбардира сборной Аргентины в 1978 году, у которого была грива до пояса?»

Здесь кроется главная проблема аргентинского тренера. Он способен работать лишь с некоторыми игроками и лишь иногда. Если вы обладатель короткой стрижки, послушны и любите, когда на вас орут, вам к нему. В противном случае взаимодействие невозможно. Опытные игроки не любят, когда их запугивают, поэтому «Великий Капитан» предпочитает молодежь.

По словам Маурисио Макри, президента «Бока Хуниорс»,

«Пассарелла правит с помощью страха». Таких ребяческих и устаревших «методов руководства» не найти ни в одном учебнике. Очень немногие способны давать стабильные результаты, подчиняясь лишь страху перед боссом. Тем не менее стиль аргентинца не меняется: проповеди пополам с запугиванием. «Я пытаюсь объяснить игрокам, что от них требуется смелость, сила духа и гордость», — заявил Эль Кайзер на прошлой неделе.

Но наставническая деятельность требует гибких подходов. Великие тренеры, как и хорошие отцы, в совершенстве умеют сочетать кнут с пряником.

В своих искренних, местами забавных мемуарах Марадона отмечает: если вы требуете тотальной дисциплины, вы и сами должны быть тотально дисциплинированы. Но он же вспоминает, как Пассарелла «мазал дерьмом дверные ручки в тренировочном лагере, чтобы посмеяться самому и повеселить товарищей». Такое поведение сложно назвать дисциплиной.

Пассарелла так и не достиг больших успехов на тренерском поприще и в 2009 году был избран президентом большого аргентинского футбольного клуба «Ривер Плейт».

Арсен Венгер

Май 2003 года

С ироничной вежливостью, которая так свойственна французам, Арсен Венгер отвечает на дурацкие вопросы британских спортивных журналистов. Иногда уголки его губ приподнимаются, и он снисходит до шутки: «Видите ли, ты всегда сочувствуешь. Даже “Челси”». Манеры тренера «Арсенала» нечеловечески совершенны, прическа уложена волосок к волоску, речь практически безукоризненна.

Работа Венгера почти так же безупречна. Да, «канониры» только что уступили титул чемпиона Премьер-лиги «Манчестер Юнайтед». Но в субботу днем непременно выбьют «Саутгемптон» из второго тура Кубка Англии. «Арсенал» не богаче целого ряда других английских клубов, но эксперты причисляют его к двум лучшим. Ник Хорнби, болельщик культовой команды, автор мемуаров «Лихорадка футбольного поля» (Fever Pitch), пишет, что «Юнайтед» уважают за то, что это — гигантская организация. А «Арсенал» лишь за то, что его тренер — Венгер.

Француз — живой упрек почти всем другим наставникам. Немногие обладают столь же глубокими познаниями. И никто не умеет так хорошо их применять.

Путь Венгера начался в Эльзасе, в деревне Дютленхейм, где его родители держали ресторан. Он вырос рядом с немецкой границей, и, возможно, близость другой страны определила такое его качество, как космополитизм. Арсен говорил на эльзасском диалекте, а позже выучил немецкий и английский.

По священной традиции те, кто стремится связать свою судьбу с профессиональным футболом, должны бросить школу в шестнадцать лет. Но Венгер, хотя и планировал посвятить жизнь игре, поступил в университет, чтобы изучать экономику. Диплом не единственное, что отличает его от других наставников. Некоторые тренеры тратят огромные финансовые ресурсы ради подтверждения собственного статуса. Но эльзасец понимает истинную ценность денег. Он прославился тем, что заполучил трех великих французов — Тьерри Анри, Патрика Виейра и Робера Пиреса — меньше чем за 23 миллиона фунтов. И за такую же сумму продал ненадежного Николя Анелька.

Венгеру удается так дешево покупать игроков благодаря тому, что он лично доводит подающих надежды спортсменов до совершенства. Он научился этому в тот период, когда руководил

футбольной академией в Монако: среди его «продуктов» числились Лилиан Тюрам и Эммануэль Пети, а также победный для сборной Франции чемпион мира 1998 года. Позже, заняв пост тренера первой футбольной команды Монако, он так хорошо воспитал Джорджа Веа, что, когда в 1995 году либерийца признали «игроком года», он отдал награду своему тренеру.

Подобную связь с наставником ощущают многие великие игроки. Они уважают его, потому что он уважает их, что для иерархического мира футбола необычно. Когда авторы одной французской книги попросили Тюрама выбрать одного из тренеров для совместного интервью, тот назвал Арсена Венгера: «Он всегда меня направляет и вдохновляет».

Знаменитый тренер превратил полузащитника Тюрама в защитника, как когда-то защитника Пети в полузащитника, а вингера Анри — в центрфорварда. Он проложил путь от скамеек запасных молодежных команд к мировой славе для Виейра и Анелька. «Арсен анализирует игру каждого футболиста так, чтобы побудить его размышлять и развиваться, — говорит Тюрам. — В первую очередь он наставник, учитель. Тренеры иногда забывают, что их задача — формировать игроков».

Забывают на самом деле почти всегда. Как правило, спортсменам, чтобы осознать собственный потенциал, нужен учитель. Такой как Венгер. А он, в свою очередь, любит читать биографии замечательных людей и твердо верит, что таланту необходим тот, «кто способен похлопать по плечу и сказать: “Я в тебя верю!”»

После Монако Венгер работал тренером в Японии. Наблюдения за жителями Страны восходящего солнца усугубили его склонность к перфекционизму. «Ты чувствуешь, что имеешь больше шансов выиграть, если вся твоя энергия сконцентрирована на том, как добиться победы, — говорит Арсен. — Если день складывается неудачно из-за потери концентрации, то чувствуешь себя виноватым». Этот ужасный “синдром совершенства” поражает профессионалов в самых разных сферах деятельности и больше никогда не дает им расслабиться. Из “хомо универсалис” (по спортивным стандартам) эльзасец превратился в мономаньяка.

Он поступил в «Арсенал» в 1996 году, никому не известный иностранец с забавным акцентом. Чужак, который принял бразды правления пусть пришедшей в упадок, но заслуженной традиционной компании, объединившей множество уважаемых париархов. И здесь он добился полного и окончательного успеха.

Венгер задействовал все возможные методы ради достижения результата. Например, изменил режим питания игроков, стал

использовать статистику — инструмент, обычный для американского спорта, но никогда ранее не применявшийся в английском футболе. Он ввел доктрину непрерывного совершенствования. В сентябре, когда эльзасец заявил, что за весь сезон «Арсенал» не проиграет ни одного матча, над ним смеялись. Но он перфекционист. Потеря чемпионского титула в нынешнем году стала для него ужасным поражением. «Работа тренера, — говорит Венгер, — состоит из постоянных попыток время от времени добиться огромного триумфа. Но прежде всего из постоянных разочарований, с которыми следует научиться справляться».

Примерно из миллиона британцев, называющих себя фанатами «Арсенала», практически нет ни одного недовольного Венгером. Эльзасец не только преобразил клуб, но и воспитал нескольких великих игроков, изменил тренерские методы английского футбола. Сегодня нам требуется больше молодых экономистов, готовых стать футбольными тренерами.

Гус Хиддинк

Март 2006 года

Именно такой дом глянцевые журналы называют «домом мечты». В особняке XIX века, расположенном на набережной реки Амстел в Амстердаме, идет ремонт. Но Гус Хиддинк и его подруга планируют скорый переезд. Самый востребованный футбольный тренер мира никогда не был трудоголиком. И в пятьдесят девять лет, став мультимиллионером, тем более не хочет каждое утро ездить на тренировки. Он намерен осесть в Амстердаме и вести богемный образ жизни. Нарушить его планы может только назначение на должность тренера сборной Англии.

Хиддинк провел на каждой заметной тренерской должности как минимум несколько месяцев. На прошлой неделе он объявил, что уходит из эйндховенского «ПСВ», провинциального голландского клуба, где ему довелось работать дважды. Нынешним летом он займется подготовкой сборной Австралии к Кубку мира, а затем примет команду какой-нибудь другой страны. Скоро мы узнаем, будет ли это Россия, как надеется олигарх Роман Абрамович, или Англия.

Хиддинк — один из шестерых сыновей сельского учителя из расположенного в восточной Голландии Варссевелда, или «Черного угла». Это спокойная местность, покрытая лесами, и, приезжая домой из знойного Мадрида или Сеула, Гус любит гонять по проселочным дорогам на «харлее». «Пом-пом-пом-пом-пом», — пыхтит он, изображая звук мотора.

Детство, проведенное среди мальчишек (двое братьев также стали профессиональными футболистами), прекрасно подготовило его к жизни среди спортсменов. «Я научился делиться, слушать и общаться», — говорит он. Хиддинк — мужчина, умеющий дружить с другими мужчинами. Он излучает спокойствие и мощь. Ему свойственны простые дружеские жесты. Любит поговорить, но умеет и слушать.

В детстве он доил коров, пахал, запрягая двух лошадей, и мечтал стать фермером. Но голландское сельское хозяйство находилось в упадке, так что пришлось переключиться на футбол. В девятнадцать лет Гус стал ассистентом тренера в местной полупрофессиональной команде «Де Граафсхап». Босс заметил, что помощник немного умеет играть, и карьера голландца стала развиваться в неожиданном направлении: из наставника он превратился в футболиста.

Статный, круглолицый нападающий с вьющимися волосами был слишком ленив и неповоротлив, чтобы стать хорошим игроком. Тем не менее он выступал за «Сан-Хосе Эрсквейкс» вместе с Джорджем Бестом. «Он был моим руммейтом [компаньон по аренде квартиры]», — вспоминает Хиддинк. Он с удовольствием произносит необычное английское слово и изображает, как отвечал на телефонные звонки поклонниц Беста: «Джорджа нет дома… Джордж спит…»

В 1984 году Гус стал ассистентом тренера «ПСВ». Его статус был ниже, чем у некоторых игроков, но это не имело значения, ведь он отличался тем, что сам называет «маленьким эго». Тогда Гус, отпустивший усы в стиле Грушо Маркса, ходил в курилку вместе со звездами, шутил и выслушивал их идеи, как будто они — его братья. Все в лучших голландских традициях. Хиддинк уважает власть игроков. Спустя три года он занял место главного тренера, а еще через год держал над головой Европейский кубок.

Позже, когда он работал тренером в Турции и Испании, на него снизошло священное откровение, и голландец принял решение игнорировать околофутбольный цирк: угрозы убить его, скандальные газетные заголовки и т.д. «Мистер, не обращайте внимания, — говорил его ассистент в “Валенсии”. — Думайте только об игре». С тех пор Хиддинк так и делает.

В 1998 году он вывел Голландию в полуфинал чемпионата мира. В 2002 году, что более неожиданно, повторил трюк со сборной Южной Кореи, для чего научил послушных корейских футболистов самостоятельно думать на поле. Сейчас он пытается проделать то же со сборной Австралии, а потом и Англии. Кстати, в Корее Хиддинк обрел статус, беспрецедентный для футбольного тренера, сумев помочь стране добиться так необходимого ей международного признания. В результате автобиография Хиддинка была напечатана здесь тиражом полмиллиона экземпляров. А автобусы с корейскими пилигримами добираются даже до его родного дома в «Черном углу». После Кубка мира он и сам заехал к родителям, которым уже под восемьдесят. «Ну что ж, это было неплохо, — заметил отец. — Кофе хочешь?»

Затем Хиддинк вернулся в «ПСВ» и в прошлом году чуть не вывел клуб в финал очередной Лиги чемпионов: команде не хватило всего нескольких минут. При этом в свободное время он готовил сборную Австралии к ее первому, начиная с 1974 года, Кубку мира.

Тем временем он попал в поле зрения налоговой полиции Нидерландов. Представители фискального органа не поверили заверениям Гуса, что он живет в Бельгии, и прослушивали телефон тренера, чтобы выяснить, где он ночует. В те дни

автоответчик мобильника Хиддинка предупреждал по-немецки: «Осторожно, нас слушает враг!» Фразой, напоминающей о Второй мировой войне, голландец хотел поддеть полицейских, намекая, будто они используют гестаповские методы. Кстати, допросы налоговиков возымели неожиданный эффект: известный футбольный наставник исчез с голландского рынка труда.

Россия предложила ему фантастический гонорар за то, что он будет жить на берегу реки Амстел и изредка летать в Москву на частном самолете Абрамовича. Но в этой работе нет магии, которая сопровождает должность тренера английской сборной. Гус с удовольствием принял бы три самых важных вызова Британии. Ему достало бы психологической гибкости, чтобы вдохновлять утомленных футбольных мультимиллионеров, он обожает иметь дело с трудными людьми и спокойно справился бы с Уэйном Руни. И, наконец, научил бы думать команду, которая имеет все, кроме интеллекта. Послужной список голландца весомее, чем у любого британца, претендующего на эту должность. И он лучше говорит по-английски, чем все соискатели-иностранцы.

В Лондоне тоже можно вести богемный образ жизни. И его подруга могла бы всего за час добраться отсюда до любимого Амстердама. Но Хиддинк не уверен, нужна ли ему эта работа. Он содрогается при мысли, что английская бульварная пресса начнет совать нос в его личную жизнь. В любом случае Футбольная ассоциация может предпочесть лучшему тренеру мира англичанина. И это будет очередной пример того, как британские газеты плюс британский страх перед иммигрантами разрушают британскую нацию.

Свен-Ёран Эрикссон

Май 2006 года

Что произойдет, если команде Англии придется отправиться на чемпионат мира без Уэйна Руни?

Свен-Ёран Эрикссон, тренер английской сборной, демонстрирует фирменную сдержанную улыбку. Часто говорят, что у шведа полностью отсутствует харизма, тем не менее он обладает мягким обаянием семейного врача. Мы общаемся в небольшом офисе на площади Сохо в Лондоне: два стола, сдвинутых вместе, журнальный столик, на стене — плакат, который гласит «Говори тихо, говори медленно, не говори лишнего». Лозунг, достойный стать фамильным девизом Эрикссона.

Через две недели — Рождество. Руни здоров. Возможно, его нога, сломанная во время Евро-2004, оправдывает вылет сборной. Но нет никаких причин думать, что проигрыш повторится.

«Очень хорошо, если у вас есть план Б и план В, — говорит Эрикссон, — но все гораздо проще: у нас только один Руни. В Португалии он действовал фантастически. Пока он был на поле, мы прекрасно атаковали. Но мы не можем найти второго такого футболиста. А кто может?»

Уэйн вновь сломал ногу и может вообще не попасть на предстоящий чемпионат мира, последний турнир Эрикссона в качестве тренера национальной сборной. «Я думаю, на этот раз мы выиграем», — заявил швед. Пока неизвестно, окажется ли успешным последнее послание Свена-Ёрана вечности, но мы уже можем оценить его наследие. Мы обнаружили одно его выдающееся качество и знаем, каково его влияние на английский футбол и британскую общественную жизнь. Эра Эрикссона началась в 2000 году в Риме, в роскошном ресторане, где его застал звонок из Британии. Он пару минут говорил по-английски, затем обернулся к своему ассистенту из местной «Лацио» Торду Грипу: «Будешь моим помощником в сборной Англии?» Их общий друг-швед, присутствовавший за ужином, закричал: «Только не Англия! Там плохая еда, безобразные женщины и ужасная погода!» Но коллеги уже обсуждали, каких игроков стоит взять в команду.

Для шведа Англия означала не безобразных женщин, как раз наоборот. И не зарплату четыре миллиона фунтов. Она напоминала ему о юности, субботних вечерах в лесной глуши

Торсби, когда он смотрел по телевизору английский футбол и болел за «Ливерпуль».

В январе 2001 года Эрикссон стал четвертым тренером английской сборной за четыре года. Футбол Британии переживал кризис идентичности. Традиционную игру, мужественную, не слишком умную, в ходе которой здоровые мужики гоняют мяч по грязной траве, постигла неудача. Пришла пора внедрять интеллектуальный футбол европейских команд, но ни один местный тренер не был на это способен. И Англия впервые пригласила иностранца.

Обрадовались этому не все. Газета Sun писала: «Какое унижение. Какое свидетельство упадка. Какой стыд. Какое ужасный, печальный обвинительный приговор самим себе. Какая прискорбная неприятность». Газета организовала информационный протест, вынудивший комика Джереми Харди сказать: «Я не знаю, почему все так переживают по поводу иностранного тренера, ведь на самом деле проблема в игроках национальной сборной».

Эрикссон принялся учить этих игроков думать самостоятельно, как это делают футболисты с континента. В первые дни своей работы перед матчами он вызывал подопечных по очереди в свой кабинет и разговаривал с ними. Объяснив тактику соперников в зоне игрока, интересовался: «Что будешь делать?»

Обычно игрок смотрел бессмысленными глазами и отвечал: «Не знаю. Это же вы здесь главный, Босс». Ведь традиционно в Англии думает только тренер, и то в случае крайней необходимости.

Но постепенно члены команды Эрикссона стали учиться мыслить. Это было серьезным событием для футбольной дружины, капитаном которой был Дэвид Бекхэм и которой хватало всего, кроме интеллекта.

Однако игроки стали меняться вовсе не из-за Эрикссона. Он не революционер, а просто очередное проявление иностранной революции, начавшейся в английском футболе десять лет назад, когда француз Арсен Венгер занял пост тренера «Арсенала». Сегодня, в своих клубах, никто из одиннадцати игроков основного состава сборной не играет под руководством английского тренера. Швед считает, что традиционного английского футбола больше не существует.

«В Премьер-лиге так уже никто не играет, — заметил он в тот вечер на площади Сохо. — Может, еще можно говорить о североевропейском футболе». Еще, отмечает он, из национального футбола исчезает свойственный игрокам алкоголизм.

1 сентября 2001 года в Мюнхене становящаяся все менее английской команда Эрикссона разгромила сборную Германии со счетом 5:1. Это было задолго до того, как немцев стали бить все кому не лень. Но на пресс-конференции после матча он оставался серьезным и сказал, что такой результат слишком лестен для английской сборной. Гораздо важнее, что отец тренера немецкой сборной оправился после сердечного приступа, который перенес прошлой ночью.

Это был прекрасный психологический ход. Швед знал, что и так получит за победу полагающиеся почести. Уклоняясь от похвал, он получил возможность уклоняться и от обвинений, когда сборная проигрывала. Вот еще одна черта его характера. Говоря словами английского поэта, он может «равно встречать успех и поруганье, не забывая, что их голос лжив»[47].

Эрикссон приобрел такое качество задолго до приезда в Англию, в ходе работы, казавшейся тренировкой в надувании «мыльных пузырей». В его резюме — сплошные «пустышки»: «Бенфика», «Фиорентина» и «Лацио». Клубы — «мыльные пузыри», склонные к банкротству. Ими, как правило, руководят люди с манией величия, за них болеют истеричные фанаты, об их игроках постоянно пишут в бульварных газетах. Спокойный и скучный стиль шведа стал прекрасным противоядием подобной атмосфере.

Когда было объявлено, что Свен-Ёран назначен тренером сборной Англии, я обрадовался, потому что годом раньше в Риме взял у него интервью. Должно быть, в моем блокноте — настоящее золото! Однако, пытаясь найти те страницы, я обнаружил, что не записал почти ни слова. Эрикссон говорил без перерыва почти пятнадцать минут, но умудрился не сказать почти ничего примечательного.

Во второй раз я встретился с ним за ленчем в Цюрихе в компании других журналистов. Нас было немного, и мы надеялись его разговорить. Вместо этого он вежливо беседовал с китайским репортером о китайском футболе.

Его плохой английский — большая редкость для шведа — также помогает уходить от вопросов. Сотрудники британских СМИ почему-то упорно пытаются заставить произнести что-то осмысленное Эрикссона или Бекхэма. Но первый отмалчивается, а второму просто нечего сказать.

Только в последние месяцы работы в Англии Свен-Ёран стал немного разговорчивее. На площади Сохо я спросил, как он оценивает собственные рекорды: четвертьфинал Кубка мира в 2002-м в Японии, и четвертьфинал Евро-2004 в Португалии.

«Ох, — начинает он. — Если бы до того, как я взялся за эту

работу, вы попросили меня вывести команду в полуфинал в Японии [к сожалению, это был всего лишь четвертьфинал], я подумал бы, что вся нация придет в восторг». И правда, когда швед возглавил команду, той едва ли было под силу пройти даже квалификационные игры чемпионата мира.

«А сегодня люди уже недовольны четвертьфиналом, — продолжает Свен-Ёран. — Предполагаю, что они ожидали большего. Я думаю, в Японии все было нормально. Мы играли с Бразилией, но были не готовы с ней конкурировать по «физике» во втором тайме, несмотря на то что нас было одиннадцать, а соперников — только десять. Но в Португалии, когда мы вылетели в четвертьфинале, я был действительно расстроен».

Он сказал, что в обоих случаях проблема состояла в том, что игроки были измотаны после долгого сезона. К счастью, перед следующим Кубком мира им удастся неделю отдохнуть.

Но, конечно, Англия не попала в полуфинал не только из-за того, что ей не хватило недели отдыха?

«Последние два раза? Я бы сказал, что это была основная причина».

Единственная причина?

«Мы были не в форме… в Японии мы не забили ни одного гола во втором тайме. Так что я думаю, это была основная причина».

Возможно, английская Премьер-лига действительно требует лучшей физической формы, чем любая другая. Но Эрикссон отказывается признавать очевидную закономерность. Три матча, которые проиграла его команда в ходе важных турниров, с Бразилией в 2002-м и с Францией и Португалией в 2004 году, следовали одному сценарию: Англия хорошо начинала и забивала в первом тайме, а потом отходила к своей штрафной площадке, где храбро пыталась отбирать мяч и бесцельно гоняла его до конца игры, в надежде на неожиданную победу, напоминающую о Дюнкерке 1940 года. Но соперники начинали паясничать у английских ворот и в конце концов забивали гол. По этой схеме развивался даже победный матч Англии над Аргентиной в 2002 году, за исключением того, что аргентинцы не забили.

Любопытный метод, учитывая, что в сборной Англии присутствуют прекрасные игроки, способные контролировать мяч. Может, Эрикссону не удалось искоренить древние инстинкты английского футбола?

«Дело не в том, что мы что-то не можем, а в том, что мы устали. Нам не удается удержать мяч, и на этом все заканчивается».

Он добавляет: «Думаю, нам немного не повезло. Франция…

Как мы могли? Два дурацких гола за две минуты. А против Португалии мы могли выиграть сорок таких матчей, но все равно потерпели фиаско».

По его словам, нынешним летом все будет иначе: «Сейчас мы играем гораздо лучше, чем два года назад». Он ссылается на опрос авторитетного французского журнала France Football: в споре за звание лучшего футболиста Европы 2005 года второе и третье места заняли англичане Фрэнк Лэмпард и Стивен Джеррард, а Джон Терри попал в первую десятку. «Я не знаю, когда [в последний раз] в первой десятке были три британских игрока. А Джимми [Каррагер] оказался на двадцатом месте».

С другой стороны, Руни получил травму, а лучший бомбардир сборной Майкл Оуэн только что оправился после перелома ноги, пропустив пять месяцев тренировок. Футболист утверждает, что находится в форме, но, обсуждая свою игру на Евро-2000, он сказал: «Я только что восстановился после травмы, поэтому играл не в полную силу. Иногда говорят, чтобы действовать как раньше, требуется столько же времени, сколько занял процесс реабилитации. Если это так, на Евро-2000 я точно был не в лучшей форме».

Плохое предзнаменование. А во время моего интервью с Эрикссоном, когда мы обсуждали предстоящий чемпионат мира, со стены упал плакат. Кое-кто из более суеверных предшественников тренера после этого мог бы немедленно уволиться. Но швед только посмеялся.

Может, его команда и не выиграет чемпионат мира, но он уже оставил свой след в этой стране. Ярче всего это заметно по тому, как он говорит. В отличие от большинства предшественников, Свен-Ёран не прибегает к риторике, напоминающей о двух мировых войнах: никаких ручных гранат, окопов и призывов погибнуть за родину. Доныне он никогда не заявлял, что Англии предназначено судьбой выигрывать трофеи. Он не считает, что стране следует развивать собственный футбольный бренд. Иначе говоря, он спокойно похоронил британскую футбольную исключительность.

Но в одной сфере Эрикссон все же совершил революцию. В английском футболе, как во многих рабочих профессиях, всегда было принято считать, что опыт важнее таланта. Поэтому молодые игроки чистили бутсы заслуженным профессионалам. Спортсменов вызывали в сборную только после многолетней верной службы. Зато потом они прописывались тут до завершения карьеры.

Но швед сделал Руни самым юным дебютантом английской сборной. А сейчас он везет в Германию еще более юного игрока:

Тео Уолкотта, не принявшего участия ни в одном матче в Премьер-лиге. Он будет самым молодым футболистом на чемпионате мира. Возможно, взяв Уолкотта в команду, Эрикссон совершил ошибку, но это смелый поступок.

Тренеру-экспату удалось даже немного изменить британское общество. Он доказал, что иностранец может выполнять «вторую по важности работу в стране» — как гласит название одной книги о тренерах английской сборной, — не разрушая национальной идентичности. Сейчас Британию наводнили зарубежные менеджеры и тренеры, но Эрикссон — самое показательное свидетельство глобализации британской экономики. Его успехи оказались не блестящими, и в 2000 году Футбольная ассоциация заявила, что ему на смену может прийти англичанин, хотя преемником объявили бразильца Луиса Фелипе Сколари. Тем не менее шведа приняли даже местные болельщики.

Сколари отказался от предложения, обеспокоенный истерией, наводнившей английскую прессу. Но Эрикссона это не трогает. Таблоиды мучили его за его гражданство, амурные дела, поражения и переговоры с другими командами. А он неизменно оставался вежливым и спокойным.

«Я не могу изменить английскую прессу, — говорит Свен-Ёран. — Или могу? Вряд ли. Но точно знаю, что она не изменит меня. В этом я абсолютно уверен».

«К тому же, — добавляет он, — я не читаю газет. А если и покупаю их, то ради судоку. Люблю ее решать».

Если команда Эрикссона так и не выиграет Кубок мира, пиковым моментом его карьеры останется пресс-конференция в Лиссабоне в 2004 году, проведенная в день, когда англичане потерпели поражение от португальцев. Несколько сотен упорных спортивных журналистов собрались в душном зале, чтобы допросить проигравшего. А он сказал: «Мне очень жаль. Мне снова показалось, что у нас есть хорошие шансы дойти до финала». Он произнес это спокойно, как всегда. Но сохранить достоинство и спокойствие в тех обстоятельствах было героическим поступком. Когда он закончил говорить, журналисты устроили овацию. Не потому, что считали его хорошим тренером. Они считали его хорошим человеком.

Жозе Моуриньо

Январь 2007 года

Это конец. Возможно, у Моуриньо мания преследования, но на этот раз они точно до него доберутся. За закрытыми дверями они вновь планируют, как уничтожить тренера «Челси». Даже наставник «Ювентуса» Дидье Дешам признается, что ему предлагали место Жозе. Должно быть, Моуриньо — жертва теории заговора — испытывает праведный гнев. Интриги прекрасно вписываются в его видение мира.

Моуриньо вырос в Португалии во времена фашистской диктатуры. Детство провел в доме двоюродного деда Марио Аскенсао Ледо, сардинного магната, бывшего президента футбольного клуба «Витория Сетубал». Мальчик играл в футбол со слугами и посещал частные школы, избежав таким образом ужасного среднего образования, уготованного рядовым португальцам. Изучал языки — французский, английский, испанский, что и предопределило его карьеру. Впервые он столкнулся с миром профессионального футбола в качестве переводчика: его лингвистические таланты привлекли «Челси».

В 1974 году, когда Жозе было одиннадцать лет, «революция гвоздик» положила конец фашизму в Португалии. Почти все имущество семьи было экспроприировано, так что пришлось выехать из родного дома.

Примерно в то же время оказалась разрушенной и жизнь семьи его будущей жены Тами. Ее родители были португальцами, но жили в стране, которая тогда боролась против колонизаторов и сейчас называется Анголой. Ее отец воевал, был ранен, остался инвалидом. Когда в 1975 году новое правительство Португалии предоставило колониям независимость, семье пришлось бежать в Лиссабон.

Португальская революция была последней в Западной Европе. Мы, живущие на другом конце континента, не можем и представить, что нашей жизнью управляют неизвестные тайные силы. А Моуриньо может.

Пережитое заставляет его, Тами, равно как и многих жителей бедных стран, стать приверженцами теории заговора. Она не получила распространения в более развитых и благополучных государствах Западной Европы. Но, например, иракцы верят, что Саддам Хусейн жив, а его казнь была инсценировкой. Многие арабы считают, что теракты 11 сентября организовали евреи.

Африканцы точно знают, что СПИД изобрели в своих лабораториях западные ученые.

Особенность португальской теории заговора заключается в том, что она концентрируется вокруг футбола. Это неизбежно в стране, где самый большой тираж у двух ежедневных футбольных газет. Величайший в истории португальский игрок Эйсебио до сих пор утверждает, что в 1966 году англичане обманом добились вылета сборной Португалии из Кубка мира, когда перенесли полуфинал из Ливерпуля в Лондон. А сейчас многие жители придерживаются той версии, что их команда проиграла на Евро-2000 и на Кубке мира-2002 в результате договорных матчей.

Подобно Техасу, излюбленному месту для контактов с НЛО, второй город Португалии Порту является родиной футбольных теорий заговора. Населенный пункт расположен в прекрасном месте: горы, река Дору, виноградники, Атлантика. Но его улицы застроены мрачными бетонными монстрами — при фашистском режиме основное внимание доставалось Лиссабону.

Однако жителей Порту больше всего расстраивают воображаемые интриги против его футбольных команд. Да-да, команд. Иногда в высшем дивизионе национальной лиги играет целых девять дружин, базирующихся в радиусе тридцати миль вокруг города, — это самая высокая плотность футбольных клубов в Европе. Самый большой из них — «Порто», где Моуриньо и заработал себе репутацию. Кстати, здесь до сих пор помнят историю о вингерах команды, арестованных в 1940 году. Их обвинили в шпионаже, а одного казнили.

В 2004 году подозрительный Моуриньо в Англии обнаруживает заговоры на каждом шагу. Вот примеры его обвинений, которые англичане, разумеется, считают совершенно идиотскими:

— «График игр Премьер-лиги контролирует “Арсенал”. Он составлен так, чтобы затруднить жизнь “Челси”». Неужели только Жозе Моуриньо замечает в расписании матчей что-то очень странное?

— «По телевизору в сотый раз показывают жесткий подкат Майкла Эссьена против игрока “Ливерпуля” Диди Хаманна, так как тележурналисты ненавидят “Челси” и хотят уничтожить его игрока». На самом деле «Челси» ненавидит вся Англия. «Когда мы проигрываем, это праздник для всей страны».

— «В нынешнем сезоне какая-то невидимая рука поместила “Челси” в самую сильную группу Лиги чемпионов, заставив клуб коллекционировать желтые карточки».

— «Когда речь заходит о Фрэнке Лэмпарде, с английской прессой начинает твориться что-то странное. Он — блестящий

игрок, поэтому пресса хочет ему навредить».

Моуриньо говорит это отчасти для того, чтобы объединить своих игроков против всего мира. Все они достаточно наивны, чтобы поверить наставнику. Но, кажется, их тренер и сам искренне верит своим словам.

Британские газеты обожают теории заговора от португальца. Вместо репортажа о встрече двух прекрасных команд они в очередной раз пишут о Моуриньо. Но, возможно, его популярность связана с тем, что игрокам не доверяют и не разрешают говорить. Лицом и голосом клуба является тренер. Моуриньо в кашемировом пальто «от Армани» стал эмблемой «Челси». Он — великий и ужасный. Доминирующая личность английского футбола.

Кажется, владелец «Челси» Роман Абрамович от него устал. И дело не в результатах. Проводя матч за матчем, он остается, возможно, самым успешным футбольным тренером. Пересуды по поводу отставания «Челси» на шесть очков от «Манчестер Юнайтед» в турнирной таблице лиги скоро прекратятся. В мае следующего года португалец может записать на свой счет третий титул за три года. А «Челси» остается в Лиге чемпионов и в двух национальных кубках.

Проблема Моуриньо, скорее, в его характере. Негативный имидж португальца в Англии, связанный, скорее, с искусным футболом его команды и паранойей тренера, прилип к самому «Челси».

Теперь интриги против Моуриньо плетут другие представители клуба. Основная форма бизнеса в богатых странах — корпорация. Она способствует прозрачности, тем самым лишая силы заговорщиков. Но «Челси» — зверь другой породы. Структура власти тут почти никому не известна. Каждый из ближайшего окружения Абрамовича строит собственную империю: его российские советники, его агент в Израиле Пино Захави, исполнительный директор «Челси» Питер Кеньон, спортивный директор Фрэнк Арнесен, собственно Моуриньо. Они никогда не встречаются за одним столом. Решения принимаются кулуарно. В такой атмосфере невидимая рука может внезапно лишить тебя родного дома. Моуриньо знает, как это бывает.

Гленн Ходдл

Апрель 2008 года

«Эмммммм», — произносит Гленн Ходдл. После монолога, посвященного чемпионату мира 1998 года, который навсегда останется главным успехом в его карьере, он умолкает. «Единственная проблема, что сказанного тебе хватит, чтобы написать целую книгу. Ха-ха-ха-ха-ха, — он громко хохочет. — Мы обсудили такие вещи, о которых раньше я никому не рассказывал».

«Например, визуализацию?» — спрашиваю я.

«Да, и ее тоже. Я никогда не говорил о ней с репортерами настолько подробно. И даже не рассказывал так много о сборной Англии».

Журналисты любят слышать подобные вещи. Но уже слишком поздно. Десять лет назад я бы получил за это интервью кучу денег. К сожалению, сейчас Ходдл мало кому интересен. Перед встречей друзья говорили мне: «Как минимум ты выяснишь, придурок он или нет». Сегодня его имя воскрешает смутный образ странноватого английского тренера, пригласившего целительницу Эйлин Друри лечить травмированных игроков и свято верившего, что сборная Англии выиграет чемпионат мира 1998 мира. До тех пор, пока та окончательно не проиграла. Где Ходдл ныне работает? Все еще в «Вулфс»? Нет, сейчас он нигде не работает.

Он — Роберт Кеннеди английского футбола. Иногда американские либералы, лежа по ночам без сна, пытаются представить: что если бы 5 июня 1968 года в отеле «Амбассадор» в Лос-Анджелесе Сирхан Сирхан не застрелил Бобби? Скорее всего, он бы выиграл следующие президентские выборы у Ричарда Никсона, США прекратили войну во Вьетнаме и…

Если вы тоже так думаете, то вы сумасшедший. Точно так же мы не можем знать, что бы стало с английским футболом, выбери он путь Ходдла. Но иногда не думать об этом не удается. И самому Гленну тоже.

Как и остальные, я почти забыл Гленна Ходдла. Но в один прекрасный день он позвонил мне на мобильный. Через неделю мы сидели за столиком «Поло-бара» в отеле в Аскоте. Это шикарное место, расположенное в нескольких минутах ходьбы от знаменитого ипподрома. На улице холодно. Лужайку за окном украшают имитации греческих статуй.

Я не сразу узнал Гленна, потому что он поседел. Но и сейчас, в куртке без рукавов и красной рубашке, выглядит как спортсмен. Его знаменитые длинные ноги скрещены под столом. Мы заказываем капучино, и бывший тренер демонстрирует мне брошюру футбольной академии, которую пытается создать в Монтекастильо, в Испании. Образовательное учреждение даст второй шанс подросткам, которых не приняли в английские клубы. Ходдл считает, что сможет вернуть в профессиональный футбол 15–20% этих ребят.

«Я увлечен, — говорит он. — Это моя компания. Полная свобода, никаких президентов, исполнительных директоров, правления, советников, принимающих дурацкие решения, и фанатов, дышащих в спину. Ради этого проекта я отказался от шести или семи предложений. В каком-то смысле это очень, очень похоже на футбольный клуб. И если нам удастся заняться гольфом и недвижимостью под брендом “Академия Гленна Ходдла”, то довольно скоро сможем открыть еще одно образовательное учреждение. Но сейчас мы по-прежнему ищем деньги для первого». И Гленн смеется над своими словами.

Идея академии возникла, когда он был молодым перспективным тренером в «Свиндоне» и «Челси», где ему приходилось говорить семнадцати- и восемнадцатилетним ребятам: «Очень жаль, но сейчас вы не в лучшей форме». Ходдл всегда пытался утешить мальчишек: «Докажите, что мы ошибаемся. Буду рад снова встретиться с вами через несколько лет». Но о большинстве из них он больше никогда не слышал.

«Мне было очень тяжело отказывать, — говорит он. — В первый раз мне пришлось отправить восвояси шестерых восемнадцатилетних парней. И когда четверо из них расплакались прямо у меня в кабинете, я подумал: “Да, не очень приятно. У меня были несколько другие представления о тренерской работе”».

Тогда-то он и решил, что, закончив карьеру тренера, создаст академию. Недавно умерший Джон Сийер, спортивный психолог, много лет работавший с Ходдлом, как-то сказал мне: «Гленн хорошо это скрывает, но у него золотое сердце».

Тем не менее в начале тренерской карьеры Ходдлу было сложно сочувствовать неудачникам. С самого начала всем было ясно, что этого мальчишку из Харлоу ждет успех. Бывший тренер рассказывает: «Я был одним из тех, с кем все хотели подписать контракт. Я ушел из школы и сразу попал в большой футбол. Но когда я смотрю видеозаписи своих игр в семнадцать лет, то вижу, что был худым, как щепка. Порыв ветра — и меня просто сносило. Но в футболе приходится быть агрессивным. Я впервые в жизни

вышел на поле в семнадцать лет в матче с «Норвичем». Его центральным полузащитником был огромный Дункан Форбс. Я разбил ему нос!»

Ходдл вновь смеется. «Я бежал за мячом, который был прямо над ним, и находился в таком состоянии, как ребенок, впервые попавший на большой стадион. Я настолько хотел любой ценой забрать снаряд, что даже подпрыгнул от возбуждения».

Когда бывший тренер говорит, ты видишь, как он представляет себе летящий в воздухе мяч. «Я столкнулся с ним, — продолжает Гленн, — и его нос сделал “Тфуууумммм”. Должно быть, бедный Дункан ломал нос раз десять. Это была моя первая минута на поле, и фанаты, наверное, подумали: “Ого, у нас появился новый Дэйв Маккей!”»

Тогда Ходдл развивал свое главное качество: «Я думал, что это мой настоящий дар — способность представлять общую картину на поле». Он научился этому у Джимми Гривза. Старый потрепанный алкоголик, который давал показания против «Фейеноорда», чтобы заработать хоть немного денег, в 1972 году вернулся в клуб, где на тот момент играл четырнадцатилетний Гленн.

«Мы играли в маленьком спортивном зале. Было очень тесно, и он был везде, постоянно забивая. Я видел что, перед тем как получить мяч, он крутит головой и смотрит по сторонам. Это было потрясающе. Так он зарабатывал себе на жизнь, забивая мячи: он смотрел, смотрел, смотрел и знал, что снаряд окажется здесь, возле этой девочки, — Ходдл показывает на официантку в другом конце бара, — и каким будет пас. И он — раз — поворачивается и забивает его в сетку быстрее, чем вы успели что-то заметить. И ты думаешь: “Вот дерьмо”. Когда к нему летел мяч, у него в голове мгновенно возникала картина: где находится он, где защитники. Поэтому Гривз мог тут же развернуться и ударить. Это была великолепная плотная игра. Да, признаю, это я перенял у него. Не все замечали. Но я у него учился».

В 1986 году мы с родителями переехали из голландского городка Лейден в северный Лондон. По субботам я иногда садился в автобус маршрута W3, шедший от «Александра-палас» до «Спурз». Мы ездили туда ради Осси Ардилеса и Криса Уоддла, но в первую очередь ради Ходдла. Он мог поднять мяч большим пальцем. Причем любой ноги.

Я вспоминаю об этом, когда тот рассказывает, что иногда говорит своему сыну Джейми, перспективному игроку в крикет: «Джи, когда переходишь эту белую линию, то иногда должен становиться актером, другим человеком. А уходя с поля, не надо быть агрессивным».

Я отвечаю ему, что удивлен: помню, что Ходдл всегда привносил в игру свой характер, свою личность. Казалось, что он всегда остается спокойным.

«Хм-мм, — отзывается футболист. — Это интересно, что вы заметили мое спокойствие. Я всегда наблюдаю за собой, когда просматриваю записи старых игр. Думаю, что действительно был спокоен. Я хотел выглядеть так, будто у меня больше времени, чем у других. Считаю, что на подобное способен Дэвид Бекхэм. Иногда Макинрой ведет себя так, будто у него очень много времени, когда готовится ударить. Возможно, когда мяч попадает к некоторым игрокам, он действительно меняет форму, становясь продолжением их тела. А другим это не удается».

Он делает паузу, а затем продолжает: «У меня был этот дар. Я был таким с раннего детства. У меня была способность не замечать соперников до тех пор, пока меня не сбивали с ног, хотя некоторые начинают бояться противника уже с десяти метров. Начинаешь их опекать, и они тут же впадают в панику». Ходдл смеется: «Я не сразу понял, что на самом деле визуализирую на долю секунды, когда даю пас и когда бью».

Он встает и на узорчатом ковре «Поло-бара» принимает позу, которую до сих пор помнит каждый английский болельщик старше тридцати пяти лет: Гленн Ходдл с широко расставленными руками готовится дать длинный пас.

«Так что, когда я видел Тони Гэлвина на левом фланге, и видел защитника, и Тони был здесь, — двадцать пять лет спустя Ходдл все еще видит обоих, но теперь где-то посреди «Поло-бара». — Наклоняя голову, чтобы ударить по мячу, я мог его видеть. Даже сейчас. Я могу наблюдать за Тони Гэлвином, и я вижу, куда собираюсь отправить мяч, через голову защитника. И я знаю, что он примет мяч именно в той точке».

Гленн вновь смеется: «Я просто визуализирую Тони. Знаю, где он, а где туннели. Я точно знаю, где нахожусь. Я это вижу!»

Тем не менее «Тоттенхэм» Ходдла ни разу не выиграл титул лиги. Гленн был странным образом неуместен в английском футболе. Он был строен, у него были красивые длинные ноги, и он не носился по полю словно маньяк-убийца. Поэтому его прозвали Гленда. Как часто он играл на собственной позиции?

«Наверное, всего один раз. Это был выездной квалификационный матч в Венгрии. Я находился за двумя нападающими. Кажется, забил два гола и дал одну передачу. Или забил один гол и выполнил две передачи. За мной вроде были три защитника, и я мог играть как раз позади Тревора Френсиса и Пола Маринера».

Я задаю простой вопрос: согласен ли он, что Англия никогда

не верила в него так, как Франция в его современника Мишеля Платини?

«Совершенно верно. В 1980-х, особенно в этой стране, творческим игрокам было сложно. Поля были грязными. Можно было любым способом останавливать творческого игрока — бить его, оттаскивать за футболку. И не понести за это никакого наказания.

Ваши “Уимблдоны” и “Уотфорды” — вот причина того, что стиль “бей и беги” имел хоть какой-то успех. Четверку защитников зажимали в двух метрах от средней линии, и они играли в пространстве размером 60 на 40, обычно в грязи. Это была игра не для творческого человека, — голос Ходдла затихает от ужаса. — Мы засовывали голову в песок, в полном смысле слова, и не думали, что можно играть иначе. Сейчас все изменилось. Правило передачи назад открыло игру, и она развернулась во всей красе, на прекрасных полях».

«Я очень хотел уехать за границу», — продолжает Гленн. У него были предложения от «Шальке», «Кёльна» и эйндховенского «ПСВ». Он чуть не ушел в «Наполи», но в итоге выбрал «Монако» Арсена Венгера. В Англии футболист Ходдл так и остался на эпизодических ролях. Но, став тренером, вознамерился все изменить.

В 1993 году в Роттердаме Рональд Куман, которого к этому моменту должны были удалить с поля, произвел свободный удар в обвод «стенки» англичан. И в 1994 году британцы не получили кубка мира. Грэма Тейлора уволили. Футбол в стиле «бей и беги» отвергли. В конце концов, Англии пора было превращаться в страну европейского футбола.

Сначала эту задачу возложили на Терри Венейблса, потому что в то время Ходдлу было всего тридцать шесть лет. Он он уже был играющим тренером «Свиндона» и учил команду красивому континентальному футболу.

Затем он перешел в «Челси» и в 1996 году, в тридцать восемь лет, стал самым молодым наставником в истории. У него появилась возможность, которой он никогда не имел как игрок: указать английскому футболу новый путь. И в один прекрасный день в октябре 1997 года ему это удалось.

Я спросил его, каким матчем на посту тренера английской сборной он гордится больше всего. «Определенно, игрой на выезде в Риме. С Италией».

Чтобы попасть напрямую на чемпионат мира, Англии была необходима ничья. «До этого момента Италия выиграла 17 матчей из 17-ти, — сказал Ходдл. — Ни единой ничьей».

Он вывел на поле восемь защитников. Британская команда

устроила самый дисциплинированный перформанс, который до сих пор помнят ее фанаты. Тем не менее за две минуты до конца игры все было почти потеряно.

«Не знаю, помните ли вы, — говорит Ходдл, — но я помню, как будто все было вчера, ведь это был тот единственный раз, когда я физически почувствовал, что сердце может выскочить из груди. Райти [Иан Райт] ударил по воротам. Подбежал Тедди [Шерингем], и он должен был забить. Его остановили. Они пошли на левый фланг, прямо перед нашей скамейкой. Вьери попятился, ударил головой назад, к воротам. Я помню, что Дейв Симен не двигался. Мы не видели, куда ударил Вьери. Я весь вспотел. И думал, что мяч уже в воротах».

После игры, когда ликующий Ходдл рассказал о своих переживаниях Симену, вратарь ответил: «Не стоило волноваться, мяч ушел в сторону». Гленн рассказывает так, что становится ясно: голкипер вообще не видел, куда летел снаряд.

Игра закончилась со счетом 0:0 и сразу превратилась в легенду под названием «итальянская работа» (The Italian Job). В тот вечер Англия поменялась местами с Италией. Ходдл создал современную команду, способную учиться у других. Будущее английского футбола наступило.

Несколько других тренеров английской сборной пытались повторить «итальянскую работу», но тщетно. Более привычная картина для британцев — тот момент игры с Хорватией на «Уэмбли» в 2007 году, когда шестеро защитников не смогли остановить единственного нападающего соперников.

Ходдл вспоминает о поворотном моменте в карьере, из-за которого он и проводит этот зимний день со мной в «Поло-баре», а не в каком-нибудь большом и успешном клубе. Он наступил на Кубке мира в 1998 году и напоминал мгновение, когда мяч Вьери пролетел у верхнего угла ворот Симена.

Момент: когда Сол Кэмпбелл забил мяч, а его не засчитали. Матч: Англия — Аргентина в Сент-Этьене. Восемнадцатилетний Майкл Оуэн забил сольный гол. После первого тайма счет был 2:2. Сидя на трибуне для прессы, я посмотрел вверх и увидел, как шотландский репортер Патрик Барклай кусает пальцы. Он взглянул на меня и выразительно поднял брови: я тоже сунул кулак в рот. Никто из нас не понимал почему, ведь мы оба болели не за Англию.

В начале второго тайма Бекхэм слегка толкнул Диего Симеоне, почти проходя мимо, и был удален в поля. Перед финальным свистком, перед штрафной аргентинцев, где было полно людей, а счет все еще оставался равным, Кэмпбелл головой забил мяч в сетку.

Ходдл говорит: «Мы думали, что справимся вдесятером. А потом я увидел, как пятеро моих игроков радуются голу у углового флажка. Аргентинцы разыгрывают мяч с центра и атакуют по правому флангу, а у меня на поле всего пять футболистов!» Гленн помнит, какой был фланг, потому что до сих пор видит эту картину.

«И я помню, как Гари Невилл взлетел на дальнюю штангу и отбил мяч на угловой. И мы пытаемся вернуть в игру всех игроков. Это потрясающе. Потрясающе».

После основного времени была назначена серия пенальти. Пол Инс и Дэвид Бэтти пробили неудачно. Мало того что сборная Англии никогда не практиковалась в одиннадцатиметровых, Бэтти до этого вообще не пробивал пенальти.

«Вам нравились такие игры, такие моменты?» — спрашиваю я.

«Это фантастические моменты, да, — отвечает Ходдл. — Это лучшие мгновения в работе тренера. Ты не помнишь, сколько денег заработал. Но помнишь такие моменты».

«Но Сент-Этьен — это неприятное воспоминание?»

«Почему же? Это было титаническое усилие. Мы весь второй тайм и в дополнительное время играли вдесятером против лучшей команды. Это же была не Швейцария какая-нибудь. Мы почти справились. И победили бы, выполняй арбитр как следует свою работу. Дэвид не должен был уходить с поля. И я до сих пор не понимаю, почему не засчитали гол Сола Кэмпбелла».

Здесь навыки визуализации подводят Ходдла. Бекхэм толкнул Симеоне. И как раз перед тем, как Кэмпбелл ударил головой, Алан Ширер стукнул локтем аргентинского вратаря.

Я цитирую Гленну слова другого бывшего футболиста, утверждавшего, что моменты, когда вся команда сидит в раздевалке, уничтоженная, повесив голову, тоже важны. Солидарность общей боли — тоже ценность. Просто понимаешь это не сразу.

Сегодня Ходдл спокоен. Его возбуждение прошло. «Так и есть. К сожалению, они не такие, какими ты их себе представляешь. Я всегда думаю, если бы тогда мы победили, хотя нас было всего десять, что бы произошло? Существует “инерция прессы”, которая не всегда оправданна. И, я думаю, что нас могла бы захватить инерция этого матча. Но не знаю, куда бы она нас привела».

В 1998 году он был уверен: если бы не красная карточка Бекхэма, команда смогла бы выиграть Кубок мира. В очень плохо написанной автобиографии «Гленн Ходдл: Моя история чемпионата мира 1998 года»[48] (Glenn Hoddle: My 1998 World Cup Story) он пишет: «Я до сих пор абсолютно уверен, если бы мы

выиграли у сборной Аргентины, то стали бы чемпионами мира. И никто не изменит моего мнения: если бы нас было одиннадцать, мы бы победили».

Правда, после Аргентины Британии требовалось одержать верх над Голландией, Бразилией и Францией. Но это уже детали. Последние слова книги: «Я всегда верил, что это должен был быть я. Это должна была быть Англия».

Я замечаю, что для Гленна тот чемпионат мира не закончился.

«Представляете, я никогда не смотрел запись той игры. Хотя нет, смотрел, когда мы вернулись домой. Но никогда не анализировал. Будет интересно прокрутить ее сейчас. Как старый спектакль, который спустя много лет воспринимаешь не так эмоционально».

Через восемь месяцев после «Сент-Этьена» карьера Ходдла в высшем эшелоне футбола закончилась. В интервью газете The Times кто-то процитировал его слова, будто инвалиды наказаны за грехи, совершенные в прошлых жизнях. Публика решила, что это, во-первых, странная идея, а во-вторых, бестактная по отношению к людям с ограниченными возможностями.

«Меня происходящее раздражало, — размышляет Гленн. — Написанное не являлось моими убеждениями, я сказал совершенно другое. Но в моей жизни были люди, настолько слабые, что, испугавшись, отвернулись от меня». Он имеет в виду представителей Футбольной ассоциации, использовавших эти слова как возможность избавиться от непопулярного тренера. «На самом деле мои результаты лучше, чем у кого бы то ни было в международном футболе, так что, эээээ…»

Неожиданная точка зрения. Как бы там ни было, но в международном футболе некоторым удавалось стать чемпионами мира. А Гленн добрался только до шестнадцатого места.

«Лучше, чем у кого бы то ни было в международном футболе?» — повторяю я.

«Если посмотреть на статистику, то мои результаты одни из лучших среди английских тренеров. Меня уволили по причинам, не связанным с футболом». Он прав и в том, и в другом. При Ходдле сборная Англии выиграла 61% из всех двадцати восьми матчей, проведенных под его руководством. За ним следуют Альф Рэмзи, Рон Гринвуд, Свен-Ёран Эрикссон и все довоенные селекционные комитеты вместе взятые — они держатся плотной группой, отставая от него примерно на 60%. Это позже придет Фабио Капелло и отодвинет всех. Даже после неудачного выступления его команды на чемпионате мира в Южной Африке к ноябрю 2010 года под его руководством сборная Англии выиграла

69% матчей.

Ходдл прав и в том, что его карьера закончилась исключительно из-за его дурацких заявлений о вещах, не имеющих отношения к игре.

«Это было болезненно?»

«Что? Эммм…»

Увольнение.

Пока он об этом размышляет, на телеэкране появляется какой-то певец, похожий на Элвиса. «Я бы сказал, что увольнение было огромным разочарованием, потому что я знал: мы способны на большее». И он перечисляет своих фантастических игроков. «Ширер, Инс, Шерингем, Оуэн — тогда он был еще щенком. Тони Адамс, Кэмпбелл, Невилл. Молодой Бекхэм. Скоулз. Господи, “бриллиант в моей короне”, так я его называл. Стюарт Пирс. Футболисты, которые могли по-настоящему гордиться тем, что делали».

Когда Гленн еще работал тренером, казалось, что он смотрит на подопечных свысока, считая их не такими умными и умелыми, как он сам. Однажды на тренировке те отрабатывали удары, и наставник сказал Бекхэму, что он «не умеет» бить. Но сейчас Ходдл вспоминает всех как партнеров по величайшему приключению в его жизни.

Он больше не получил должности такого уровня. В английском футболе алкоголик, поколачивающий жену, может считаться «своим парнем», а высокомерный сумасброд, который находит Бога во время паломничества в Вифлеем, остается опасным сумасшедшим. Бывший спортсмен не употребляет бранных слов, почти не пьет, у него мало друзей. После сборной Англии ему удалось получить место только в «Саутгемптоне» и «Тоттенхэме», а позже в «Вулфс», команде нижнего дивизиона. Он ушел из «Вулверхэмптона» в июле 2006 года и с тех пор не работает ни с одним клубом. В день нашей встречи ему было всего пятьдесят лет.

Когда он начинает критиковать современную модель английской сборной, 4-4-2: слишком жесткая, слишком мало игроков, способных перекрывать позиции друг друга и двигаться вперед по одной линии, а в его времена все было совсем по-другому, — я спрашиваю, не сложно ли мыслить как тренер высшего уровня, когда не являешься таковым.

«Ага, — отвечает Гленн. — Хороший вопрос. Я сам об этом думаю, разговаривая с вами. Но… Но это странно… Вы что, читаете мои мысли?» Он хохочет, пытаясь обратить сказанное в шутку.

Он цитирует Пеле: «Футбол прекрасен тем, что заставляет

постоянно учиться. В этой игре всегда можно найти что-то новое». Когда он писал свою «историю чемпионата мира», то был уверен, что там допустил всего одну ошибку. Ему следовало взять с собой во Францию Эйлин Друри, чтобы та исцеляла травмы его игроков.

На осмысление произошедшего на том чемпионате у Гленна было десять лет, и сейчас он ничего не говорит ни об Эйлин, ни о реинкарнации. Умный человек с дурацкими идеями, над которыми потешается страна, учится держать язык за зубами, даже если у него нет шанса начать все сначала.

Ходдл говорит, что должен был захватить с собой спортивного психолога, из тех, что работали в его клубах: «Сначала игроки их ненавидели, — признается он. — Все так сложно… Только представьте, если бы Скоулз, который обычно боялся рот раскрыть, сказал во время групповой дискуссии об одном из товарищей: “Честно говоря, я всегда считал его одним из лучших центральных полузащитников, против которых приходилось играть”. Такая характеристика придала бы футболисту уверенности». Но тогда в сборной Англии не было ни психологов, ни групповых дискуссий.

Могут ли визуализация и спортивная психология исцелить историческую травму от пенальти сборной Англии? «Конечно. Для этого существуют специальные техники».

Тоже нечто новое. После поражения британской команды он утверждал, что научиться бить пенальти невозможно. А сейчас говорит: «Если футболист неудачно пробивает пенальти, то девять из десяти, что он совершает ошибку еще в тот момент, когда идет к точке и кладет мяч. Я могу предсказать, когда игрок неудачно пробьет штрафной. По его реакциям, по направлению взгляда».

«Но это помогает, если вы в сборной Бразилии и можете играть левой ногой, правой, левой, правой, а потом ударить в верхний угол, — он снова смеется. — Ты не видишь, как вратарь кидается в верхний угол. Но если поработать над этой визуализацией, эту способность довольно легко развить. У нас в команде был только один игрок, умеющий бить левой ногой: Грэм ле Со».

Когда Ходдл откроет академию, он будет учить молодых игроков визуализации. «Иногда я даже чувствовал, где находятся другие игроки, честное слово. За мной или где-то еще. Если бы я мог немного помочь ребятам играть с поднятой головой и видеть всю картину! Некоторые игроки постоянно смотрят вниз, а кое-кто видит картину в целом».

«Во время тренировок я часто просил футболистов удерживать мяч, но смотреть на меня. И начинал считать: один,

два… Игрок, как правило, терял мяч. Постепенно он доходил до трех. В какой-то момент если продолжал тренироваться, то мог продержаться до десяти. Чтобы контролировать мяч, не обязательно на него смотреть».

Я говорю: «Понимаю, что вы увлечены идеей академии. Но вы были самым успешным молодым тренером в Англии. Потом получили самую почетную должность в британском футболе и достигли большого успеха. Сейчас вы на пике карьеры тренера, но таковым быть перестали. Разве не странно?»

Он отвечает: «Да. Честно говоря, я думал, что создам ее [академию] лет в шестьдесят пять». И снова над собой смеется.

Вдруг оказывается, что мы разговариваем больше двух часов. Короткий английский зимний день почти угас. Ходдлу нужно идти. Он везет сына к спортивному психологу. «Мы с ним занимаемся визуализацией, это действительно хорошо работает».

Но все могло быть совсем иначе.

Через два года после нашего разговора Академия Гленна Ходдла в Монтекастильо открылась и ежегодно возвращает одного-двух игроков в ряды профессионального футбола. Кризис рынка недвижимости в Испании не способствует поиску финансирования.

Главное, что я вынес из нашей встречи, — Ходдл совершенно нормальный и разумный. Он помог мне понять, как английская пресса превращает любого тренера сборной Англии в карикатуру на самого себя. Я ожидал увидеть более странного человека.

Диего Марадона

Сентябрь 2008 года

Диего Марадона не должен занимать должность тренера сборной Аргентины. И долго на этом посту он не задержится. 19 ноября великий футболист был не в состоянии даже подняться с постели, не то что появиться в Глазго на матче между Шотландией и Аргентиной. К следующему чемпионату мира тучного курильщика сигар и бывшего любителя кокаина с сердцем старика, возможно, не будет с нами. Но это не важно. Национальная сборная существует не только для того, чтобы выигрывать. Она представляет свое государство. А в футболе никто не воплощает собственную страну и ее фанатов так, как Марадона. В этом — часть его гения. Несколько сцен из жизни футболиста и двух фильмов о нем исчерпывающе объясняют, почему Аргентина не могла поступить иначе.

Мехико-сити, 1986 год. После двух легендарных голов, выбивших Англию из чемпионата мира, Марадона с коллегами по команде празднуют победу в раздевалке. Хорхе Вальдано пытает Диего: пока тот обводил шестерых англичан, нападающий бежал рядом и просил отдать мяч. Почему он не дал пас? «Да, — отвечает триумфатор. — Я тебя видел и собирался сделать передачу, но англичане все время путались под ногами. Тут я заметил, что всех вас обогнал, и просто взял и забил».

Пораженный Вальдано спрашивает: «Забивая гол, ты наблюдал за мной? Старик, не свисти. Это невозможно». Тут из душа раздался голос полузащитника Гектора Энрике: «Классный был гол. Но если бы Диего не забил после паса, который я ему дал, его нужно было бы просто убить!» Все смеются. Марадона говорит, что Энрике провел передачу еще на аргентинской половине поля.

В этой сцене весь футболист: он ставил собственную персону выше товарищей по команде, но всегда чувствовал себя ее частью. Я спросил Вальдано, нравился ли ему Диего, и он ответил: «Я его люблю. Я родился в стране Марадоны».

Буэнос-Айрес, 2004 год. Знаменитый футболист в реанимации — отказывает сердце. Вокруг больницы — толпы аргентинцев. Они ждут, когда же их кумир последует примеру национальных героев: Эвы Перон, Че Гевары, Карлоса Гарделя, певца Родриго. То есть в истинных католических традициях умрет молодым во искупление грехов страны.

Подобно Эвите, Диего — нечто вроде аргентинского народного святого. В фильме Карлоса Сорина «Путь святого Диего» (El Camino de San Diego), вышедшем на экраны в 2006 году, неграмотный лесоруб находит дерево, формой напоминающее Марадону с победно поднятыми над головой руками. Он вырезает из дерева статую и носит ее по всей стране. Некоторые над ним смеются, потому что скульптура совершенно не похожа на футболиста. Но многие признают ее религиозный статус.

В документальной ленте Эмира Кустурицы «Марадона» мы видим, как толпы следуют за своим кумиром, будто он — икона во главе католической процессии. Должно быть, ему утомительно такое внимание, но футболист прекрасно понимает, что такое иконография. Когда он дает интервью режиссеру, зритель может рассмотреть на его груди большой серебряный крест. Марадона рассказывает о том, как в реанимации Господь спас ему жизнь.

Катар, 2005 год. Марадона и Пеле присутствуют на какой-то презентации. После ее завершения, пишет Джеймс Монтегю в книге «Когда наступает пятница»[49] (When Friday Comes), на сцену бросается толпа. Причем на бразильца никто не обращает внимания: «Все, что удается разглядеть в этой свалке, — афроприческа Марадоны, в окружении моря голов восхищенных поклонников».

Агостин Пичо, бывший капитан сборной Аргентины по регби и друг Диего, говорит, что Марадона пользуется такой любовью, так как «всегда остается самим собой». Фанаты знают — он так же несовершенен, как и они.

Дело отчасти во внешности игрока. Великий футболист выглядит как обычный человек. Он никогда не был великим атлетом и уж точно не смотрится как великий атлет.

Действие фильма Сорина происходит в бедных провинциальных районах Аргентины. И деревенские жители с морщинистыми лицами, дешевая проститутка, слепой продавец лотерейных билетов узнают себя в пузатом бывшем обитателе трущоб. Марадона — их шанс прикоснуться к величию.

Германия, Кубок мира 2006 года. Марадона здесь в качестве фаната. В рубашке цветов аргентинского флага он стоит на трибуне и подпрыгивает в такт речевке вместе с другими болельщиками аргентинской сборной. Пеле и Франц Беккенбауэр никогда бы не позволили себе ничего подобного. Но Марадона — воплощение Аргентины.

Кинотеатры, 2008 год. Фильм Кустурицы по большей части напоминает агитпроп в поддержку Фиделя Кастро, Уго Чавеса и собственно режиссера. Но в нем есть некоторая правда о

Марадоне и Аргентине. Футболист — это реванш страны за все неудачи и тяготы.

В фильме присутствует мультипликационная версия знаменитого гола в матче со сборной Англии. Вот игрок обводит Маргарет Тэтчер, у которой отлетает голова, королеву Елизавету, размахивающую дамской сумочкой, Тони Блэра в образе черта, который кусает Марадону за колено, а потом проваливается под землю, и стреляющего из двух ковбойских пистолетов Джорджа Буша-младшего.

Кустурица называет этот гол «одним из редких моментов, когда страна, задолжавшая огромную сумму Международному валютному фонду, одерживает победу над одной из наций, правящих миром». Признать Англию «нацией, правящей миром» — слишком большая честь. Но Марадона и многие аргентинцы до сих пор воспринимают этот гол именно так. Если хотите понять, почему Латинская Америка предпочитает левых, посмотрите на Диего. Он — воплощение революционного духа Чавеса.

В последней сцене фильма уличные музыканты поют песню: «Если бы я был Марадоной…»[50] И тут мы видим, что к ним подходит сам великий футболист. Пряча смущение за большими темными очками, он плачет. Диего знает, что чувствуют фанаты. Он — один из них. Сборная Аргентины всегда принадлежала ему.

Хосеп Гвардиола

Март 2009 года

Год назад мне довелось общаться с вице-президентом «Барселоны», которая за ленчем озвучила мысль, что следующим наставником команды должен стать Хосеп «Пеп» Гвардиола. Идея показалась странной. Футболисту всего тридцать семь лет, он никогда не был тренером профессионального футбольного клуба. Тем более самого большого на земле.

«Да, это так, — ответила вице-президент. — Но “Барсе” так нужен тренер-каталонец. Как бы там ни было, — добавила она, — земляк Хосепа Виктор Вальдес сначала не хватал звезд с неба, стоя в воротах “Барселоны”, но впоследствии стал играть гораздо лучше».

Я никогда не упоминал об этом разговоре, потому что не принял его всерьез. Но несколько месяцев спустя Гвардиола получил пост тренера. И превратил пресыщенную и расслабленную «Барселону» последнего сезона в явление, названное великим итальянским тренером Арриго Сакки «самым красивым в футболе последних лет». Через месяц команда встречается в четвертьфинале Лиги чемпионов с мюнхенской «Баварией». И, возможно, только «Барса» способна помешает англичанам вновь получить этот трофей.

Успех Гвардиолы для любой корпорации служит примером, как нужно выбирать босса и как боссу стоит подбирать команду.

Главное, бывший полузащитник идентифицирует себя с «Барселоной» почти с рождения. Он появился на свет в Сантпедоре, деревне каталонской настолько, что ее жители до сих пор говорят на местном диалекте, который даже был запрещен во время режима генерала Франко. В тринадцать лет Пеп поступил в «Ла Масия», футбольную академию, «ферму» «Барсы». И почти всю жизнь провел в радиусе квадратного километра от «Кемп Ноу».

Как пишет Джимми Бернс в книге «“Барса”»: Народная страсть» (Barca: A People’s Passion), местные жители до сих пор помнят Гвардиолу — худого пятнадцатилетнего подростка, который во время полуфинала чемпионата Европы 1986 года выбежал на поле и обнял одного из игроков. Они запомнили его и худым полузащитником, стоящим на балконе здания Дворца правительства в 1992 году. Тогда он, подняв над головой европейский кубок, крикнул по-каталонски: «Йа ла тенью акуи» («Он здесь!»). От этих слов у присутствующих побежали мурашки

по спине — эта фраза совершенно намеренно повторяла легендарные слова президента Каталонии Хосепа Тарраделласа: «Йа сок акуи» («Я здесь!»). Тот произнес их, будучи стариком, вернувшись из Франции после нескольких десятилетий изгнания.

Иначе говоря, Пеп, любитель каталонской поэзии, настолько совершенный герой Каталонии, что сам почти превратился в персонажа национального эпоса XIX века. Циники пренебрежительно прозвали его Мифом. Но фанаты «Барсы» надеялись: настанет день, и худой Миф вернется в качестве тренера. Хотя, возможно, не думали, что так скоро.

Бэкграунд Гвардиолы важен, потому что помогает руководить командой. Он прекрасно понимает суть «Барсы». Хоан Лапорта, президент клуба, как-то признался бизнес-партнеру: «Я искал того, кто знает наш стиль. И лучше других он известен Гвардиоле».

Стиль «Барсы» — атака, быстрые пасы, игра на флангах. Его внедрил голландец Йохан Кройф. Как теперь говорит «Пеп», Кройф построил храм, а тренерам теперь следует содержать его в порядке и время от времени обновлять.

Местная пресса и фанаты с ним согласны. Гвардиола знает суть «Барсы», потому что сам ее суть. Поэтому он мгновенно добился признания в клубе, славившемся бесконечными междоусобными войнами. Он не какой-нибудь «звездный» CEO или тренер-варяг, посягающий на основы корпоративной культуры. Пусть Жозе Моуриньо выигрывает титулы для «Челси», но его не приняли в команде, так как его тактика защиты не вписывается в культуру английского футбола. Стоило клубу перестать выигрывать, как португальцу пришлось уйти.

Игроки-звезды слушают Гвардиолу, так как у них нет шансов выжить его из клуба. Они соблюдают «кодекс достойного поведения», состоящий из трех страниц и лично написанный их тренером перед началом сезона. И не выходят за рамки своей ответственности на поле. А когда великий бомбардир Сэмюэль Это'о осмелился возразить, то в одну секунду был удален с поля. Футболисты «Барселоны» настолько хороши, что до тех пор, пока служат коллективу, их команда будет выигрывать.

Главный урок менеджмента от Гвардиолы: удерживать лучших игроков. В прошлом году все ждали, что «Барселона» продаст проблемных и неблагополучных Это'о и Тьерри Анри. Но тренер знает: самый ценный ресурс футбола — таланты. Купить менее способных, но более послушных игроков проще. Но он собрал вместе Это'о, Анри и Лионеля Месси и создал поистине захватывающую команду нападающих.

В карьере Гвардиолы остался только один шаг: занять место

святого Джорди в качестве покровителя Каталонии.

Жозе Моуриньо

Апрель 2010 года

В 1996 году Жозе Моуриньо стал большим человеком. Тридцатитрехлетний никому не известный португалец ненадолго приехал в «Барселону» в качестве переводчика английского тренера Бобби Робсона. Молодой человек снял двухуровневые апартаменты на побережье, в городке Ситжес, рядом с домом босса. И вскоре стал для него больше чем переводчиком. За ужином они часто беседовали о футболе, вспоминает биограф Моуриньо Патрик Барклай. Тренер доверил своему помощнику составлять отчеты о скаутской деятельности.

У Моуриньо было одно преимущество перед начальником: он говорил по-испански. И когда тренер общался с игроками или давал пресс-конференции, многим казалось, что Жозе что-то добавляет от себя.

«Барселона» помогла португальцу начать тренерскую карьеру. Тем не менее, когда вместе с миланским «Интером» самый успешный футбольный наставник современности вернется сюда на полуфинал Лиги чемпионов, который должен состояться в нынешнюю среду, его не встретят как старого друга. Наоборот. Он — враг «Барселоны». Человек, олицетворяющий все, что отвергает команда. И тем самым он помогает клубу лучше осознать свою идентичность.

Это что-то новое. Когда Моуриньо работал в «Барселоне», администрация и фанаты его практически не замечали. Даже президент клуба знал его как «эль традуктор» — переводчика. Только тренеры и игроки понимали ценность португальца. Жозе очаровал капитана команды Пепа Гвардиолу и убедил всех, что знает футбол как свои пять пальцев. Ему разрешалось тренировать команду для некоторых товарищеских матчей.

В 2000 году он почти незаметно уехал из Ситжеса в Португалию и стал настоящим наставником. Четыре года спустя фанаты «Барсы», наблюдавшие, как «Порто» завоевал титул Лиги чемпионов, заметили на телеэкранах смутно знакомое лицо. «Эль традуктор» стал чемпионом Европы. Еще они обратили внимание, что он отверг этику «Барселоны».

Девиз «Барсы» — «Больше чем клуб». Предполагается, что каждый сотрудник организации служит ей верой и правдой. А в ходе пресс-конференции после победы Моуриньо говорил главным образом о себе. Казалось, он считает себя также

«большим чем клуб». Испанцы ценят элегантную скромность, а португалец громогласен и хвастлив.

Его тактика тоже оказалась антибарселонской. Кредо клуба — красивый футбол. Девиз игры Моуриньо — «не важно, как мы выглядим». Его гений в способности находить и использовать слабые места противника. Он говорит: «Если у вас “Феррари”, а у меня малолитражка, то для победы в гонках мне необходимо сломать руль или насыпать сахара в бензобак вашей машины».

В 2005 году он вернулся в «Барселону» в качестве тренера «Челси» и заявил, что выиграл столько европейских кубков, сколько испанцы за всю свою историю. Чтобы показать, как хорошо он знает «Феррари» «Барсы», за день до матча он перечислил основной состав команды. Он победил «Барселону» главным образом потому, что заметил: ее левый защитник Джио ван Бронкхорст не умеет отбирать мяч. И тогда все фанаты, как говорится, встали на уши.

Социологи утверждают, будто группы идентифицируют себя по контрасту с воображаемым Другим. Для «Барселоны» таким «Другим» стал Моуриньо.

Во время следующего визита «Челси» в «Барселону», в 2006 году, фанаты испанцев стучали кулаками по автобусу англичан и кричали: «Традуктор!» Как супруги в несчастливом браке, Моуриньо и «Барса» знают, как допечь друг друга: он регулярно выигрывает у испанской команды, а та делает вид, будто ей совершенно все равно.

Но на самом деле она боится Жозе. В 2008 году два представителя «Барсы» ездили к нему в Португалию, чтобы предложить должность главного тренера. Ему бы это понравилось: лучшие игроки мира и окончательный реванш. Но в конце концов испанцы решили, что им нужен другой человек, и пригласили его лучшего друга Гвардиолу.

Должно быть, когда сегодня Моуриньо видит Пепа, то думает, каким легким был путь этого «звездного» игрока к тренерским вершинам. И как он отличается от его собственного.

На прошлой неделе в Милане перед встречей двух команд португалец еще «подсыпал сахара в бензобак “Барсы”». Нападающий «Интера» Уэсли Снейдер говорит: «Команда совещалась больше двух часов, в течение двух дней. Моуриньо перечислил сильные стороны “Барселоны” и хотел, чтобы мы использовали их для победы».

«Интер» блокировал центральных защитников, сбив с толку «Барселону». После матча, когда испанцы стали жаловаться на арбитра, Моуриньо заявил: «Им следовало сказать, что “Интер” сильнее. Вот и все». Он обожает, когда «Барселона» теряет

моральное превосходство.

Много лет воображаемым «Другим» для «Барселоны» был мадридский «Реал». Теперь эту роль узурпировал маленький человек. И в среду Моуриньо должен был воспринять крики «эль традуктор!» как скрытое признание.

Арсен Венгер

Апрель 2010 года

В 2004 году тренер «Арсенала» Арсен Венгер искал опорного полузащитника на замену Патрику Виейра. Проанализировав компьютерные базы данных, помощники предложили кандидатуру Матьё Фламини, никому не известного новобранца марсельского «Олимпика». В среднем за матч он пробегал 14 километров. Профессиональный контракт отсутствовал. Венгер устроил Фламини просмотр, убедился, что тот способен играть в футбол, и пригласил в команду.

Футболист провел в основном составе «Арсенала» четыре года, пробегая за игру больше, чем какой-либо игрок Премьер-лиги. И по истечении срока контракта… ушел в «Милан».

Эта история иллюстрирует гениальную способность Венгера еще на старте оценивать потенциал спортсменов. И лишний раз подтверждает: ему не хватает финансовых ресурсов, чтобы удержать звезд.

После разгрома «Барселоной» «Арсенала» в Лиге чемпионов тренеру сочувствуют. Клуб остается без титулов на протяжении пяти лет. И его также критикуют за отказ тратить деньги на трансферы. Но критики ошибаются. Возможно, ни один футбольный наставник не способен надежнее Венгера инвестировать имеющиеся средства.

Поэтому неудивительно, что Билли Бин, главный тренер бейсбольной команды «Окленд Эс», который привнес в бейсбол новаторские методы оценки игроков (описанные в его книге «Деньгобол» (Moneyball), самый уважаемый спортивный менеджер, считает, что француз «несомненно, вызывает наибольшее восхищение из всех деятелей спорта».

Венгер остается примером того, как следует оценивать игроков. В родной Франции он изучал экономику в университете Страсбурга. И, в отличие от большинства тренеров, предпочитающих узколобый, антиинтеллектуальный футбол, понимает и уважает истинную цену денег и информации. Для него 15 миллионов фунтов — не просто «лот».

Венгер первым стал использовать статистику для оценки игроков. Больше двадцати лет назад, работая в «Монако», он обратился к компьютерной программе Top Score, которую разработал его друг. Она присуждает баллы за любое действие игрока на поле. «Большинство футболистов, выдававших высокие

результаты, сделали успешную карьеру, — говорит Венгер, который использует цифры, чтобы подкрепить возникшую догадку. — Возможно, — шутит он (и в этой шутке лишь доля шутки), — я не уверен в собственных решениях».

Интуиция, подкрепленная фактами, позволила в свое время приобрести Джорджа Веа. Арсена, который начал отслеживать игры половины национальных чемпионатов мира задолго до других, заинтересовали отчеты, где упоминался «алмаз без огранки» — молодой либериец, игравший в Камеруне. В итоге он отправил в Западную Африку коллегу из «Монако». После матча тот позвонил: «Плохая новость: Веа сломал руку. Хорошая новость: он продолжил играть».

Венгер рискнул и купил африканского форварда. После подписания контракта Веа так и сидел за столом, опустив голову на руки. «Джордж, веселей, ты же только что подписал контракт с “Монако”», — обратился к нему тренер. Веа, у которого не было ни копейки, ответил: «Да, босс, но никто не дает мне денег». Наставник вынул из бумажника пятьсот франков — это было немногим меньше пятидесяти фунтов. Венгер, у которого просыпается чувство юмора, как только заканчивается пресс-конференция, теперь шутит по поводу «бонуса за подписание контракта».

В те дни получать лучшее качество по низким ценам было легко. Когда в 1996 году Венгер пришел в «Арсенал», тренеры Премьер-лиги редко искали игроков за рубежом. Кажется, никто не понимал, что запасной игрок «Милана» Виейра и запасной игрок «Ювентуса» Тьерри Анри — великие футболисты. Со временем Арсен утратил преимущество. Статистика и рекрутинг иностранцев стали в футболе делом обычным. И в ход пошли серьезные финансовые аргументы, какие использует, например, «Манчестер Юнайтед».

Считается, что «Арсенал» платит игрокам четвертую по величине зарплату в Англии. В «Челси» платят больше, чем в обоих манчестерских клубах. Следуя этой логике, «канониры» по итогам сезона должны быть четвертыми. Но заняли третье место, что впечатляет.

Бин из «Окленд Эс» прекрасно знает, каково это — работать в условиях маленького бюджета: «Если у вас меньше денег, чем у соперников, не пытайтесь их копировать, иначе поражение неизбежно. Если мы начнем подражать “Янкиз”, то окажемся как раз на месте, достойном наших зарплат. Если “Арсеналу”, “Манчестер Юнайтед” и “Челси” одновременно потребуется нападающий, то самый лучший будет у “Челси”».

Иначе говоря, ошибаются те, кто считает, будто Венгер

должен бегать за известными именами наперегонки с конкурентами. Попытки «Арсенала» заполучить звезд бессмысленны.

Те, кто думает, что француз по каким-то странным психологическим причинам не хочет приглашать звезд, особенно бомбардиров и атлетов, ошибаются. Тренер их любит. И пытается купить. В начале сезона, сидя в своем офисе на стадионе «Эмирейтс» после матча, он рассказывал, как принял решение по поводу безвестного бомбардира из «Ле-Мана» Дидье Дрогба. Тогда Венгер решил не рисковать. «Представьте Дрогба в “Арсенале”, — добавляет он. — Да он бы в каждой игре выполнял хет-трик».

Однажды Венгер пригласил в Лондон Криштиану Роналду, совсем еще подростка. Мальчишка из лиссабонского «Спортинга» получил футболку «Арсенала» со своей фамилией и согласился войти в состав команды. Сделка сорвалась после дружеского матча «Манчестер Юнайтед» и «Спортинга». Парень так впечатлил защитников «Юнайтед», что они убедили Фергюсона его приобрести. Перед предложением в 12,24 миллиона фунтов, что в несколько раз превышало цену «канониров», Роналду не устоял. «Но, — добавляет Венгер, — когда его встретите, поинтересуйтесь судьбой футболки “Арсенала”. Он до сих пор ее хранит».

А когда в 2003 году шестнадцатилетний Уэйн Руни в матче с «Эвертоном» забил в ворота «Арсенала» гол с 27 метров, Венгер подумал, что этот мальчик — лучший английский игрок, которого он видел с тех пор, как приехал в страну. Но за футболиста боролись более финансово состоятельные клубы.

Итак, француз признает, что не в состоянии привлечь сложившихся звезд. Как только «Сити» предложит Эммануэлю Адебайору и Коло Туре зарплату большую, чем в «Арсенале», они уйдут. Конечно, можно залезть в долги, как клубы — «мыльные пузыри» вроде «Лацио», «Ромы», «Валенсии», «Рейнджерз» и «Селтик». Но Венгер-экономист не хочет, чтобы его работодатель обанкротился.

В целом Венгер тратит на трансферы меньше денег, чем менее успешные клубы — «Ливерпуль», «Ньюкасл» и «Тоттенхэм», не говоря о мадридском «Реале». С 1998 по 2007 год сумма (покупки минус продажи) составила 39 миллионов фунтов. У Фергюсона за такой же период — 123 миллиона фунтов (благодарю за подсчеты Лена Уильямсона). Тем не менее почти десять лет «Арсенал» успешно конкурировал с «Манчестер Юнайтед», а также реализовал дорогостоящий инвестиционный проект — «Эмирейтс Стэдиум».

Бин сравнивает Венгера с легендарным американским

инвестором Уорреном Баффеттом: «Он руководит клубом так, будто собирается владеть им лет сто». И добавляет: «Мне кажется, Венгер понимает, что вы сильны ровно настолько, насколько силен ваш бизнес. Пока нет проблем, людей не интересует, хорошо ли вы руководите предприятием».

Но француз стремится управлять бизнесом не просто хорошо. Он работал в Японии и, ежедневно наблюдая, как тщательно японские девушки составляют букеты, как усердно местные уборщики подбирают бумажки, превратился в перфекциониста. Он жаждет, чтобы «Арсенал» захватил все возможные трофеи. И сейчас, когда его методы растиражированы, ищет новые подходы, чтобы обойти конкурентов.

Во-первых, старается при любой возможности избегать трансферов. По словам исполнительного директора «Арсенала» Ивана Газидиса, клуб не привлекают игроки, которые «может, на 5 или 10% лучше тех, кто имеется, а может, и не лучше» и которым требуется время на адаптацию.

Во-вторых, старается точно просчитать оптимальное время продажи, то есть когда игрок еще находятся на пике славы, но чуть-чуть прошел пик формы. Так он сбыл двадцатидевятилетних Анри за 16 миллионов фунтов, Виейра — за 14 миллионов фунтов, Эммануэля Пети — за семь миллионов фунтов. Двадцатисемилетнего Марка Овермарса — за 25 миллионов фунтов. И действительно, никто из них больше не играл лучше, чем в «Арсенале».

«Ничто не душит спортивный клуб так, как контракты со стареющими игроками. Прекращая показывать результаты, они превращаются в нечто вроде недвижимости», — отмечает Бин.

В-третьих, Венгер, умея думать наперед, предпочитает заключать контракты с игроками, пока они молоды, дешевы и не готовы играть в основном составе. То есть имеется запас времени, чтобы воспитать их «под себя». Достаточно вспомнить Робина ван Перси или Сеска Фабрегаса.

Почти шесть лет назад ван Перси сказал: «Из всех известных мне тренеров Венгер единственный, кто строго следует своему слову. Он предупредил, что введет меня в команду медленно. В течение первого месяца от меня почти ничего не требовали. Постепенно я стал играть больше. Мы начали с двух минут. Сейчас дошли до получаса». Сегодня, как и предвидел Венгер, ван Перси — звезда.

Конечно, Фергюсон из молодых Роналду и Руни тоже сделал звезд. Разница в том, что их талант на момент покупки был очевиден для всех. И цена была соответствующей.

И последнее. Венгер — реалист. Он знает, что любой

футболист, которого может позволить себе «Арсенал», несовершенен. Обычно игроку на время заключения контракта не хватает опыта, как в случае с ван Перси. Иногда слабоваты физические данные. Француз согласен с критиками, которые брюзжат, что игроки «Арсенала» физически подготовлены хуже, чем в «Челси», хотя никогда не признается в этом публично. Он отдает себе отчет, что не может приобрести футболистов одновременно опытных, талантливых и сильных.

«Арсенал», собранный по сниженным ценам, играет лучше, чем можно ожидать. Обычно он выходит как минимум в четвертьфинал Лиги чемпионов. Сейчас на равных сражается с «Юнайтед» и «Челси» в Премьер-лиге. Но по известной лишь им причине критики оценивают Венгера в сравнении с более богатыми клубами. И конечно, сетуют, что он проигрывает.

Бин вздыхает: «В те годы, когда “Арсенал” не выигрывал, он открыл стадион “Эмирейтс”. Теперь надо погасить долг. У него есть возможность [потенциально] выигрывать год за годом. Но спорт любит спрашивать: “Что ты сделал для меня сегодня?”»

Учитывая сильнейшую зависимость футбола от денег, Венгер почти не надеется на победу. Но старается об этом не думать. А некоторые из его критиков просто об этом не знают.

В октябре 2010 года на одной пресс-конференции в Лондоне я наблюдал, как Венгер и Бин сидели на диване (как ни странно, в компании Алистера Кэмпбелла) и разговаривали два или три часа. Они никогда раньше не встречались. Это было взаимное притяжение, любовь с первого взгляда.

Фабио Капелло

Июнь 2010 года

В 1987 году руководитель спортивного подразделения медиаимперии Сильвио Берлускони бывший футболист Фабио Капелло прошел психологические тесты, ориентированные на выпускников программ MBA. «Окружающие знали, что он умен, — пишет биограф Габриэле Маркотти. — Но никто не ожидал, что результаты окажутся такими высокими». Впечатленный Берлускони отправил подчиненного на годичные курсы для руководителей. И в 1991 году Капелло заступил на должность тренера футбольной команды «Милан», где добился блестящих результатов.

В нынешнем месяце он сопровождает сборную Англии на чемпионат мира в статусе, возможно, самого успешного наставника данной команды. Его подопечные вряд ли выиграют турнир. Но Капелло создал новый подход к работе. Он доказал, что тренер национальной команды — не просто посол страны. На этот пост действительно выбирают лучших. А лучшие среди них — профессионалы из континентальной Европы, которые снисходят до отстающей Британии, словно консультанты по развитию.

Капелло родился в 1946 году на севере Италии в городке Пьерис, расположенном в 20 километрах от границы с Югославией. Его отец, школьный учитель и наставник местного футбольного клуба, тогда вернулся из немецкого лагеря для военнопленных и весил всего 48 килограммов. Воспитание маленького Фабио отличалось суровостью. Например, обучение плаванию заключалось в том, что папа сбросил малыша с обрыва в море.

Капелло стал превосходным футболистом, сыграл тридцать две игры за сборную Италии. Ему принадлежит исторический гол на «Уэмбли» в 1973 году, который принес его стране первую победу над англичанами. Но он никогда не ограничивался только игрой. В 1970-х годах увлекся новым движением в искусстве — арте повера. Его приверженцы создавали произведения из мусора, ненужных предметов. Общению со спортсменами он предпочитал компанию арт-дилеров и постепенно получил признание в качестве известного коллекционера современного искусства.

Тем не менее в его тренерском стиле не было никакого артистизма. Прагматик, которого интересовала только победа, с

футболистами, невзирая на их звездный статус, он обращался жестко. Точно так же, как когда-то отец обращался с ним. «Тебе не стыдно быть таким жирным?» — рычал, например, на бразильского нападающего Роналдо, выходящего из душа. «Фабио все время кричал», — вспоминает Кларенс Зеедорф.

Но «Капелло не злопамятен», пишет Маркотти. Он оценивает людей только в соответствии с тем, могут ли они помочь победить ему в будущем. Работая в мадридском «Реале», он в ярости заявил, что Дэвид Бекхэм «больше никогда не будет играть в моей команде». Тем не менее англичанин помог испанскому клубу выиграть титул лиги, а позже получил от Фабио вызов в сборную Англии.

За шестнадцать сезонов в качестве наставника клуба угловатый итальянец девять раз выигрывал титул лиги. Стефан Шиманski, профессор экономики и преподаватель MBA в бизнес-школе Лондона, подсчитал, что всего 10% тренеров добиваются стабильно высоких результатов, невзирая на уровень доходов футболистов.

Обычно в футболе первые места лиги занимают клубы, отличающиеся высокими зарплатами. Те, кто платит меньше всех, размещается внизу турнирной таблицы. Только несколько выдающихся профессионалов, например Жозе Моуриньо и Алекс Фергюсон, способны изменить существующее положение вещей. Капелло возглавляет эту крайне ограниченную элитную группу.

Как ни странно, до 2000 года в сборной Англии не было ни одного тренера подобной категории. В стране, которая запросто нанимает директоров компаний и даже монархов из-за рубежа, должность руководителя национальной команды была далеко не первой в табели о рангах и, по общему мнению, предназначалась только для англичан. Британия, на протяжении многих лет изолированная от европейского мейнстрима, создала собственный дисфункциональный стиль игры «бей и беги». Бойцовские качества тут ценились выше умения думать, соответственно, людей, способных мыслить в футболе, практически не было.

Что еще хуже, по общему мнению, наставник сборной Англии должен обладать дипломатическими способностями. Именно из-за их отсутствия пришлось уйти легендарному менеджеру-провокатору Брайану Клоу. Каждый англичанин, получавший эту должность, обязательно чем-то разочаровывал взыскательную публику. До Капелло эту должность часто называли «невозможной работой». Вернее, это была просто трудная работа, которую превращала в «невозможную» неудачная кадровая политика.

Итальянец мечтал завершить карьеру именно в сборной Англии. Здесь он видел нереализованный потенциал целой нации. И он получил это место вместе с зарплатой около шести миллионов фунтов. Его назначение — симптом европеизации Британии, начавшейся в 1990-х годах.

Кстати, Фабио даже не пытается сделать вид, что уважает английские традиции. Раньше тренеры английской сборной не сходили со страниц британских таблоидов. Успешные игроки были знаменитостями. Капелло не интересует, что пишет о нем пресса, а поэтому он разрушил систему «а- ля Голливуд». Избавился от звездного Майкла Оуэна, убрал Стивена Джеррарда с позиции центрального полузащитника и выпускал Бекхэма только на замену, пока тот вообще не выбыл из игры, порвав ахиллово сухожилие. Выгонял из тренировочного лагеря игроков, которые меняли жен, подружек; на нынешнем Кубке мира Рюстенбург не превратится в цирк для медиа, как в свое время Баден-Баден.

Но прежде всего Капелло искоренил силовой, узколобый футбол. Хотя то, что историк футбола Джонатан Уилсон называет «игрой в стиле безголовой курицы», иногда возвращается, словно генетический дефект. Под руководством итальянца сборная Англии демонстрирует интеллектуальные континентальные приемы, где владение мячом ценится выше скорости. Результаты говорят за себя: 75% побед в двадцати двух матчах. До него ни один наставник национальной команды не перешагнул планку 60%.

Что не менее важно, он ведет себя так, что таблоидам нечего сказать о его личной жизни. Консервативный католик, приверженец традиций. Настолько рьяный, что в 2006 году в интервью итальянской газете La Repubblica высказался в поддержку диктатора Франциско Франко, заявив, что в Испании ему нравится «порядок, который тот оставил после себя».

В Великобритании Капелло занял мудрую позицию и не говорит о политике. У него также отсутствует неукротимое либидо предшественника, Свена-Ёрана Эрикссона, многочисленные романы которого не давали отдыха желтой прессе. В Лондоне Фабио живет тихо и играет в гольф. Он превратил «невозможную работу» в приятное хобби — подобие аранжировки букетов.

Возможно, английская сборная улетит домой в слезах: в товарищеских матчах она проиграла почти всем ведущим командам. Но Капелло трансформировал работу тренера для целого поколения. Определенно, его последователи будут представителями элиты: успешными, моногамными

континентальными европейскими тренерами.

Даже после разочаровывающего выступления в Южной Африке достижения Фабио Капелло на посту тренера сборной кажутся выдающимися. По состоянию на февраль 2011 года Англия под его руководством выиграла 68% матчей.

Диего Марадона

Июнь 2010 года

В морозном Йоханнесбурге почти полночь, но мы, измотанные журналисты, находимся на полупустом стадионе «Соккер Сити» в ожидании Диего Марадоны. Пресс-конференции тренера сборной Аргентины интереснее почти всех игр чемпионата. Его команда только что выиграла у сборной Мексики, это четвертая победа подряд. Наконец появляется великий человек. Как обычно, он напоминает бродягу, который только что подобрал где-то хороший костюм и пару швейцарских часов.

Марадона тут же начинает провоцировать журналистов. «Это дурацкий вопрос», — заявляет одному из них. Другому: «Слушайте, чего вы добиваетесь?» Когда кто-то спрашивает его о сборной Германии, с которой аргентинцам придется играть в субботу, в четвертьфинале, отказывается отвечать, но предлагает «карт-бланш»: «О том, что я думаю, вы можете написать все что хотите».

Но когда представитель ФИФА пытается завершить пресс-конференцию, Марадона возражает: «Наконец у меня есть шанс что-то сказать, а он хочет меня забрать!» Ему есть чем поделиться после двух лет на посту наставника сборной: «Видите ли, они утверждали, что тренер я никакой, а тут вдруг выигрываю четыре матча подряд. Придется пересмотреть свои взгляды на меня».

Марадона — триумфатор. Критики считали, что он ничего не смыслит в тренерской работе, что тактикой сборной должен заниматься кто-то другой. Теперь всем ясно: настоящий босс — именно великий Диего. Это его команда — к лучшему или к худшему.

Вполне возможно, что 11 июля здесь, на «Соккер Сити», он будет держать над головой Кубок мира — второй раз за двадцать четыре года. А затем, как и обещал, нагишом пробежит по улицам Буэнос-Айреса. Но возможно, Аргентина проиграет. И тут главным виновником поражения также будет Марадона.

Он был назначен тренером сборной в 2008 году. Не столько из-за предполагаемой гениальности, сколько ради возрождения нации. Он был не просто техническим кандидатом, но олицетворением духа Аргентины. Символом ее футбола. В общем, назначение немного напоминало выбор предводителя фанатов Кевина Кигана на должность наставника команды Англии.

Хулио Грондона, бессменный босс Футбольной ассоциации Аргентины, попытался окружить его экспертами. Диего отказался. Да, он предложил небольшую должность престарелому Карлосу Билардо, под руководством которого в 1986 году стал чемпионом мира. Но, как и многие другие экс-игроки, выбившиеся в руководители, предпочитал компанию старых друзей.

Здесь, в Южной Африке, его адъютанты — бывшие товарищи по команде Алехандро Манкузо и Гектор «Эль Негро» Энрике, одетые в одинаковые серые костюмы. У них тоже практически отсутствует управленческий опыт, поэтому Диего с ними комфортно. Кстати, вершиной карьеры Энрике был пас Марадоне, после которого тот обвел половину английской команды и забил «лучший в истории футбола» гол на чемпионате мира 1986 года.

Даже когда речь идет о выборе игроков, бывший футболист руководствуется личными симпатиями. Хуану Себастьяну Верону, коллеге по «Бока Хуниорс», тридцать пять лет, его карьера клонится к закату, но он — один из основных игроков сборной.

Как и юный Хавьер «Уэсито» Пасторе, которого Диего любит за способность пародировать любого человека: от официанта до водителя автобуса. В то же время звезды мирового уровня, например Хавьер Занетти и Камбьяссо, так необходимые сборной, «своими» не являются и в Южную Африку не поехали.

Кажется, логика Марадоны заключается в том, чтобы выбирать футболистов сердцем, в соответствии с их преданностью команде. Поэтому и предпочитает тех, кто беззаветно верит в его проект. «Я общался с Карлосом Билардо и другими, — сказал Диего как-то. — И все подтвердили, что ощущают позитивные вибрации».

Билардо, хотя и «свой», но не входит в теплую компанию. Они с Манкузо открыто ненавидят друг друга. В декабре первый заявил, что второй вбивает клинья между ним и тренером, и грозился рассказать о конфликте в СМИ. Но пока обещания не выполнил. Сам Марадона не стесняется в выражениях, чтобы показать, кто здесь босс: «Никто не заставит меня что-то сделать, даже пригласить какого-то игрока. Они не имели на меня влияния, когда мне было пятнадцать лет. Не имеют и сейчас, когда мне сорок восемь…»

Это правда. И странно, что до чемпионата мира почти никто не понимал: нового тренера нельзя заставить изменить собственное мнение. Ответственность, которую предполагает участие команды на Кубке мира, его тоже не пугает — Марадона комфортно чувствует себя на мировых чемпионатах. Для него это такая же знакомая обстановка, как для нормального человека любимое место отпуска. «Я видел многое, и немногие совершали

то, что удавалось мне». И, конечно, он знает футбол. Так что, хотя он выслушивает других, но, как сказал бы Джордж Буш, остается «решателем».

На прошлой неделе Аргентина выиграла у Греции, когда вышедший на замену Мартин Палермо на последних секундах забил гол. Диего, который любит говорить о себе в третьем лице, позже признался: «Энрике, Манкузо и Марадона обсуждали, кого выпустить — Палермо или Игуаина. Энрике и Манкузо предлагали Пипиту [Игуаина], а я сказал: “Да? Тогда пойдет Мартин”».

Он — «решатель», но было бы ошибкой думать, что контролирует ситуацию. Как правило, роль тренера в футболе сильно переоценивают. В книге «Футболономика»[51] мы со спортивным экономистом Стивеном Шимански пишем о том, что место клуба в турнирной таблице лиги почти полностью зависит от размера зарплат игроков. Обычно наставник выходит на сцену после игры и объясняет, почему команда выиграла или проиграла. Всем кажется, что он тоже несет ответственность за результат. Но на самом деле тренер — не более чем официальный представитель команды.

Что до чемпионата мира, то абсурдно думать, будто лучшим игрокам страны необходимо указывать, что делать. В аргентинском футболе существует очень давняя традиция тактики игры. Это не Новая Зеландия и не Англия. Здесь, в Южной Африке, Марадона часто консультируется с самыми опытными подопечными: Вероном, Хавьером Маскерано и Габриэлем Хайнце. На поле они контролируют ситуацию.

Еще в команде оказался лучший игрок мира Лео Месси, который привык выигрывать в одиночку. «Если у вас такая потрясающая команда, это несложно», — выступил Марадона после того, как его парни разнесли сборную Южной Кореи со счетом 4:1. Возможно, немного поскромничал, но зато сказал правду.

Определенно, начинает формироваться «марадоновская» команда, наконец, Месси стал, как говорят в аргентинском футболе, «хозяином» команды. Он руководит атаками с центра поля, как и хотел Диего. Тем более что его предыдущие планы по поводу Лео провалились. Команда четыре раза забивала с разных частей поля, и тренер утверждает, что так и было задумано. Здесь не играют в защитный «антифутбол» в стиле Биларди, который ассоциируется со старым тренером.

Но рука Марадоны чувствуется и в поражениях. В отсутствие Занетти и Камбьяссо тут нет достойного правого защитника и только один хороший полузащитник — Маскерано. Это значит,

что Аргентина теряет мяч, часто и надолго. «Мне не понравилось, что во втором тайме мы много раз отдавали мяч мексиканцам», — сетовал тренер на «Соккер Сити». Но именно он создал такую команду.

Возможно, нам еще удастся полюбоваться голым Марадоной, бегущим (а скорее, идущим вразвалку) по улицам Буэнос-Айреса. Но от Маскерано, Месси или славного Карлоса Тевеса это зависит не меньше, чем от толстяка-тренера, который любит пресс-конференции и свои кухонные шкафчики.

Неудачные попытки Марадоны найти работу после чемпионата мира — признак времени. Когда я пишу эти сроки, аргентинец пытается пробиться на английский рынок труда. В интервью телеканалу SkySportsон сказал: «Проблема в том, что во всех командах, которые мне нравятся, есть хороший тренер, но, если какая-нибудь вакансия освободится, я обязательно соглашусь».

Пятнадцать лет назад в футболе было принято считать, что великий игрок наверняка станет хорошим тренером. Одно его присутствие должно мотивировать подопечных превосходить самих себя. Именно поэтому в «Миддлсборо» Брайану Робсону дали все те деньги, которых он хотел, и объявили будущим тренером сборной Англии еще до того, как он успел открыть дверь своего офиса. По той же причине в 1999 году наставником английской сборной стал Киган.

Но сегодня футбол стал более профессиональным (как показывает приведенный ниже очерк о Майке Форде), и ни один клуб, находящийся в здравом уме, не пригласит на пост тренера Марадону.

Малкольм Эллисон

Октябрь 2010 года

Когда я вспоминаю Малькольма Эллисона, скончавшегося в прошлом году в возрасте восьмидесяти трех лет, передо мной возникают два очень разных образа.

Первый — Биг Мэл, экстраверт-гедонист, которого таблоиды и люди футбола считали большим оригиналом. Это его в 1976 году в отеле «Кристал Пэлэс» застали в бассейне вместе с порноактрисой, дочерью викария Фионой Ричмонд. Естественно, чтобы запечатлеть пикантный момент, под рукой оказались газетные фотографы.

Но ведь был и «Эллисон-мыслитель», который в конце 1950-х, сидя за столиком кафе Cassetari's, обсуждал тактику с товарищами по команде «Вэст Хэм Юнайтед», двигая по столу перечницы, обозначая позиции. Впоследствии некоторые из собеседников, вдохновленные примером Малкольма, также стали хорошими тренерами. Например, Бобби Мур привел сборную Англии к победе на чемпионате мира.

Да, Эллисон мог превратить английский футбол в интеллектуальную игру, но вместо этого превратился в Биг Мэла.

Будущий знаменитый тренер родился в Дартфорде, Кент, в 1927 году, в семье инженера-электрика. Он рос способным мальчиком, любил читать, однако специально провалил вступительные экзамены в среднюю школу, потому что там не было футбольной команды. После войны служил в британской армии, в оккупированной Вене. И здесь ощутил вкус континентального футбола, играя в местном клубе «Адмира Ваккер». В свободное время тайком пробирался на советскую сторону, понаблюдать за командой футболистов Красной Армии. Он отметил, как много времени ее игроки посвящают тренировкам с мячом, в то время как англичане в основном бегали кросс.

Вернувшись в свой клуб «Чарльтон Атлетик», он первым делом заявил тренеру, что его методы устарели. За что немедленно был продан в «Вэст Хэм», где вскоре, после дебюта в 1951 году, стал капитаном.

В те времена от футболистов ждали безоговорочного подчинения, но Эллисон зачастую проводил тренировки, помогал отбирать игроков. Он даже записался на курсы тренеров. Но постигая тонкости наставнической деятельности и одновременно

продолжая играть, он изучал, заимствовал методы и приемы континентальной игры.

Так, в 1953 году на «Уэмбли» венгерская команда разгромила сборную Англии со счетом 6:3. Эллисон обратил внимание на то, как венгры меняли позиции во время матча. И в дальнейшем больше отдавал предпочтение коротким пасам, а не бил, следуя английской традиции, на дальние расстояния. Короче говоря, он мыслил как тренер с континента за сорок лет до того, как европейцы стали завоевывать английские клубы. Личный стиль Эллисона тоже был континентальным: он любил итальянскую одежду и был единственным, кто играл тогда в коротких шортах.

В 1957 году спортсмен заболел туберкулезом. Ему удалили часть легкого и о карьере футболиста пришлось забыть. Вместо него центральным защитником «Вэст Хэма» стал семнадцатилетний Бобби Мур, но в каком-то смысле это был триумф Эллисона. В своей автобиографии Мур пишет: «Всему, что я умею, меня научил Малкольм… Он поддерживал меня, когда казалось, что больше никто в “Вэст Хэме” в меня не верит… Я с чистой совестью могу сказать, что любил его». Знаменитые пасы Бобби — результат советов от Эллисона: прежде чем принять мяч, следует знать, куда его передать.

Как и следовало ожидать, Малкольм стал тренером. Сначала в «Бат Сити», а затем в «Плимуте». Самый главный прорыв произошел 1965 году, когда Джо Мерсер, наставник «Манчестер Сити», пригласил его на должность своего ассистента. Между 1968 и 1970 годами клуб стал чемпионом лиги, выиграл кубок Футбольной ассоциации, кубок лиги и европейский кубок обладателей кубков.

«Сити» был в зените славы, как и Эллисон. Он тренировал команду, а более флегматичный Мерсер вел бизнес и выступал публичным «лицом». Малкольм, написавший книгу с провокационным названием «Футбол для интеллектуалов» (Soccer for Thinkers), опередил свое время в сфере физической подготовки, диеты и мотивации, а также в области тактики.

Колин Шиндлер, фанат «Сити» и автор книги «“Манчестер Юнайтед” разрушил мою жизнь»[52] (Manchester United Ruined My Life), описывает, как тот привез команду в Сэлфордский университет, чтобы игроки сдали анализ крови для проверки физической формы. «Для английского футбола образца 1971 года это был уникальный случай. Конечно, его подопечные считали это напрасной тратой времени», — пишет Шиндлер.

Но к тому периоду Эллисон начал свой медленный спуск по наклонной плоскости, занявший почти всю вторую половину его жизни. Во время чемпионата мира 1970 года он давал умные

комментарии по телевидению. Красивый, умеющий говорить и обожающий курить сигары перед камерой, он понравился зрителям. Женщины окружали его на улицах. Так он превратился в Биг Мэла.

«После рождения Биг Мэла Эллисон больше ничего не выиграл в английском футболе, — замечает его биограф Дэвид Тоссель. — Кажется, что это не просто совпадение».

В «Сити» Малкольм отвоевал должность главного наставника. Шиндлер пишет, что он оказался «блестящим тренером, но ужасным главным тренером». В 1974 году Эллисон оставил клуб ради «Кристалл Пэлэс» и с тех пор больше всего стал узнаваем по поступкам, никак не связанными с футболом. В Лондоне это были азартные игры, ночные клубы, шампанское и блондинки. Говорили, что среди его амурных побед числится Кристин Килер, бывшая модель, девушка по вызову, коварная соблазнительница из «дела Профьюмо».

Биг Мэл был шоуменом, он прославился своей фирменной дубленкой и фетровой шляпой. Хотя с таким же успехом мог выступить перед командой с голым торсом, а в бассейне с Ричмонд на нем было надето и того меньше. Он создал феномен 1970-х: «тренер как актер-гедонист». Газеты подстрекали его на новые выходки. В юности Эллисон был стрингером на Флит-стрит. Поэтому хорошо понимал, как устроены средства массовой информации, и регулярно скармливал журналистам цитаты и истории, иногда в сильном подпитии. Он мог публично пообещать «запустить футбол на Луну» или «напугать европейских коров». Или орать на арбитров.

Все это отвлекало от главного. Он стал менять работу за работой. После «Плимута» снова «Манчестер Сити». Потом «Миддлсборо», «Кувейт», турецкий «Галатасарай» и даже «Мемфис», из которого его уволили еще до первой игры. («Ты становишься тренером только тогда, когда тебя увольняют», — говаривал Биг Мэл).

Под влиянием недолгого американского опыта он посоветовал «Миддлсборо» перекрасить поле в оранжевый цвет. Позже, когда он подал на руководство клуба в суд за незаконное увольнение, оказалось, что за три месяца, которые он прожил в местном отеле, ему выставили счет в 3,5 тысячи фунтов за бренди, шампанское и сигары.

Малкольму удалось сделать «Спортинг» чемпионом португальской лиги, но по большей части там он паясничал без всякого присмотра. Подобно многим представителям английского футбола того периода, он пал жертвой алкоголя. Жены и подруги приходили и уходили. В итоге Малкольм остался в одиночестве, с

болезнью Альцгеймера, в крошечной комнатенке дома престарелых в Миддлсборо. Человек из Cassetari's и автор «Футбола для интеллектуалов» давно исчез.

Большая утрата для Эллисона и для всего английского футбола.

ЧАСТЬ III. ДРУГИЕ ЛЮДИ ФУТБОЛА

Энтони Мингелла

Апрель 1998 года

Когда в североафриканской пустыне Энтони Мингелла снимал «Английского пациента», ему еженедельно доставляли свежий номер газеты Portsmouth Football Mail. Обычно новости были плохими. «Быть болельщиком означает иногда признавать, что на твой клуб наложены злые чары. Проклятие может длиться годами», — говорит режиссер. В его случае — всю жизнь.

«Английский пациент» получил девять «Оскаров». А «Портсмут» находится на грани вылета во второй дивизион английского футбола. Все зависит от итога игры с «Ипсвичем». И Мингелла, его отец и сын оправляются на стадион «Фраттон Парк». Так мужская половина семьи поступает десятки лет.

Три загорелых джентльмена стоят среди одутловатых и неряшливых местных жителей. Мингелла вырос на близлежащем островке Уайт. Но его род происходит из Италии — несколько родственников режиссера были интернированы в Великобританию как вражеские союзники. Его отец, мороженщик, энергичный человек, уроженец Шотландии, об этом сожалеет.

С таким смешением кровей члены семьи Мингелла сами могли стать персонажами «Английского пациента», среди которых венгерский граф, сапер-сикх, медсестра — канадская француженка и «английская роза». Но для «Фраттон Парк» все это не имеет значения. Фильм необычайно красив: Тоскана и Сахара, Ральф Файнс и Кристин Скотт Томас. А почти все болельщики «Портсмута» — толстяки, и на улице страшный холод. Но Мингелла чувствует себя как дома: здесь он настоящий фанат, а не фальшивая знаменитость. Он протягивает мне сэндвич с ветчиной и горчицей, расписывая достоинства защитников своей команды. Энтони так счастлив, что напоминает Скотт Томас, лежащую в ванне с любимым, графом Алмаши:

— Когда ты бываешь счастлива? — спрашивает Алмаши.

— Сейчас, — отвечает она.

— А когда тебе бывает грустно?

— Сейчас.

— Что ты любишь?

— Футбольный клуб «Портсмут», — мог бы ответить Мингелла. Но его героиня говорит: «Воду. Твой почерк».

К сожалению, сразу после начала матча становится ясно: «Ипсвич» играет лучше. Через несколько минут защитник

«Портсмута» вынужден использовать грязный прием.

«Так тебе и надо!» — кричит оскароносный режиссер.

Я спрашиваю его об Алане Болле, новом тренере «Портсмута», прославившегося тем, что его команды умудряются играть очень жестко и при этом проигрывать.

«Я не хочу обсуждать свое отношение к нему, — говорит Мингелла. Может, он боится, что я притащу Болла на презентацию его нового фильма. — Разочарован ли я? Черт возьми! Я так хочу, чтобы они хорошо играли. Больше всего на свете». Он мечтает, чтобы команда нашла хорошего тренера с континента.

Я прошу рассказать о новом фильме, но тут Дэвид Джонсон из «Ипсвича» забивает гол. Энтони в отчаянии. Как сказал бы Алмаши: «Мои органы отказывают. Я просто кусок тоста».

Фанаты «Портсмута» начинают скандировать «Давай, Помпи!», и Мингелла к ним присоединяется. «Команда несколько десятков лет плохо играет, — говорит он, — но за нее болеют так, будто она — самая великая». Восемнадцать тысяч увлеченных зрителей. Режиссер, который работал драматургом до того, как уйти в кино, говорит, что театру есть чему поучиться у футбола. «Игра подразумевает активное общение со своими приверженцами. Но если ты пишешь пьесу, то никогда не знаешь, для кого».

Старинный гимн 1950-х годов не в силах разбудить ужасную команду «Портсмут». Мингелла передо мной извиняется.

— Я с удовольствием наблюдаю за «Ипсвичем», — отвечаю я.

— Вы говорите ужасные вещи.

Он вспоминает Терри Венейблса, бывшего тренера сборной Англии, также попавшего под влияние злых чар в качестве председателя правления «Портсмута»: «Мы так на него надеялись. Всегда кажется, что за углом стоит какой-то мессия, миллиардер-спаситель».

Его мечтательность кажется странной. Ведь только что он снял фильм, заработавший в прокате больше 200 миллионов фунтов. Неужели клуб никогда не просил у него помощи?

«Я бы хотел быть его директором, — размышляет Мингелла. — Но не думаю, что это что-нибудь изменило. Я не умею обращаться с деньгами».

Первый тайм заканчивается со счетом 1:0. «Ипсвич» проявил милосердие, но будущее кажется мрачным. Человек, сидящий на трибунах перед нами, открывает биографию Джорджа Оруэлла от Бернарда Крика.

Мы съедаем еще несколько сэндвичей. Мингелла рассказывает о новом проекте. Фильм называется «Талантливый

мистер Рипли» и повествует об американцах, живущих в Европе в 1950-х годах. В главных ролях Мэтт Деймон и Гвинет Пэлтроу. Препродакшен начинается через несколько дней в Италии. Кажется, подготовка к съемкам, по большей части, заключается в том, чтобы добыть билеты на чемпионат мира, который нынешним летом состоится во Франции.

Работа над «Английским пациентом» тоже проходила в сопровождении футбола. Во время монтажа картины в Калифорнии Мингелла иногда вставал в шесть утра и ехал в Сан-Франциско, чтобы посмотреть по спутниковому телевидению последние матчи Евро-96. Когда играла сборная Англии, он неистовствовал рядом с Майклом Ондатже, автором антитрайбалистского романа, по которому снят фильм.

Не хотелось ли снять фильм о футболе? «Мне нравится, что игра никак не связана с моей работой. Но она — прекрасная парадигма для описания моей деятельности».

«Футбол очень драматичен и при этом очень прост, — продолжает он. — Здесь существует единство времени, места и действия. По мнению Аристотеля, необходимые условия для драмы. Возможный исход предсказуем — в ходе матча редко забивают больше четырех-пяти мячей. Но игра почти всегда увлекает. Прекрасная модель для писателя. Я хочу, чтобы каждый фильм был так же увлекателен, как обычный матч».

Мы с Мингеллой и его сыном начинаем обсуждать нашу карьеру футболистов и обнаруживаем, что были правыми полузащитниками. «Английский пациент» лишил своего создателя шансов на футбольную славу — на съемках было повреждено колено. Но он надеется, что в один прекрасный день полностью оправится и вновь начнет играть. Он уверяет, что актер Даниель Дей-Льюис неплохой игрок. А по поводу Мэтта Деймона: «Мне кажется, больше всего в жизни он жалеет, что ему не хватает роста для игры в баскетбол».

Сейчас режиссеру остается только наблюдать за сыном, хотя он немного жалеет, что парень болеет за «Манчестер Юнайтед». Его сын говорит: «Я болею за “Юнайтед”, но мне больше нравится, когда выигрывает “Портсмут”, ведь это бывает так редко». Отцу приятно.

Во втором тайме «Портсмут» под руководством центр-форварда Джона Алоизи, австралийца итальянского происхождения, играет лучше. Позже Болл выпускает на поле Пола Холла, форварда с Ямайки. «Понять не могу, почему он не играл с самого начала», — ворчит Мингелла.

Он часто встречался с игроками? «Пару раз я поздоровался с Энди Оуфордом. А однажды участвовал в презентации вместе с

Полом Уолшем».

Вдруг, когда начинает казаться, что «Портсмут» вот-вот сравняет счет, Болл убирает с поля Алоизи. «Удивительное решение», — бормочет режиссер. Конечно, команда тут же сдувается.

Нападающий «Ипсвича» Бобби Петта, голландец, выходец из семьи индонезийских христиан, начинает терзать защиту соперников, и только скука и лень мешают забить еще пару мячей.

Матч заканчивается, «Портсмут» проиграл. Возникает призрак второго дивизиона. Все трое представителей семьи Мингелла виновато улыбаются. Старейшина клана целует сына, потом внука и уходит.

— Дедушка всегда делает вид, что ему все равно, — говорит сын.

— О, ему не все равно, — отвечает отец. — Просто он лучше нас умеет скрывать эмоции.

И объясняет, что «Портсмут» может удержаться в первом дивизионе, если его конкурент «Манчестер Сити» проиграет «Миддлсборо», и тогда… Но на самом деле он в отчаянии, словно арестованный Алмаши, любимая женщина которого умирает в пустыне.

«Холодает», — говорит Мингелла. Или, как сказал бы граф, «ты не можешь меня убить. Я умер много лет назад».

Мингелла умер в марте 2008 года, в пятьдесят восемь лет, после неудачной операции. За всю его жизнь «Портсмут» ни разу не завоевал ни одного титула. Через два месяца после его смерти он выиграл кубок Футбольной ассоциации.

Жак Херцог

Май 2005 года

Жак Херцог, худой, с бритой головой швейцарский архитектор, сидит в кожаном кресле и осматривает футбольный стадион Мюнхена, строительство которого только завершил.

В 2001 году он совместно с Пьером де Мюроном, его бизнес-партнером и другом еще по детскому садику в Базеле, получил премию Прицкера, эквивалент Нобелевской премии в архитектуре. Главным образом — за реконструкцию здания лондонской галереи «Тейт Модерн». В будущем году, когда мюнхенский «Альянц Арена» примет гостей чемпионата мира, стадион затмит «Тейт». К открытию площадки, названной именем известной страховой компании, приурочены товарищеские матчи. Но архитектору необходимо присутствовать на открытии выставки работ его компании.

Сегодня он впервые наблюдает свое творение в готовом виде. Херцог в желтой строительной каске, дождевике и кедах только что завершил его инспекцию. Каковы впечатления? Он вздыхает: «К сожалению, всегда замечаешь те мелочи, которые хотел сделать по-другому. Они бросаются в глаза. Но получилось неплохо, я думаю». Что можно было изменить? «Скажем, добавить немного цвета. Но люди и освещение — это тоже обязательные элементы атмосферы». Когда стадион заполнится, серые трибуны будут незаметны.

Немногие знаменитые архитекторы снисходили до стадионов, пока Херцог и де Мюрон не возвели спортивные комплексы в Мюнхене и Базеле для одноименного клуба, за который они болеют. Сейчас они строят Олимпийский стадион в Пекине, где будут проходить Олимпийские игры 2008 года. В 2006 году откроется обновленный «Уэмбли», который спроектировал Норманн Фостер. Это — его первое спортивное сооружение более чем за сорокалетнюю карьеру архитектора. Все перечисленное — признак новой эры: гигантские спортивные комплексы становятся главными зданиями городов. Так же как католические соборы в Средние века и оперные театры в недавнем прошлом.

Несколько месяцев назад, на реконструированной вилле в Базеле, Херцог размышлял о стадионах: «Сегодня они — новая тема, как когда-то музеи. Спорткомплексы долго оставались территорией более технически ориентированных людей. Ими

пренебрегали. Скудно финансировали. Часто спортивные сооружения возводились на деньги местных сообществ. Но если разобраться, эти площадки были плохо продуманы».

За последние сто лет, после множества ошибок, пока американцы все ближе подходили к пониманию идеальной площадки для бейсбола, европейцы определились с критериями совершенного футбольного стадиона. «Альянц Арена» — попытка Херцога создать таковой. Что-то удалось. Что-то нет. Но современные города так быстро меняются. В целом его проект — иллюстрация всей истории стадионов, насчитывающей около трех тысяч лет.

«Первый стадион, “Олимпия”, был возведен в Древней Греции в 776 году до нашей эры и просуществовал 1145 лет. Римский “Колизей” почти вдвое меньше, до VI века нашей эры. Затем люди почти полторы тысячи лет прекрасно обходились без них», — пишет Саймон Инглис, прекрасный знаток истории спортивных сооружений.

В викторианскую эпоху, когда появились современные командные виды спорта, стадионы вновь стали востребованы. В Англии они располагались на самой дешевой земле возле дома того или иного энтузиаста и походили на большие амбары. Почти все легендарные спортивные сооружения — «Олд Траффорд», «Энфилд», «Хайбери», «Айброкс», «Туикнем», «Крейвен Коттедж» — полностью или частично были созданы скромным архитектором из Глазго Арчибальдом Лейтчем. В 1939 году он умер и удостоился, кажется, единственного некролога: краткого упоминания Института инженеров-механиков (Institute of Mechanical Engineers), где не было ни слова о его творениях для спорта.

Следуя новой тенденции, которую американцы называют «возрождением стадионов», Инглис опубликовал книгу-биографию «Инженер Арчи: Арчибальд Лейтч, создатель футбольного поля» (Engineering Archie: Archibald Leitch — Football Ground Designer).

Инженер не утруждал себя тем, чтобы построить спортивные площадки, приятные для глаз. Его клиентов не интересовал внешний вид. Как пишет Инглис: «Их форма отражает то, что мог придумать приятель президента команды из “Ротари-клуба” при таком ограниченном бюджете». Херцог, возможно, никогда не слышавший о предшественнике, говорит: «Мои любимые стадионы — “Энфилд” или “Олд Траффорд”» — производят ужасное впечатление».

Но Лейтч создал то, что позже вдохновило Херцога: традиционный английский стадион. Обычно его окружали

ступенчатые улицы. Для экономии места трибуны начинались прямо от края поля. Дорожек для легкоатлетов не было, потому что зрителей не интересовала легкая атлетика. Крыша была простой и дешевой. Великие бейсбольные поля начала XX века, например бостонский «Фенвей Парк» и «Ригли Филд» в Чикаго, выглядели почти так же.

Сравнения между религией и футболом превратились в банальность, но европейские стадионы, несомненно, взяли на себя некоторые функции опустевших соборов. В XX веке граждане стали чаще собираться вместе именно на спортивных площадках: здесь они пели, плакали и чувствовали свою принадлежность к чему-то большему. «Английский стадион, — говорит Херцог, — был “гостиной религиозной общины”». Еще он стал местом гражданской гордости: во многих городах именно спортивные сооружения стали самыми большими и известными зданиями.

Но традиционные стадионы стали исчезать. Сначала в Штатах. К 1950-м годам почти в каждой американской семье была машина. Американцы стали переезжать в пригороды, и спортивные площадки последовали за ними, так как в старых городских районах не хватало места для парковки. У фанатов стало больше денег, им понадобились еда, туалеты и комфорт. Потребовались большие сооружения с паркингами недалеко от основных шоссе.

В 1988 году, как раз тогда, когда все думали, будто «городские стадионы» почти вымерли, американская бейсбольная команда низшей лиги построила в центре приходящего в упадок Буффало как раз такой. Белой кирпичной кладкой и арочными окнами «Пайлот Филд» дополнял окружающие старые здания. Места для зрителей начинались прямо у линии поля. Фанатам понравился «ретро-стадион», и они стали приходить сюда целыми компаниями.

Кстати, «Пайлот Филд» построила компания НОК. Те, кто не связан со спортом, о ней знают мало, но именно ее сотрудники спроектировали почти все современные бейсбольные стадионы, а также «Олимпийский стадион» в Сиднее, «Миллениум» в Кардиффе, будущую базу «Арсенала» и новый центральный корт Уимблдона.

«Пайлот-филд», который теперь называется «Данн-Тайер-парк», вдохновил бейсбольные команды низшей лиги всей страны возводить ретро-стадионы.

В 1992 году клуб «Балтимор Ориолес» из высшей лиги открыл «Камден Ярдс». Так началась новая мода. Сооружение, также спроектированное НОК, находится в центре города. Построено из красного кирпича и имеет ассиметричное поле с

настоящей травой. Перед сооружением стоит памятник местному уроженцу, легендарному Бейбу Руту. Его фанаты обожают «Камден Ярдс». С тех пор такие же ретро-площадки построили почти все команды высшей лиги.

В Европе ренессанс стадионов принял другую форму. В центрах европейских городов почти нет больших пустых территорий, где могли бы разместиться сооружения, подобные американским аналогам. В Мюнхене и по всей Европе новые стадионы располагаются за чертой города. Но и здесь архитекторы переняли опыт предшественников и учли в проектах беговые дорожки, из-за которых фанатам приходится сидеть далеко от поля, что нарушает атмосферу. Футбол и легкая атлетика не сочетаются.

Футбольные фанаты ходят на стадионы ради общих переживаний. Сооружения Лейтча этому способствовали. Он строил прекрасные футбольные площадки, главным образом потому, что фанаты сидели близко к полю. Его стиль вдохновил создателей «Альянц Арены».

«В каком-то смысле, это попытка вернуться к корням футбола, — говорит Херцог. — Возродить некоторые из его архаичных элементов. Шекспировский театр, возможно, именно он стал моделью для английского футбольного стадиона, это близость между актерами и толпой. Если вам удастся добиться подобной общности, архитектурой станут сами люди».

Он также замечает, что «“Альянц” слишком хорош для Германии»: «Я бы предпочел построить стадион для «Манчестер Юнайтед» или «Ливерпуля».

Мы сидим на самом верхнем ярусе, и Херцог указывает прямо вниз, на поле. Трибуны расположены настолько вертикально, насколько позволяют нормы строительства, и все 66 000 зрителей могут наблюдать за игрой с очень близкого расстояния. Беговых дорожек нет: они и не нужны, ведь футбол сегодня привлекает больше зрителей, чем любые другие виды спорта. Крыша простая и темная, она открывает всего небольшой просвет неба, и фанатам остается смотреть только на поле. Это традиционный «эмоциональный» футбольный стадион. «Ведьмин котел», как называют их немцы, в своем самом крайнем проявлении.

Это идеальное место для наблюдения за игрой. Но оно выглядит традиционным только для болельщиков. В катакомбах «Арены» кроются рестораны и лаунж-зоны, немыслимые во времена Лейтча. Некоторых болельщиков новшества раздражают, как, впрочем, и самого Херцога. Направляясь в бизнес-клуб, он указывает на потолок: «Он золотой или золотистый, как кредитная карточка Mastercard или что-то в этом роде».

Архитектор считает этот корпоративный глянец неизбежным злом. «Футбольные стадионы старого типа были местом встреч рабочего класса. Но здесь рабочего класса больше нет: публика совершенно иная. Теперь это нечто вроде современного оперного театра. Вы можете спросить, нравится ли мне название “Альянц Арена”. Нет, не нравится. Но что поделаешь. Здесь мы не можем следовать своим моральным принципам».

Но самая большая брешь в традициях, пробитая «Ареной», видна со стороны. Стадион расположен в пустынной местности, рядом с индустриальной зоной. Херцог нашел остроумный выход, позволяющий поддерживать связь с миром: во время матча огни стадиона повернуты вовне. Когда играет мюнхенская «Бавария», они будут красными, когда играет «Мюнхен 1860» — то синими, а когда сборная Германии — белыми. Но, в отличие от того, как это было в Базеле, в дни детства Херцога, крики болельщиков не будут слышны даже водителям, проезжающим мимо «Арены» по ближайшему шоссе.

«Альянц Арене» не хватает еще одного — деталей, благодаря которым, по мнению архитектора, фанаты могли бы чувствовать себя на стадионе как дома. «Стадиону не хватает местного колорита, — признает Херцог. — Отчасти из-за того, что он построен для трех разных команд. А еще потому, что их представители не утруждали себя переговорами с его компанией».

Он говорит: «Сегодня архитектура стала очень важна, но футбол до сих пор остается атрибутом гостиных всего мира, поэтому, чтобы подчеркнуть свою идентичность, футбольным командам не нужна архитектура».

Мы сидим в лаунж-зоне. На поле внизу материализуется знакомая фигура: Михаэль Баллак, величайший современный футболист Германии. Предполагается, что в следующем году он приведет немцев к победе на чемпионате мира. Сегодня он снимается в рекламном ролике. Херцог восклицает: «Здесь Баллак! Просто поразительно, как молодо он выглядит». Однако спортсмен вряд ли узнал пожилого джентльмена. Может, стадионы — это и новые соборы. Но их архитекторы пока не стали настолько известными, как новые футболисты.

Херцогу удалось построить не все задуманные стадионы. В 2008 году, посещая офис компании в Базеле, я познакомился с тремя блестящими молодыми людьми, проектировавшими «потрясающую площадку для “Портсмута” на берегу реки». Питер Стори, тогдашний исполнительный директор клуба, говорил: «Существует только один эпитет для описания этого стадиона.

Совершенство».

К сожалению, идеальный стадион еще не построен. В начале 2010 года, когда утонувший в долгах «Портсмут» вызвали в суд по ликвидации компаний, этот клуб стал новым символом расточительности не только английского футбола, но самой Британии.

Франц Беккенбауэр

Январь 2006 года

В Лиссабоне, стоя на крыше-террасе, Франц Беккенбауэр произносит тысячную речь в своей жизни. «Я полюбил Лиссабон еще до того, как сюда попал, — признается самый знаменитый немец мира со своим мягким баварским акцентом. — Потому что лет в двадцать прочитал всего Эриха Марию Ремарка. Некоторые книги даже по нескольку раз. И обожал “Ночь в Лиссабоне”».

Даже опытные слушатели Франца удивлены. Немногие из них читали книги Ремарка, кроме разве что «На западном фронте без перемен». А тем более по несколько раз. Тем не менее от Беккенбауэра ожидали хвалебной песни в честь Португалии. Кайзер очаровал еще одну аудиторию.

Каждый год — это год Беккенбауэра. Но 2006 год стал особенным. Человек, несколько раз выигравший чемпионат мира, сначала как футболист, потом как тренер, а затем как участник кампании в поддержку ФРГ, теперь организует этот турнир.

Беккенбауэр — феникс, восставший из пепла нацистской Германии. Он был зачат в самую мрачную немецкую зиму и родился в разбомбленном Мюнхене в сентябре 1945 года, в «час ноль» для страны. Его отец — почтовый служащий. Беккенбауэры жили бедно. И Франц работал страховым агентом, пока не подписал полупрофессиональный контракт с мюнхенской «Баварией», которая была тогда небольшим местным клубом.

Он стал либеро, свободным защитником, и уникальным игроком. Футбол страны, все еще следовавший нацистской этике, порождал спортсменов вроде Кампфера или бойцов, из которых состояла сборная Германии, выигравшая Кубок мира на грязном поле Берна в 1954 году. Но Беккенбауэр бегал с прямой спиной, подняв голову, и настолько элегантно, что у него редко отбирали мяч: это казалось чем-то вроде оскорбления королевской персоны.

Вне поля он был воплощением Федеративной Республики Германии, страны молодой, амбициозной, ориентированной на деньги. Беккенбауэр никогда не был ни хиппи, ни левым. Буржуа от природы. В очень юном возрасте женился на элегантной блондинке, купил в кредит половину особняка и стал брать уроки ораторского искусства. Он всегда старался быть поближе к власти: к правому христианско-социальному союзу Баварии, ко всем ведущим компаниям и телеканалам Германии и к главному

таблоиду страны — Bild-Zeitung.

При этом всегда отличался обаянием: приятная внешность, легкость в общении. Я спросил одного из его товарищей по немецкой сборной, в 1974 году выигравшей чемпионат мира, был ли Кайзер сложным человеком. И он ответил: «Нет! Очень приятный парень. Если вы хоть раз с ним пообщаетесь, то при следующей встрече он вспомнит все, что вы ему сказали, дружески обнимет и спросит, как дела».

Когда футбол стал коммерциализироваться, Беккенбауэр участвовал в процессе с самого начала: уже в середине 1960-х рекламировал суп по телевидению. Затем последовало четыре десятилетия рекламных постеров для различных немецких компаний. Он представлял почти каждую корпорацию и теперь стал лицом практически всей немецкой промышленности. Бывший товарищ по команде забавно пародирует Франца: компании бросают ему банкноты, а он клюет их, как утка: «О! Миллион! Еще миллион!»

Первый апофеоз карьеры произошел в 1974 году, когда ФРГ в последний раз принимала чемпионат мира. Его команда стартовала неудачно, проиграв важный матч Восточной Германии. Тренер Хельмут Шён ударился в панику и вместо себя отправил на пресс-конференцию капитана команды. Тот сказал журналистам, что начиная с этого момента сборная будет играть в более реалистичный футбол. Нескольких игроков убрали, возможно, тут не обошлось без его советов — и скоро Беккенбауэр держал над головой кубок мира в родном городе. Его победная улыбка стала одним из самых славных образов страны.

Во время того чемпионата он стал родоначальником одной из традиций немецкой сборной: перед каждым матчем в раздевалке давать клятву верности отечеству. Он не думал, что это мотивирует игроков-мультимиллионеров. И не боялся раздувать немецкий патриотизм: кажется, Беккенбауэр не утруждает себя размышлениями о нацистском прошлом страны. Оно его просто не интересует. Собственная дата рождения освободила его от грехов государства. И нет смысла оглядываться назад. В 1998 году, призывая провести чемпионат мира 2006 года в Германии, он сказал: «По всему миру люди до сих пор смотрят старые фильмы о том, что случилось сорок, пятьдесят лет назад. Они искажают образ страны… Кубок мира позволит нам на целых пять недель открыть миру настоящую Германию».

После 1974 года его карьера игрока шла весьма гладко, всего с одним исключением: в 1977 году выяснилось, что он заплатил не все налоги. Разбитый, после очередного неудачного брака, он улетел в Нью-Йорк и подписал контракт с «Космосом». Здесь

научился пристойно говорить по-английски, что способствовало последующей международной карьере.

В 1982 году Франц закончил карьеру футболиста. Два года спустя был назначен тренером сборной Германии. Ему предстояло спасти угасающий немецкий футбол. В 1986 году в Мексике он вывел команду в финал чемпионата мира. Она демонстрировала незамысловатую «боевую» игру, и во время матчей глаз притягивала в основном элегантная фигура Беккенбауэра, стоявшего рядом со своей скамейкой с таким самообладанием, что можно было не заметить даже его удивительных клетчатых брюк.

Всегда — и тогда, и сейчас — он старался дистанцироваться от недостатков немецкого футбола. За несколько дней до того финала в разговоре с друзьями произнес вслух имена некоторых игроков своей команды и грубо рассмеялся. «Что здесь смешного?» — спросили его. «Только подумайте, — ответил Кайзер, — через несколько дней эти ребята могут стать чемпионами мира!» Однако сборная Германии проиграла аргентинцам. «И это хорошо. Наша победа стала бы поражением для всего мирового футбола», — позже написал Беккенбауэр.

В 1990 году его сборная все же завоевала кубок мира, хотя особой красоты в игре снова не было. Как тренер Беккенбауэр всегда создавал «реалистичный футбол», а не ту красивую игру, в которую играл сам. В тот вечер в Риме, пока его игроки праздновали победу, Беккенбауэр в одиночестве бродил по футбольному полю с золотой медалью на шее и озирался, словно человек, выгуливающий собаку. Позже он сказал, что прощался с футболом.

Это было не просто Auf Wiedersehen: до свидания. Скоро произошла его третья реинкарнация в виде политика игры. Среди бывших великих людей футбола он один рожден для этой роли. Беккенбауэр — не забияка, как Йохан Кройф. Не тупица, как Бобби Чарльтон. Не алкоголик, как Джордж Бест. Не бывший наркоман, как Диего Марадона. Не слабак, как Мишель Платини. И не говорящая игрушка, как Пеле. Его полюбили во всем мире, несмотря на то что он немец.

Дома ему уже не приходится «дружить» с властью. Это она добивается общения с ним. К Кайзеру пытается примазаться каждый политик. Когда Беккенбауэр зачастил в канцелярию к своему бывшему фанату Герхарду Шрёдеру, где они откупоривали очередную бутылочку красного вина, всем было ясно, кому встреча нужна больше. Тогда федеральный канцлер пытался продавить обширную налоговую реформу, и немецкий комик Харальд Шмидт пошутил: «А вот и главный сюрприз: без помощи

Франца Беккенбауэра!»

Кажется, ничто не может повредить имиджу Беккенбауэра в Германии: ни его постоянные противоречивые заявления, ни разрыв с очередной блондинкой. Его бывший товарищ по команде сказал: «Что до Франца, его самый главный талант — это…» И показал на свою ширинку. «Но он делает счастливыми всех своих женщин! Они уходят от него с деньгами».

Беккенбауэр со своей обезоруживающей способностью посмеяться над собой легко признает ошибки, и публика всегда его прощает. В стране, утомленной нестабильностью, он является воплощением обнадеживающего постоянства. ФРГ не может похвастаться особыми успехами ни в футболе, ни в чем-то другом, но улыбающийся Кайзер остается символом Германии, которая побеждает.

Его улыбка исчезает, когда его критикуют. Тогда ее сменяет вспышка гнева. На прошлой неделе он вышел из себя после заявления немецкой группы по защите прав потребителей, будто некоторые стадионы, где пройдет чемпионат мира, угрожают жизни и здоровью болельщиков. Конечно, Беккенбауэр моментально дал интервью газете Bild, представляющей его на этой земле. И, находясь в Кейптауне, заявил, что «защитникам» следует ограничиться «кремами для лица, оливковым маслом и пылесосами».

Обычно его критикуют левые интеллектуалы, каких в Германии много. Франц читает книги, но презирает интеллектуалов. Они его тоже. По их мнению, он слишком богат, алчен, придерживается правых взглядов, никогда не оправдывается и «торгует лицом». К тому же он баварец.

Недавно злопыхатели взялись за него всерьез. Данни Кон-Бендит, Красный Данни, идейный вдохновитель студенческих революций 1968 года, основал Allianz gegen Franz, «Альянс против Франца». Его задача — помешать Беккенбауэру стать президентом Объединенной европейской футбольной ассоциации, УЕФА. Его аргументы заключаются в том, что Кайзер, занимающий пост главы мюнхенской «Баварии», сделает все, чтобы облегчить жизнь «большим клубам».

Возможно, он так и поступил бы. Возможно, так и поступит. Если в следующем году выдвинет свою кандидатуру на этот пост, то наверняка выиграет. Он всегда выигрывает. Он единственный официальный представитель футбола, которого любит европейская публика, и обладает почти беспрецедентным влиянием в этой игре. Если будет продолжать в том же духе, давнее прозвище Кайзер может обрести новый смысл.

Майк Форд

Ноябрь 2009 года

Для этого потребовалось слишком много времени, но английские футбольные клубы наконец начинают учиться у американцев. Майк Форд, директор по эффективности «Челси», часто бывает в Штатах. «Когда я впервые посетил “Ред Сокс” [он говорит о бейсбольной команде из Бостона], то просидел восемь часов в комнате, где вместо окон были флип-чарты. Я вышел и сказал: “Ого! Это один из самых лучших разговоров о спорте в моей жизни. Причем парни даже не подозревают, кто такие Бекхэм или Роналду”. При этом они не сказали: “Что вы здесь делаете? Вы ничего не знаете о нашем виде спорта”. Ничего подобного. Они интересовались: “Как выбираете игроков? Какую информацию используете? Как решаете аналогичные нашим проблемы?”»

Форд в возбуждении наклоняется вперед, сидя в удобном кресле клуба здоровья «Челси». Он говорит о статистической революции, происходящей сейчас в американском спорте. Ее манифестом стала книга Майкла Льюиса «Деньгобол»[53] (Moneyball). Незадолго до выхода монографии Льюис заявил: «Вирус, поразивший профессиональный бейсбол в 1990-х годах, — а именно, применение статистики для поиска новых и более совершенных методов оценки игроков и стратегий, — просочился во все ведущие виды спорта». В футболе его переносчиком стал Форд.

До «Челси» он работал в «Болтон Вандерерс». Выглядит как настоящий человек футбола: элегантный, седеющий джентльмен с региональным акцентом. Этот имидж помогает ему общаться с узколобыми тренерами, не доверяющими воображаемым цифрам, которыми оперируют плохо одетые статистики. «Если даже самого лучшего специалиста оставить в компании традиционного футбольного наставника, ничего хорошего не получится».

Он изучал психологию в Сан-Диего. И этот ранний американский опыт оказался определяющим. Форд часто навещает Билли Бина, главного героя «Деньгобола», старшего тренера бейсбольной команды «Окленд Эс» и фаната футбола. Тот жадно интересуется последними событиями английского футбола. «Баскетбол нас опережает», — признает Форд. Но, по его словам, в самых больших британских клубах есть люди, которые занимаются тем же, чем и он. «Возможно, как нация, мы больше

открыты американскому опыту, чем, скажем, французы или итальянцы. Поэтому быстрее перенимаем идеи “Деньгобола”».

Клубы начали перенимать эти мысли лет десять назад, когда стали покупать данные о количестве пасов, отборе мяча и о том, сколько километров пробежал за матч каждый игрок. Форд помнит ранний период охоты за цифрами. «Существует ли корреляция между общим количеством километров и победой? Всегда оказывалось, что нет».

Но люди из сборной Англии по регби сказали Форду, что выигрывает та команда, у которой чаще находится мяч. Однако для футбола правило действует не всегда. «Если вы держите мяч 55% времени, то шансы на победу меньше, чем если он принадлежит вам в течение 35%».

Такие данные помогают оценивать игроков. «Как бы там ни было, — утверждает Форд, — почти все элитные клубы тратят около 70% доходов на 2,5% сотрудников. На самом деле все, что у нас есть, — это таланты».

Клубы постоянно покупают не тех игроков. И задача Форда — «управлять рисками», уменьшить неопределенность. Например, он изучает информацию о всей карьере игрока, чтобы не попасть в стандартную ловушку: подписать контракт с футболистом, находящимся на пике формы. «Идеальное состояние, — объясняет Форд, — длится минимальное время. Спортсмен думает, что для него оно обычно. Что неверно. Моя задача — увидеть, какова его обычная “норма”».

Для оценки требуются данные не о лучших достижениях. Если форвард перерос французскую или голландскую лиги, следует спрогнозировать, какими будут результаты в английской Премьер-лиге, где более жесткие требования. Форд говорит: «Мы создали собственный алгоритм. Во Франции парень забивает пятнадцать голов, значит, в Англии он забьет десять». Труднее найти критерии для защитников. «Как он отбирает мяч? Например, Паоло Мальдини проводит один эпизод отбора мяча в каждой второй игре».

Священный Грааль — это ключ к победе. «Я не думаю, что нам удалось его найти, — признает Форд. Но добавляет: — Если проанализировать игры Премьер-лиги за последние десять лет, то окажется, что существует более выраженная корреляция между непропущенными мячами и тем, на каком месте команда заканчивает сезон, чем между числом забитых мячей и положением команды в конце сезона». Билли Бин мог бы им гордиться.

Осенью 2010 года друзья Форда из «Бостон Ред Сокс» купили

футбольный клуб «Ливерпуль». «Деньгобол» начинает захватывать английский футбол, отчасти благодаря самому Бину, который часто общается с новыми владельцами команды. Но в Англии экспансию все еще возглавляет Форд.

Игнасио Паласиос-Хуэрта

Июнь 2010 года

Если в пятницу в матче против Ганы Диего Форлану из сборной Уругвая придется бить пенальти, мы предвидим, куда полетит мяч: в противоположный угол по сравнению с его предыдущим одиннадцатиметровым. У Форлана есть паттерн: один раз он бьет прямо на вратаря, второй — влево, потом — вправо и так далее. Он пытается отправлять мяч в ворота в случайной последовательности, но у него не получается. И есть человек, который заметил это первым.

Игнасио Паласиос-Хуэрта, профессор Лондонской школы экономики, смотрит чемпионат мира у себя дома, в Стране Басков, в перерывах меняя памперсы ребенку. Когда-то он был профессиональным футболистом и играл в третьем дивизионе испанской лиги. Затем стал изучать пенальти как практические примеры теории игр. С 1995 года он проанализировал более девяти тысяч пенальти. И знает об игроках, бьющих одиннадцатиметровые, больше, чем все команды, участвующие в чемпионате. Их невежество его поражает: «Мне-то нечего терять. А для них на карту поставлена честь целой страны».

Тренеры и футболисты больше не считают, что обмен пенальти — «лотерея». Но методы планирования остаются допотопными. Немцы, например, с почтением относятся к табличке, которую засунул в свой носок их вратарь Йенс Леманн во время победного обмена пенальти со сборной Аргентины на последнем чемпионате мира. Текст, нацарапанный на листке из гостиничного блокнота, прост. Это перечень семерых игроков сборной Аргентины, которые обычно бьют штрафные, и угол ворот, куда они чаще направляют мячи. Например, «Месси — влево».

Паласиос-Хуэрта замечает, что ни у одного из мастеров пенальти нет устойчивого пристрастия к тому или иному углу удара. «Лионель Месси, — говорит он, — бьет в случайном порядке, почти идеальном. Он может передумать в самый последний момент и ударить в другой угол». Иногда аргентинец ждет, пока вратарь немного перенесет вес на ту или другую ногу, а потом отправляет мяч в противоположную сторону.

Может, через четыре года некоторые команды будут применять более изощренные методы, чем табличка Леманна. Одна сборная, дошедшая до четвертьфинала текущего

чемпионата, смонтировала часовой фильм, запечатлевший пенальти соперников, и создала из них целую базу данных. Поэтому тренер сборной Англии Фабио Капелло поступил весьма опрометчиво, до игры с Германией объявив имена игроков, которые будут бить штрафные. Противники воспользовались заявлением, чтобы подготовиться.

Но Паласиос-Хуэрта считает, что сегодня, возможно, даже самые умные команды только пытаются вычислить, кто в какой угол чаще всего бьет: «Я был бы очень, очень удивлен, если бы проводились какие-то статистические оценки». Он сам проводит два статистических теста. Первый: является ли стратегия того или иного игрока действительно случайной? Если да, то направление его следующего удара — вправо от вратаря, в центр или влево — невозможно предугадать на основании предыдущих ударов. Игрок, бьющий в случайном порядке, это человек, играющий в «орлянку»: на основании ранее полученных результатов нельзя предугадать, какой стороной выпадет монета.

Но в реальной жизни сложно придерживаться случайной стратегии. Чаще всего люди следуют тем или иным паттернам, и Паласиос-Хуэрта приходит в восторг, если удается выявить, каким именно. Например, Гонсало Игуаин из сборной Аргентины слишком часто бьет вправо. А вратарь, перед которым может оказаться Игуаин в субботу, немец Мануэль Нойер, тоже следует определенному порядку. Чаще всего он ныряет в угол, противоположный предыдущему удару: сначала вправо, потом влево, снова вправо и так далее.

Следующий тест. Паласио-Хуэрта выявляет, насколько успешна каждая стратегия игрока, бьющего пенальти. У него могут быть одинаково высокие результаты, когда он направляет мяч вправо, в центр или влево. Но аргентинец Серхио Агуэро и немец Мирослав Клозе, например, чаще попадают в ворота, если бьют вправо от вратаря. Конечно, в субботу это может заставить их обоих снова ударить вправо.

Паласиосу-Хуэрта редко удается найти игрока с асимметричной стратегией. Именно таков Фрэнк Лэмпард из английской сборной. Уже много лет ему удавалось придерживаться почти идеальной случайной стратегии. Но в этом сезоне, отмечает профессор, «он тринадцать раз из пятнадцати ударил вправо от вратаря, а два других удара произошли в одной и той же игре, когда ему пришлось три раза повторять попытку пенальти».

Так что неудивительно, что в последнее время у Лэмпарда появилась привычка к неудачным пенальти. Вратари его вычисляют. Например, Дэвид Джеймс из «Портсмута» правильно

выбрал угол, когда тот выполнял одиннадцатиметровый в финале Кубка Футбольной ассоциации. Возможно, не без помощи Паласиоса-Хуэрта, который перед игрой отправил «Портсмуту» короткий отчет. Да, Кевин-Принс Боатенг неудачно пробил пенальти, но при этом он проигнорировал совет испанца бить влево от вратаря Петра Чеха.

Но паттерны игроков не самый важный вопрос. Ключевой момент в любой «перестрелке» возникает еще до ее начала. Арбитр подбрасывает монетку, и капитан, который угадывает, какой стороной она выпала, решает, будет ли его команда бить первой. «Всегда бейте первыми, — советует профессор. — Такая команда выигрывает в 60% случаев». Например, в четверг команда Японии потерпела поражение в тот момент, когда капитан сборной Парагвая Хусто Виллар угадал, какой стороной выпала монета, и решил, что его команда будет бить первой. Как и следовало ожидать, южноамериканцы победили.

«Мало кто знает о начальном преимуществе, — продолжает Паласиос-Хуэрта. — Телекомментаторы редко даже упоминают о выборе очередности. Букмекеры не меняют ставки после того, как он сделан, — ошибка, которой могли бы воспользоваться любители тотализатора». На Евро-2008 исход чемпионата, возможно, определил капитан сборной Италии Джанлуиджи Буффон, угадавший сторону монетки в матче с Испанией, но отдавший право первого удара соперникам. Те, конечно, выиграли по пенальти — что не слишком обрадовало профессора — и стали чемпионами Европы.

Невежество в сфере штрафных может определить исход и нынешнего чемпионата. Паласиос-Хуэрта вздыхает: «Я думаю, сейчас в футболе никто не проводит серьезный анализ данных, но скоро ситуация изменится. Возможно, лет через десять все будет совсем по-другому».

Небольшая самореклама: недавно я участвовал в создании компании Soccernomics, которая занимается консалтингом в сфере футбола. Игнасио стал нашим экспертом по пенальти. Первый свой заказ (бесплатный) он получил на нынешнем чемпионате мира. Сначала мы предложили сборной Англии анализ одиннадцатиметровых от игроков сборной Германии. Как ни странно, в матче этих двух команд до пенальти не дошло.

Когда сборная Голландии добралась до финала, я написал электронное письмо официальному представителю команды, с которым был едва знаком. И объяснил, чем мы можем быть полезны.

Его заинтересовало предложение. Игнасио приступил к ночным

бдениям и закончил отчет в субботу утром, накануне финала. Мы отправили его голландцам. В воскресенье — день матча — получили ответ: «Это прекрасный отчет, мы знаем, как его использовать».

На «Соккер Сити», когда в дополнительное время счет оставался равным, я перечитывал наше предложение на своем ноутбуке в перерыве между желтыми карточками, которые то и дело получали голландцы. Оказалось, что к концу матча у испанцев остался только один игрок, имеющий опыт пенальти: Фернандо Торрес. Двух главных мастеров, Давида Вилью и Хаби Алонсо, заменили. Должно быть, испанцы с тревогой ждали возможной «перестрелки».

Я внимательно изучил данные на Торреса. У него есть некоторая тенденция бить влево от вратаря, но, что важно, 76% ударов — «низкие». Иногда он бьет «на средней высоте», но никогда высоко. Очевидно, в поединке с ним вратарю голландцев нужно быстро «нырять» вниз.

Единственный испанский игрок, который пробил целых пять пенальти, — Сеск Фабрегас. О нем говорится: «Демонстрирует выраженную тенденцию бить влево [от вратаря]. Просматривая видеозаписи, мы пришли к выводу, что ему сложно бить вправо».

Ни один другой испанец, находящийся на поле, не имел особого опыта в пенальти. Но сам этот факт тоже можно использовать. По данным Игнасио, игроки, которые редко бьют штрафные, 70% ударов совершают в «естественную» для себя сторону: правши — вправо от вратаря, а левши — влево.

Что до вратаря сборной Испании Икера Касильяса, из пятьдесят девяти его пенальти, которые мы проанализировали, ему лучше удавалось брать мячи в одном углу, чем в другом. В поединке с ним игроки гораздо чаще забивали, когда использовали «неестественный» для себя угол.

Сидя на трибунах, я постепенно увлекся игрой. Возможно, мне удастся помочь сборной Голландии выиграть чемпионат мира. Или проиграть… А потом, за пять минут до возможного обмена пенальти, Иньеста забил гол.

notes

Примечания

1

Hopcraft Arthur, The Football Man (Collins, 1968).

2

Гладуэлл М. Гении и аутсайдеры: Почему одним все, а другим ничего? — М.: Альпина Паблишерз, 2009.

3

Jamie Carragher, Carra: My Autobiography (Corgi, 2009).

4

Nico Scheepmaker, Cruijff, Hendrik Johannes, fenomeen 1947–1984 (Van Holkema & Warendorf, 1984).

5

Фарвей — часть гольфового поля до лунок. — Прим. пер.

6

Блупер — ошибки и промахи, которые снимают на видео во время игры, а затем выпускают в эфир или размещают в Интернете. — Прим. пер.

7

29 мая 1985 года во время финала Кубка европейских чемпионов между итальянским «Ювентусом» и английским «Ливерпулем», проходившего на брюссельском стадионе «Эйзель», в результате беспорядков на трибунах погибли 39 болельщиков. Еще до начала игры между итальянскими тифози и английскими фанатами произошло столкновение, переросшее в кровавую трагедию. 15 апреля 1989 года на стадионе «Хиллсборо» в Шеффилде во время полуфинального матча Кубка Англии по футболу между клубами «Ноттингем Форест» и «Ливерпуль» произошла давка. В результате погибло 96 болельщиков клуба «Ливерпуль», а 766 человек получили ранения. — Прим. пер.

8

Дэннис Родман (Dennis Rodman) — американский баскетболист, игрок НБА, киноактер. — Прим. ред.

9

Dennis Rodman, Tim Keown, Bad as I Wanna Be (Dell Publishing, 1997).

10

Маркс, братья (Marx Brothers) — квинтет американских киноактеров-эксцентриков.

11

Креатин — вещество, участвующее в ресинтезе энергетических запасов организма (ATP), вызывающее значительное увеличение энергии, силы и выносливости. Часто входит в состав продуктов для спортивного питания. — Прим. пер.

12

Рембрандт Харменс ван Рейн (Rembrandt Harmenszoon van Rijn) — нидерландский художник, рисовальщик, гравер, крупнейший представитель золотого века голландской живописи. — Прим. ред.

13

Бенедикт Спиноза (лат. Benedictus de Spinoza) — нидерландский философ-материалист, один из главных представителей философии Нового времени. В 1660 году из-за преследований Амстердамской синагоги был вынужден покинуть Амстердам.

14

Вуди Аллен (Woody Allen; урожд. Аллен Стюарт Конигсберг, Allen Stewart Konigsberg) — американский актер, кинорежиссер, продюсер, писатель, драматург. — Прим. ред.

15

Осси и весси — жители Восточной (осси) и Западной (весси) Германии. — Прим. ред.

16

Нырок (dive, англ.) — намеренное игрока в штрафной площади противника с целью добиться одиннадцатиметрового. — Прим. пер.

17

Братья Шумахеры — Михаэль и Ральф — немецкие спортсмены, известные автогонщики в классе «Формула-1». — Прим. ред.

Bellos, Alex (2002). Futebol: The Brazilian Way of Life. London: Bloomsbury Publishing PLC.

Potter, Stephen (1948). The theory & practice of gamesmanship: or, The art of winning games without actually cheating. New York: H. Holt.

20

Walking in a Bergkamp Wonderland — знаменитая песня болельщиков «Арсенала», посвященная Бергкапму. — Прим. пер.

21

David Winner, Brilliant Orange: The Neurotic Genius of Dutch Football (Overlook Press, 2002).

22

Ян Вермеер (Вермеер Дельфтский, 1632–1675) — нидерландский художник, мастер бытовой живописи и жанрового портрета. Один из величайших живописцев золотого века голландского искусства. — Прим. ред.

23

Zwartkruis, S. Clarence Seedorf — De Biografie (Houtekiet, 2003).

24

Марианна — символ Франции. Скульптурные изображения в виде молодой женщины во фригийском колпаке являются обязательным атрибутом учреждений органов власти и т.п. Ее профиль размещен на государственной печати; она изображена на французских стандартных почтовых марках, до введения евро — на французских монетах, в настоящее время — на евроцентах (1, 2, 5) французской чеканки. — Прим. ред.

25

Spitting Image — британское телевизионное шоу, прообраз известной российской телепередачи «Куклы». — Прим. пер.

Vialli Gianluca, Gabriele Marcotti, The Italian Job (Transworld Publishers Limited, 2006).

27

Прием, используемый во время тренировок: устанавливают сетку (около 1 м), и через нее ногой игроки перебрасывают мяч — по типу большого тенниса.

28

Руперт Чоунер Брук — английский поэт, известный своими идеалистическими военными сонетами, написанными в период Первой мировой войны. — Прим. пер.

Didier Drogba, C'etait pas gagne (Editions Prolongations, 2008).

Philippe Auclair, Cantona: The Rebel Who Would Be King (Macmillan, 2009).

31

«Моя прекрасная леди» — мюзикл Фредерика Лоу, созданный по мотивам пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион». — Прим. ред.

32

Газза — спортивное прозвище, которое получил футболист Пол Джон Гаскойн (Paul John Gascoigne). — Прим. ред.

Wilson Jonathan, The Anatomy of England: A History in Ten Matches (Orion, 2010).

34

На гербе Англии изображены три леопарда на красном фоне. — Прим. пер.

Lampard Frank, Totally Frank (HarperSport Published, 2006).

Jamie Carragher, Carra: My Autobiography (Corgi, 2009).

37

Ashley Cole, My Defence: Winning, Losing, Scandals and the Drama of Germany 2006 (Headline, 2006).

38

Steven Gerrard, Gerrard: My Autobiography (Bantam Books, 2007).

39

Frank Lampard, Totally Frank (HarperSport, 2006)

40

Wayne Rooney with Hunter Davies, My Story So Far (HarperSport, 2006).

41

Уильям Уордсворт — выдающийся поэт и основатель английского романтизма — Прим. ред..

42

Гарри Реднапп — английский футболист и известный тренер. — Прим. ред.

43

Джейми Реднапп — в прошлом знаменитый английский футболист, полузащитник, на протяжении нескольких лет капитан «Ливерпуля». Ныне — спортивный комментатор, эксперт. — Прим. ред.

Для краткости британские таблоиды называют аббревиатурой WAG (wives and girls) жен и подруг футболистов. — Прим. пер.

45

Роналду активно убеждал арбитра показать англичанину красную карточку. Что и было сделано. — Прим. ред.

«От социального обеспечения к труду» — государственная программа по оказанию помощи малоимущим, основанная на содействии постепенному переходу от государственного социального обеспечения к самостоятельной трудовой деятельности, способной обеспечить работника и его семью (например, организация курсов профессиональной переподготовки, оказание услуг по поиску работы и др.); управляется Министерством труда США. — Прим. пер.

Редъярд Киплинг. «Заповедь» — Прим. пер.

Hoddle Glenn, Davies David, Glenn Hoddle: My 1998 World Cup Story, (Andre Deutsch, 1999).

James Montague, When Friday Comes, (Mainstream Publishing, 2011).

50

Песню в фильме исполняет легендарный испанский музыкант Ману Чао, известный левыми политическими взглядами. — Прим. пер.

Купер С. Футболономика (М.: Альпина Паблишер, 2011).

Shindler Colin, Manchester United Ruined My Life, (Ashgate Publishing, 1999).

53

Guterson David, Moneyball, (Champion International Corp., 1995)